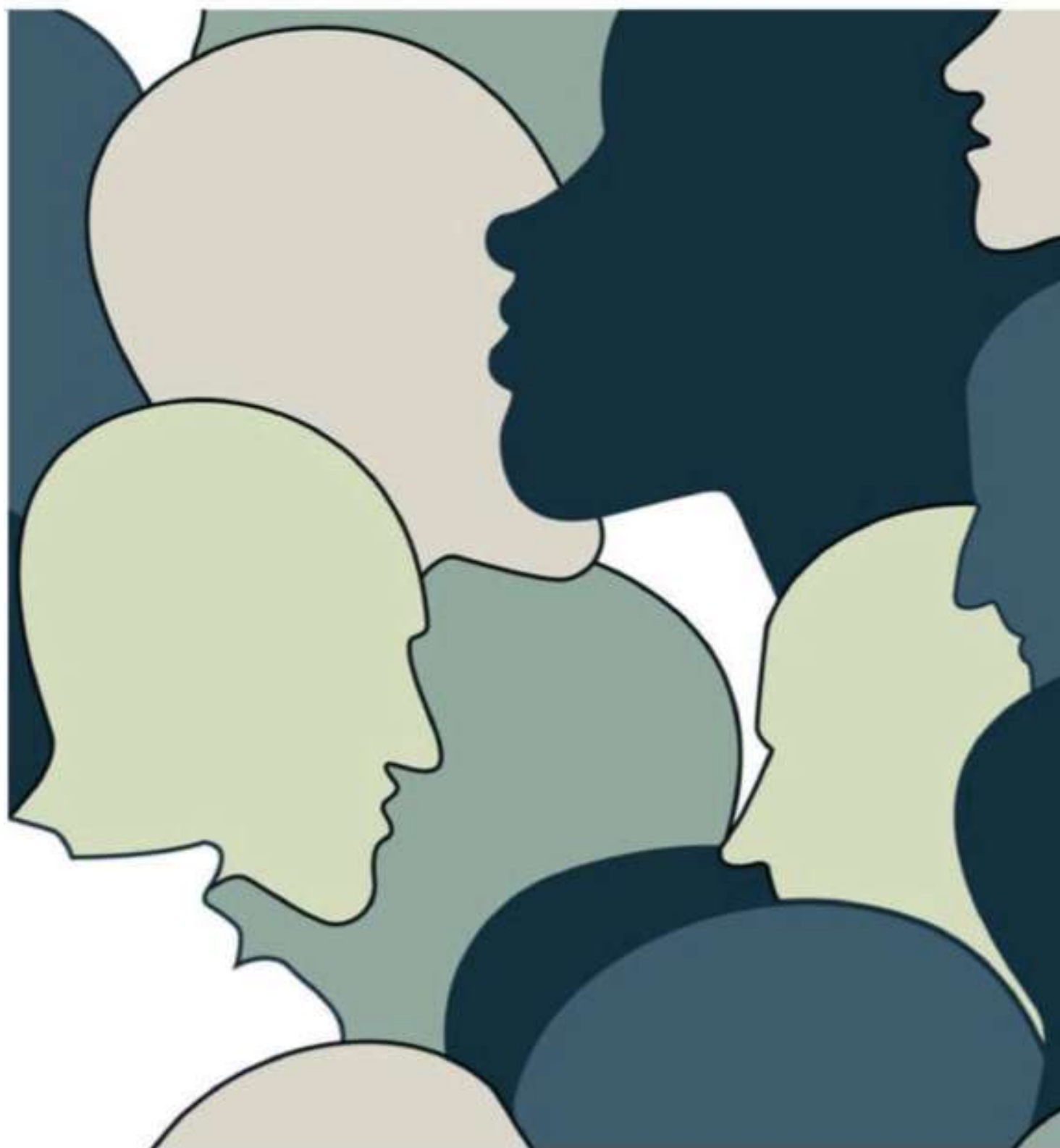

Кошкарлова Наталья Николаевна

**КОНФЛИКТНЫЙ И КООПЕРАТИВНЫЙ
ТИПЫ ДИСКУРСА
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

Кошкарлова Наталья Николаевна

**КОНФЛИКТНЫЙ И КООПЕРАТИВНЫЙ
ТИПЫ ДИСКУРСА
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Челябинск
2021

УДК 80 + 81
ББК Ш115 + Ш100.42
К76

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингвистика и перевод» Южно-Уральского государственного университета **Солопова О.А.**

доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета **Чудинов А.П.**

Кошкарова, Н.Н.

К76 Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве : монография / Н.Н. Кошкарова. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. – 360 с.
ISBN 978-5-93162-537-9

Монография посвящена описанию комплексной специфики конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном пространстве политической коммуникации. В работе выявляется связь конфликтных и кооперативных форм общения с национально-культурными характеристиками коммуникантов, описываются лингвокультурные модели деструктивного и конструктивного типов взаимодействия в политическом пространстве. Предлагается характеристика жанрового корпуса, соотносимого с конфликтным и кооперативным типами дискурса.

УДК 80 + 81
ББК Ш115 + Ш100.42

ISBN 978-5-93162-537-9

© ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ), 2021
© Н.Н. Кошкарова, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	19
1.1. Дискурсивно-жанровая специфика конфликтной и кооперативной коммуникации	19
1.2. Новые дискурсивные практики в политической коммуникации. Традиции и новации в жанровом корпусе текстов с межкультурной направленностью	29
1.3. Межкультурный подход к исследованию дискурса	59
1.4. Дихотомия «Восток-Запад» в политической коммуникации: проблемы и перспективы	66
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТНОГО И КООПЕРАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА	78
2.1. Конфликтный дискурс: подходы к изучению	78
2.1.1. Понятие конфликта. Причины конфликта	78
2.1.2. Понятие агрессии. Речевая агрессия	92
2.1.3. Виды деструкции дискурса. Коммуникативный конфликт	105
2.2. Кооперативный дискурс: подходы к изучению	113
2.2.1. Понятие толерантности. Модель толерантности	114
2.2.2. Вежливость как форма толерантной речевой коммуникации	123
2.3. Моделирование конфликтного дискурса в межкультурном политическом пространстве	127
2.4. Моделирование кооперативного дискурса в межкультурном политическом пространстве	148
2.5. Методика анализа монологических и диалогических жанров конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном политическом пространстве	158

ГЛАВА 3. МОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОНФЛИКТНОГО И КООПЕРАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА	164
3.1. Новостные жанры: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса	164
3.2. Интервью-монолог: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса	198
3.3. Авторские статьи: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса	211
3.4. Книга в межкультурном политическом пространстве: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса	221
3.5. Межкультурный политический прогноз: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса	229
ГЛАВА 4. ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОНФЛИКТНОГО И КООПЕРАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА	243
4.1. Политическое интервью: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса	243
4.2. Пресс-конференция: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса	284
4.3. Политический комментарий как гибридный жанр межкультурного политического пространства: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса	299
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	305
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	312

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистической науки различные проблемы речевого взаимодействия исследуются представителями таких направлений, как психолингвистика, социолингвистика, политическая лингвистика, теория коммуникации, лингвопрагматика и др. Одной из сфер речевой деятельности является конфликтное общение. Известно, что предрасположенность человека к конфликтному поведению – это один из тех факторов, которые детерминируют поведение в ситуации деструктивного общения. И. В. Грошев отмечает, что «конфликтное поведение определяется как биологическими, так и социальными факторами, взаимодействие которых и обуславливает тот или иной его тип» [Грошев 2005: 37]. Исследователи, рассматривая данный вид интеракции, выделяют разные его составляющие. В результате анализа структурных составляющих конфликтного поведения этот процесс можно представить как сочетание рационального, эмоционального и волевого элементов.

Общение в целом и, в частности, его конфликтный вид будут определяться личностной, социальной и национально-культурной парадигмой. Индивидуальные особенности речевого поведения человека всегда будут включены в систему норм, конвенций и правил, которые вырабатываются в той или иной культуре. Эти правила определенной лингвокультуры обуславливают типовую программу речевого поведения, принятую в том или ином обществе. А. К. Байбурин отмечает, что «эти социально одобренные программы поведения никогда не покрывают всей сферы поведения человека в обществе» [Байбурин 1985: 11]. И тогда мы говорим об индивидуальных особенностях речевого поведения, его разнообразии и вариативности. Наиболее яркое проявление эти индивидуальные свойства носят в коммуникативном конфликте, который, с одной стороны, детерминирован личностной парадигмой, с другой – особенностями национально-культурного пространства.

Н. А. Каразия отмечает, что «специфика конфликтного взаимоотношения состоит в том, что речевое поведение его участников отражает эмоционально негативное отношение коммуникантов друг к другу, ситуации и факторам, его порождающим. Для конфликтных речевых ситуаций характерно нарушение норм взаимодействия и

сотрудничества, столкновение ценностных ориентаций и интересов участников конфликта. В речевой деятельности участников конфликта проявляются черты, характерные для такого типа речевого общения: оценочность, эмоциональность, угроза «лицу» коммуникантов, агрессия» [Каразия 2004: 4]. Таким образом, можно говорить о типе дискурса, цели которого вступают в противоречие с позитивной направленностью общения, – конфликтном дискурсе.

Последний как деструктивная форма интеракции объективируется в различных сферах человеческого общения: бытовой коммуникации, средствах массовой информации, общении внутри определенного профессионального коллектива, политике. Однако именно политическая коммуникация предоставляет ученому неисчерпаемый источник примеров конфликтного взаимодействия, в том числе, и особенно, на межкультурном уровне, так как для политического языка характерен «примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным» [Шейгал 2004: 44]. По причине несовпадения аксиологических принципов и установок акторов политической коммуникации мы становимся свидетелями многочисленных мировых межнациональных конфликтов, среди последних: события на Украине (когда межрегиональный конфликт перерастает в межнациональный), трагедия в издательстве французского сатирического журнала и последовавшие за этим антиисламские выступления в Европе. С лингвистической точки зрения важным представляется изучение отражения этих конфликтов в средствах массовой информации с целью прогнозирования и возможного сокращения (элиминации) подобных деструктивных явлений.

Однако наряду с конфликтными формами поведения ученые различают многочисленные формы «симбиоза, кооперации, содействия, коллективистской идентификации, сопереживания (сораздания и сострадания), эмпатии, альтруизма как движущих факторов социального взаимодействия» [Асмолов 2004: 7]. Эти формы кооперативного взаимодействия представляют собой результат терпимого отношения к партнерам по межличностному и межнациональному общению; принятия установок, взглядов, аксиологических приоритетов, отличных от собственных. Такое общественное и коммуникативное поведение может быть охарактеризовано как проявление толерантности. Таким образом, вопрос о взаимоот-

ношении толерантности и конфликта представляется важным для рассмотрения в рамках настоящего исследования, а феномен более высокого порядка, в пределах которого функционируют конструктивные модели социального и коммуникативного взаимодействия, может быть охарактеризован как кооперативный дискурс.

Данная монография посвящена изучению конфликтного дискурса и его кооперативной разновидности в межкультурном пространстве политической коммуникации. Конфликтный дискурс является объектом изучения таких новых дисциплин, как лингвистическая (языковая) экология (Л. В. Савельева, А. П. Сковородников, Б. Я. Шарифуллин), лингвоэкология и эколингвистика, языковая самооборона (А. Вежбицкая), лингвистическая метаэтика (В. И. Постовалова), юрислингвистика, лингвоюристика (Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский). Рассмотрение конфликтного дискурса в рамках различных дисциплин является причиной того, что в представленной работе реализуются различные направления в исследовании данного явления. Конфликтный дискурс изучает речевую агрессию как коммуникативный феномен с учетом функций этого деструктивного явления в конкретном высказывании. По замечанию Т. А. Воронцовой, «речевая агрессия как факт речевой коммуникации должна анализироваться в рамках функционального подхода к языку» [Воронцова 2006: 25]. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «центральной проблемой данного подхода является исследование функций изучаемого объекта, вопрос о его назначении, особенностях его природы в свете выполняемых им задач» [Кубрякова 1995: 217]. Специалисты, анализирующие язык и речь с точки зрения функционального подхода, считают наиболее существенным и основополагающим положение о том, что ключом к познанию языка является его изучение в действии. При таком подходе к исследованию функционирования языка объектом становится сама речевая деятельность людей, или та ее часть, которая относится непосредственно к актам вербализации мысли и реализации интенций говорящих в языковой форме. Анализ конфликтного дискурса именно с этих позиций представляется нам вполне обоснованным, так как в случае деструктивных форм коммуникации интенции говорящего (говорящих) приобретают совершенно особую языковую форму, требующую тщательного изучения и описания их характерологических свойств.

В последнее время конфликт как феномен языка и речи активно исследуется в рамках лингвистической науки. Одной из наиболее известных работ в области лингвистической конфликтологии является докторская диссертация В. С. Третьяковой «Речевой конфликт и гармонизация общения» [Третьякова 2003]. Барьерам и конфликтам в профессиональном общении посвящены отдельные части в докторской диссертации Е. В. Харченко «Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах» [Харченко 2004]. Следует также выделить учебное пособие «Язык современных СМИ» [Петрова 2011], рассматривающее феномен речевой агрессии в средствах массовой информации конца XX – начала XXI века. Авторы других работ по заявленной проблематике анализируют различные стороны конфликтного коммуникативного поведения: лингвистические проекции конфликта (Анисимова 2004); лексико-семантическую объективацию концепта «конфликт» (Ермолаева 2005); речевые механизмы коммуникативных конфликтов (Муравьева 2002); речевую агрессию в печатных СМИ (Басовская 2004; Власова 2005); прагматические особенности вербальной атаки и способы реализации речевой агрессии (конфликта, коммуникативной неудачи) в политическом дискурсе (Вознесенская 2010; Литовченко 2003; Карякин 2010; Полякова 2009; Шейгал 2000); коммуникативные неудачи (Вечкина 2010; Бугрова 2013; Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985; Ермакова, Земская 1993; Кънева 1999; Потемкин 1994; Теплякова 1998; Черняк 2005); метафорические модели с агрессивным потенциалом (Ряпосова 2002); речевые стратегии и тактики конфликта (Гулакова 2004; Мулькева 2005; Певнева 2008); пути его преодоления (Иванова 2010); конфликт как способ межкультурной коммуникации (Злагодухин 2007); функционирование агрессии в языке и речи (Базжина 2004; Босый 2006; Волкова 2009; Воронцова 2006; Дасько 2004; Закоян 2010; Федорова 2004; Хруненкова 2010; Щербинина 2004, 2006, 2012); вербальную агрессию и речевой конфликт в рамках профессионального дискурса (Костяев 2011; Ручкина 2009); юрислингвистические аспекты исследуемого феномена (Голев 1999; Матвеева 2004). В современной русистике явления с конфликтологическим потенциалом исследуются как в рамках теории речевых жанров, так и в рамках концептологии (Багдасарян 2002; Болохонцева 2011; Волкова 2014; Давыдова 2003; Жучков 2010; Каразия 2004;

Карчевски 2005; Кусов 2004; Мартынова 2006; Стексова 1992; Хохлова 2004).

Однако нам известно лишь одно монографическое исследование, посвященное непосредственно анализу конфликтного дискурса в типовой модели функционирования анализируемого явления (Белоус 2007). Не стоит отрицать тот факт, что особенностью развития современного научного знания является многоаспектное и всестороннее изучение исследуемых феноменов. Поэтому любые дальнейшие изыскания в области конфликтного дискурса не только не дублируют отмеченную работу, а, напротив, помогают понять сущность и специфику конфликтного взаимодействия, увидеть и описать различные стороны конфликтного дискурса, предложить собственное понимание анализируемого феномена (естественно, с опорой на уже проведенные исследования).

В лингвистике, по нашим данным, кооперативный дискурс не стал предметом отдельного исследования, а сам термин в таком виде не использовался при изучении кооперативных форм интеракции. Кооперативные стратегии межличностного взаимодействия стали объектом исследования лишь в одной научной статье, где в качестве приоритетного автор использовал термин *бесконфликтный дискурс* [Казыдуб 2012]. Объектом изучения лингвистов являются лишь отдельные формы кооперативного межличностного взаимодействия: толерантность (Дымарский 2004; Кудрявцев 2012; Михайлова 2004; Просвиркина 2006; Растатуева 2008; Скрыбина 2000; Соловьева 2012; Формановская 2003, 2004; Черняк 2004; Шебураков 2002; Шамсутдинова 2006); вежливость (Газизов 2011; Демченко 2007; Карабань 2006; Ручкина 2009; Улимбашева 2003); политическая корректность (Базылев 2007; Панин 2004; Шляхтина 2009).

Актуальным на сегодняшний день является комплексный подход к изучению конфликта и кооперации как феноменов языка и речи. Комплексный подход в настоящей работе понимается как симбиоз дискурсивного, межкультурного, лингвопрагматического и социопрагматического, риторического, лингвостилистического (жанрового) направлений в лингвистике.

Дискурсивный подход к исследованию конфликтных и кооперативных форм интеракции имеет первостепенное значение, так как именно дискурс объединяет в «единое целое» собственно словесную, вербальную составляющую коммуникации и ее экстралинг-

вистические компоненты как социокультурного, так и ситуативно-контекстного характера» [Добросклонская 2008: 48]. Последнее обстоятельство приобретает особую важность в аспекте детерминированности конфликтного коммуникативного поведения и его кооперативной разновидности межкультурной политической средой, в пространстве которой и разворачивается взаимодействие представителей разных социальных и национально-культурных сообществ. В таком случае в общение вступают не отдельные индивиды с присущими им особенностями, а социальные субъекты, а дискурсивность позволяет воспринимать «отдельный текст/высказывание как часть надиндивидуальной коммуникативно-речевой практики» [Чернявская 2014: 16]. Одновременно с этим дискурсивный аспект в исследовании конфликта и кооперации трактуется и как предоставление каждому человеку как члену определенного национально-культурного сообщества возможности использовать те или иные стратегии и тактики поведения в ситуации конфликта и (или) для ее предотвращения, которые могут быть значимыми для всех представителей данной лингвокультуры или специфичными только для данного индивида.

Мы полагаем, что изучение взаимодействия коммуникантов в условиях деструктивного общения важно не только и не столько по причине необходимости анализа и учета барьеров в межкультурном диалоге представителей различных национальных общностей, а в большей степени из-за важности общего результата исследований подобного рода. Как отмечает Л. В. Цурикова, анализ дискурсивной деятельности в условиях межкультурной коммуникации дает лингвистам возможность не только выявить культурно специфические аспекты сознания и поведения носителей разных языков, но и получить данные о закономерностях речевого общения в целом. По утверждению автора, исследование межкультурного дискурсивного взаимодействия (в нашем случае в конфликтной и кооперативной плоскости) ведется сегодня с позиций социопрагматического подхода и представляет совершенно новое направление в анализе дискурса [Цурикова 2002: 90–91].

Комплексное изучение речевой деятельности, ее деструктивной и конструктивной разновидностей возможно в рамках лингвистической прагматики, потому что именно этот подход в современном языкознании обращается «к принципу деятельности как целепола-

гающей активности субъекта, а затем к поискам того, как выражает себя в языковых структурах, дискурсе личность» [Сусов 1988: 7]. Как известно, прагматический подход в описании языковых явлений предполагает учет таких факторов, которые так или иначе связаны с информацией о мире адресанта и адресата. Следовательно, синтез лингвокогнитивного, психолингвистического и лингвокультурологического компонентов получает наиболее яркое выражение в ходе реализации коммуникативно-прагматического подхода при анализе конфликтных форм взаимоотношений. С позиций прагмалингвистики дискурс в данной работе предполагается рассмотреть как интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия на адресата, переплетение меняющихся коммуникативных тактик и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определяющие эксплицитное и имплицитное содержание поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). В настоящем исследовании будет предложена интерпретация дискурса с учетом социальных, психологических и культурно значимых условий и обстоятельств.

С. И. Трескова указывает, что исследования в области речевой деятельности, дискурса и теории коммуникации последних трех десятилетий (на сегодняшний день значительно дольше. – *Н. К.*) «позволяют предполагать, что двусторонность языкового знака включает в себя и третью сущность, а именно социальную» [Трескова 1989: 23]. В рамках социолингвистического направления дискурс понимается как часть коммуникативного события, имеющего место в рамках более сложного процесса социального взаимодействия между людьми. При этом, отмечает Л. В. Цурикова, «использование языка для сообщения собеседнику какой-либо фактуальной информации рассматривается как составная часть коммуникативной интеракции в различных ситуациях общения, в которых участники коммуникации совершают в отношении друг друга определенные социальные действия» [Цурикова 2002: 52]. Не вызывает сомнения тот факт, что межкультурный аспект общения также находится в фокусе внимания социолингвистического анализа дискурса, когда

учитываются социально значимые параметры ситуации общения, стратегии поведения коммуникантов в различных ситуациях взаимодействия, закономерности и нормы интеракции, принятые в том или ином обществе. Применительно к теме нашего исследования можно утверждать, что социокультурная сторона речевого общения является тем аспектом коммуникации, который действительно существует в языке, реализуется в разных условиях взаимодействия коммуникантов (в нашем случае в конфликтном дискурсе) и позволяет вывести прагматический аспект исследования языка и речи за пределы анализа гипотетических конструкторов первых. На наш взгляд, социопрагматический подход наиболее востребован при анализе функционирования конфликтной и кооперативной разновидностей дискурса в межкультурном политическом пространстве, так как именно такой ракурс исследования предполагает учет социальных, социокультурных и лингвокультурных компонентов коммуникации.

Особенно ярко прагматическая направленность языковых единиц проявляется в жанровом наполнении межкультурного политического пространства, реализующем конфликтную или кооперативную интенцию. В межкультурном политическом пространстве в структурном единстве находятся монологические и диалогические жанры, которые в равной степени открывают «возможности взаимодействия с аудиторией, влияния на ее отношение к общественным ценностям, идеям и концепциям, явлениям действительности, на модели ее поведения» [Евдокимов 2011: 6]. Таким образом, при изучении конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном политическом пространстве важным представляется определение жанрового корпуса обоих дискурсов с акцентом на форме их бытования – монологической в противоположность диалогической. Как монологические, так и диалогические жанры подлежат изучению с точки зрения наличия/отсутствия конфликтогенов и речевых средств, способствующих толерантному и бесконфликтному общению. Важным при изучении монологических и диалогических жанров, функционирующих в межкультурном политическом пространстве, нам представляется выявление тех речевых показателей, которые являются маркерами конфликтного или кооперативного типов общения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью применения комплексного подхода к изучению конфликтного и ко-

оперативного взаимодействия, так как: *дискурсивный подход* дает возможность изучить текст как комплексное явление в совокупности с экстралингвистическими факторами; именно *межкультурная среда* является областью реализации дискурсивных характеристик текста; *лингвопрагматический подход* позволяет проследить основные случаи употребления языковых средств для оказания речевого воздействия на адресата и целевую аудиторию; *социолингвистика* дает возможность подвергнуть анализу различные модели коммуникативного поведения участников в тех или иных ситуациях общения, реализующихся, в свою очередь, в традиционных и новых жанровых формах, изучению которых способствует *лингвостилистический подход*.

Актуальность работы определила выбор объекта и предмета исследования.

Объектом исследования является русскоязычный конфликтный дискурс (разновидность деструктивной речевой деятельности двух или более коммуникантов) и полярный ему русскоязычный кооперативный дискурс (позитивное речевое взаимодействие).

Предметом исследования являются коммуникативно-прагматические, межкультурные и жанровые характеристики конфликтного и кооперативного русскоязычного дискурса, функционирующего в межкультурном политическом пространстве.

Целью данной работы является выявление комплексной специфики конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном пространстве политической коммуникации.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Интерпретировать понятия *конфликтный дискурс* и *кооперативный дискурс*.

2. Выявить связь конфликтных/кооперативных форм общения с национально-культурными характеристиками коммуникантов, создать лингвокультурные модели деструктивного и конструктивного типов взаимодействия в политическом пространстве.

3. Разработать методику анализа монологических и диалогических жанров конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном политическом пространстве.

4. Охарактеризовать тексты, функционирующие в межкультурном политическом пространстве, с дискурсивной точки зрения.

5. Выделить жанровый (монологический и диалогический) корпус, соотносимый с конфликтным и кооперативным типами дискурса.

6. Дать описание специфики монологических жанров при их реализации в конфликтном и кооперативном типах дискурса (новости, интервью-монолог, авторские статьи, книга, прогноз).

7. Вскрыть специфику диалогических жанров в конфликтном и кооперативном типах дискурса (политическое интервью, пресс-конференция, политический комментарий).

8. Определить репертуар жанров (с учетом монологической и диалогической форм коммуникации), которые обладают конфликтным или кооперативным прагматическим потенциалом.

9. Наметить перспективы развития конфликтных/кооперативных форм коммуникации в межкультурном политическом пространстве.

Материалом для исследования являются тексты новостных жанров, интервью-монологов, авторских статей, политических прогнозов, интервью членов российского эшелона власти представителям зарубежных средств массовой информации, тексты пресс-конференций В. В. Путина и Д. А. Медведева, тексты политических комментариев, которые служат ярким примером проявления национальных особенностей ситуации и партнеров по общению, всех специфических характеристик конфликтного и кооперативного типов дискурса, сферой эмоционального воздействия на слушателя и адресата. Тексты новостных жанров охватывают период 2013–2014 годов. Интервью-монологи репрезентированы материалами за 2006–2013 годы. Политические прогнозы охватывают период с 2012 по 2014 год. Тексты интервью датированы 2000–2014 годами¹. При анализе текстов пресс-конференции во внимание принимался политический тандем действующих президента и премьер-министра России. Политический комментарий как самый молодой жанр политической коммуникации требует использования материалов не постфактум, а в момент функционирования в межкультурном политическом пространстве.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области *психологии конфликта и агрессии* (А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский,

¹ При анализе текстов указаны должности В. В. Путина и Д. А. Медведева на момент проведения интервью.

А. Бандура, Л. Берковиц, Р. Бэрон, Ф. Е. Василюк, И. Е. Ворожейкин, Н. В. Гришина, Р. Дарендорф, Д. В. Джамалян, А. П. Егидес, Г. Зимель, А. Я. Кибанов, Д. Кэмпбелл, Л. А. Козер, К. Лоренц, С. Л. Прошанов, Д. Ричардсон, З. Фрейд, Э. Фромм, Л. Н. Цой, В. П. Шейнов, А. И. Шипилов, Ю. В. Щербинина), *теории речевой агрессии* (О. Н. Быкова, Т. А. Воронцова, Н. Д. Голев, В. И. Жельвис, О. С. Иссерс, О. Н. Матвеева, В. О. Мулькеева, Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская, К. Ф. Седов, В. С. Третьякова, В. Д. Черняк, Б. Я. Шарифуллин), *лингвистической прагматики* (Н. Д. Арутюнова, Р. М. Блакар, Т. В. Булыгина, Е. В. Вохрышева, Т. А. ван Дейк, А. Вежбицкая, Л. Витгенштейн, Д. Гордон, Г. П. Грайс, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, И. М. Кобозева, Дж. Лакофф, С. Левинсон, Г. Н. Лич, Ч. Моррис, Е. В. Падучева, С. М. Соболева). Существенное значение для решения поставленных задач и выработки собственной точки зрения на изучаемую проблему имели *концептуальные основы и проблемы коммуникации*, изложенные в работах Б. Г. Ананьева, Г. М. Андреевой, М. М. Бахтина, В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, Н. К. Гарбовского, Ю. Н. Дорожкина, Т. М. Дридзе, И. А. Зимней, М. С. Кагана, Г. В. Колшанского, А. А. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, Г. Г. Почепцова, С. Л. Рубинштейна, Е. Ф. Тарасова, Ф. И. Шаркова и др. Релевантными для описания специфики конфликтной и кооперативной форм интеракции являются труды отечественных и зарубежных ученых в области *теории дискурса* (В. И. Карасик, В. В. Красных, М. Ю. Олешков, А. В. Олянич, В. Н. Степанов, В. Е. Чернявская, Т. А. ван Дейк), *политического дискурса* (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, М. В. Гаврилова, В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, Е. С. Кара-Мурза, О. Л. Михалева, О. Н. Паршина, Э. А. Пронин, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал), *межкультурной коммуникации* (Т. Е. Владимирова, Т. В. Ларина, О. А. Леонтович, И. В. Наместникова, О. А. Нестерова, И. В. Привалова, Н. Б. Руженцева, А. П. Садохин, С. Г. Тер-Минасова, В. П. Фурманова, Л. В. Цурикова). Вопрос о жанровом статусе текстов, функционирующих в межкультурном политическом пространстве, решался с опорой на *жанроведческие исследования* (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, А. В. Курьянович, В. А. Салимовский, К. Ф. Седов, М. Ф. Федосюк, Т. В. Шмелева). Немаловажная роль в формировании терминологического аппарата принадлежит работам по *теории журналистики* (В. В. Ворошилов, А. А. Грабельников, М. Н. Ким, А. В. Колесниченко, А. А. Тертыч-

ный). Концепция монографии формировалась под влиянием работ, посвященных анализу дихотомии «Восток-Запад» (А. Г. Инговатова, А. А. Маслов, Э. Саид, С. Хантингтон, Л. В. Щеглова). Реализация различных направлений функционирования межкультурной политической коммуникации при взаимодействии с конфликтными и кооперативными формами интеракции осуществлялась с опорой на *исследования основных понятий и структуры коммуникации* (М. А. Василик, П. Вацлавик, Э. Грифин, Н. Д. Десяева, А. Б. Зверинцев, Л. М. Землянова, Е. В. Клюев, Г. Г. Почепцов, А. В. Соколов, М. Ханн), относительно самостоятельную группу работ по *теории массовой коммуникации* (Г. И. Дацюк, Е. С. Кара-Мурза, А. Д. Трахтенберг, В. Е. Черникова). Вклад в *изучение социальных и социально-философских аспектов коммуникации* внесли Г. Бейтсон, Р. Т. Белл, М. Вебер, В. П. Конецкая, С. В. Лещев, Г. С. Пшегусова. *Психологическое направление* в исследованиях коммуникации представлено трудами Г. Д. Гачева, Д. Б. Гудкова, В. В. Кочеткова, Н. М. Лебедевой, Г. Г. Почепцова, С. А. Сухих. Выбор стратегического лингвистического направления с точки зрения социокультурного контекста в настоящей работе производится с опорой на *исследования проблем языковых контактов и языковых конфликтов, снятия языковых барьеров, социокультурных моделей кодового переключения в ситуациях двуязычия, культурного определения текстовых жанров* (Д. Байбер, П. Бергер, Г. Д. Браун, Ф. Бродель, Д. П. Гавра, Э. Гидденс, Г. А. Копнина, О. В. Костина, Т. Лукман, Н. Луман, М. Рац, С. А. Ромашко, Е. Ф. Тарасов, Ю. Хабермас, М. Хеллер, Г. Г. Хисамова, В. Б. Шнейдер, С. Эггенс, Е. А. Яковлева).

В ходе исследования использовались общенаучные **методы** анализа и синтеза. Посредством лингвостилистического метода выявлены жанры, релевантные для межкультурного политического пространства, которые рассматриваются в совокупности с экстралингвистическими условиями и обстоятельствами. С целью изучения жанрового корпуса текстов межкультурного политического пространства использовались методы лингвопрагматического, дискурсивного и лингвокультурологического анализа, а также контекстуальное изучение коммуникативных ситуаций. Метод моделирования применялся для создания инвариантных моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса. Посредством применения описательного и сопоставительного методов характеризуются стра-

тегии, тактики и речевые средства организации текстов, бытующих в межкультурном политическом пространстве.

Научная новизна исследования заключается в *определении и идентификации* конфликтного и кооперативного типов дискурса. *Разработаны* модели деструктивной и конструктивной форм взаимодействия в межкультурном секторе политического дискурса. *Предложена* дефиниция межкультурного политического пространства. *Выделен* жанровый корпус конфликтного и кооперативного типов дискурса, *описана* его специфика как производного от традиционных журналистских жанров (новости, интервью, пресс-конференция). *Охарактеризованы* жанры, которые лишь недавно вошли в практику политической деятельности современного российского общества (интервью первых лиц нашего государства представителям зарубежных СМИ, «Разговор с президентом»). *Представлена* номенклатура речевых показателей, которые являются маркерами конфликтного и кооперативного речевого взаимодействия. *Намечены* перспективы развития конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном политическом пространстве.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии теории дискурса посредством обоснования и описания деструктивного явления (конфликтный дискурс) и феномена противоположного порядка – кооперативного дискурса. Работа вносит вклад в развитие теории коммуникации, научных исследований в области аргументации и лингвоперсонологии. В терминологический аппарат исследования введены такие понятия, как *межкультурное политическое пространство*, *кооперативный дискурс*, *деструкция дискурса в межкультурной коммуникации*. В монографии предложен системный подход к описанию конфликтного дискурса и его кооперативной противоположности. Данный исследовательский подход апробирован на материале диалогических и монологических жанров межкультурной направленности. Выявлен корпус текстов (жанров) в межкультурном политическом пространстве, разработана методика их описания. Систематизированы доминирующие и менее специфические элементы моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса, которые реализуются в зависимости от жанровой интенции текстов, функционирующих в межкультурном политическом пространстве.

Практическая значимость работы выражается в возможности использования результатов исследования в курсах по теории дис-

курса, теории коммуникации, языкознания, конфликтологии. Материалы исследования могут стать основой для формирования учебных планов и программ спецкурсов и спецсеминаров по теории политической коммуникации, политической риторике, политологии. Предложенная в работе структура конфликтного и кооперативного видов дискурса может оказать помощь журналистам, специалистам по связям с общественностью, всем, в чей профессиональный круг интересов входят реализация политических целей, выработка алгоритма поведения при взаимодействии с властью и массовым адресатом, осуществление приемов и процедур политического процесса.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, списка источников фактического материала. Во введении определяется актуальность исследования, его объект и предмет, цель и задачи исследования, указывается материал для анализа, обосновываются теоретико-методологические основы, методы и приемы изучения, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. В первой главе исследования анализируются основные направления в изучении дискурса, излагается авторская точка зрения по вопросу трактовки жанра, рассматриваются новые дискурсивные практики в политической коммуникации, обосновывается межкультурный подход к изучению дискурса, выявляются проблемы и перспективы существующей в политическом дискурсе дихотомии «Восток-Запад». Вторая глава посвящена характеристике подходов к изучению конфликтного и кооперативного типов дискурса, в ней предложены модели данных видов дискурса в межкультурном политическом пространстве, а также описана методика анализа монологических и диалогических жанров конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурной политической коммуникации. Третья глава посвящена описанию монологических жанров конфликтного и кооперативного типов дискурса, проводится анализ реализации моделей на материале новостей, интервью-монолога, книги, авторских статей, прогнозов. В четвертой главе исследованы диалогические жанры конфликтного и кооперативного дискурса (политическое интервью, пресс-конференция, политический комментарий). В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы развития конфликтного и кооперативного типов дискурса.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Дискурсивно-жанровая специфика конфликтной и кооперативной коммуникации

Конфликтный дискурс и его кооперативная разновидность в настоящем исследовании анализируются с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода, который позволяет выявить различные стороны изучаемого явления: лингвокогнитивные, психолингвистические, лингвокультурологические и др. Обратимся к характеристике коммуникативно-прагматического подхода к изучению языка. С одной стороны, этот подход актуализирует интенциональные, социальные и другие сугубо коммуникативные смыслы общения [Формановская 2002, 2003, 2007]. С другой стороны, именно этот подход в современном языкознании обращается «к принципу деятельности как целеполагающей активности субъекта, а затем к поискам того, как выражает себя в языковых структурах, дискурсе личность» [Сусов 1988: 7]. Анализируемый подход в его коммуникативной разновидности «вскрывает такие свойства языковых единиц, которые проявляются в общении, то есть в коммуникативных взаимоотношениях партнеров в процессе обмена мыслями (чувствами) для решения жизненно важных задач» [Формановская 2002: 5]. Коммуникативный аспект лингвопрагматики рассматривает дискурс как «интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия на адресата», адресанта и целевую аудиторию [Карасик 2000: 5]. По замечанию Н. И. Формановской, прагматический подход «предполагает учет того значимого компонента, который связан с индивидом, использующим язык как орудие общения» и делающим выбор при ориентации в ситуации в целом и других параметрах общения [Формановская 2002:5].

Прагматический подход к анализу языка и речи эксплицирует коммуникативную сторону языкового функционирования и употребления. Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1985] отмечает, что прагма-

тика представляет отношение знаков к их интерпретаторам, то есть к говорящим, слушающим, пишущим и читающим, при исследовании функционирования первых в реальных процессах коммуникации. По мнению Т. Г. Винокур [Винокур 2007: 20], «прагматика выводит вопрос о языке и человеке на уровень общей теории, решающей категориальные вопросы порождения речи, языка как деятельности и коммуникации как использования человеком знаков». Это, по замечанию автора, «дает возможность заново осознать понятие *человеческая личность* с языковой точки зрения, то есть отнестись к ней как к объекту лингвистической теории, стимулирующей его моделирование» [Винокур 2007: 20].

В интересы прагматики включен широкий круг вопросов, затрагивающий лингвистические и экстралингвистические факторы коммуникации. Отбор языковых средств, их организация в высказывании во многом зависит от конкретных прагматических условий интеракции. Важными прагматическими факторами коммуникации являются социальные характеристики ситуации и партнеров общения. Е. Н. Ширяев [Ширяев 1996: 8] формулирует суть прагматики как отношения «адресант-ситуация-адресат». И. П. Сусов [Сусов 1989: 10] подчеркивает, что «партнеры по общению являются важнейшими компонентами речевой ситуации, так как именно они выступают инициаторами коммуникативного события и регулируют процесс общения». Основными социальными характеристиками коммуникантов являются понятия, заимствованные социолингвистикой из социологии: *социальная речь* и *социальный статус человека*. Н. И. Формановская [Формановская 2002: 67] определяет *социальную роль* как характеристику, которая складывается из «позиций, занимаемых личностью в обществе». К. Ф. Седов [Седов 2001: 111] добавляет, что социальная роль представляет собой «нормативный, одобряемый обществом образец поведения, который соответствует конкретной ситуации общения и социальной позиции говорящего». В. И. Карасик [Карасик 2002, а: 10] термином *социальный статус* обозначает «соотносительное положение человека в социальной системе, место индивида в иерархии общества или каких-либо составляющих общество групп». В область интересов прагматической лингвистики попадает широкий круг проблем, не ограничивающийся исследованием взаимоотношений, в которые вступают языковой знак и его интерпретаторы – говорящий и слушающий, а

затрагивающий изучение влияния контекста и фоновых знаний на коммуникантов, вопросы выбора оптимальных языковых средств для наиболее эффективного воздействия участников речевого общения, рассмотрение реализации интенций говорящего в речевых актах. В задачи прагмалингвистики входит описание и объяснение того, каким образом поступает человек, обеспечивая максимальную степень удачности и успешности коммуникации в конкретных ситуациях речевого общения. Таким образом, одним из направлений прагмалингвистики является изучение взаимодействия коммуникантов в процессе речевого общения. Как указывает О. А. Плотникова [Плотникова 2007: 39], «особое внимание в рамках этого научного направления уделяется правилам и конвенциям вербального общения, организующим чередование ходов коммуникантов, диктующим отбор языковых средств и построение высказываний».

Коммуникативно-прагматический аспект, реализуемый в данной работе, требует обращения к коммуникативным и прагматическим компонентам языковых/речевых явлений, то есть непосредственно к единицам общения. Основной единицей общения в лингвистике признается речевой акт, коммуникативный акт, высказывание, дискурс, текст, жанр. При этом междисциплинарным объектом исследования является дискурс, который, с одной стороны, вобрал в себя достижения многих гуманитарных наук, с другой – позволяет определить новые парадигмы исследования, использовать отличающиеся от прежних методы и благодаря этому ставить и решать новые проблемы на пересечении гуманитарных наук.

В науке существует множество подходов к определению термина *дискурс*, что объясняется его использованием в разных областях знания. Одной из причин, обуславливающих наличие большого количества разнообразных трактовок анализируемого термина, является то, что некоторые ученые [Прохоров 2004, Богданов 1993, Шейгал 2004] пытаются определить дискурс через его противопоставление тексту, в то время как другие [Костомаров, Бурвикова 1996, Макаров 2003] дают дефиницию рассматриваемому понятию посредством выявления специфических признаков как дискурса, так и текста. Некоторые авторы под дискурсом понимают текст во всей совокупности экстралингвистических, культурно-исторических, филологических, психологических и других характеристик [Harris 1952, Т. А. Дейк 1989, Арутюнова 1990, Кубрякова 2000 и

др.]. В. В. Красных [Красных 2001: 194] определяет дискурс как «вербализованную речемыслительную деятельность, включающую в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты». Далее автор отмечает, что этот термин сколь популярен, столь и малоопределен. Мы не ставим перед собой цель представить анализ тех особенностей, которые положены в основу дифференциации понятий *текст* и *дискурс*. В настоящем исследовании для нас более важным является определение тех направлений, которые позволят очертить концепцию данной работы и предложить трактовку деструктивной разновидности дискурса, которую мы определяем как *конфликтный дискурс*, и его гармоничного типа, который мы характеризуем как *кооперативный дискурс*.

«В научной литературе дискурс рассматривается как совокупность текстов с учетом их экстралингвистических параметров (в лингвистике); как общение в рамках определенных дискурсивных практик (в социологии, социальной семиотике и политологии); как вид речевой коммуникации, предполагающей рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни (в логике, философии, социологии и социальной семиотике). Однако даже в рамках лингвистической науки термин *дискурс* используется исследователями для обозначения феноменов разного порядка. Термин *дискурс* ввел в обиход Ю. Хабермас для обозначения вида речевой коммуникации, предполагающей рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни. Спектр употребления термина весьма широк, понимание колеблется от почти синонимичного терминам *речь*, *связная речь* (Г. Г. Почепцов); *поток речи*, *сложное синтаксическое целое*, *сверхфразовое единство*, *текст* (В. Г. Борботько), от *коммуникативного целостного и завершенного речевого произведения* (Е. В. Клобуков) до *определенного типа ментальности* (Н. Д. Арутюнова), от *вербализованного работающего сознания* (О. Г. Ревзина) до *сложного коммуникативного явления*, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие (ван Дейк)» [Красных 2001: 198–199].

Термин *дискурс* используется в узком и широком понимании. Дискурс в узком понимании, по мнению О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1994: 106], представляет собой проявление речевой деятельности в разговорно-бытовой речи, то есть обмен репликами без

особого речевого замысла. Дискурс в широком понимании трактуется в совокупности с социальными и культурными особенностями интеракции.

Обобщая существующий опыт анализа дискурса, Д. Шифрин [D. Schiffrin 1994: 20–43] выделяет три подхода к определению данного понятия: 1) дискурс определяется с позиций формально ориентированной лингвистики, когда он понимается как произведение, превышающее по объему произведение; 2) дискурс с функциональной точки зрения определяется как любое употребление языка; 3) дискурс рассматривается с точки зрения взаимодействия формы и функции. В дефиниции В. В. Красных [Красных 2001] важным является определение дискурса не только как самого произведения, но и как деятельности, в процессе которой порождается речемыслительный продукт. В. В. Красных [Красных 2001: 202] выделяет различные типы дискурса в рамках национальных «полей», а отдельные типы (виды) дискурса в рамках одного национального поля автором понимаются как некоторые «модификации» последнего.

Обращение к заявленным темой монографии видам дискурса (конфликтного и кооперативного) и их лингвистическое исследование невозможны без выбора и обоснования точки зрения на этот феномен. В качестве рабочего определения мы принимаем трактовку дискурса, предложенную Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990: 136–137], согласно которой дискурс понимается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)». Важным аспектом в определении Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990] является связь дискурса с экстралингвистическими факторами, что подчеркивается во всех других интерпретациях рассматриваемого явления. Так, например, Т. ван Дейк [Дейк 1989: 122] определяет дискурс как «сложное единство языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта». Таким образом, Т. ван Дейк обращает особое внимание на динамическую природу производства, понимания текстов и выполняемого с их помощью действия. Следовательно,

согласно данному определению, дискурс не ограничивается рамками конкретного высказывания (текста или диалога), а трактовка дискурса распространяется на производителя и получателя высказывания, их личностные и социальные характеристики, важные аспекты социальной ситуации. Как следствие, В. И. Карасик определяет дискурс как «культурно-ситуативное речевое образование». Автор предлагает рассматривать дискурс как общение людей с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации [Карасик 2002, б: 230]. «Не существует абстрактного общения. Общение всегда протекает в определенной сфере человеческой деятельности, в определенном социальном пространстве» [Шейгал 2004: 15].

При анализе прагматики конфликтного и кооперативного видов дискурса мы учитываем также следующие положения, изложенные Е. С. Кубряковой в работе «Язык и знание».

Дискурс:

1) интеракционален, так как представляет форму общения людей, то есть речемыслительный процесс интеракционального характера;

2) адресатен как тогда, когда имеет место непосредственный контакт, так и тогда, когда он осуществляется в другом режиме;

3) интенционален, то есть при его характеристике играют огромную роль его исполнители, разные по своим личностным свойствам – полу, возрасту, социальным ролям;

4) обладает целеполаганием, то есть язык используется для выражения особой ментальности;

5) определенный тип дискурса создает своего идеального адресата, то есть дискурс рассчитан на определенную аудиторию;

6) при исследовании дискурса необходимо обращение к процессам инференции (выводного знания);

7) в дискурсе объективируется намерение говорящего и его ментальность с использованием особых языковых средств [Кубрякова 2004: 528–531].

Таким образом, при анализе дискурса важную роль играют личностные и социальные характеристики участников коммуникации (индивидов, субъектов), то есть адресанта и адресата речевого высказывания.

Л. В. Цурикова [Цурикова 2002: 169] отмечает, что анализ дискурса как процесса естественной коммуникации человека все чаще

в современной лингвистике становится базой данных для изучения культурно обусловленного коммуникативного поведения индивида. При этом, указывает автор, индивид рассматривается в качестве активного носителя как общественного, так и индивидуального, характерного только для его психологической организации, сознания. «Дискурсивное поведение индивида, обусловленное его принадлежностью к определенной языковой и социокультурной общности, рассматривается как реализация в процессе интеракции, наряду с индивидуальными, культурно детерминированных социально релевантных значений языкового и неязыкового характера. Анализ дискурсивной деятельности в условиях межкультурной коммуникации дает лингвистам возможность не только выявить эти культурно специфичные аспекты сознания и поведения носителей разных языков, но и получить данные о закономерностях речевого общения в целом» [Цурикова 2002: 90].

Коммуникативно-прагматический подход, заявленный в настоящей работе в качестве основополагающего принципа исследования конфликтного и кооперативного типов дискурса, предполагает рассмотрение языка и речи в связи с общественными и экстралингвистическими условиями. А. П. Садохин [Садохин 2005: 81] отмечает, что «социальное бытие человека предполагает взаимоотношения человека со средой, культурным окружением и другими людьми, с которыми каждый индивид должен вступать в прямые и опосредованные контакты». Далее автор указывает на то, что «общение выступает как взаимодействие субъектов, порожаемое потребностями их совместного существования» [Садохин 2005: 81]. На необходимость учета экстралингвистического контекста указывал Е. Ф. Тарасов [Тарасов 2010] при создании теории речевого общения. Автор опирался на уже имеющийся опыт изучения языка в широком неязыковом контексте (Ш. Балли, М. М. Бахтин, В. В. Виноградов и др.). По утверждению Е. Ф. Тарасова, понятийный аппарат теории речевого общения является наиболее целесообразным и адекватным инструментом анализа экстралингвистического контекста функционирования речевых высказываний.

Таким образом, дискурс в любой его разновидности рассматривается не просто как последовательность единиц разного уровня, но как процесс и результат взаимодействия языковых форм и значений с системой социально и культурно обусловленных значений в усло-

виях межличностной интеракции в рамках широкого социального контекста. По замечанию Л. Б. Цуриковой, «дискурсивные стратегии выбора языковых форм для выражения коммуникативного значения и осуществления коммуникативных действий обусловлены интенцией участников общения, существованием конвенциональных способов выражения этой интенции, контекстными параметрами и жанровыми особенностями дискурса, социальными и культурными факторами коммуникативной ситуации и коммуникантов» [Цурикова 2002: 57–58].

Е. В. Харченко указывает, что дискурс отражает представление говорящего о мире, его мнения, установки, интенции, следовательно, человек передает с помощью речи нечто большее, чем содержится в языковой форме высказывания [Харченко 2004: 181]. Рассматриваемые нами формы поведения (деструктивная и конструктивная) являются той сферой межличностных взаимоотношений, в которой конкретные прагматические условия интеракции детерминируют поведение коммуникантов и позволяют говорящим прогнозировать свои речевые действия и речевое поведение собеседника. Подобная трактовка исследуемых конфликтного и кооперативного типов дискурса, как мы считаем, созвучна предложенной В. И. Карасиком прагмалингвистической модели дискурса, когда анализируется способ общения в самом широком смысле слова [Карасик 2002, б]. В работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В. И. Карасик противопоставляет такие виды общения, как серьезное – несерьезное, ритуальное – неритуальное, прямое – не прямое [Карасик 2002, б: 200]. Мы считаем необходимым дополнить данный список типом дискурса в зависимости от его интенции, тональности и способности (неспособности) адресанта оказывать речевое воздействие на адресата и (или) целевую аудиторию в конструктивном или деструктивном плане. В соответствии с этим мы выделяем конфликтный и кооперативный виды дискурса, которые имеют место в политической коммуникации, педагогической среде, научном собрании, юридической сфере, бытовом общении.

В рамках описанного В. И. Карасиком [Карасик 2002, б] социолингвистического подхода мы можем говорить о конфликтном и кооперативном типах дискурса как об институциональных формах общения. Не вызывает сомнения тот факт, что выделенные нами виды дискурса имеют двойственный характер, который проявляет-

ся в их реализации в рамках одного из сложившихся общественных институтов (политика), а также в прагмалингвистических (межкультурных и межнациональных) особенностях общения. Такая двойственная природа анализируемых видов дискурса позволяет нам характеризовать их как гибридные речевые образования, а взаимосвязь феномена дискурса, в частности его конфликтного и кооперативного типов, с социальными, психологическими и культурно значимыми условиями и обстоятельствами, а также прагматическая направленность языковых единиц в любой форме их реализации позволили нам дать следующие определения объектов нашего исследования. В настоящей работе **конфликтный дискурс понимается как деструктивное взаимодействие коммуникантов, актуализирующее их национальный и культурный опыт с установлением отношений определенной тональности, выражающееся в негативно маркированных речевых стратегиях, тактиках и способах речевого поведения, представленное в виде конфликтного монолога и конфликтного диалога, которые в свою очередь характеризуются интолерантной, негативно-оценочной, а зачастую агрессивной направленностью общения.** Конфликтный дискурс отражает следующую триаду: любой конфликт вследствие столкновения интересов порождает речевую агрессию, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте и совокупности деструктивных высказываний, развернутых во времени и пространстве. **Под кооперативным дискурсом в настоящем исследовании понимается речевое взаимодействие агентов коммуникативного акта, характеризующееся позитивной направленностью, реализующееся в наборе кооперативных стратегий и тактик, в стремлении участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, к реализации координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, к конструированию толерантного и вежливого сценария межличностного и межнационального взаимодействия вследствие полного (или по крайней мере частичного) совпадения аксиологических приоритетов коммуникантов, их психологических и эмоциональных установок, вербальных и невербальных ожиданий.**

Конфликтный и кооперативный типы дискурса реализуются в жанровом корпусе текстов с межкультурной направленностью. В этой связи вполне логичным является обращение к вопросу о жан-

ровом статусе текстов, функционирующих в рамках политического дискурса. В известной работе «Семиотика политического дискурса» Е. И. Шейгал выделяет ряд параметров структурирования политического дискурса с точки зрения составляющих его жанров: институциональность, субъектно-адресатные отношения, социокультурная дифференциация, событийная локализация, полевая структура, жанровая интенция [Шейгал 2004]. Однако время неумолимо движется вперед, и вместе с изменениями социального характера трансформируется политическое коммуникативное пространство, что не может не влиять на номенклатуру жанров политического дискурса.

В. В. Дементьев считает проблему поиска методов анализа нового материала особенно актуальной для российского жанроведения, так как «с одной стороны, коммуникативное пространство в России подчиняется общемировым закономерностям, с другой – постсоветская Россия «открывает заново» многие сферы общения, которые существуют во всем мире на протяжении веков» [Дементьев 2011: 19]. Таким образом, вопрос об идентификации речевых жанров, в том числе, и особенно, в рамках политической коммуникации, остается до сих пор нерешенным. Так, не получил окончательного ответа вопрос, стоит ли рассматривать жанры политического дискурса как комплексные образования, отражающие лишь бахтинское определение речевого жанра, или с учетом интеграции в анализируемом феномене достижений различных направлений исследования речи и языка (например, журналистика).

Полагаем, что именно второй путь жанрообразования отвечает современным тенденциям развития научного знания, когда на стыке нескольких областей знания рождается новая теория, отражающая содержательно-формальные характеристики того или иного явления. Такая позиция созвучна и мнению В. В. Дементьева, который полагает, что «идея расширительного понимания РЖ при одновременной внутренней дифференциации данного явления, по возможности более детальной», является более предпочтительной [Дементьев 2009: 18]. При этом автор отмечает, что сторонники расширительного подхода признают жанровый тип системности базовым или гиперонимическим/родовым, а сужающая тенденция пытается уточнить, конкретизировать понятие «речевой жанр» через ужесточение дефиниции и последовательное отграничение данного явления от смежных феноменов.

На необходимость и очевидность дополнения традиционного понимания жанра указывает и А. В. Курьянович, что, по мнению исследователя, обусловлено «присутствием в семантике и прагматике жанра целого комплекса культурно значимых, когнитивных, социопрагматических особенностей, существованием устойчивой тенденции к его дискурсивному развертыванию и наличием репрезентанта в виде вербального коммуникативного события – текста» [Курьянович 2013: 49]. Исходя из тезиса М. Ю. Федосюка [Федосюк 1997] о том, что как речевые жанры можно квалифицировать и монологические тексты, и диалог, мы предлагаем рассматривать жанры политического дискурса с межкультурной направленностью как комплексные образования, которые опираются на литературное понимание жанра М. М. Бахтиным и журналистскую типологию жанров. Таким образом, типология жанров политического дискурса не является застывшей и не подвергающейся изменениям структурой, а испытывает на себе влияние экстралингвистических и лингвопрагматических факторов.

1.2. Новые дискурсивные практики в политической коммуникации. Традиции и новации в жанровом корпусе текстов с межкультурной направленностью

В лингвистической науке наряду с термином *общение* существует и понятие *коммуникация*, их соотношение является камнем преткновения в научных спорах и баталиях. Некоторые ученые (Л. С. Выготский, В. И. Курбатов, А. А. Леонтьев и др.) отождествляют оба понятия, аргументируя свою точку зрения положением об этимологической и семантической тождественности анализируемых терминов. Согласно другому подходу, общение и коммуникация пересекаются, но не являются синонимичными терминами. Так, М. С. Каган [Каган 1974] отмечает, что общение имеет практически-духовный характер, а коммуникация является чисто информационным процессом. Во-вторых, общение и коммуникация различаются по характеру самой связи вступающих во взаимодействие систем: коммуникация является однонаправленным процессом, а общение представляет субъект-субъектную связь.

В настоящем исследовании термины *общение* и *коммуникация* являются для нас категориями одного порядка, которые объединяет

социальная обусловленность процесса обмена информацией. Наиболее остро социокультурный характер процесса коммуникации стал ощущаться в последнее время, когда «коммуникация может вызвать не только лингвофилософский или лингвополитологический интерес, но и рассматриваться в рамках демократической политической системы как социально-политическое явление, как процесс социальной и политической коммуникации» [Зайцев, электронный ресурс: <http://www.e-notabene.ru>].

С целью более корректного определения конфликтного или кооперативного потенциала дискурса необходимо принять такое определение процесса коммуникации, которое удовлетворяло бы целям и задачам конкретной работы и одновременно отражало возможность интерпретации проблематики с учетом различных обстоятельств при рассмотрении в разных ситуациях анализа исследуемого феномена. На наш взгляд, подобным требованиям удовлетворяет определение коммуникации, предложенное П. Н. Донцом [Донец 2004: 32], по мнению которого, это «разновидность интенционального (сознательного) извлечения/сообщения информации в процессе взаимодействия (деятельности) по крайней мере двух субъектов при помощи специально созданных для этого или сложившихся исторически семиотических средств (знаков и правил их комбинирования)». Автор отмечает, что коммуникация может при этом «инициировать другие когнитивные процессы, например, актуализацию уже имеющейся информации либо порождение новой, в том числе через импликацию» [Донец 2004: 32]. В ходе этого взаимодействия между коммуникантами устанавливаются отношения определенного типа.

Данное определение, как мы считаем, подходит для целей нашего исследования, так как в различных жанрах политической коммуникации взаимодействуют два субъекта (представители двух лингвокультур), в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). Не вызывает сомнения тот факт, что коммуникация в большинстве случаев реализуется как диалог между культурами и индивидами, выступающими носителями данных культур. В таком случае мы говорим о межкультурной коммуникации.

Характерной особенностью политической коммуникации последнего времени является то, что она стала носить массовый характер. Происходит это благодаря использованию популярных способов политической информации – СМИ, телевидения и Интернета. Степень влияния традиционных и мультимедийных масс-медиа еще предстоит оценить специалистам в области журналистики, политологии политической лингвистики, однако мы глубоко убеждены в том, что информационный обмен, имеющий место в современном обществе имеет форму диалога, а не выполняет функцию манипулятивного воздействия (см., напр.: Паулов 2008). Характер этого диалога, степень готовности его участников слышать и слушать друга, прагматические характеристики диалогического взаимодействия в рамках различных жанров политической коммуникации (интервью между представителями разных социокультурных общностей, политический комментарий, пресс-конференция) – вот лишь некоторые из тех задач, решение которых представляется нам важным при изучении конфликтной и кооперативной разновидностей дискурса в пространстве политической коммуникации.

А. В. Белозерцев [Белозерцев 2008] отмечает, что для выявления особенностей того или иного вида коммуникации целесообразно было объединить знания о человеке, полученные науками, изучающими различные сферы реализации человеческой личности (психологических, социологических, культурологических), так как известно, что в социуме человеческая личность проявляется во всех вышеуказанных аспектах. Другим моментом, который вносит вклад в поддержку обозначенной точки зрения, автор считает то, что лингвистика уже имеет достаточно богатый опыт взаимодействия с другими науками. На достижения появившихся благодаря этому сотрудничеству отраслей языкознания (социолингвистика, психолингвистика, информационная лингвистика и др.), по мнению А. В. Белозерцева [Белозерцев 2008], и следует опираться при всестороннем изучении коммуникации.

Мы солидарны с А. В. Белозерцевым в том, что междисциплинарный подход, столь востребованный в последнее время в теории и практике научных исследований, как нельзя лучше применим и для исследования процессов коммуникации. Это относится и к нашему исследованию, которое интегрирует в себе достижения различных наук: психологии, конфликтологии, психолингвистики, лингвисти-

ки и прагматики текста, теории межкультурной коммуникации. Для выявления и описания особенностей коммуникативной деятельности человека, для получения полного знания и представления о последней кратко остановимся на положениях, выработанных отдельными науками.

В психолингвистическом аспекте коммуникация рассматривается с точки зрения теории речевой деятельности. Согласно этой теории, любой вид коммуникации представляет собой особый род деятельности, характерный для человека и являющийся его специфической характеристикой. Наиболее важной, распространенной и существенной формой коммуникативно-общественной деятельности является речевая деятельность. В психолингвистике основной акцент делается на изучении и объяснении механизмов осуществления указанной деятельности, структуре этого сложного явления, качественном противопоставлении процессов восприятия и понимания речи, описании невербального компонента речевой деятельности. При описании структуры речевой деятельности психологи выделяют несколько ее видов: «говорение, слушание, писание (письмо как процесс), чтение, перевод» и некоторые другие [Лурия 1998: 260].

Исследования в области речевой коммуникации уделяют пристальное внимание и социальным аспектам общения. При изучении последних рассматривается комплекс социолингвистических понятий: коммуникативная среда, сфера использования языка, среда использования языка, социальные характеристики (статус, роль, профессия, этническая принадлежность, возраст коммуникантов), отношения между говорящим и слушающим, тональность общения, цель, средство общения, способ общения, место общения, степень личностной вовлеченности, тип общности. Для целей нашего исследования релевантными являются все вышеперечисленные понятия. Дадим краткую характеристику каждого из них.

Коммуникативная среда определяется как «исторически сложившаяся этноязыковая общность, характеризующаясь относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью» [Бондалетов 1987: 86].

Сфера использования языка – это общение людей между собой в области определенного вида общественной деятельности. На современном этапе развития цивилизации выделяются следующие сферы

общения: 1) хозяйственная деятельность; 2) общественно-политическая деятельность; 3) быт; 4) организованное обучение; 5) художественная литература; 6) массовая коммуникация; 7) этническое воздействие; 8) наука; 9) делопроизводство; 10) личная переписка; 11) религиозный культ.

Средой использования языка принято называть «общность людей, связанных между собой теми или иными узлами – родственными, этническими, социальными, территориальными – и пользующихся в соответствии с характером соединяющих их уз определенными формами существования языка» [Бондалетов 1987: 86]. В русле настоящего исследования особую роль играют статусные роли собеседников, национальные характеристики коммуникантов, цель общения, тип общности. С учетом сказанного в рамках политического дискурса можно говорить о конфликтном и кооперативном типах коммуникации в различных жанрах (интервью между представителями разных социокультурных общностей, политический комментарий, пресс-конференция), которые репрезентируют деструктивную и конструктивную интенции.

Говоря о дискурсивных практиках в политической коммуникации, следует отметить, что усиление роли политика находит отражение в различных формах взаимодействия главы государства с народом, со своими подчиненными, с оппонентами. В настоящее время в современной политической коммуникации появляются новые формы общения главы государства с народом, формируется политика активного лидерства, модернизируются формы общения первого лица страны с обществом и прессой. С. А. Чубай отмечает, что «необходимость воздействовать на адресата в изменившихся социальных условиях определила отход политика от позиций *вышестоящего, вещающего* и стремление сблизиться с народом, стать с ним *равным, своим*» [Чубай 2007: 32]. Политическая коммуникация является той реальностью, которую исследователь может наблюдать и описывать не постфактум, а непосредственно в момент ее функционирования в рамках той или иной социальной общности. М. Фуко [Фуко 1996: 117] обозначает такую наблюдаемую действительность термином *дискурсивная практика*, под которой автор понимает «исторические правила для реализации функций высказывания в данном социальном и лингвистическом пространстве». О. С. Иссерс синтез всех особенностей данного термина определяет

следующим образом: «дискурсивная практика – это динамичная организация тех коммуникативных систем внутри социума, которая отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а также формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [Иссерс 2011: 58]. К числу основных характеристик такого социолингвистического и когнитивного феномена, как *новая дискурсивная практика*, О. С. Иссерс относит следующие параметры:

- 1) новый коммуникативный канал или носитель информации;
- 2) изменение установки или модальности;
- 3) интеркодность – совокупность единиц разных семиотических систем в определенном типе дискурса [Иссерс 2011: 50-51].

На наш взгляд, в список релевантных параметров новой дискурсивной практики следует добавить такие характеристики:

- 1) изменение целевой аудитории речевого произведения, созданного в рамках того или иного типа дискурса;
- 2) расширение жанровых рамок существующих форм за счет изменения прагматической цели создания текста;
- 3) сочетание в рамках новых дискурсивных практик элементов массовой и межличностной коммуникации;
- 4) интеграция при реализации новых дискурсивных практик компонентов межкультурной и межнациональной коммуникации.

Остановимся более подробно на характеристике выделенных параметров. Если в 2000 году в своей докторской диссертации «Семиотика политического дискурса» Е. И. Шейгал [Шейгал 2000: 128] в качестве одного из конститутивных признаков анализируемой формы интеракции выделяла преобладание массового адресата, то на современном этапе развития политической коммуникации мы не можем говорить о неопределенности адресата. Так, например, материалы одного из исследуемых нами жанров политического комментария обращены всегда к человеку, группе лиц, профессиональному или социальному объединению. Так, Т. И. Стеклова выделяет следующие группы адресатов в интернет-комментариях:

- журналисты, авторы комментируемого материала;
- герои комментируемого материала, политические деятели, чиновники;
- интернет-коммуниканты (читатели, оставившие свой комментарий);

- «третьи» лица, которые напрямую не упоминаются в комментируемых текстах [Стексова 2013: 78].

Как видно из структуры целевой аудитории интернет-комментариев, она представляет собой весьма разнородную группу – от отдельного индивида до социальной группы, что позволяет нам говорить о сочетании в рамках новой дискурсивной практики элементов межличностной и массовой коммуникации. В современной коммуникативистике выделяют следующие формы коммуникации: межличностная, внутригрупповая, массовая и межкультурная. Межличностная коммуникация означает процесс обмена сообщениями и их интерпретацию двумя или несколькими индивидами, вступившими в контакт друг с другом. Внутригрупповая форма коммуникации представляет совокупность различных видов общения, происходящих в массовых группах. Массовая коммуникация представляет взаимодействие различных субъектов, осуществляемое посредством обмена массовой информацией с помощью специальных технических средств, в результате чего в процессе коммуникации участвуют одновременно большие группы людей. На современном этапе развития политического дискурсивного пространства актуальным и востребованным является также и межкультурный подход к исследованию различных форм межличностной, внутригрупповой и массовой интеракции. Межкультурная коммуникация представляет форму общения двух и более представителей различных культур, в ходе которого происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. Межкультурный вектор предполагает новый ракурс исследования, в том числе жанра политического комментария и его новой жанровой разновидности. Последнюю мы определяем как *межкультурный политический комментарий*, поводом для создания которого могут стать информационные сообщения о событиях, происходящих в другой лингвокультуре (например, поводом могут стать авторские статьи и политические интервью).

Таким образом, речь в данном случае идет не о появлении не существовавшего до настоящего времени типа дискурсивной реальности, а о трансформации способов ее отражения и описания, об использовании новых каналов, об измененной модальности, о смешении национально обусловленных дискурсов, кодов и жанров. Отсюда при анализе новых дискурсивных практик в политической

коммуникации неизбежным является обращение к вопросу о традиционных жанрах анализируемого типа дискурса.

К традиционным и самым продуктивным жанрам политической коммуникации в зависимости от формы существования (диалог и монолог) относятся:

I. Монологические жанры:

1. Новостные жанры (короткая новость, расширенная новостная заметка, информационное интервью-монолог).

2. Послание президента.

3. Инаугурационная речь.

4. Партийная программа.

5. Разновидности политической рекламы.

6. Авторские статьи.

II. Диалогические жанры:

1. Политическое интервью.

2. Пресс-конференция.

3. Теледебаты.

4. Общественно-политическое ток-шоу.

5. Политическая дискуссия.

6. Круглый стол.

Предложенная классификация жанров политической коммуникации опирается на журналистскую типологию жанров, хотя, по справедливому замечанию А. В. Колесниченко, «общепринятой классификации журналистских жанров не существует» [Колесниченко 2008: 7]. Автор отмечает, что в западной журналистике принято выделять «событийные» и «комментарийные» жанры, а в России жанры делятся на информационные, аналитические и художественные [Колесниченко 2008: 7]. Новый взгляд на классификацию жанров представлен в работе «Новое время: как создать профессиональную газету в демократическом обществе» (М., 2004) Т. Репковой, которая делит все жанры на три большие группы: новости, рациональная публицистика, эмоциональная публицистика. Новостные жанры описывают необычные, исключительные ситуации и происшествия. Рациональная публицистика представлена такими жанрами, как комментарий, анализ, публицистическое интервью, сочетает в себе элементы, присущие как непосредственным, так и развернутым новостям. Эмоциональная публицистика выражает точку зрения автора (колонка) или газеты (редакционная статья) [Репкова 2004: 133].

Придерживаясь традиционной классификации жанров журналистики на информационные, аналитические и художественно-публицистические, дадим краткую характеристику тех жанров, которые будут рассмотрены в их функционировании в межкультурном политическом пространстве, в их общепринятом понимании, а затем через призму политической и межкультурной коммуникации. Специфика традиционных жанров журналистики при их функционировании в межкультурном политическом пространстве будет определяться функциями политических текстов в целом. Р. Водак выделяет следующие функции политических текстов.

1. Персуазивная функция означает, что партийная программа призвана убеждать, агитировать, пропагандировать.

2. Аргументативная функция. При выполнении политическими текстами персуазивной функции должна быть очевидной связь каждого конкретного пункта программы с убедительной идеологией данной партии или группы, то есть каждое требование, каждый поступок должны быть аргументативно связаны с ценностями, традициями и идеологией.

3. Персуазивно-функциональная функция. Перспективные программы партий не должны растворяться в отдельных обещаниях, ориентированных на сугубо сегодняшнюю политическую ситуацию: модель лучшего мира должна быть эксплицирована.

4. Дистанцирующая (делимитативная) функция. Политическая программа должна быть построена таким образом, что должно быть ясно, почему, собственно, именно эта программа превосходит все остальные. Это реализуется чаще всего в процессе риторико-диалогической дискуссии с другими направлениями, убеждениями и идеологиями.

5. Функция группового объединения (групповыделительная) реализуется в результате дистанцирования от политических оппонентов, то есть политическая программа должна в языковом и содержательном плане воплощать идентичность данного политического направления, а также формировать ее [Водак 1997: 24–33].

М. А. Литовченко несколько расширяет список функций политических сообщений, делая акцент на их языковую сторону:

1. Управление поведением масс, которое включает следующие функции:

– функция прямого руководства к действию;

- функция подготовки действия;
- эмоциональная функция.

При этом первые две функции – руководство к действию и подготовка действия – совпадают с политическими методами, которые обслуживаются языком. Под эмоциональной функцией подразумевается влияние языка на чувство солидарности, его роль в социальной интеграции общества, на которую и опирается создание поведенческой схемы и ее осуществление в политике.

2. Информативная функция. Через эту функцию в политике можно и нужно осуществлять необходимое управление поведением общества, давая ему почву для размышления при помощи дозированной, необходимой в данный момент информации в форме повествовательных высказываний, а не перформативов или приказов.

3. Контроль. Функция контроля осуществляется при помощи языка политики, включающей:

- планирование языка, которое реализуется проведением реформ языка;
- чистку языка (пуризм);
- именование и переименование учреждений, улиц, площадей, городов;
- именование институтов политической власти и идеологических понятий.

Контроль над языком, заключающийся в управлении содержанием языковых единиц, и реализация с их помощью контроля над обществом ярко проявляются в сфере политики, тесно связанной с пропагандой, а именно в идеологии. Воздействие идеологии над языком обусловлено объективными факторами: возникновение и развитие терминологической системы государства и его институтов в соответствии с законами развития языка. Широкое использование идеологических приемов позволило некоторым авторам говорить об идеологической функции языка политики.

4. Идеологическая функция рассматривается как функция сознательного внедрения той или иной идеологии. В идеологических целях может быть использовано любое слово, форма слова, любая конструкция, превращенная в «идеологему». Главное – достижение цели идеологии: создание идеологической картины мира, чаще всего оторванной от реальности, от настоящей жизни общества, при помощи которой политики могут управлять людьми. Актуальность

осуществления идеологической функции обусловлена необходимостью создания и реализации новой идеологии при возникновении новой политической системы, при приходе нового политического лидера со своей политикой. Поэтому с идеологической функцией тесно связана функция интеграции.

5. Интегрирующая функция проявляется в способности при помощи языковых средств осуществлять массовое воздействие и создавать единое мнение и общее мышление у большинства граждан данного государства.

6. Функция оценки рассматривается как одна из важнейших языковых функций в политике, так как при формировании общественного мнения политика опирается на понятия «хорошо» и «плохо». Оценочный компонент всегда присутствует в языке политики. Функция оценки характерна не только для общественно-политической массовой коммуникации, но и для институционального общения, особенно в сфере законодательства и суда, которые непосредственно связаны с оценкой деятельности, а также для парламентского общения.

7. Функция убеждения. Для осуществления одной-единственной цели политиков всех времен и народов – единения граждан с самим политиком – используются все возможные языковые средства и методы убеждения, добровольного или насильственного [Литовченко 2003: 57–63].

В аспекте политической и межкультурной коммуникации важным, на наш взгляд, является обращение к вопросу о функциях заголовочных комплексов. В традиционной лингвистике [Бухарев 2008, Лазарева 2004, Солганик 1981] выделяют следующие функции заголовков, выполняемые ими в газетном тексте:

- номинативная функция заголовка;
- информативная функция;
- рекламная функция;
- функция эмоционального воздействия;
- функция убеждения.

Н. Б. Руженцева [Руженцева 2012] выделяет еще одну функцию заголовков применительно к межнациональному дискурсу – аксиологическую, которая направлена на формирование системы межнациональных ценностей. Данная функция со всей полнотой реализуется в новостных жанрах, «сопровождающих» событие или

ситуацию, происходящие в одной лингвокультуре, но получающую оценку или реакцию на межкультурном уровне. В этом случае мы наблюдаем преломление системы общечеловеческих ценностей через ценностные ориентации участников процесса межкультурной коммуникации.

Перейдем к жанровым формам политического дискурса.

Новость. Как и в случае с жанровой дифференциацией, не существует единого мнения по поводу того, считать ли новость самостоятельным жанром, сенсационным сообщением, признаком какого-либо явления. Так, М. Н. Ким полагает, что «новость не может выступать в качестве самостоятельного жанрового образования, потому что она является не формой отображения какого-либо объекта, а лишь коммуникативным намерением журналиста в сообщении каких-либо новых сведений или фактов» [Ким 2011: 263]. Однако для целей нашего исследования целесообразным является выделение таких новостных жанров, как короткая новость, расширенная новостная заметка, информационное интервью. А. В. Колесниченко определяет **короткую новость** как «рассказ о событии, начиная от самого важного в нем и кончая наименее важным» [Колесниченко 2008: 8]. Такой принцип «перевернутой пирамиды» приводит к тому, что многие читатели ограничиваются лишь просмотром заголовка, а в лучшем случае обращают внимание на вводную часть, или лид (от англ. lead – лидер, лидировать).

С еще большей силой межкультурный характер политической коммуникации проявляется в таком жанре, как **расширенная новостная заметка**, которая включает в себя «помимо новостного ядра еще и деталь – подробный рассказ о событии, и бэкграунд – дополнительную информацию, напрямую не связанную с событием, но помогающую лучше понять смысл произошедшего» [Колесниченко 2008: 8]. Расширенная новостная заметка в межкультурной политической коммуникации, как правило, строится по «жесткому» принципу, то есть «в начало материала выносятся самое важное, кульминационный момент события, факта, а далее излагается информация по принципу убывания интереса» [Жуков 2013: 669]. На наш взгляд, в данном и подобных случаях ценностное содержание адресанта и адресата передается в таком элементе текста расширенной новостной заметки, как лид. В. В. Ворошилов выделяет следующие разновидности лидов:

- *лид «одного элемента»* используется в том случае, если в новости есть очень сильный элемент, который следует выделить;
- *лид-обобщение* используется, если в информации присутствует несколько одинаково важных элементов;
- *лид-«вешалка»* практически идентичен новостному материалу;
- *лид – немедленная идентификация* начинается с ответа на вопрос «кто?», так как центром новости является участие известной личности в описываемом событии;
- *лид – затянутая идентификация* используется в случае, когда лицо само по себе не является важным, но стало таким в результате совершенных действий;
- *лид – «одиночный выстрел»* применим, когда предмет сообщения может быть очень краток, афористично обозначен;
- *лид-комментарий* выглядит объективно, но содержит комментарий журналиста;
- *лид-каламбур*, или игровой лид, обычно встречается на страницах популярной развлекательной прессы;
- *лид-рассказ* используется, если необычность происшествия может быть показана через краткую хронологию событий [Ворошилов 2000: 32].

Как видно из приведенной классификации, первый абзац расширенной новостной заметки представляет собой в некоторых случаях разновидность синтетического жанра (например, лид-комментарий), что важно учитывать при функционировании новости в межкультурном политическом пространстве. На освещение событий в другой лингвокультуре накладывают отпечаток не только и не столько национальные установки и стереотипы, сколько общественно-политический ракурс интерпретации действительности. По справедливому замечанию Т. Г. Добросклонской [Добросклонская 2010], тексты массовой информации находятся в тесной связи с картиной мира, идеологией и культурой.

Несмотря на то что в названии следующего жанра, релевантного, с нашей точки зрения, для политической коммуникации, содержится элемент разговора или беседы между двумя людьми (**интервью**), типология этого жанра в журналистике предполагает большую степень вариативности, в том числе и существование интервью-монолога. Это дает нам основание включить данный жанр в раз-

ряд монологических форм коммуникации. При его характеристике М. Н. Ким отмечает: «Особенностью монологической речи является то, что она в отличие от диалогической не предполагает незамедлительного ответа или какой-либо реакции от слушателя даже в том случае, если посредством ее пытаются воздействовать на человека» [Ким 2011: 296]. На наш взгляд, разновидностью интервью-монолога в политической коммуникации являются интернет-конференции политиков. Так, 6 июля 2006 года в свой первый президентский срок В. В. Путин провел интернет-конференцию, вопросы к которой приходили в течение недели до начала мероприятия. Особенностью этой пресс-конференции стало не только использование нового канала массовой коммуникации, но и ее трансляция в режиме реального времени на английском языке на сайте Би-би-си и в эфире некоторых спутниковых каналов. Вопросы же к политику поступали на портал «Яндекс» и сайт уже упомянутой компании Би-би-си, что подтверждает существование этого жанра политической коммуникации не только внутри одной культуры, но и за ее пределами, то есть в межкультурном политическом пространстве.

Традиция общения с целевой аудиторией в компьютерно-опосредованном формате была продолжена тогда еще первым заместителем председателя правительства Российской Федерации Д. А. Медведевым 5 марта 2007 года, когда в течение двух часов пяти минут первый вице-премьер ответил на 41 вопрос. Однако представляется, что термин *межкультурный* не вполне применим к этому мероприятию, так как оно было организовано лишь российскими средствами массовой информации. Межкультурный характер коммуникации со всей полнотой был реализован во время онлайн-конференции председателя правительства, когда он отвечал на вопросы интернет-пользователей на площадке информационного китайского агентства «Синьхуа» (22 октября 2013 года).

Общение самих политиков также может происходить в формате интервью-монолога. Примером такого интервью-монолога, на наш взгляд, является книга «Моральные уроки XX века: Диалоги», в которой два всемирно известных общественных деятеля – бывший президент СССР Михаил Горбачев и президент международной общественно-религиозной организации Soka Gakkai International («Общество созидания ценностей») Дайсаку Икеда – в течение почти двух лет вели диалоги об уроках и испытаниях, связанных

с попыткой реализовать на практике идеи социалистического гуманизма. Несмотря на присутствие в названии книги слова *диалог*, издание является специфичным по своей форме и стоит ближе к монологу, так как адресант не может наблюдать непосредственной реакции адресата. Сказанное дает нам основание рассматривать данную форму интеракции как интервью-монолог с точки зрения журналистики или диалог на «расстоянии», который выделяет А. П. Чудинов, обращая внимание на три формы диалогичности:

- собственно диалогичность, при которой в создании текста участвуют несколько говорящих (беседа, интервью, пресс-конференция);
- диалоги «на расстоянии», когда политический лидер отвечает на заранее присланные вопросы или комментирует высказывания других политиков;
- интертекстуальность, то есть диалог культур во времени и пространстве [Чудинов 2012: 58].

Следующим жанром, анализ которого представляется нам релевантным для межкультурного политического пространства, являются **авторские статьи**. Так как в российских СМИ этот жанр появился сравнительно недавно, возникает необходимость обратиться к английскому эквиваленту этого типа текста, где он носит название *op-ed*, аббревиатура от *opposite the editorial page* – *противоположный странице редактора*. В свободной энциклопедии *Wikipedia* читаем следующее определение авторской статьи: *a newspaper article that expresses the opinions of a named writer who is usually unaffiliated with the newspaper's editorial board* – газетная статья, которая выражает мнение известного человека, не имеющего отношения к редакционной коллегии. Считается, что родоначальником авторских статей был Герберт Байярд Свон, который возглавил газету *The New York Evening World* в 1920 году и стал предоставлять сотрудникам газеты возможность высказывать свое мнение на полосе, отличной от той, на которой располагалась редакторская статья. Однако в современном понимании авторские статьи возникли в 1970 году благодаря Джону Бертраму Оксу, который был редактором газеты *The New York Times*.

Поскольку авторская статья является разновидностью статьи как аналитического жанра, считаем целесообразным дать краткую характеристику этого жанра журналистики в его традиционном понимании. По мнению А. А. Грабельникова, статье по сравнению

с другими жанрами присущи «наибольшая широта теоретических и практических обобщений, глубокий анализ фактов и явлений, четкая социальная направленность» [Грабельников 2004: 177]. М. Н. Ким указывает, что статья позволяет «проявить идейно-политическую позицию издания», «высветить и выявить основные тенденции какого-либо общественно значимого явления», «вынести на широкое общественное обсуждение наиболее важные вопросы текущей политики, экономики, социальной жизни людей», «отстоять мнение перед своими оппонентами» [Ким 2011: 348]. А. А. Тертычный предъявляет следующие требования к статье:

- наличие концептуальной линии;
- прозрачность методов, применяемых автором при оценке тех или иных явлений;
- соблюдение определенной композиции статьи (начало, главная часть, заключение) [Тертычный 2010].

Мы полагаем, что приведенные выше характеристики статьи как журналистского жанра вполне соответствуют авторским статьям, функционирующим в пространстве политической коммуникации. На настоящем этапе политического развития авторские статьи являются эффективным механизмом речевого воздействия на целевую аудиторию. Мы предлагаем рассматривать их как функционирующие в рамках так называемого «языка политики», который Е. И. Шейгал трактует как один из профессиональных подязыков [Шейгал 2000: 39]. На наш взгляд, одной из разновидностей политического языка являются тексты статей руководителей нашего государства. Начиная с 2008 года Д. А. Медведев (на посту как президента, так и премьер-министра России) опубликовал 14 статей, посвященных актуальным вопросам положения дел в стране, международного сотрудничества, современного политического и экономического развития. Так, 21 ноября 2008 года накануне саммита АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) в средствах массовой информации Азиатско-Тихоокеанского региона вышла статья «К упрочению динамичного равноправного партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе». 31 марта 2009 года газета *Washington Post* публикует статью Д. А. Медведева под заголовком «Строя российско-американские отношения».

Справедливости ради необходимо отметить, что площадкой для выражения авторского мнения руководителей нашей страны стано-

вились не только зарубежные, но и интернет-издания. Так, 10 сентября 2009 года в интернет-издании Газета.Ru была опубликована статья Д. А. Медведева «Россия, вперед!», в которой президент изложил свое представление о будущем России. Следующая статья – «АТЭС: на пути к стабильному, безопасному и процветающему сообществу» – была опубликована также в интернет-пространстве, но на этот раз на официальном сайте руководителя государства. 13 ноября 2009 года британское издание *Economist* предоставило свое газетное пространство Д. А. Медведеву для публикации его статьи «Роль России в «переходный» период». 6 апреля 2010 года в преддверии официального визита президента России в Словацкую Республику в словацкой газете *Правда* была опубликована статья «Миссия: партнерство». Как видно из перечисления статей и сроков их публикации, большинство их них приурочено к важным событиям в жизни страны и мирового сообщества.

Не является исключением и следующая статья Д. А. Медведева – «Страны БРИК: общие цели – общие действия», которая, как следует из названия, вышла в свет в преддверии саммита БРИК (с 2011 года аббревиатура изменена на БРИКС: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) в печатных изданиях четырех быстроразвивающихся стран – членов этой группы.

9 мая 2010 года накануне визита Д. А. Медведева в Сирию сирийская газета *Аль-Ватан* публикует статью – обращение к народу ближневосточного государства. Следующей страной, которую президент России посетил во время своего визита в страны «Большого Ближнего Востока», была Турция, оценку отношений с которой Д. А. Медведев изложил в статье, опубликованной в турецкой газете *Заман*. 27 сентября 2010 года в газете *Синьминь Ваньбао* (издание Китайской Народной Республики) было опубликовано приветствие Д. А. Медведева организаторам и участникам выставки «ЭКСПО-2010», проходившей с 1 мая по 31 октября того же года в Шанхае, Китай. В октябре 2010 года президент России с официальным визитом посетил Республику Кипр, в ходе которого обратился к читателям кипрской газеты *Филэлефтерос* (7 октября 2010 года).

30–31 октября 2010 года Д. А. Медведев принял участие во втором саммите России и стран – членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Ханое (столице Вьетнама) и посетил с официальным визитом Социалистическую Республику Вьетнам,

а накануне этих событий обратился к читателям вьетнамской газеты *Нянзан* (30 октября 2010 года). В рамках подготовки к форуму АТЭС-2012 на сайте президента России была опубликована статья «Интеграция – в целях развития, инновации – в интересах процветания» (28 января 2012 года). На посту премьер-министра России Д. А. Медведев издал лишь одну статью – 5 апреля 2013 года, накануне форума Балтийского моря, в изданиях *Aftenposten* (Норвегия), *Helsingin Sanomat* (Финляндия), *Rzeczpospolita* (Польша), *Jyllands-Posten* (Дания), *Morgunbladid* (Исландия), *Neatkarīga Rita Avīze* (Латвия), *Eesti Päevaleht* (Эстония) была опубликована статья «Балтика в XXI веке: приоритет – экология».

Первая статья В. В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» была опубликована на интернет-сайте кабинета министров РФ 30 декабря 1999 года. Следующая статья В. В. Путина вышла в свет ровно через десять лет, 31 августа 2009 года, в польском издании *Газета Выборча*. Как уже указывалось выше, ареной для выражения собственного мнения российские политики выбирают не только зарубежные средства массовой информации, но и российские издания. 4 октября 2011 года газета «Известия» опубликовала статью тогдашнего председателя правительства России В. В. Путина, посвященную вопросам интеграции и взаимовыгодного сотрудничества на постсоветском пространстве «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». 5 июня 2012 года в преддверии государственного визита в Китайскую Народную Республику в газете *Женьминь жибао* выходит статья президента России «Россия и Китай: новые горизонты сотрудничества». Информационным поводом для создания этой статьи стал не только визит В. В. Путина в Китай, но и саммит Шанхайской организации сотрудничества в Пекине.

18 июня того же года мексиканская газета *El Universal* публикует статью В. В. Путина «Группа двадцати» и глобальные вызовы экономики», посвященную проблемам мировой экономики и новым вызовам, стоящим перед «Группой двадцати» (19 крупнейших национальных экономик и Евросоюз). 5 сентября 2012 года в азиатском издании ведущей американской деловой газеты *Wall Street Journal* была размещена статья «Владивосток-2012: российская повестка для форума АТЭС», в которой президент России подчеркнул значимость России как нового члена Всемирной торговой организации.

В конце 2012 года (23 декабря) в преддверии официального визита президента России в Индию в газете *Хинду* была опубликована статья В. В. Путина «Россия и Индия: новые горизонты стратегического партнерства в XXI веке». 8 апреля 2013 года президент России посетил Нидерланды, а накануне этого визита нидерландская газета *De Telegraaf* публикует статью «Россия и Нидерланды – традиции, историческая преемственность и новые перспективы партнерства».

Не вызывает сомнения тот факт, что самой резонансной статьей, принадлежащей В. В. Путину, стала публикация «Россия призывает к осторожности», вышедшая 11 сентября 2013 года на страницах американской газеты *New York Times*. В этой статье обсуждается проблема военного вмешательства США в конфликт в Сирии. Упомянутое американское издание уже становилось площадкой для выражения мнения В. В. Путина, который свою первую статью для этой газеты написал в 1999 году. В ноябре 2013 года состоялся визит В. В. Путина в Социалистическую Республику Вьетнам, а в его преддверии в ведущих печатных изданиях Вьетнама была опубликована статья Владимира Путина «Россия – Вьетнам: вместе к новым рубежам сотрудничества».

Отдельную группу авторских статей президента России составляют те, которые появились в период предвыборной кампании 2012 года. 16 января в газете «Известия» была опубликована статья «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить», 23 января в «Независимой газете» вышла статья «Россия: национальный вопрос», 30 января газета «Ведомости» опубликовала статью «О наших экономических задачах», 6 февраля читатели могли ознакомиться со статьей В. В. Путина «Демократия и качество государства» (на страницах газеты «Коммерсант»). Всего в начале 2012 года было опубликовано семь таких статей (13 февраля в «Комсомольской правде» – «Строительство справедливости. Социальная политика для России», 20 февраля в «Российской газете» – «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России», 27 февраля в «Московских новостях» – «Россия и меняющийся мир»). Особенностью последних семи статей является то, что в них автор излагает свою позицию по текущим и перспективным вопросам, а признаки агитации (несмотря на предвыборную кампанию) в анализируемом материале отсутствуют.

Таким образом, под авторскими статьями в настоящем исследовании понимаются тексты, написанные руководителями нашего государства и опубликованные в российских и зарубежных изданиях. В случае контакта двух культур мы можем говорить о функционировании текстов авторских статей в межкультурном политическом пространстве. Для авторских статей в данном случае характерными являются следующие признаки: нацеленность на зарубежную целевую аудиторию; обсуждение актуальных мировых проблем и задач, стоящих перед отдельным государством, в межкультурной перспективе; авторская оценка происходящих и анализируемых событий.

Одним из самых продуктивных и традиционных диалогических жанров является **интервью**. В традиционной журналистике существует несколько классификаций интервью. Так, А. А. Грабельников [Грабельников 2004] различает интервью-диалог, интервью-монолог, интервью-сообщение, интервью-зарисовку, интервью-мнение, коллективное интервью, анкету. А. А. Тertyчный выделяет информационное интервью, аналитическое интервью, блиц-опрос, вопрос-ответ, аналитический опрос, беседу [Тertyчный 2014]. Как видно из приведенных классификаций, в их основе лежит «содержание текста, изложенного в форме интервью» [Тertyчный 2014: 109], а также структура текста интервью. А. В. Колесниченко предлагает еще один принцип классификации интервью – в зависимости от темы, согласно которому автор выделяет предметное интервью, личностное интервью и предметно-личностное интервью [Колесниченко 2008: 53]. В плане характеристики интервью с точки зрения наличия/отсутствия агрессивного прагматического потенциала нам импонирует мысль В. В. Ворошилова, который разграничивает интервью как «представляющие общественный интерес ответы конкретного лица (группы лиц) на вопросы журналиста» и беседу, когда «журналист не ограничивается лаконичными вопросами, а спорит с собеседником, комментирует его ответы» [Ворошилов 2000: 33].

На наш взгляд, характеристики интервью-беседы вполне применимы к этому жанру, функционирующему в пространстве политической коммуникации. М. Н. Ким выделяет политическое портретное интервью, «основанное на признаниях и высказываниях известных политиков по поводу их политических пристрастий и взглядов, а также осмысления ими собственной политической карьеры». Причины появления данного вида интервью автор видит в

демократизации политической жизни в стране и открытости самих политиков [Ким 2011: 297].

По нашему глубокому убеждению, именно социально-политические изменения в обществе сделали возможным функционирование политического интервью в межкультурном политическом пространстве. В настоящее время политические деятели прибегают к такому способу общения с целевой аудиторией, как **беседа с представителями зарубежных средств массовой информации**. При этом беседа представителей зарубежных средств массовой информации с членами эшелона власти другого государства, а также зафиксированный результат такого разговора мы определяем как *политическое интервью межкультурного уровня*. Так, начиная с 2000 года действующие руководители нашей страны (в разное время занимавшие посты как президента, так и премьер-министра) дали около 100 интервью зарубежным телеканалам, газетам, агентствам, радиовещательным корпорациям (телеканалу «Блумберг ТВ»; телеканалам Си-эн-эн, Си-эн-би-си, Аль-Джазира; американским, немецким, французской газете; представителям иранских, азербайджанских, корейских, китайских, индийских СМИ – вот лишь неполный перечень зарубежных СМИ, представители которых встречались с В. В. Путиным и Д. А. Медведевым). По замечанию О. А. Плотниковой, «в течение нескольких десятилетий, в период идеологической цензуры интервью были достаточно стереотипны, имели искусственные, заранее заданные формы; клишированные, типовые вопросы и типовые ответы заменяли живое, непосредственное общение» [Плотникова 2007: 3]. Е. И. Голанова указывает, что «эпоха гласности ознаменовалась тем, что на смену выражению официального единомыслия и соответствующим языковым стереотипам пришла возможность свободного обмена мнениями, отсюда – языковая раскрепощенность, раскованность, свобода в выборе формы и содержания» [Голанова 2000: 428]. В контексте нашего исследования подобная идеологическая и языковая раскрепощенность проявляется в форме свободного общения представителей различных культур, которое не всегда характеризуется этикетными и кооперативными нормами, а часто приводит к сбоям и помехам в общении.

По мнению М. А. Стрельниковой, «интервью как один из самых распространенных типов устного публичного диалога дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной

публичной речи». Автор указывает, что «тексты современных интервью отражают значительные изменения в языковых вкусах и речевом поведении нашего современника. Интервью – это диалог, происходящий между журналистом – получателем информации – и носителем информации (ее отправителем). При этом журналист с помощью системы вопросов стремится организовать интервью так, чтобы интервьюируемый мог полно и логически последовательно раскрыть заданную тему» [Стрельникова 2005: 9].

Такой жанр, как политическое интервью межкультурного уровня, который является новой формой речевого поведения руководителей нашего государства, отражает, однако, известную долю традиционных и консервативных коммуникативных установок. Современные средства массовой информации очень креативны и динамичны в плане создания новых жанровых разновидностей. Как следствие – появление нового типа диалогического жанра, варианта интервью, а именно *Разговор с президентом*, который, как показывает анализ текстового материала, обладает своими структурно-композиционными и языковыми особенностями. По нашим наблюдениям, этот публицистический жанр является сочетанием слова как изобразительно-выразительного средства (или как содержания) и диалога (общения) как формы речевой репрезентации. Иными словами, *Разговор с президентом* мы с полным основанием можем рассматривать как разновидность интервью, обладающую своей спецификой, которая, с одной стороны, позволяет нам соотнести все характеристики жанра интервью с этой формой диалогической интеракции, а с другой – выделить некоторые особенности, которые позволяют отнести жанр *Разговор с президентом* к отдельной группе массовой и межличностной коммуникации.

Динамику данной жанровой формы можно проиллюстрировать следующими примерами. В 2009 году президент России Д. А. Медведев провел восемь встреч в формате нового диалогического жанра, а завершающим этапом стало обсуждение итогов года с руководителями трех каналов: «Первого» (Константин Эрнст), «Россия» (Олег Добродеев) и «НТВ» (Владимир Кулистиков). В течение года Д. А. Медведев отвечал на вопросы следующих журналистов: ведущего программы «Вести недели» Евгения Ревенко (две встречи), руководителя дирекции информационных программ «Первого канала» Кирилла Клейменова (три встречи), главного редактора

информационной службы «НТВ» Татьяны Митковой, ведущего программы «Вести в субботу» Сергея Брилева, ведущего «Итоговой программы НТВ» Кирилла Позднякова. В 2011 году традиция встреч президента с руководителями ведущих российских телеканалов была продолжена. Так, 30 сентября 2011 года Д. А. Медведев ответил на вопросы К. Эрнста, О. Добродеева и В. Кулистика. Однако, несмотря на отсутствие кардинальных изменений в формате этой встречи (по сравнению с 2009 годом), этот разговор носил новое название, а именно «Интервью телеканалам «Первый», «Россия» и НТВ». Такое название, отражающее основной прагматический потенциал данного диалогического жанра, было использовано для номинации встречи руководителей ведущих российских телеканалов с председателем правительства Российской Федерации В. В. Путиным (интервью состоялось 17 октября 2011 года). Изменения в раскладе политических сил в стране не могли не повлиять на формат нового жанра – 7 декабря 2012 года состоялась встреча, которая носила название «Разговор с Дмитрием Медведевым. Интервью пяти телеканалам». Ставшее уже традиционным интервью Дмитрия Медведева, посвященное работе правительства в уходящем году, состоялось 6 декабря 2013 года – вопросы задавали телеведущие Ирада Зейналова, представляющая «Первый канал», Сергей Брилев – российский медиахолдинг «ВГТРК», Марианна Максимовская – российская федеральная телекомпания «Рен ТВ», Вадим Такменев – общероссийский телеканал «НТВ» и Михаил Зыгарь – телеканал «Дождь». 10 декабря 2014 года председатель правительства Российской Федерации ответил на вопросы телеведущих Ирады Зейналовой («Первый канал»), Сергея Брилева («Россия 1»), Марианны Максимовской («Рен ТВ»), Вадима Такменева («НТВ») и Михаила Зыгаря («Дождь»).

Несмотря на временную дистанцию встреч, анализ речевого/текстового материала позволяет нам выделить ряд особенностей, которые объединяют эти беседы, и описать структурно-содержательные характеристики анализируемого жанра:

- каждый разговор был посвящен конкретным темам;
- в ходе обсуждения тех или иных вопросов наблюдалась ответственность по отношению к предыдущему разговору;
- большая по сравнению с обычным интервью откровенность во время беседы.

Интервью из цикла «Разговор с президентом» отличается от политического интервью межкультурного уровня отсутствием столкновения национальных картин мира коммуникантов, так как и интервьюер, и интервьюируемый принадлежат к одной лингвокультуре. В свою очередь в межкультурном политическом пространстве функционирует, как следует из его названия, политическое интервью межкультурного уровня. Это же можно отнести и к **пресс-конференции** как особому диалогическому жанру.

М. Н. Ким видит специфику пресс-конференции в том, что «она является не только эффективной формой информирования общественности по актуальным вопросам, но и своеобразной формой коллективного интервьюирования, в ходе которого могут быть раскрыты многие вопросы» [Ким 2011: 307]. В. В. Ворошилов определяет пресс-конференцию как «массовое интервью» [Ворошилов 2000: 33]. А. П. Чудинов рассматривает пресс-конференцию как один из способов реализации коммуникативной функции политической речи [Чудинов 2009, а: 66].

Таким образом, пресс-конференцию можно с известной долей условности считать разновидностью интервью, что дает нам основание приписать все характеристики жанра интервью этому способу диалогической интеракции и одновременно выявить жанровую специфику этой формы межличностной и публичной коммуникации. Пресс-конференция является традиционным жанром политической коммуникации, однако в современном политическом пространстве эта форма общения политических лидеров с аудиторией трансформируется и получает нетрадиционные способы реализации. Не вызывает сомнения тот факт, что в пресс-конференции как структурно-смысловом единстве в тесном взаимодействии находятся индивидуально-речевые особенности говорящих (лексико-словообразовательное наполнение, синтаксические структуры и др.) и специфические принципы прагматической организации жанра.

Проследим историю зарождения этой жанровой разновидности в политической коммуникации современной России. Практику так называемых больших пресс-конференций ввел В. В. Путин: первая из них состоялась 18 июля 2001 года, вторая большая встреча В. В. Путина с журналистами прошла 24 июня 2002 года, в третий раз В. В. Путин ответил на вопросы прессы и телеканалов 20 июня 2003 года. Следующая большая пресс-конференция прошла почти

через полтора года – 23 декабря 2004 года, новая конференция состоялась 31 января 2006 года, очередная пресс-конференция прошла 1 февраля 2007 года. Большая пресс-конференция, состоявшаяся 14 февраля 2008 года, продолжалась рекордные 4 часа 40 минут.

Д. А. Медведев лишь один раз провел большую пресс-конференцию, предпочитая жанр интервью и встречи с коллективами российских и зарубежных средств массовой информации. Необходимо отметить, что кроме больших пресс-конференций с 2001 года В. В. Путин проводил «прямые линии», во время которых отвечал на вопросы жителей страны. На посту премьер-министра (с мая 2008 по май 2012 года) В. В. Путин не проводил больших пресс-конференций. В декабре 2012 года в связи с избранием президентом на новый шестилетний срок В. В. Путин возобновил практику проведения больших пресс-конференций. 20 декабря 2012 года встреча президента России с представителями средств массовой информации, проходившая в Центре международной торговли на Краснопресненской набережной, длилась 4 часа 30 минут. 19 декабря 2013 года подобное мероприятие состоялось в Центре международной торговли в девятый раз и продолжалось 4 часа 15 минут. Рассматривая пресс-конференцию в качестве разновидности информационного диалога, мы вполне уверенно можем характеризовать этот жанр как функционирующий, с одной стороны, в рамках политического дискурса, а с другой – в межкультурном пространстве, так как участниками пресс-конференция являются руководители государства и журналисты, аккредитованные как российскими, так и зарубежными СМИ.

Отдельным жанром является **комментарий**, который, с одной стороны, представляет собой отклик в форме авторского монолога на резонансные события, а с другой – становится началом диалога с целевой аудиторией по поводу комментируемого факта. Е. В. Егорова предлагает в компьютерно-опосредованном дискурсе считать полилогическими такие традиционно монологические жанры, которые имеют обратную связь или выступают как реплики полилога [Егорова 2012].

Публицистический комментарий как жанр выделился из короткого аналитического сообщения в начале XX века. А. А. Грабельников рассматривает комментарий как разновидность статьи, но отличающуюся «оперативной и гибкой формой», представляющую

«актуальное публицистическое выступление, которое объясняет факты и явления с политических позиций, на которых стоит автор» [Грабельников 2004: 175]. Таким образом, в данном определении отражена реализация дискурсивного и прагматического подходов к последующему исследованию такого жанра, как комментарий.

С точки зрения дискурсивного подхода комментарий в настоящем исследовании рассматривается в рамках политической коммуникации, а с позиций лингвопрагматики нас интересуют интенциональные, национальные и социальные смыслы общения. В данной работе политическая коммуникация рассматривается нами как синоним политического дискурса, поэтому вполне оправданным будет привести список конститутивных признаков анализируемой формы интеракции, выделенных Е. И. Шейгал:

- преобладание массового адресата;
- эмоциональность и значительная доля фатического общения;
- смысловая неопределенность;
- дистанцированность и авторитарность;
- динамичность [Шейгал 2000: 128].

Для целей нашего исследования релевантными будут лишь некоторые из приведенных характеристик политического дискурса, так как в жанре политического комментария мы не можем говорить о неопределенности адресата. Как правило, такие материалы обращены всегда к человеку, группе лиц, профессиональному или социальному объединению.

По справедливому замечанию Е. И. Шейгал, соотношение эмоциональности и информативности в политическом дискурсе варьируется в зависимости от конкретного жанра [Шейгал 2000: 64]. Не вызывает сомнения тот факт, что жанр политического комментария также обладает высокой степенью эмоциентрированности, однако соотношение информативности и эмоциональности, на наш взгляд, будет зависеть от адресанта-создателя данного вида аналитических материалов. Одной из характерных особенностей современного политического комментария является изменение адресанта сообщений в рамках этого аналитического жанра в сторону увеличения числа создателей аналитических материалов. Анализ речевого материала показывает, что современные политические комментарии в зависимости от индивидуально-личностного компонента можно разделить на следующие группы:

- комментарии политиков по актуальным вопросам современной общественно-политической жизни;
- комментарии политических консультантов, политологов, то есть экспертов в области политики;
- комментарии рядовых граждан, тех, кто интересуется политикой не в силу профессиональных интересов, а по причине активной жизненной позиции.

Рассмотрим перечисленные виды политических комментариев более подробно. Как и другие виды комментариев, мнение политиков по тем или иным вопросам является следствием каких-то резонансных событий или действий политических оппонентов. Однако в отличие от других типов политических комментариев данная разновидность анализируемого информационно-аналитического жанра, как правило, является наименее эмоциональной. В этом смысле комментарии политиков обладают характеристиками данного жанра в англоязычном газетно-публицистическом дискурсе, выявленными С. Л. Васильевой [Васильева 2013]. По ее мнению, англоязычный комментарий в достаточной степени дистанцирован от сообщаемых фактов, а его создатель стремится максимально объективно представить событие, оставаясь при этом нейтральным сторонним наблюдателем.

Комментарии же специалистов в области политической жизни, напротив, отличаются преобладанием эмоционального компонента над рациональным. М. Ю. Кочкин, не дифференцируя политические комментарии, считает, что исследуемый жанр относится к разряду оценочных, в которых ярко выражен образ автора [Кочкин 2003]. Однако при этом автор не отрицает высокой степени информативности жанра политического комментария, «но не «по горизонтали», а «по вертикали», когда автор обладает сведениями о подковерных интригах, тайных сговорах, неявных рычагах тех или иных изменений» [Кочкин 2003: 61]. Анализ нашего материала показывает, что интенция текстов политических комментариев, созданных специалистами, заключается в информировании о последних событиях текущего дня, развернутом или экспресс-комментировании политических процессов, то есть в выражении собственной точки зрения по обсуждаемому вопросу. Такие черты вполне присущи экспертным материалам, расположенным на русскоязычном информационном сайте политических комментариев ПОЛИТКОМ.

RU, основная цель создания которого заключается в возможности иметь трибуну для выражения точки зрения политиков, экспертов и журналистов. Не вызывает сомнения тот факт, что наибольшей степенью эмоциональности отличаются тексты политических комментариев, принадлежащие рядовым гражданам. Во многом это объясняется прагматическими условиями бытования таких комментариев в пространстве Интернета. Компьютерно-опосредованная коммуникация как новая форма интеракции является в настоящее время объектом многих научных исследований. Так, Л. Ю. Щипицина в качестве одной из характеристик компьютерно-опосредованной коммуникации выделяет анонимность общения, что является следствием дистанцированности коммуникантов, отсутствия визуального контакта между ними, простоты системы регистрации [Щипицина 2010: 82]. На наш взгляд, именно анонимность общения позволяет сделать комментарии рядовых граждан максимально экспрессивными с явным преобладанием индивидуально-личностного компонента.

Разная доля соотношения эмоционального и рационального компонентов в текстах политических комментариев в зависимости от индивидуально-личностного компонента порождает неодинаковую степень конфликтогенности создаваемых речевых произведений в рамках анализируемого жанра. Последняя характеристика, по мнению Е. И. Шейгал, связана с таким признаком политического дискурса, как смысловая неопределенность, когда она используется как «средство преодоления коммуникативных затруднений, позволяющее говорящему избегать крайностей, занимать умеренную, нейтральную позицию при обсуждении спорных вопросов и тем самым способствует сглаживанию противоречий между коммуникантами» [Шейгал 2000: 70]. В связи с этим необходимо отметить, что в современных текстах политических комментариев, особенно функционирующих в интернет-пространстве, именно смысловая неопределенность является источником возникновения коммуникативного конфликта.

Наиболее релевантной из всех характеристик политического дискурса в отношении жанра политического комментария является его динамичность. В текстах политических комментариев используется большой арсенал языковых и речевых средств, которые, с одной стороны, «представляют собой эффективный механизм во-

леизъявления народа, а с другой – являются источником пополнения словаря национального языка новыми словами с применением различных нормативных и индивидуальных средств словообразования» [Кошкарлова 2013: 83].

Жанр политического комментария необходимо исследовать и с межкультурной точки зрения, когда поводом для комментирования становятся не только и не столько действия противоположной стороны и информация о событиях, происходящих в другой стране и другой лингвокультуре, но и политические тексты межкультурной политической направленности. К последним относятся авторские статьи, межкультурное интервью политического уровня, а также сами комментарии, инициированные указанными речевыми произведениями. Так, например, в ответ на статью В. В. Путина «Россия призывает к осторожности» в интернет-СМИ «Правда.ру» была опубликована статья экс-кандидата в президенты США Джона Маккейна «Россияне заслуживают большего, чем Путин», в которой сенатор-республиканец обвинил действующего российского президента в коррупции и тирании. Естественно, что статья с таким тенденциозным названием не смогла не привлечь внимание специалистов и экспертов в области политологии, самих политиков и рядовых граждан. В данном случае мы становимся свидетелями не столько зарождения нового жанра политической коммуникации (публицистический комментарий как жанр выделился из краткого аналитического сообщения в начале XX века), сколько изменений традиционной дискурсивной практики и трансформации основных структурных компонентов в зависимости от потребностей, диктуемых политическими событиями.

Прагматическая цель созданных в жанре межкультурного политического комментария речевых произведений заключается в выражении собственной точки зрения на события, происходящие в данном случае за пределами государства, которое представляет комментатор, и привлечении внимания к своей позиции, чувствам и эмоциям, часто отличающимся от высказанных противоположной стороной. С изменением прагматики сообщения расширяется и его жанровое пространство. К жанровому расширению комментария можно отнести такие его характеристики, как оперативность, субъективные рассуждения автора по комментируемому поводу, ориентация на эмоциональный настрой целевой аудитории, приглашение

к адресату размышлять и делать выводы, а иногда и прогнозирование возможного развития обсуждаемых событий.

Отдельную группу составляют так называемые **фальшивые комментарии** – термин, заимствованный из маркетинговой сферы, когда пользователи Интернета специально оставляют отрицательные отзывы о товаре, которым никогда не пользовались. В этом случае, по нашему мнению, трудно провести границу между фальшивыми комментариями и заведомо ложным распространением информации, задевающей честь и достоинство политика. Клевета и диффамация представляют собой фактическое сообщение информации (соответствующей действительности или нет), а фальшивый комментарий является оценочным суждением о тех или иных событиях. В клеветнических и диффамационных сообщениях мнение, не соответствующее реальному положению дел, выражается априори, тогда как в фальшивом комментарии такая оценка дается постфактум. Таким образом, интенции создателя клеветнического и диффамационного сообщения, а также текста политического комментария являются различными. Возможно предположить, что в данных сообщениях будет различаться спектр языковых и речевых приемов, направленных на достижение перлокутивного эффекта высказывания.

Таким образом, мы видим, что общественно-политические события последнего времени вызвали появление к жизни новых форм политической коммуникации, которые являются одновременно эффективными инструментами связи между государственными структурами и обществом, средствами усиления политической активности рядовых граждан, а также выполняют функцию каналов доставки «месседжа» политиков до целевой аудитории. Не вызывает сомнения тот факт, что в рамках политического дискурса появились и активно развиваются новые жанровые разновидности, главным отличием которых от традиционных базовых форм является их межкультурный характер. Так, новостные сообщения о событиях в другой стране и другой лингвокультуре не могут не испытывать на себе влияния аксиологических стереотипов и приоритетов освещающей стороны. Тесная взаимосвязь с национальной картиной мира коммуникантов прослеживается и в сравнительно «молодом» жанре политической коммуникации – интернет-конференциях. Примером диалога культур во времени и пространстве в настоящей работе признаются интервью-монологи политиков, когда они высказыва-

ют свою точку зрения и обсуждают актуальные вопросы современности в форме писем и других посланий друг другу. В российской действительности сравнительно недавно появился такой жанр, как авторские статьи, которые по большей части функционируют в межкультурном политическом пространстве. Социально-экономические изменения в обществе сделали возможным функционирование традиционного политического интервью в межкультурном политическом пространстве, а следовательно, появление нового жанра, который мы определяем как политическое интервью межкультурного уровня. С межкультурной точки зрения необходимо анализировать и жанр политического комментария, когда поводом для комментирования становятся не только и не столько действия противоположной стороны, а информационные события, происходящие в другой лингвокультуре.

1.3. Межкультурный подход к исследованию дискурса

Становление теории межкультурной коммуникации является результатом длительного научного изыскания целого ряда гуманитарных областей знания: философии, социологии, психологии, филологии, истории и т. д. При этом, как отмечает О. Ю. Левашкина, «интегративный (междисциплинарный) характер межкультурной коммуникации не исключает наличия специфических подходов к ее исследованию». Поэтому в области межкультурной коммуникации автор выделяет социологические, психологические и лингвистические направления [Левашкина 2005: 15]. И. В. Наместникова в качестве важнейших векторов исследования межкультурной коммуникации также рассматривает: а) философско-социологический; б) этнопедагогический и культурно-антропологический; в) культурологический [Наместникова 2003: 80]. Первое из направлений осмысляет «целостность культуры в ее уникальности и общности», второе фокусирует внимание на человеке как «творце и творении культуры», третье ориентировано на «анализ культурных информационно-социальных инфраструктур, а также на проблемы взаимодействия отечественной культуры с инокультурами» [Наместникова 2003: 80]. Однако в рамках дискурсивных исследований межкультурный подход еще не получил достаточного научного освещения.

О. Ю. Левашкина указывает, что, несмотря на значительную теоретическую и практическую разработанность идеи межкультурной коммуникации, не существует точной дефиниции анализируемого феномена в силу обсуждения и анализа последнего различными научными направлениями [Левашкина 2005].

В. П. Фурманова, исходя из факторов, определяющих типологические характеристики межкультурной коммуникации, предлагает следующие определения обсуждаемого термина.

«Межкультурная коммуникация – это взаимодействие культур, осуществляемое в определенном пространстве и времени, в котором феномен культуры рассматривается как родовое понятие, культурные контакты приобретают различные формы, находящие свое выражение в соприкосновении, взаимоотношении, синтезе, дополнительности и диалоге».

«Межкультурная коммуникация – это взаимодействие культур, при котором они вступают в диалог, и происходит их актуализация, в результате чего проявляется общечеловеческое и специфическое каждой культуры как системы».

«Межкультурная коммуникация – это взаимодействие культур, которое получает свою экстериоризацию через язык и вербализованное содержание, воссоздающее специфическую картину мира».

«Межкультурная коммуникация – это взаимодействие культур, эксплицирующих тип личности, несущий конкретное историческое содержание той или иной эпохи и позволяющий обнаружить взаимные ценности, самосознание и глубокую человеческую сущность» [Фурманова 1994: 34–38].

С. Г. Тер-Минасова при определении межкультурной коммуникации ссылается на Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, по мнению которых, межкультурная коммуникация представляет собой адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [Тер-Минасова 2000: 14]. Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова объектом теории межкультурной коммуникации признают процесс и результат естественной коммуникации в естественных условиях между представителями различных лингвокультур, а предметом – анализ типов такого взаимодействия; изучение факторов, оказывающих положительное или отрицательное влияние на межкультурную интерак-

цию, гармонизацию общения между представителями различных лингвокультур [Гришаева 2008: 285].

А. П. Садохин рассматривает межкультурную коммуникацию как «особую форму коммуникации двух или более представителей различных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур» [Садохин 2005: 95].

В данных определениях межкультурной коммуникации анализируемый феномен рассматривается с точки зрения как пространственных и временных характеристик, общечеловеческих ценностей, так и специфических для каждой культуры характеристик, а также языковых и речевых показателей процесса коммуникации в межкультурном контексте. Следует при этом отметить, что в предложенных определениях межкультурной коммуникации успех и бесконфликтность процесса межкультурной коммуникации не являются характеристиками, присущими данному феномену априори. В ходе дальнейшего исследования мы попытаемся обосновать мысль о том, что общению представителей различных культур присущи как кооперация, так и столкновения, споры и конфликт. Поэтому нам представляется дискуссионным определение, процитированное выше и предложенное Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, которые под межкультурной коммуникацией понимают «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин 2005: 26]. Подобная категоричность успешности процесса межкультурной коммуникации отсутствует, например, в определении И. И. Халеевой, которая во избежание двусмысленности трактовки термина определяет межкультурную коммуникацию как совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным лингвоэтнокультурным сообществам, и в ряде других дефиниций [Халеева 1990: 11].

Суммируя различные варианты определений, О. Ю. Левашкина выделяет наиболее существенные черты межкультурной коммуникации:

1) Межкультурная коммуникация имеет место в том случае, когда представители различных культур осознают иные правила и нормы повседневного общения как чужие, но при этом не прибегают к собственным традициям, обычаям и представлениям, а выявляют

тождественные и отличительные черты в отношениях, представлениях и чувствах людей.

2) Коммуниканты обнаруживают и осознают культурные отличия друг друга, что приводит к непониманию, напряженности, трудности, иногда даже к невозможности общения, что связано с разницей в ожиданиях и предубеждениях, свойственных каждому человеку и каждой культуре.

3) Каждый участник межкультурной коммуникации располагает своей собственной системой правил, функционирующих таким образом, чтобы отправленные и полученные сообщения могли быть закодированы и раскодированы, а межкультурные различия – это, в свою очередь, различия вербальных и невербальных (возраст, пол, профессия, социальный статус) кодов в контексте коммуникации [Левашкина 2005: 19–20].

В контексте нашего исследования особую значимость приобретают второе и третье положения, так как экстралингвистические показатели не могут не влиять на процесс коммуникации, особенно в случае общения представителей двух разных лингвокультур. Не отрицая роли и важности собственно языковых условий порождения коммуникативного конфликта, необходимо признать, что специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток на возникновение конфликта в языке и речи. Специфические характеристики поведения в той или иной национальной общности с наибольшей силой проявляются, когда в контакт вступают представители разных культур, что приводит к сбоям, нарушениям и даже невозможности общения.

Поставив во главу угла межкультурной коммуникации двух субъектов процесса общения – носителей различных культур мы понимаем межкультурную коммуникацию как «когнитивно-коммуникативную среду, которая эксплицирует наряду с коммуникативной функцией культуры ее культурно-прагматическую и аксиологическую функции и открывает возможности выделения социокультурного пространства как общего и национально-специфического, воссоздающего картину мира и самого субъекта, принадлежащего к конкретной культурной общности» [Наместникова 2003: 84]. Субъект же как представитель той или иной культурной общности, является совокупностью определенных характеристик и способностей, которые, по мнению Ю. Н. Караулова, обусловли-

вают создание и восприятие человеком речевых произведений, отличающихся: 1) степенью структурно-языковой сложности; 2) глубиной и точностью отражения действительности; 3) определенной целевой направленностью [Караулов 2006: 245].

Понимание текста как порождения речи поставлено во главу угла определения межнационального дискурса, предложенного Н. Б. Руженцевой и Ю. А. Антоновой, с учетом контекста межнационального взаимодействия [Руженцева 2013]. Одновременно с этим авторы указывают на то, что межнациональный дискурс реализуется в системе разных дискурсивных практик (межнациональный педагогический дискурс, межнациональный политический дискурс, межнациональный рекламный дискурс, межнациональный теле- и радиодискурс, межнациональный туристический дискурс и др.). В контексте нашего исследования актуальным является взаимодействие представителей двух разных культур в политическом дискурсивном пространстве. Наш выбор такого исследовательского контекста обусловлен тем, что в данном формате дискурсивного взаимодействия на интеракцию «двух языков, двух языковых сознаний, двух лингвокультур, двух менталитетов» [Руженцева, Антонова, 2013: 12] влияет совокупность экстралингвистических факторов.

В формате политического дискурса, как следует из определения данного вида общения, взаимодействие может быть не только междискурсивным, но и межличностным, межинституциональным, межъязыковым, межтекстовым. Такие формы коммуникации выделяются в упомянутой работе Н. Б. Руженцевой и Ю. А. Антоновой «Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи» (Екатеринбург, 2013). Традиционно в коммуникативистике выделяют четыре формы коммуникации: межличностную, внутригрупповую, массовую и межкультурную.

В последнем случае личностные, психологические, возрастные, половые, социальные, культурные особенности индивидов, выступающих в качестве субъектов политической коммуникации, являются теми параметрами, которые определяют возникновение и развитие любой ситуации независимо от того, является она конфликтной или кооперативной.

При анализе конфликтной и кооперативной форм интеракции через призму теории межкультурной коммуникации нашей главной целью является стремление уйти от такого контрастивно-прагмати-

ческого описания конфликтного взаимодействия представителей различных культур, которое, по мнению А. Вежбицкой, «страдает этноцентризмом и принимает за точку отсчета американскую и английскую речевые культуры» [Вежбицкая 1999: 682]. Автор предлагает вести анализ культурных различий в дискурсивной практике с универсальных и нейтральных позиций, что важно при исследовании и конфликтной, и кооперативной форм взаимодействия в политической коммуникации. Мы считаем, что рассмотрение конфликтного и кооперативного видов дискурса в аспекте межкультурной коммуникации правомерно с учетом мысли о том, что дискурс включает отношения между объектами конфликтного/кооперативного дискурса и субъектами конфликтного/кооперативного дискурса. Так, например, в интервью, посвященным национальным вопросам, взаимодействуют три стороны: интервьюер, интервьюируемый и целевая аудитория (которая, в свою очередь, может быть неоднородной). Пропозиция (то есть определенная конфигурация фактов) складывается таким образом, что стороны могут находиться в столкновении друг с другом, а общение – характеризоваться наличием конфликтных иллюкативных намерений.

Л. В. Цурикова указывает, что «межкультурный анализ дискурса позволяет включать в рассмотрение когнитивные, социопрагматические, лингвистические и культурные аспекты коммуникативной деятельности носителей разных языков» [Цурикова 2002: 97]. «При изучении дискурсивного взаимодействия с когнитивной точки зрения представляется возможным выявление и описание структуры репрезентации различных видов культурно обусловленного знания, их влияния на языковые стратегии ведения дискурса, характерные для носителей конкретной речевой культуры. Все это имеет большое значение для разработки теоретических и методологических принципов анализа межкультурного общения» [Там же: 97–98]. По мнению Л. В. Цуриковой, «задача эта до настоящего времени остается крайне актуальной, поскольку, несмотря на огромный интерес к проблемам межкультурной коммуникации, в этой области исследований пока гораздо больше увлекательных эмпирических наблюдений, чем глубоких теоретических представлений» [Там же: 5–6]. Для автора очевидной является мысль о том, что «исследования в области межкультурной коммуникации – если они не стремятся остаться собранием афоризмов

и анекдотов – должны иметь под собой серьезную теоретическую базу» [Там же: 5–6].

С наибольшей очевидностью конфликтный или кооперативный характер взаимодействия двух культур проявляется в процессе политической коммуникации и реализуется в системе жанров межкультурного политического пространства. В настоящей работе **межкультурное политическое пространство мы определяем как область взаимодействия субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, с неременной вербализацией средствами языка, реализацией в текстах тех или иных жанров политической коммуникации и различной модальностью как следствия напряженного или толерантного отношения коммуникантов друг к другу.** В свою очередь, текст рассматривается как «наиболее очевидный способ фиксации национально-культурных ценностей народа», как аксиологически маркированная единица, являющаяся для получателя «семиотическими знаками иноязыковой и инокультурной среды» [Привалова 2005: 262]. Такая взаимосвязь между национальной культурой и аксиологически маркированным текстом как репрезентантом национально-культурных ценностей позволяет нам предложить собственное понимание межкультурной коммуникации. В настоящем исследовании межкультурная коммуникация трактуется как имеющая различные формы и содержание. С точки зрения формы межкультурная коммуникация осуществляется как между отдельным субъектом и индивидуальным адресатом, так и между группами, нациями, конфессиями, правительствами, государствами, их представителями. Формальная сторона процесса межкультурной коммуникации неотделима от содержательного аспекта, когда такой тип интеракции инкорпорирует тематику, проблематику, концепции, свойственные для взаимодействия двух и (или) нескольких культур.

В межкультурном политическом пространстве происходит столкновение системы ценностей одной культуры с аксиологическим пространством носителей другой идеологии. Аксиологические категории становятся основой для формирования социальных норм, принятых в том или ином национально-культурном сообществе. Именно соблюдение/несоблюдение этих социальных норм при общении представителей двух разных культур в рамках политического дискурса является причиной разветвления процесса коммуни-

кации по конфликтному или кооперативному сценарию. Межкультурное политическое взаимодействие связано «как с адекватностью прочтения смыслов и значений в рамках того или иного культурно-символического «поля» (пространства), так и с конвертацией коммуникативных сценариев и стратегий» [Нестерова 2010: 27].

Таким образом, несмотря на множественность интерпретации процесса межкультурного общения, в настоящем исследовании нас интересует именно лингвистический аспект интеракции между представителями различных культур. В этом случае на процесс коммуникации оказывают влияние как собственно языковые/речевые условия интеракции, так и экстралингвистические условия и обстоятельства, к которым относятся: идеологические установки и стереотипы, аксиологические приоритеты, принятые в том или ином обществе социальные нормы. Последние, в свою очередь, влияют на взаимодействие субъекта, объекта и наблюдателя в процессе политической коммуникации и реализуются в системе жанров межкультурного политического пространства. При совпадении вектора интерпретации освещаемой действительности в тех или иных жанрах возможно будет говорить о кооперативном характере коммуникации, а в случае коллизии национальных картин коммуникантов общение будет носить конфликтный характер.

1.4. Дихотомия «Восток-Запад» в политической коммуникации: проблемы и перспективы

Дихотомию «Восток-Запад» можно рассматривать с различных точек зрения: как географическое понятие, в качестве политических систем и с точки зрения культурных различий между двумя типами развития мира. В политической науке одним из системно оформившихся в последнее время направлений является компаративистика, основная задача которой – сравнительный анализ политических культур и мировых цивилизаций. При этом обращает на себя внимание тот факт, что «понятие «Восток-Запад» является «плавающим», очерчивающим некую абстрактную дихотомию противоречий, но не указывающим точно, о каком регионе или периоде идет речь» [Маслов 2008: 3]. Следовательно, любые компаративистские исследования должны придерживаться некоторых принципов, среди которых мы считаем целесообразным выделить следующие:

- строгий учет временного контекста [Маслов 2008: 3];
- доброжелательность и объективность анализа [Гачев 1988: 45–47];
- стремление вывести теоретическую мысль на выявление некоторых универсалий, по которым в дальнейшем можно проводить сравнение разных культур [Ерасов 1999: 47];
- отнесение сравнительных исследований к тому или иному типу дискурса или вектору анализа (исторический, культурологический, литературоведческий, экономический, политический и т. д.);
- соотнесенность компаративистских исследований с тем или иным жанром или жанровой формой бытования дихотомии «Восток-Запад».

Авторы учебника «Культура и этнос» определяют Восток и Запад как условные смысловые конструкции, применяемые для первичной типологии мировой культуры. В цитируемом учебном пособии указывается, что Запад и Восток представляют собой парную категорию, выражающую «дихотомию поляризованного целого всемирной культуры», характеризующую одновременно «амбивалентное единство культуры человечества» и «разделенность на принципиально отличные друг от друга, а во многом и противоположные модели культурной идентичности» [Щеглова 2002: 42].

В учебном пособии «Современная мировая политика» под редакцией А. Д. Богатурова при описании основных черт мировосприятия в западном и незападном типах сознания высказывается мысль, согласно которой освобождение от мировоззренческих стереотипов западной науки является главным условием объективного представления реальной картины Незапада (Востока). Для выяснения существенных отличий западной и незападной цивилизаций авторы обращаются к социоестественной концепции, которая главную причину специфики западного и восточного миров видит в своеобразии их окружающей среды. Перечислим существенные элементы этой концепции в их связи с характеристиками западного и восточного укладов жизни:

1) Восток изначально обладает благоприятными энергонасыщенными природными условиями, что определяет его пассивный, созерцательный характер. На Западе готовые для непосредственного использования природные ресурсы ограничены, что предопреде-

ляет формирование социума агрессивного типа и усиливает динамичность и предприимчивость европейского человека.

2) Положение человека в Европе (в частности, в античной цивилизации) обуславливалось правом, когда он превращается в самостоятельного, автономного индивида со строго ограниченным кругом правомочий, а на Востоке (например, в Китае) оно (положение) по-прежнему определялось долгом перед семьей и общиной.

3) Третий элемент связан с признанием за каждым членом коллектива самостоятельной ценности, когда материальные блага в европейской цивилизации усиливали расслоение общины, став основой имущественного неравенства. Восточные государства развивались из семьи для регулирования усложнившихся, но не отчужденных отношений, поэтому коллективизм здесь оставался естественным состоянием, а материальное благополучие гарантировалось родовой властью [Современная мировая политика 2010: 336–341].

Таким образом, краткий экскурс в историю позволяет утверждать, что одно из главных отличий восточной и западной цивилизаций заключается в их отношении к человеку и обществу: в Европе доминирует лично ориентированная культура, а в Азии преобладает культура, основанная на коллективистском типе мышления.

Проблема восточного мира интересовала еще Г. В. Ф. Гегеля, который всю мировую историю делил на три эпохи: восточную, античную (к которой принадлежат мир Древней Греции и Римский мир) и германскую. При этом для каждой эпохи философ дал свою трактовку: восточный мир характеризуется абсолютной несвободой; в эллинском мире и Римском мире часть индивидов юридически свободна, но несвобода получает юридическое оформление (например, рабство у греков); в христианско-германском мире свобода получает свое полное воплощение. В философии К. Ясперса выделяется уже четыре эпохи: прометеевская (доистория человечества); появление «великих исторических культур древности» (появление письменности); «осевое время» (появление тех культур, которые в настоящее время составляют дихотомию «Восток-Запад»); научно-техническая эпоха (появление новых технологий).

В 40-х годах XIX века дискуссия о дихотомии Востока и Запада и о месте России в биполярном мире вылилась в полемику славянофилов и западников. Если первые отстаивали идею отличного от западноевропейского русского пути с характерными для него цен-

ностями соборности, коллективизма, общинности, то приверженцы западнического мировоззрения настаивали на идее «европеизации» России. Одним из ярких представителей западничества был русский философ и публицист П. Я. Чаадаев, который своими «Философическими письмами» положил начало идейным спорам славянофилов и западников. Во второй половине XIX века тема Востока и Запада получила продолжение в трудах русского социолога и культуролога Н. Я. Данилевского, в частности в его работе «Россия и Европа», изданной в 1895 году. По мнению Н. Я. Данилевского [Данилевский 2011], Запад и Европа олицетворяют собой прогресс и неустанное совершенствование, а Восток и Азия являются воплощением застоя и «коснения». В целом подвергшийся критике труд «Россия и Европа» отрицает географическое и историческое деление Европы и Азии. Впоследствии Н. Я. Данилевский был признан основоположником цивилизационного подхода к истории, когда развитие того или иного народа рассматривается в сравнении и противопоставлении с формированием другого народа.

В начале XX века в России вновь усиливается интерес к Востоку, что на этот раз было обусловлено геополитическими изменениями в мире (Японо-китайская война 1894–1895 годов, Русско-японская война 1904–1905 годов). Русский философ Н. А. Бердяев в своем сборнике статей «Судьба России (Опыт по психологии войны и национальности)» отмечал замкнутость европейской цивилизации, преодолению которой способствовала мировая война, благоприятствующая в конечном счете соприкосновению Востока и Запада. Из современников Н. А. Бердяева, обращавшихся в русской истории к проблемам Востока и Запада, хотелось бы выделить работы В. А. Вернадского [Вернадский 2000], который рассматривал анализируемые полюсы исторического мира в качества дополняющих друг друга начал планетной жизни. По мнению Е. У. Байдарова [Байдаров, электронный ресурс: <http://credonew.ru>], в прошлом столетии западная философская мысль обнаруживает влияние восточных мотивов на жизнь Запада и «живую связь Востока и Запада». Однако уже в конце XX века в противопоставлении Востока и Запада особое предпочтение стало отдаваться последнему, так как именно западная цивилизация сейчас считается той, которая имела возможность оказывать влияние «на политику, экономику и безопасность всех остальных цивилизаций и народов» [Хантингтон 2011: 48].

В целом С. Хантингтон считает несколько ограниченным культурное деление на Восток и Запад, вместо этого он полагает более уместным выражение «*Запад и остальные*, что, по крайней мере, подразумевает существование многих не-Западов» [Хантингтон 2011: 11]. При этом, по мнению автора, отношения между странами и группами на таком макроуровне «не будут тесными и зачастую будут антагонистическими» [Хантингтон 2011: 115]. Основную проблему во взаимоотношениях Запада и остального мира С. Хантингтон видит в несоответствии между стремлением западного мира «насаждать универсальную западную культуру» и снижающейся способностью делать это. В связи с тем что «мощь и самоуверенность» восточных цивилизаций по отношению к Западу растут, а конфликты между их интересами и ценностями Запада становятся «все более многочисленными и напряженными», С. Хантингтон предлагает три основания для политики Запада вообще и для Соединенных Штатов в частности:

- принятие и понимание реального мира как основу его конструктивного изменения;
- необходимость изменения и пересмотра политического курса, отвечавшего потребностям времен «холодной войны»;
- отказ от веры в универсальность западной культуры.

Подобной же точки зрения об опасности глобального распространения западных ценностей придерживается британский и американский историк, востоковед Л. Бернард, который полагает, что «самое длительное, глубокое и коварное культурное влияние Запада изменило лицо региона (Ближнего Востока. – *Н. К.*) и трансформировало жизнь его народов, развернув ее в новом направлении, породило новые надежды и опасения, новые беспрецедентные угрозы и ожидания» [Бернард электронный ресурс: <http://www.globalaffairs.ru>].

Отвечая на злободневные вопросы современности: сохранится ли противопоставление Востока и Запада в XXI веке, является ли Запад настолько могущественным и влиятельным, каким его представляли в недавнем прошлом, сможет ли Восток стать равновеликим партнером для Запада или он уже является таковым, – важно избавиться от того пейоративного оттенка, который получили термины *ориентализм* и *оксидентализм*. Произошло это во многом благодаря книге Э. Саида «Ориентализм», в которой автор предложил один из вариантов трактовки термина *ориентализм* как западного

стиля подчинения Востока [Саид 2006]. Оксидентализм определяет такое отношение восточного мира к западному, при котором Запад рисуется «в таких же негативных красках, в которых западный ориентализм якобы некогда рисовал Восток» [Хантингтон 2011: 66].

Прежде чем обратиться к исследованию дихотомии «Восток-Запад» в современной российской науке, напомним принципиальные различия между западной и восточной цивилизациями, обобщив те характеристики Запада и Востока, которые выделялись в разные периоды и разными авторами. Так, Л. В. Щеглова, Н. Б. Шипулина, Н. Р. Суродина предлагают следующую сравнительную характеристику двух цивилизаций: 1. *Восточная цивилизация*: а) следование вековым традициям, упор на адаптацию к складывающимся условиям жизни; б) дух созерцательности, пассивного наблюдения и бездеятельности; в) дух коллективизма и единства народа, сплоченного общей собственностью, общиной, религией, сильной централизованной властью государства, коллективистскими традициями и нормами поведения, восприятие отдельного человека как винтика огромной «машины» общества; г) отсутствие полноценной частной собственности, то есть неразделенность собственности (кто у власти, тот и при собственности); д) господство государства над обществом, административный произвол (властвует не закон, а конкретное должностное лицо, «начальник»). 2. *Западная цивилизация*: а) стремление к постоянному обновлению, преобразованию жизни, к социально-экономическому прогрессу; б) дух активных действий, инициативы и предприимчивости; в) дух здорового индивидуализма, самооценности отдельного человека, его свободы, самостоятельности и внутренней ответственности за свою судьбу, дух состязательности между людьми на основе равенства их возможностей; г) узаконенность и гарантированность частной собственности, разделение власти и собственности; д) государство не повелитель, а лишь инструмент в руках граждан, чьи права и свободы защищает закон [Щеглова 2002: 47–48].

Ю. В. Яковец выделяет ряд различий цивилизаций Востока и Запада:

- социокультурная сфера;
- демографические тенденции;
- технология и экономика;
- геополитика [Яковец 2001: 13–16].

В контексте настоящего исследования нас прежде всего интересует четвертый критерий разграничения восточного и западного миров, так как именно геополитическая структура мира и ее отражение в СМИ дают лингвистам неисчерпаемый источник текстового материала для анализа. Распад СССР и Варшавского договора создали такую конфигурацию сил на мировой арене, что вполне правомерно говорить о доминировании западной цивилизации в геополитическом пространстве, вестернизации общества, распространении западных ценностей в области политики, экономики, образования и культуры, диктате одной сверхдержавы, монополярном мире. Проблемы вестернизации в современном мире, на наш взгляд, следует рассматривать в нескольких аспектах:

1) Запад vs. дальневосточная цивилизация (Китай, Корея, Япония, Вьетнам, Индокитай, включая буддийский ареал – Бирму, Корею, Таиланд, Камбоджу).

2) Запад vs. Арабский мир (арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки).

3) Запад vs. субъекты Российской Федерации (такие, например, как Дагестан, Северная Осетия, Чеченская Республика) и самостоятельные государства Северного и Южного Кавказа (Грузия).

Говоря о противопоставлении Запада и дальневосточного мира, на современном этапе мирового развития на авансцену исследований, отвечающих требованиям широкого спектра дисциплин, выходят российско-китайские отношения. Среди исследований различного уровня, выполненных в русле не только лингвистической парадигмы, хотелось бы отметить уже упомянутую выше монографию Н. Б. Руженцевой, Ю. А. Антоновой «Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи» (Екатеринбург, 2013), в которой объект исследования анализируется в различных форматах российско-китайских и китайско-российских дискурсивных практик (туристический межнациональный дискурс, российско-китайский педагогический дискурс, рекламный дискурс). Российско-китайское межкультурное взаимодействие является объектом изучения в докторской диссертации О. А. Нестеровой «Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия» (М., 2010), освещающей заявленную проблему с философской точки зрения. В 2005 году на факультете журналистики МГУ был создан Центр российско-китайских иссле-

дований массовых коммуникаций, журналистики и культуры, среди приоритетных направлений деятельности которого – исследование средств массовой коммуникации России и Китая, а также межкультурной коммуникации между двумя странами.

В связи с межкультурной направленностью нашего исследования кратко остановимся на диалоге как специфической форме дискурсивного взаимодействия. Диалог находится в фокусе внимания специалистов разного профиля: философов, психологов, лингвистов, политологов. Среди работ, выполненных в русле политологии, хотелось бы назвать докторскую диссертацию С. П. Поцелуева «Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества» [Поцелуев 2010]. Автор говорит о необходимости изучения политического диалога, что созвучно вектору анализа концепта «диалог», выбранному в качестве ориентира для исследования в настоящей работе. Анализируя политический диалог как теоретическую проблему, автор приходит к выводу, что равноправие партнеров в такой форме интеракции является «результатом взаимной корректировки взглядов, обучения друг друга в ходе диалогического взаимодействия, изменения интересов собеседника» [Поцелуев 2010: 34].

А. Г. Инговатова рассматривает равноправие партнеров не как результат, а как необходимое условие осознанного взаимодействия и существования культур, требующее понимания своего и чужого опыта. При описании аксиологической значимости и эвристических возможностей диалога А. Г. Инговатова выделяет следующие моменты:

1. Диалог представляет собой процесс осознанного взаимодействия между двумя рефлексирующими и равноправными с точки зрения их онтологической представленности субъектами.
2. Диалог является актуализацией исторически-конкретного содержания.
3. Диалог, приводящий к осознанному взаимодействию, всегда должен стремиться к осуществлению события всеобщего и целостного характера [Инговатова 1999: 153].

В контексте нашего исследования мысль о равноправии партнеров в политической коммуникации может получить вполне конкретное лингвопрагматическое воплощение. Так, диалоги между представителями государств, которые способны влиять на ситуа-

цию в мировой политике, но реализованные в соответствии с разными коммуникативными традициями, отличаются наличием большого количества провокационных речевых действий, настороженного (иногда оборонительного) отношения к странам-оппонентам. В случае несовпадения взглядов политиков этих держав возможны агрессивные речевые акты с интенцией угрозы, оскорбления или упрека. В случае мирного сосуществования двух государств, совпадения точек зрения по всем принципиальным вопросам мировой политики общение между представителями этих стран носит вполне конструктивный характер, лишенный агрессивного и конфликтного потенциала, а коммуникация в целом строится на принципах толерантности.

Следующим аспектом изучения дихотомии «Восток-Запад» на текущий момент являются исследования взаимоотношений Запада и Арабского Востока. Обострение политической и экономической ситуации в арабских государствах (в частности, в Египте, Ливане и Сирии) не могло не наложить отпечаток на восприятие Западом исламского общества, и наоборот. По справедливому замечанию Н. С. Глебовой [Глебова, электронный ресурс: <http://www.iimes.ru>], ислам является воплощением противодействия всем угрозам современного мира, олицетворением которых, в свою очередь, являются страны Запада. В уже цитировавшемся издании «Столкновение цивилизаций» автор высказывает мысль, согласно которой «конфликт между двумя великими цивилизациями и свойственной каждой образом жизни» будет продолжаться до тех пор, пока «ислам остается исламом», и «Запад остается Западом» [Хантингтон 2011: 64]. Интересную точку зрения на взаимоотношения исламского и западного мира высказывает в интервью общероссийскому информационному агентству мусульман InfoIslam президент Международного движения за справедливый мир Чандра Музаффар. Так, ученый и общественный деятель обращает внимание на влияние глобализации и доминирование Запада в отношении мусульманского мира: «Существует культурное измерение глобализации, которое мусульмане хорошо осознают. Они чувствуют, что разного рода ценности и идеи, представления о жизни, исходящие из Запада, начинающие проникать в их общество, влияют на молодежь, и это вредно. По крайней мере, некоторые из наиболее очевидных моментов, связанных с музыкой, танцами, фильмами и т. д. <...> Можно выделить

две основные тенденции. Первая из них доминирующая и в значительной степени отрицательная. Это означает, что мусульмане осознают факт господства и вместе с тем свою особенность. Это привело к тому, что они в некоторых отношениях стали ориентироваться вовнутрь. Они стали более активными и агрессивными. <...> Существует и вторая тенденция, которая, к сожалению, более слабая. Это мусульмане, которые говорят, что в разгар глобализации нужно подтверждать сущность ислама: это ее универсализм, открытость, способность меняться и адаптироваться, сохраняя при этом суть веры. Иными словами, выражать веру как нечто такое, что является поистине вселенским и универсальным. Сейчас эта тенденция имеет своих приверженцев, но все же остается незначительной» [Ислам и Запад, электронный ресурс: <http://www.info-islam.ru/>].

Одним из мощнейших глобализационных инструментов являются средства массовой информации, одновременно представляющие собой тот общественно-политический институт, с которым тесно связаны политические процессы и события, происходящие в арабских странах.

Роли средств массовой информации на Ближнем Востоке посвящено немало работ. Среди последних исследований хотелось бы отметить кандидатские диссертации О. В. Чернышенко «Политический процесс на Ближнем Востоке в современных средствах массовой информации» (Пятигорск, 2010) и Таксин Шарадги «Роль средств массовой информации в укреплении национальной безопасности Хашимитского Королевства Иордания» (Москва, 2013). В первой из указанных работ автор сосредоточивает внимание на тенденциях в изменении роли СМИ в современных политических процессах, характеризуя участие западных средств массовой информации в информационно-идеологических войнах на Ближнем Востоке и выявляя специфику отражения последнего российскими телевизионными каналами, печатными и интернет-изданиями. Основная цель второй работы заключается в изучении роли современных СМИ Иордании в укреплении национальной безопасности государства.

Однако в указанных исследованиях акцент делается либо на информационно-идеологической стороне освещения ближневосточных событий, либо на специфике деятельности средств массовой информации отдельно взятой страны. В соответствии с целью на-

шего исследования мы обращаем внимание в первую очередь на дискурсивную репрезентацию отражения событий Арабской весны в средствах массовой информации.

Наконец, последний аспект дихотомии «Восток-Запад», на который нам хотелось бы обратить внимание, – это отношения Запада и субъектов Российской Федерации, а также самостоятельных государств Северного и Южного Кавказа. События последних лет в стране и мире создали такую геополитическую конфигурацию, которая позволяет говорить о существовании дихотомии «Восток-Запад» даже в рамках одного государства (России). 26 августа 2008 года Указом Президента Российской Федерации была признана независимость республик Абхазия и Южная Осетия, в то время как Грузия по-прежнему считает их своей территорией. Северный и Южный Кавказ представляет собой достаточно неоднородный с этнической и конфессиональной точек зрения регион, что является источником потенциальных проблем и конфликтов. На наш взгляд, дихотомия «Восток-Запад» на территории Российской Федерации может стать ареной развертывания информационно-психологических войн, которые, по мнению Ю. Р. Тагильцевой, «особенно характерны для современной политической ситуации на так называемом «постсоветском» пространстве (взаимоотношения между политическими элитами бывших республик Советского Союза, переплетение политических, идеологических и экономических интересов) [Тагильцева 2010: 172]. В случае информационно-психологических войн, по нашему глубокому убеждению, вполне правомерно говорить об агрессивной коммуникативной среде, когда «одна сторона пытается изменить определенные представления, которые были до этого введены и активно защищаются другой стороной» [Почепцов 2002: 51]. В случае «совпадения (определенной гомогенности) интересов говорящего и слушающего (источника и получателя информации) эффективность воздействия средств массовой информации значительно повышается, а степень агрессивности не будет такой, которая приводит к состоянию «психологической войны» в информационном пространстве» [Там же: 88]. Г. Г. Почепцов отмечает, что «ситуация конфликтности относится к числу приоритетов масс-медиа» [Там же: 104].

Резюмируя анализ дихотомии «Восток-Запад», полагаем, что в политической коммуникации исследуемые таксоны воплощаются в

текстах следующих жанров: новость, интервью, авторские статьи, пресс-конференция, комментарий. Избранные для анализа тексты отражают проблемы взаимоотношения Запада и дальневосточной цивилизации, Запада и Арабского мира, Запада и субъектов Российской Федерации. Как уже отмечалось выше (1.2), корпус текстов, на основе которого предполагается изучение дихотомии «Восток-Запад» включает в себя следующие жанры: новость, интервью-монолог, прогноз, авторские статьи, политическое интервью межкультурного уровня, пресс-конференция, комментарий, то есть политические тексты межкультурной политической направленности.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТНОГО И КООПЕРАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА

2.1. Конфликтный дискурс: подходы к изучению

В первой главе нами было предложено определение конфликтного дискурса и схема его реализации: конфликтный дискурс понимается как деструктивная деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением некооперативных отношений определенной тональности. Конфликтный дискурс представляет из себя следующую триаду: любой конфликт как столкновение интересов порождает речевую агрессию, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте, а также в совокупности деструктивных высказываний, развернутых во времени и пространстве. Подобная трактовка данного деструктивного явления накладывает отпечаток на логику обобщения лингвистических подходов к изучению конфликтного дискурса. В данном параграфе дается определение конфликта с точки зрения различных научных подходов, предлагается характеристика агрессии (в том числе речевой), трактуется понятие коммуникативного конфликта.

2.1.1. Понятие конфликта. Причины конфликта

Не вызывает сомнения тот факт, что конфликт нуждается в пристальном внимании психологов и лингвистов для точного определения и выявления его психологических и языковых (речевых) особенностей и основ. Как утверждает Ю. Л. Макара, «конфликт – это базисный феномен, который лежит в основе функционирования общества» [Макара 2002: 172]. А. Я. Анцупов, С. Л. Прошанов считают необходимым связать в систему все те практически не связан-

ные между собой исследования конфликта, которые ведутся в рамках различных наук, «поскольку один научный подход не позволяет выработать такие практические рекомендации, которые удовлетворили бы потребности практики в разрешении реальных конфликтов» [Анцупов 1997: 13]. При этом, анализируя публикации по проблеме конфликта на основе формального признака (использования данного понятия в названии работы), авторы выделяют 11 наук, занимающихся изучением этой проблемы. К ним относятся военные науки, искусствоведение, исторические науки, математика, педагогика, политические науки, правоведение, психология, социобиология, социология и философия. Однако в этот список не включена ни одна наука, рассматривающая проблемы коммуникации и речевой деятельности.

В настоящее время ситуация существенно изменилась: конфликт стал предметом интереса ученых-лингвистов, о чем свидетельствует появление такого термина, как *коммуникативный конфликт*. Междисциплинарный подход к описанию изучаемых явлений, столь востребованный в настоящее время, не исключает, однако, общей для различных наук понятийной схемы описания того или иного явления действительности. А. Я. Анцупов, С. Л. Прошанов полагают, что во всех науках, изучающих конфликт, можно «использовать следующую понятийно-категориальную схему, которая включает 10 основных категориальных групп: сущность конфликта; классификация; эволюция; структура; функции; информация в конфликте; динамика; диагностика и исследование; предупреждение; завершение конфликта» [Анцупов 1997: 17]. В центре нашего внимания находится одна из форм конфликта, а именно коммуникативный конфликт.

Только четкое определение причин конфликта может позволить в дальнейшем оптимизировать общение и исключить из процесса коммуникации деструктивные факторы. А. П. Егидес отмечает, что «тактика оптимизации делового общения зависит от понимания психогенеза межличностных конфликтов» [Егидес 2004: 57]. В понятие *психогенез* автор включает «причины и запускаемые ими психологические механизмы изучаемого явления» [Там же]. Многие ученые связывают непосредственные причины и источники межличностных конфликтов с базовыми потребностями человека: потребностью в пище, привязанности, безопасности, самоуважении,

справедливости, доброте и т. д. Когда эти потребности подавляются или появляется угроза их удовлетворению, тогда продуцируется напряжение и возникают конфликты. В этом случае человек усматривает проявления агрессивности, эгоизма, категоричности или превосходства над собой в поведении тех людей, которые, по мнению индивида, наносят ему ущерб.

Для того чтобы понять природу коммуникативного конфликта, необходимо дать определение конфликту в широком понимании этого слова. Одно из самых рациональных осмыслений природы социального конфликта предлагает нам философская наука. В философии под конфликтом понимается категория, отражающая стадию (фазу и форму) развития категории противоречия, когда существующие в противоречии противоположности превращаются в крайние противоположности (полярность, антагонизм), достигая момента взаимоотрицания друг друга и снятия противоречия. Первые попытки трактовки этого феномена находим в древнегреческой философии. Античный философ-диалектик Гераклит [Гераклит 1910] связывал свои размышления о природе социальных конфликтов с общей системой взглядов на природу мироздания. Согласно его точке зрения, все подвержено вечному круговороту и взаимопревращению, в том числе и нормы человеческого общения.

Теоретический анализ конфликта может быть проведен с точки зрения социологического подхода, основателем которого можно считать Г. Зиммеля и Л. А. Козера. Как указывает Ю. Б. Мелих, «основные особенности данного подхода состоят в выдвигании прагматических требований к образованию понятий» [Мелих 2004: 37]. Определение должно быть способным описывать эмпирическое событие, а не выводиться в обязательном порядке из теоретической системы. Так, Г. Зиммель придает понятию борьбы социальное значение, увеличивая тем самым область действия и анализа. В целях различения разных форм борьбы Г. Зиммель вводит понятия «конфликт» и «конкуренция». Понятие конфликта дается не обособленно, оно применяется как синоним понятия «борьба». Конкуренция определяется как опосредованная борьба [Зиммель 1996]. Эта форма борьбы в более поздних теоретических исследованиях конфликта стала играть доминирующую роль. Дифференцированный анализ Г. Зиммеля и первые наброски к типологизации конфликта получили свою дальнейшую разработку у Л. А. Козера

[Козер 2000]. Он предлагает два аналитических метода к исследованию конфликтов. Один рассматривает конфликт как имманентный социальной структуре. Те типы конфликта, которые оцениваются как негативные, могут быть устранены только посредством структурных изменений. Другой метод (ситуативный) позволяет предположить, что не существует «железной» необходимости в конфликтах для существования элементов (структуры). Они являются лишь моментом этого существования, его возможной формой, которая не играет определенной роли для сущности системы. В современной социологической науке конфликт рассматривается как предельный случай обострения противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами и различными социальными общностями.

В рамках истории и политологии термином *конфликт* обозначается столкновение противоположных сил, взглядов, серьезное разногласие, острый спор, чреватый осложнениями и борьбой. Особое внимание исследователей историков и политологов фокусируется на объективных факторах (конкретно-исторических, политических, геополитических и др.), детерминирующих зарождение и протекание конфликта, в силу чего исторические, политические и геополитические подходы преобладают при анализе международных и политических конфликтов.

Экономическая теория апеллирует к понятию конфликта для обозначения противоречия, обусловленного нехваткой и/или распределением экономических ресурсов. Как отмечают специалисты, в экономической сфере конфликты неизбежны. «По сути дела, сам рынок есть поле для постоянных конфликтов не только в виде конкурентной борьбы или вытеснения противника, но прежде всего – в форме торговых сделок, которые всегда сопряжены с диалогом, а то и с различными действиями (включая угрозы, шантаж, насилие), имеющими цель принудить партнера к выгодному соглашению» [Юридическая конфликтология 1995: 27]. К сфере экономических конфликтов относятся и «трудовые конфликты, забастовки, локауты, кризисы в денежном обращении, борьба государства с теневой экономикой» [Там же].

Юридический аспект проблематики конфликта активно анализируется представителями юриспруденции: большинство социальных конфликтов имеют место в области правовых отношений, их причи-

ной являются соответствующие юридические ситуации (например, конфликт между преступником и органами правосудия; конфликт между физическими/юридическими лицами, ведущий к совершению преступления) и разрешаются юридическими средствами.

Таким образом, конфликт может быть рассмотрен с различных точек зрения. Факт, что конфликт стал объектом изучения различных дисциплин, является причиной того, что механизмы и причины, его порождающие, в работах разных специалистов описаны или лишь с учетом интересов и специфики той или иной науки или недостаточно полно. Сущность современного подхода к рассмотрению описываемых явлений требует объективности и по возможности более интегрированного и универсального взгляда на изучаемые феномены, в том числе с психологической и лингвистической точек зрения.

Суммируя выводы различных специалистов по вопросу классификации причин конфликтов, в том числе речевого, мы предлагаем разделить всю совокупность разнообразных факторов, порождающих конфликтное коммуникативное поведение человека, на следующие группы:

1. Собственно психологические причины: особенности личности коммуникантов; их психологическая несовместимость; «конфликтогены – слова, действия (бездействие), приводящие к конфликту» [Шейнов 1996:11].

2. Физиологические причины: манера общения; индивидуальная невербальная характеристика коммуникантов; темп речи; тембр; громкость; особенности артикуляции; акцент.

3. Прагматические причины: использование различных регистров в общении обеими сторонами процесса интеракции; различие словарного запаса коммуникантов; стереотипы поведения и мышления; искажение информации в процессе общения; оценочность; эмоциональность.

4. Собственно лингвистические причины: языковые барьеры и помехи; стилистическое и логическое несоответствие услышанного имеющимся представлениям; ошибки в речепроизводстве и речевосприятии на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях языка.

5. Социальные причины: культуральный компонент; соперничество; конкуренция; несправедливость.

6. Межкультурные причины конфликтов: неверное использование системы другого языка и другой культуры; неадекватная интерпретация иноязычной культуры через призму своей собственной;

Такое понимание причин конфликта совпадает с мнением А. Я. Анцупова, С. В. Баклановского, которые отмечают, что возникновение и развитие конфликтов обусловлено действием четырех групп факторов и причин:

- собственно объективные;
- организационно-управленческие;
- социально-психологические;
- личностные [Анцупов 2005: 107].

Как видно из сказанного выше, авторы объединяют в одну группу психологические и социальные факторы. А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский утверждают, что социально-психологические причины конфликтов «обусловлены непосредственно взаимодействием людей, фактором их включенности в социальные группы». К социально-психологическим факторам, способствующим возникновению конфликтного взаимодействия, относятся:

- возможные значительные потери и искажение информации в процессе межличностной и межгрупповой коммуникации;
- несбалансированное ролевое взаимодействие двух людей;
- непонимание людьми того, что при обсуждении проблемы несовпадение позиций может быть вызвано не принципиальным расхождением во взглядах, а подходом к проблеме с различных сторон;
- различия в способах оценки результатов деятельности и личности друг друга;
- психологическая несовместимость;
- напряженные межличностные отношения;
- внутригрупповой фаворитизм, то есть предпочтение членов своей группы представителям других социальных групп;
- конкурентный характер взаимодействия с другими людьми и группами;
- ограниченные способности человека к децентрации, то есть к умению поставить себя на место другого человека и понять его интересы, к изменению собственной позиции в результате сопоставления ее с позициями других людей;
- стремление к власти [Анцупов 2005: 107].

А. С. Кармин выделяет следующие основные собственно **психологические причины** конфликтов:

- ограниченность ресурсов – их качественная и количественная сторона;
- различные аспекты взаимозависимости (полномочия, власть, задания и другие ресурсы);
- различия в целях;
- различия в представлениях и ценностях;
- различия в манере поведения и жизненном опыте;
- неудовлетворительные коммуникации;
- личностные особенности участников столкновений [Кармин 1999: 160].

Как видно из приведенной классификации, данные причины конфликтов нельзя назвать чисто психологическими. Однако последняя группа причин (личностные особенности участников столкновений) напрямую связана с субъектно-деятельностным подходом, определяющим рассмотрение многих явлений в психологии. В свою очередь, если понимать под конфликтом взаимное негативное восприятие людей, столкновение интересов, желаний и установок партнеров по коммуникации, то в этом случае наиболее типичными причинами, приводящими к возникновению конфликтных ситуаций в межличностном общении, могут быть следующие:

- стремление принизить личность партнера, негативно оценить его поступки, действия;
- стремление подчеркнуть разницу между собой и партнером с целью завысить свои достоинства и принизить их у партнера;
- стремление преуменьшить вклад партнера в общее дело;
- стремление игнорировать состояние партнера, если он переживает сильные негативные эмоции;
- полное непонимание или нежелание понять партнера, отсутствие с ним эмоционального контакта [Бабосов 2000: 174–176].

Вышеперечисленные причины раскрывают «внешние по отношению к данному конкретному индивиду условия и обстоятельства» [Там же: 176], которые приводят к возникновению конфликтной ситуации в межличностном общении.

К психологическим причинам, по нашему мнению, можно отнести выделенные В. П. Шейновым конфликтогены – «слова, действия (или бездействие), приводящие к конфликту» [Шейнов 1996:

11]. Понятием *конфликтоген* оперирует А. П. Егидес. Под конфликтогенным понимается «инициальный коммуникативный посыл» [Егидес 2004: 11], вызывающий агрессивную реакцию и далее конфликт. По мнению автора, «инициальное коммуникативное поведение оптимально, если из него изымаются конфликтогены и оно насыщается синтонами – инициальными коммуникативными посылками, направленными на удовлетворение потребности партнера. Конфликтогены и синтоны могут касаться как личности партнера в целом, так и отдельных характеризующих его моментов: профессиональных навыков, внешности, вкуса, взглядов, привязанностей, реликвий, любой общности, к которой он принадлежит (его родственников, значимых для него групп, профессионального клана, национальности, его поколения, учреждения)» [Там же]. В. П. Шейнов группирует конфликтогены в следующие классы:

- стремление к превосходству;
- проявление агрессивности;
- проявление эгоизма.

Стремление к превосходству, по мнению автора, выражается следующим образом:

- прямые проявления превосходства (приказание, угроза, критика, обвинение, насмешка);
- снисходительное отношение;
- категоричность, безапелляционность;
- навязывание своих советов;
- перебивание собеседника;
- утаивание информации;
- намеренные или непреднамеренные нарушения этики [Шейнов 1996: 11].

А. П. Егидес отмечает, что конфликтоген может быть «подан осознано, преднамеренно и даже злоумышленно, но он может оказаться нечаянным, незапланированным, ненарочным. В ответном коммуникативном поведении важным является реагирование на конфликтогены, поданные партнером. Если в ответ на инициальный конфликтоген выдается также конфликтоген, то эта неоптимальная реакция имеет «конфликтоформирующее» продолжение» [Егидес 2004: 57].

В ситуациях проявления агрессивности В. П. Шейнов выделяет природную и ситуативную агрессивность [Шейнов 1996: 23–24].

Что касается случаев демонстрации эгоизма, то его проявление заключается «в отношении к другому человеку как к объекту и средству достижения своекорыстных целей». При этом автор определяет эгоизм как «ценностную ориентацию человека, характеризующуюся преобладанием корыстных потребностей безотносительно к интересам других людей» [Там же: 26].

Разновидностью психологических причин конфликта являются **психофизиологические особенности**, такие как манера общения, индивидуальная невербалика, темп речи, тембровые особенности, громкость, артикуляционная нечеткость, акцент, создающие помехи в общении. Физиологические причины конфликтов в нашем понимании тождественны личностным причинам, выделенным А. Я. Анцуповым, С. В. Баклановским. По мнению авторов, «личностные причины связаны с индивидуально-психологическими особенностями участников конфликта. Они обусловлены спецификой процессов, происходящих в психике человека в ходе его взаимодействия с окружающими». К таким причинам А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский относят:

- оценку поведения другого как недопустимого;
- низкий уровень социально-психологической компетентности;
- недостаточную психологическую устойчивость к отрицательному воздействию на психику стрессовых факторов социального взаимодействия;
- плохо развитую способность человека к эмпатии, то есть пониманию эмоционального состояния другого человека, сопереживанию и сочувствованию;
- завышенный или заниженный уровень притязаний также способствует возникновению межличностных и внутриличностных конфликтов;
- холерический тип темперамента также может приводить к разрешению противоречивых ситуаций конфликтным способом [Анцупов 2005: 113].

Как видно из приведенной характеристики личностных причин конфликтов, они во многом детерминированы психологическими факторами. Поэтому можно утверждать, что личностные причины конфликтов тождественны или являются одним из видов социально-психологических факторов, приводящих к сбоям в общении.

К прагматическим причинам конфликтов традиционно относятся следующие:

- различие тезаурусов говорящего и слушающего, различие ассоциативно-вербальной сети говорящего и слушающего, разнообразие средств референции [Ильенко 1996: 9];

- игнорирование одним из собеседников прагматического компонента в семантике слова, нарушение стереотипных связей между категориями смыслов, наличие стереотипов поведения и мышления [Ермакова 1993: 33];

- несовершенство владения языковыми знаками обоими участниками коммуникативного акта, различные уровни чувственных оценок каждого из участников коммуникации [Третьякова 2003, а: 45].

А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский связывают причины подобного рода с потерей и искажением информации в процессе общения. Это может проявляться следующим образом:

- часть информации, которая в принципе может быть выражена словами, не высказывается человеком из-за ограниченности его словарного запаса;

- по причине недостатка времени в процессе общения теряется существенное количество информации;

- в ситуации межличностного общения значительная часть информации, касающейся предмета разговора, существует на уровне бессознательного и в принципе словами выражена быть не может;

- человек не считает нужным говорить многое из того, что можно выразить словами;

- часть словесной информации слушающий не усваивает потому, что просто ее не слышит, так как отвлекается, думает о своих проблемах и т. д.;

- собеседник не понимает все, что говорит другой человек;

- собеседники могут сделать не только разные, но и противоположные выводы на основании одной и той же информации [Анцупов 2005: 115].

К прагматическим причинам, на наш взгляд, можно отнести оценочность и эмоциональность в речи одного из собеседников, что делает проявление речевой агрессии косвенным и имплицитным. Традиционно в лингвистике оценочность и эмоциональность рассматриваются в их корреляции с категорией модальности (Приходько,

2011; Романова, 2008; Телия, 1986). Однако эти категории можно соотнести и с прагматическими причинами конфликтного коммуникативного поведения. Так, например, в интервью председателя правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро» (13 сентября 2008 года) на вопрос журналиста о покушении на свободу слова в России интервьюируемый прежде всего выразил удивление по поводу вопросов такого содержания: *«Вы знаете, меня все больше и больше удивляют вопросы, связанные со свободой слова в России, со свободой прессы»*. Далее В. В. Путин вспомнил интервью американской компании «Фокс Ньюс» с девочкой 12 лет и ее тетей, которые были свидетелями нападения грузинских войск на Южную Осетию. Примечательна реакция интервьюируемого на поведение американских журналистов (правда о событиях в Южной Осетии так и не была произнесена в эфире. – Н. К.): *«Ну знаете, это уже просто даже неинтересно»*. В данном примере мы не находим случаев реализации тактик и стратегий, непосредственно характеризующих коммуникативный конфликт. Однако стилистическое оформление предложения, различное его восприятие представителями политических держав с противоположными взглядами на мировые события делают эту часть диалога уязвимой в плане возникновения противоречий, столкновений, появления разногласий между коммуникантами, коммуникантами и аудиторией. Причины появления разногласий на языковом уровне заключаются в следующем: лексическая единица *удивлять*, содержащая в себе оценочную коннотацию, служит цели выражения эмоционального состояния говорящего и придания категоричности его суждениям. Оценочный компонент, выраженный при помощи слова *неинтересно*, совмещает в себе несколько видов оценки – морально-этическую, нормативную – и реализует отношение говорящего к действительности.

Обратимся к собственно **лингвистическим причинам** конфликтов. При синонимичной трактовке терминов *лингвистический* и *языковой* спектр лингвистических причин конфликтов значительно расширяется за счет помех в общении на уровне языка. О. А. Лентович к разряду последних относит:

- фонетические, лексические и грамматические ошибки в процессе речепроизводства;
- нарушения логики высказывания;

- неверное восприятие речи на слух;
- неправильная интерпретация семантики языковых единиц;
- непонимание грамматических конструкций;
- неумение воспринять целостность текста;
- неверный выбор тональности и регистра общения [Леонтович 2003: 219].

М. С. Мириманова выделяет следующие лингвистические барьеры, способные стать психологическими препятствиями в процессе передачи информации:

- языковой – проявляется, если в структуру общения вплетены различные языки и диалекты, а возможность выхода на единый язык общения отсутствует, он осознается как реакция на оппонента;
- грамматический – проявляется в случае нарушения грамматических конструкций, что может демонстрировать низкий уровень образования и наряду с непониманием вызвать насмешки;
- фонетический – возможен прежде всего при наличии дефектов речи, служит значительным препятствием для понимания сказанного, что особенно значимо в профессиональном общении;
- семантический – связан с трудностями правильного восприятия смыслового содержания, которое вкладывает в сказанное партнер по общению (жаргон, сленг);
- стилистический – несоответствие стиля подачи информации ее содержанию не позволяет партнеру правильно оценить ее и может даже привести к конфликту;
- логический – неприятие логики и аргументов оппонента, противоречие привычной манере доказательств [Мириманова 2003: 119–121].

При рассмотрении причин речевого конфликта необходимо учитывать и **социальные факторы**, а вернее, **социокультурные обстоятельства**, определяющие поведение того или иного индивида в обществе. На наш взгляд, к социальным причинам конфликтов относятся такие факторы, как соперничество, конкуренция, несправедливость, культуральный компонент. Соперничество как причина конфликтов описано во многих определениях изучаемого феномена. Так, например, М. Аргайл определял наличие конфликта как противоположность интересов, как в соперничестве [Argyle 1981: 375]. По Л. Козеру, социальный конфликт предполагает нейтрализацию, нанесение ущерба сопернику или даже его устранение [Coser 1968: 234].

Конкуренция тоже может стать причиной конфликтов. Такая интерпретация механизмов возникновения сбоев в общении обусловлена тем, что в психологии выделяются кооперативные и конкурентные интерперсональные отношения. В кооперативных отношениях, отмечает М. Дойч, «человек воспринимает партнера в позитивном ключе; установки по отношению к партнеру доверительные и доброжелательные; человек открыт, испытывает ответственность за другого и за кооперативный процесс. В конкурентных ситуациях партнер воспринимается негативно, по отношению к нему у человека имеются подозрительные и враждебные установки, закрытость, агрессивность, стремление получить односторонние преимущества для себя. Если в конкурентном взаимодействии узакониваются борьба за выигрыш (по правилам и без правил), то в кооперативном взаимодействии ценится равенство и взаимное уважение» [Deutsch 1985: 1264].

Справедливость является наиболее спорным фактором, который может быть интерпретирован как причина конфликта. Н. В. Гришина утверждает, что представления о справедливости разные и поэтому она не может быть критерием регулирования отношений между участниками конфликта. Главный критерий справедливости/несправедливости в психологии – живет ли человек за свой счет, вступая в обмен без обмана, или за чужой счет, эксплуатируя других людей [Гришина 200: 292].

Обратимся к важнейшим для целей нашего исследования **межкультурным причинам конфликта**. В случае учета социокультурных причин конфликта, как отмечает Е. В. Харченко, «межличностный конфликт выводится на уровень столкновения двух разных культур, двух разных мировосприятий, а следовательно, и систем норм и ценностей» [Харченко 2004: 125]. Д. Б. Гудков, говоря о коммуникативных неудачах при общении представителей разных культур, в числе прочих выделяет дискурсивные ошибки, которые вызваны не «незнанием системы языка, а неверным использованием этой системы» [Гудков 2003: 71]. Это обуславливается невладением того, что автор называет «инофоном» системы культурных норм и ценностей того общества, на языке которого ведется общение. Е. В. Харченко такие причины возникновения проблем и конфликтов при межкультурной коммуникации называет «несовпадением языковых сознаний коммуникантов» [Харченко 2004: 130].

З. И. Гурьева придерживается сходной позиции по вопросу выделения причин возникновения конфликтов во время общения представителей разных культур. Эти трудности автор объясняет следующим образом: «Контактируя с чужой культурой, реципиент видит ее через призму своей локальной культуры, чем в основном и предопределяется непонимание специфических феноменов незнакомой культуры. В рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т. п. как единственно возможного и, главное, единственно приемлемого. Только выйдя за рамки своей культуры, то есть столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением, человек может понять специфику своего собственного сознания, можно увидеть различия или конфликт культур» [Гурьева 2003: 75]. Именно специфичность этих особенностей чужой культуры, по утверждению З. И. Гурьевой, может стать причиной «их неадекватной интерпретации реципиентом, либо их непониманием, либо полным игнорированием» [Гурьева 2003: 76]. З. И. Гурьева отмечает, что столкновение с чужой культурой носит двойственный характер. С одной стороны, она вызывает у реципиента ощущение странного, непривычного, малопонятного, поэтому естественно чувство недоверия, некоторой настороженности по отношению к ней. С другой стороны, она вызывает чувство удивления и интереса (и может быть, симпатии).

В первом случае индивид испытывает психологический, а иногда и физический дискомфорт – культурный шок. Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. Д. Садохин выделяют следующие формы проявления культурного шока:

- напряжение из-за усилий, прилагаемых для достижения психологической адаптации;
- чувство потери из-за лишения друзей, своего положения, профессии, собственности;
- чувство одиночества (отверженности) в новой культуре, которое может превратиться в отрицание этой культуры;
- нарушение ролевых ожиданий и чувства самоидентификации;
- тревога, переходящая в негодование и отвращение после осознания культурных различий;
- чувство неполноценности из-за неспособности справиться с ситуацией [Грушевицкая 2003: 215].

На наш взгляд, термин *культурный шок* вполне применим и для анализа корпуса текстов межкультурной направленности в политической коммуникации, так как, несмотря на длительную историю существования дихотомии «Восток-Запад», представители как восточной, так и западной культур могут испытывать стрессогенное воздействие противоположной национальной картины мира на свои принципы и убеждения. Несмотря на тот факт, что культурный шок традиционно понимается как неотъемлемая часть иммиграционного процесса, в современном межкультурном политическом пространстве адаптация к новой культуре может быть осложнена нарушениями восприятия и в условиях собственной культуры. Не вызывает сомнения тот факт, что в данном случае модель реализации культурного шока будет отличаться от привычной, но факторы, влияющие на его выраженность и продолжительность, останутся традиционными (пол, возраст, мотивы для принятий «иноге» и др.).

Резюмируя обзор принятых в науке подходов к изучению конфликтного дискурса, следует отметить, что наиболее востребованным подходом к его изучению является междисциплинарный вектор исследования, когда принимаются во внимание как психологические, так и лингвистические основы конфликта, агрессии (в том числе и речевой), а также коммуникативного конфликта. Среди причин конфликта наиболее важными представляются психологические, физиологические, прагматические, лингвистические, социальные и межкультурные основания. Именно в процессе межкультурной коммуникации конфликт принимает формы столкновения двух или нескольких культур, несовпадения аксиологических норм и принципов, что может привести к стрессогенному воздействию противоположной культуры, которое обозначается как культурный шок.

2.1.2. Понятие агрессии. Речевая агрессия

Рассматривая конфликт с различных точек зрения, исследователи обращаются и к вопросу придания этому явлению положительного характера и сведения к минимуму негативных последствий конфликта. Перемены в современном обществе приводят к изменениям в поведении людей, которые часто сопровождаются повышением уровня агрессии. Проблема агрессии исследуется на протяжении длительного времени с точки зрения социологии, психологии,

криминалистики и других наук. По мнению Т. Г. Румянцевой, исследование агрессии в рамках дисциплин разного направления объясняется тем фактом, что «человеческая агрессивность объективно относится к такому классу фактов общественной жизни, которые могут быть изучены только при помощи объединенных усилий целого ряда естественных и социальных наук» [Румянцева 1991: 127]. Автор указывает, что чем глубже уходят монодисциплинарные исследования, тем сильнее возрастает потребность в сотрудничестве и согласовании различных научных направлений. Это относится и к проблеме агрессии, которая не всегда была самостоятельным объектом исследовательских интересов лингвистов, однако стала таковой в последнее время, так как проявляется не только в социальном, но и в речевом поведении человека.

Следствием того, что агрессия не так давно стала изучаться лингвистикой, явилось многообразие терминов для описания изучаемого явления. Наряду с наиболее распространенным термином *речевая агрессия* используются такие словосочетания, как *вербальная агрессия*, *языковая агрессия*, *словесная агрессия*, *коммуникативная агрессия*. Нередко варьируются и лексемы *агрессия* – *агрессивность* (см. работы по теории коммуникации, риторике, психологии поведения). Наиболее известной работой, исследующей агрессию как психологический феномен, является книга Р. Бэрона, Д. Ричардсон «Агрессия» [Бэрон 1997]. В теории коммуникации проблемами агрессии занимались В. И. Жельвис (1990), Е. А. Земская (1994), Л. М. Майданова (1997), К. Ф. Седов (1999), Е. И. Шейгал (1999), О. С. Иссерс (2002) и др. Актуальность рассмотрения феномена речевой агрессии в лингвистическом аспекте не вызывает сомнения. Другим важным аспектом исследуемой проблемы является изучение психологических основ речевой агрессии, так как причины агрессивного поведения человека лежат прежде всего в особенностях психологии людей, демонстрирующих то или иное деструктивное поведение. Педагоги, психологи, лингвисты пытаются ответить на вопросы: в чем лежат причины агрессивного поведения (в том числе в журналистской практике) и как исправить положение дел, или, по крайней мере, взять под контроль деструктивное поведение. Таким образом, исследование агрессии с лингвистической точки зрения должно быть дополнено с учетом достижений по крайней мере двух наук – психологии и прагматики.

Агрессия рассматривается как «целенаправленное разрушительное поведение, противоречащее нормам и правилам существования людей, принятым в том или ином обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.)» [Мещеряков 2003: 16]. Сравнительный анализ подходов к исследованию указанного феномена показывают, что в психологии преобладают три направления интерпретации проблемы агрессии.

Сторонники первого направления (З. Фрейд, К. Лоренц, Э. Фромм и др.) считают, что агрессивные состояния человека являются прирожденными. Э. Фромм [Фромм 1998: 31] употребляет слово «агрессия» в отношении поведения, связанного с самообороной, и в конечном счете приходит к понятию «доброкачественной агрессии». При этом специфическую человеческую страсть к господству над другим живым существом и желание разрушать исследователь выделяет в особую группу и называет «деструктивность» и «жестокость». Далее Э. Фромм пишет: «Агрессивное поведение людей, проявляющееся в войнах, преступлениях, личной драчливости и прочих типах деструктивного и садистского поведения имеет филогенетические корни, оно запрограммировано в человеке, связано с врожденным инстинктом, который ждет своего места и часа и использует любой повод для своего выражения» [Фромм 1998: 31].

Ученые, придерживающиеся другой точки зрения, полагают, что агрессия является ответом на фрустрацию (Дж. Доллард, Л. Берковиц и др.). И, наконец, согласно третьей теории, агрессивное поведение является результатом социального научения (А. Бандура и др.).

З. Фрейд выдвинул точку зрения о прирожденности агрессии. Изначально он интерпретировал агрессию в ее связи с «принципом удовольствия». Агрессия трактовалась австрийским психологом как реакция на препятствия, возникающие, когда человек стремится получить удовольствие. В дальнейшем З. Фрейд пересмотрел эту точку зрения и вскоре разработал «теорию двойственного инстинкта». Согласно этой теории, агрессивные действия благоприятны с точки зрения высвобождения внутренней напряженности, которая возникает при накоплении энергии деструктивного характера. Агрессивные (не всегда только физические) действия, как правило,

направлены на внешние объекты. Агрессивная энергия может проявляться и в вербализованной форме. В итоге индивид испытывает самоочищение, «катарсис», что ведет к уменьшению внутренней напряженности. Однако желание разрушить полностью не исчезает, периодические разрядки чередуются повышением напряженности.

Другой известный специалист в области агрессии, Л. Берковиц, подверг критике фрейдовский взгляд на рассматриваемый феномен [Берковиц 2001]. Он подчеркивал, что «исследователям не удалось найти центры «агрессивной энергии» ни в организме животного, ни в организме человека» [Там же: 473]. По мнению ученого, агрессивная деятельность не может принести очищение (катарсис) и уменьшить возможность агрессивных действий в последующем. Но вместе с тем Л. Берковиц допускает вероятность того, что агрессия имеет биологическую обусловленность. Для объяснения природы агрессии Л. Берковиц использует понятие относительной депривации, заимствованное из теории фрустрации. Под относительной депривацией понимается оценка своего положения (или своей группы) как ущемленного по сравнению с другими, что порождает чувство несправедливости. Таким образом, «начав свое развитие как модель побуждений, гипотеза фрустрации-агрессии приобрела форму более сложного подхода, делающего упор на когнитивной оценке имеющихся в данной ситуации сигналов-раздражителей как важнейшем опосредующем звене между переживанием фрустрации и агрессивной реакцией» [Крэйхи 2003: 48].

В третьем подходе к проблеме агрессии агрессивное поведение рассматривается как результат формирующего воздействия социальной среды. Самым известным приверженцем данной концепции был А. Бандура, по убеждению которого человек способен научиться агрессивному поведению в первую очередь потому, что такое поведение нередко вызывает одобрение социума. Кроме того, часто человек, наблюдая за агрессивным поведением другого, воспринимает это как модель поведения, поощряемую обществом. Согласно теории А. Бандуры [Bandura 1973], повседневная жизнь преподносит нам модели агрессивного поведения на каждом шагу – в семье, в средствах массовой информации, в разных субкультурах и т. д.

Следует выделить еще один подход к изучению феномена агрессии – нормативный, где в определении агрессивного поведения лежит понятие нормы. В соответствии с нормативным подходом пове-

дение называется агрессивным при наличии двух обязательных условий: 1) когда имеют место губительные для жертвы последствия; 2) когда нарушены нормы поведения. Норма, принятая в обществе, является механизмом контроля за обозначением тех или иных действий как агрессивных или неагрессивных. Если эти нормы соблюдены, воспринимаемое поведение не будет рассматриваться наблюдателем как агрессивное независимо от степени губительности последствий такого поведения. И наоборот, если нормы нарушены, на поведение навешивается ярлык агрессии. О. В. Гордякова отмечает, что «взгляды людей на агрессию, вытекающие из принятых в данном обществе ценностных ориентаций, будут различаться у людей, принадлежащих к различным общественным слоям, группам и т. п.» [Гордякова 2003: 31]. Более того, указывает автор, «один и тот же губительный акт может быть по-разному определен в зависимости от пола, возраста, мировоззренческих ориентаций личности и т. д.» [Гордякова 2003: 31]. Сторонники нормативного подхода отмечают также, что агрессор, жертва и сторонний наблюдатель могут по-разному расценивать одно и то же действие и трактовать его как агрессивное или нет.

Для цели нашего исследования наиболее релевантным является нормативный подход к изучению агрессии, так как конфликтный дискурс мы предлагаем рассматривать как случаи отклонения от нормы, а следование коммуникативной норме трактуется нами как сфера реализации кооперативного дискурса (более подробно о сущности нормы см. в параграфе 2.2.).

Одним из теоретических подходов к объяснению агрессии является биологический принцип описания данного явления. Данный принцип включает в себя три модели: этологию, социобиологию и генетику поведения. Б. Крэйхи отмечает, что «общим для биологических подходов к агрессии является базовое предположение о том, что корни агрессивного поведения заключаются в биологической природе людей, а не в психологических свойствах» [Крэйхи 2003: 39].

Среди биологических подходов к агрессии Б. Крэйхи отмечает этологию, целью которой является сравнительное исследование поведения животных и людей [Крэйхи 2003]. Одним из представителей этого направления является К. Лоренц [Лоренц 1994]. Основной его постулат состоит в том, что в организме непрерывно происходит накопление агрессивной энергии, которая затем может воплотиться

в агрессивном поведении. Согласно теории Лоренца, агрессия является неизбежным свойством человеческой природы. [Там же].

Социобиология как один из биологических подходов к определению агрессии занимается тем, что «применяет логику эволюционной теории для объяснения социального поведения» [Крэйхи 2003: 41]. Описание данного подхода было предложено М. Дейли и М. Уилсоном [Daily, Wilson 1994], а также Д. Басом и Т. Шейклфордом [Buss, Shackelford 1997]. В рамках данного подхода агрессивное поведение при сопротивлении нападающим рассматривается как «адаптивное в плане увеличения репродуктивности успешности существа, проявившего агрессию» [Крэйхи 2003: 41]. В современных исследованиях агрессии наиболее заметное влияние социобиологического подхода наблюдается при объяснении возникновения сексуальной агрессии [Malamuth, Neilmann 1998]. «В целом представители социобиологического подхода рассматривают агрессию как форму поведения, развившуюся у животных и людей вследствие ее потенциальной способности увеличить репродуктивную успешность особи и поэтому способствующую передаче ее генов в процессе естественного отбора будущим поколениям» [Крэйхи 2003: 42].

Приведем еще несколько определений анализируемого феномена. Л. Берковиц определяет агрессию как «любую форму поведения, которая нацелена на то, чтобы причинить кому-либо физический или психологический ущерб» [Берковиц 2001: 24]. При этом автор рассматривает *стимулирование агрессии, агрессию, гнев, враждебность и агрессивность* как отдельные, различные, хотя и взаимосвязанные явления. Л. Берковиц полагает, что особенно важно различать понятия *гнев и агрессия*. «В случае с агрессией мы имеем дело с действием, направленным на достижение определенной цели – причинить ущерб другому лицу. Это действие, таким образом, направлено на определенную цель. Напротив, гнев вовсе необязательно имеет какую-то конкретную цель, но означает определенное эмоциональное состояние. Это состояние в значительной степени порождается внутренними физиологическими реакциями и непроизвольной эмоциональной экспрессией, обусловленной неблагоприятными событиями: моторными реакциями (такими как сжатые кулаки), выражениями лица (расширенные ноздри и нахмуренные брови) и т. д.; определенную роль, вероятно, играют такие возникающие при этом мысли и воспоминания. Все эти сенсорные потоки комбинируются

в сознании личности в переживание гнева» [Берковиц 2001: 43]. Подобной же точки зрения по поводу характеристики анализируемого явления придерживается Д. Майерс, который определяет агрессию как «физическое или вербальное поведение, направленное на причинение вреда кому-либо» [Майерс 1999: 723]. В качестве рабочего определения агрессии Р. Бэрон, Д. Ричардсон принимают следующее: «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрон 1997: 26].

Как мы уже указывали выше (с. 112), в психологической науке противопоставляются термины *агрессия* и *агрессивность*. Под последней принято понимать «относительно стабильную готовность к агрессивным действиям в самых разных ситуациях; личностную черту, характеризующую предрасположенность реагировать агрессивно в тех или иных ситуациях» [Берковиц 2001: 44]. Л. Берковиц предлагает также различать термины *агрессивность* и *враждебность*. «Людам, которым свойственна агрессивность, которым часто видятся угрозы и вызовы со стороны других людей и для которых характерна готовность атаковать тех, кто им не нравится, присуща враждебная установка к другим людям; но не все враждебно предрасположенные к другим люди обязательно агрессивны», пишет Л. Берковиц [Там же].

Воспитанию агрессивности может способствовать культуральный компонент. А. П. Егидес утверждает, что «субъектно-объектный подход к миру людей, лежащий в основе гуманистической психологии, является причиной конфликтов» [Егидес 2004: 37]. Субъектно-объектный подход означает, что Я субъект, и другие для меня не более чем объекты. Е. И. Доценко говорит, что при этом «к человеку относятся как к средству. Допустимость (моральное оправдание) такого отношения базируется, во-первых, на обесценивании человека, во-вторых, на основе веры в неравенство (в ценности, в правах, в цене) людей, а в-третьих, на ощущении собственного превосходства над другими в чем-либо, доходящего до чувства собственной исключительности» [Доценко 1997: 39].

Авторы диагностики состояния агрессии А. Басс и А. Дарки выделяют следующие формы агрессии:

- физическая агрессия – использование физической силы против другого лица;

- вербальная агрессия – выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных обращений к другим лицам (угроза, проклятия, ругань);
- косвенная агрессия – использование окольным путем направленных против других лиц сплетен, шуток и проявление ненаправленных, неупорядоченных взрывов ярости;
- негативизм – оппозиционная форма поведения, направленная обычно против авторитета и руководства, которая может нарастать от пассивного сопротивления до активных действий против требований, правил, законов;
- раздражение – склонность к раздражению, готовность при малейшем возбуждении излиться во вспыльчивости, резкости, грубости;
- подозрительность – склонность к недоверию и осторожному отношению к людям, проистекающим из убеждения, что окружающие намерены причинить вред;
- обида – проявление зависти и ненависти к окружающим, обусловленное чувством гнева, недовольства кем-либо или всем миром за действительные или мнимые страдания.
- аутоагрессия или чувство вины – отношение к действиям по отношению к себе и окружающим, проистекающее из возможного убеждения самого обследуемого в том, что он является плохим человеком, поступает нехорошо, вредно, злобно или бессовестно [Цит. по: Батаршев 2005: 49–54].

Для цели нашего исследования наиболее важной является вербальная агрессия как объект изучения лингвистики, и прежде всего психолингвистики, которая имеет дело с повседневной межличностной коммуникацией. О. С. Иссерс отмечает, что «вербальная агрессия как законодательно наказуемое действие – одна из актуальных и в то же время запутанных проблем юриспруденции» [Иссерс 1999: 106]. По мнению автора, именно страны с достаточно развитой демократией: США, Канада, Австралия, государства Западной Европы – имеют богатую историю изучения вербальной агрессии. Наибольшую трудность в плане правовой квалификации представляют речевые действия, связанные с вербальной агрессией (fighting words). Американские ученые к случаям вербальной агрессии относят высказывания, цель которых заключается не в передаче какой-либо информации, а в провоцировании у слушающего немед-

ленной отрицательной реакции [Nowak 1986: 522]. Другие авторы под вербальной агрессией понимают любую враждебную по отношению к партнеру речь (hate speech) [Hodulic, 1991; Saad, 1991]. Е. Н. Басовская использует термин *вербальная агрессия* и рассматривает его в узком и широком смысле. При его узком понимании в качестве агрессивного на первый план автор выдвигает «речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление (в том числе грубая брань), насмешка, угроза, враждебное замечание, злопожелание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств» [Басовская 2004: 257]. При максимально широкой интерпретации термина *вербальная агрессия* – это «все виды наступательного, доминирующего речевого поведения». В таком случае коммуникация вообще немыслима вне агрессивных проявлений. Е. Н. Басовская определяет вербальную агрессию как «эксплицитно выраженную оппозиционность говорящего по отношению к собеседнику» [Там же].

Н. В. Муравьева рассматривает проявление речевой агрессивности в двух направлениях. Во-первых, это использование оценочных слов. В данном случае речевая агрессивность проявляется в «предпочтении литературным, общепринятым языковым единицам языковых единиц, связанных с грубым, жестоким, силовым поведением (вульгарные слова, просторечие и уголовный жаргон)». Второе направление проявления речевой агрессивности – это навязывание «со стороны говорящего своего речевого поведения, отказ от диалогичности, неумение «слушать собеседника» [Муравьева электронный ресурс: www.tolerance.ru].

Агрессивное поведение на любом уровне его проявления должно быть изучено с точки зрения системного подхода, реализация принципов которого предполагает анализ динамически изменяющейся совокупности участвующих в формировании агрессии процессов, состояний и свойств личности. О. Ю. Михайлова полагает, что один из принципов системного подхода заключается «в исследовании включенности агрессивного поведения в контекст целостной личности как субъекта определенной формы активности» [Михайлова 2004: 15]. В этом плане агрессивное поведение будет изучаться на следующих уровнях:

1. Агрессивное поведение в контексте отношений «субъект – ситуация». В этом аспекте изучения проблемы агрессия определяет-

ся как социально адресованная активность в неудовлетворяющей субъекта ситуации. Целью субъекта при этом типе поведения является разрешение конкретной ситуации социального взаимодействия. При этом сама ситуация агрессивного поведения рассматривается как система воздействий в соответствии с поведением действующих в ней субъектов, их свойствами и особенностями.

2. Агрессия как проявление функционального состояния. Агрессивное поведение связано с возникновением функционального состояния, характеризующегося сочетанием высокого уровня активации и высокого уровня эмоционального напряжения, так как проявление агрессии требует наличия высокого уровня активности субъекта, необходимого для деструкции ситуации и преодоления сопротивления, а мобилизация энергоресурсов обеспечивается за счет высокого уровня эмоционального напряжения.

3. Агрессивное поведение как функция системы личностных ценностей. На проявление агрессии могут оказывать влияние особенности ценностно-смысловой сферы личности. Среди них важное значение имеет система норм и ценностей, определяющих конкретное общение и взаимодействие субъектов. В таких случаях целью субъекта является подтверждение соответствия его системы норм и ценностей определенным социальным и групповым ценностям и эталонам поведения.

4. Агрессивное поведение как функция системы личностных свойств. Агрессия в данном случае выступает как реализация типичных для данной личности способов деятельности в типичных обстоятельствах, которые определяются отношением личности к этим обстоятельствам. Вариантом этого уровня проявления агрессии является наличие агрессивности как черты характера. Причем в зависимости от степени обобщенности реализуемых в этом типе поведения отношений личности и от степени закреплённости способов реализации этих отношений можно говорить о разных уровнях сформированности агрессивности [Там же: 15–26].

Таким образом, в контексте настоящего исследования выделение четырех уровней рассмотрения агрессивного поведения имеет большое значение, так как сущность коммуникативного конфликта может быть правильно понята только на основе системного подхода, и изучение рассматриваемого нами феномена должно включать анализ компонентов индивидуального поведения человека, его

функционального состояния, ценностно-смысловых и личностных свойств. Независимо от того, рассматриваем ли мы агрессивное поведение на психологическом или лингвистическом уровне, агрессия как форма социального поведения должна быть измерена с помощью таких способов, которые предоставили бы нам информацию на поведенческом уровне. Б. Крэйхи отмечает, что «весь диапазон методологических возможностей получения информации об агрессии как форме социального поведения ограничен вследствие того, что исследователи обязаны на каждом этапе своих изучений гарантировать, что участникам исследования или третьей стороне не будет причинено никакого вреда» [Крэйхи 2003: 21–22].

Для получения сведений об агрессивном поведении наиболее часто используются два метода: наблюдение и опрос. Методы наблюдения облегчают фиксирование агрессивного поведения в том виде, как оно происходит в естественном контексте. Наблюдение агрессии в естественной обстановке обладает тем преимуществом, что наблюдаемые не осознают, что их поведение регистрируется, и не пытаются приспособить свое поведение к социальным нормам. Получить информацию о поведении через непосредственное наблюдение далеко не всегда возможно. Б. Крэйхи отмечает, что «опасность и потенциальный вред, свойственные агрессивным действиям, препятствуют созданию условий, при которых исследователи могли бы наблюдать изучаемое явление» [Крэйхи 2003: 31]. Так как большинство агрессивных поступков совершается без предварительного предупреждения, то в этом случае целесообразно использовать методы, при которых людей спрашивают об агрессивном поведении.

Агрессия возникает как результат конфликтной ситуации, которая определяется как накопление и обострение противоречий в системе социальных связей, группового поведения и межличностного взаимодействия [Кибанов, 2006]. В случае речевой агрессии эти противоречия будут носить также коммуникативный характер. Агрессивное поведение проявляется тогда, когда интересы людей сталкиваются таким образом, что создается почва для возможного столкновения между отдельными личностями или общностями. В лингвистическом плане, на наш взгляд, агрессия (речевая агрессия) воплощается в конфликте (коммуникативном).

Н. В. Муравьева выделяет следующие мотивы речевой агрессивности. В нашем речевом поведении, отмечает автор, проявля-

ется мотив контактной уникальности, суть которого – «я хочу быть личностью в ситуации контакта» [Муравьева электронный ресурс: www.tolerance.ru]. Нельзя говорить, что этот мотив носит только отрицательный характер, особенно в ситуации отказа от господства директивного общения, официоза и ритуальности во всех публичных контактах. Но положительные моменты мотива контактной уникальности проявляются только в случае речевой персональности. В противном случае контактная уникальность может обернуться речевой агрессивностью, которая приводит к конфликту между журналистом и его аудиторией, если мы имеем дело со средствами массовой информации.

Другой причиной агрессивного речевого поведения является мотив речевой наивности. Он проявляется в стремлении журналистов сократить количество и репертуар используемых средств. Н. В. Муравьева [Там же] приходит к мысли, что данный феномен является не таким безобидным, каким кажется на первый взгляд.

Еще один мотив агрессии в языке – речевая анархия. Это означает, что журналисты не всегда понимают смысла слов, которыми они пользуются. Анархия проявляется в том, что журналисты не всегда корректно употребляют исконно русские слова в случае, когда оптимальными будут именно они, а не заимствованные лексические единицы. Вероятность конфликта будет велика, потому что при обсуждении того или иного явления журналист и читатель по-разному понимают и интерпретируют смысл слова.

Спектр речевых и языковых средств проявления агрессивности достаточно широк в языке политики. А. П. Чудинов выделяет следующие формы проявления агрессивности в современном отечественном политическом дискурсе:

1. Призывы к физической агрессии и метафорическая характеристика политических действий как физической агрессии.
2. Использование инвектив.
3. Выражаемая в грубой, иронической, двусмысленной форме негативная оценка политических оппонентов, национальных, социальных и других групп, политических институтов и т. п.
4. Использование специальных знаков агональности, к которым относятся маркеры «чуждости», показатели умаления значимости, выражение недоверия к искренности оппонента и достоверности его суждений.

5. Возбуждение тревожности, неуверенности, ощущения чрезмерной зависимости от государства и общества, неудовлетворенности существующим в стране положением дел и страха перед будущим [Чудинов 2003: 66–70].

Специальные изучения (А. Б. Ряпосова 2002; Ю. Б. Феденева 1997) показывают, что агрессивность политической коммуникации резко возрастает в те периоды, когда политические решения должны принять широкие массы граждан (выборы, референдум, политические демонстрации и др.), и заметно снижается, когда политические соперники вынуждены действовать совместно. Коммуникативная (вербальная и невербальная) агрессивность обычно растет параллельно с социальным напряжением в обществе. При этом средства ведения политической борьбы различаются в тоталитарном и демократическом обществе. Если в первом политических оппонентов уничтожают физически, лишают их гражданских прав и возможности заниматься политической деятельностью, то в демократическом обществе соперников стремятся отстранить от власти путем их дискредитации в социальном сознании. К этой же мысли приходит Г. Г. Почепцов, который утверждает, что политическое разделение правящих режимов на авторитарные, тоталитарные, с одной стороны, и демократические – с другой, основано на тех или иных коммуникативных процессах. Демократические режимы призваны максимальным образом поддерживать обратную связь, демонстрируя серьезную зависимость власти от населения. По мнению автора, это отражается и в ряде других наук. Так, например, конфликтология у нас и на Западе исходит из совершенно различных предпосылок. В рамках западной парадигмы конфликт рассматривается как естественное состояние любой системы. В рамках нашей парадигмы конфликт трактуется как «болезнь» системы [Почепцов 2002: 11–12].

Э. А. Пронин, анализируя деятельность средств массовой информации как субъекта российского социально-политического конфликтного пространства, приходит к выводу, что «СМИ для современного периода времени выполняют роль катализатора большинства социально-политических конфликтов, становятся фактором дестабилизации социально-политического и конфликтного пространства» [Пронин 2004: 24]. Е. Ю. Шамсутдинова придерживается сходной позиции по поводу определения связи толерантности

и языка СМИ. По мнению автора, СМИ могут оказать и оказывают влияние на формирование социальных идентификаций, толерантных и интолерантных установок сознания и поведения. Влияние это оказывается с помощью различных стратегий речевого воздействия или коммуникативных стратегий. Эмоциональный фон текстов СМИ создается благодаря использованию определенных лексических средств. [Шамсутдинова 2006: 52].

Таким образом, в настоящей работе под агрессией понимается такое поведение людей (социальное, коммуникативное, психологическое и др.), которое противоречит общественным нормам и вызывает у человека отрицательные эмоции. На лингвистическом уровне мы говорим о речевой агрессии, которая проявляется в наступательном, оппозиционном речевом поведении, использовании слов с оценочной коннотацией, негативной оценке противоположной стороны, возбуждении экстремистских настроений. Все вышеперечисленные проявления речевой агрессии характерны и для политического дискурса.

2.1.3. Виды деструкции дискурса. Коммуникативный конфликт

С лингвистической точки зрения конфликт изучается представителями двух направлений: лингвистическая конфликтология (В. И. Жельвис, С. Г. Ильенко, Н. В. Муравьева, В. А. Сафронов, В. С. Третьякова и др.) и юридическая лингвистика (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Ю. А. Бельчиков, К. И. Бринев, Н. Е. Булгакова, Л. О. Бутакова, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, Н. Б. Лебедева, В. А. Мишланов, А. А. Романов, А. П. Сковородников, Т. В. Чернышова и др.).

Как отмечают исследователи, «как язык, так и речь имеют такие конфликтогенные свойства, которые провоцируют пользователей языка на конфликтное взаимодействие» [Третьякова 2003, а: 156]. По словам Н. Д. Голева, «любой коммуникативный акт потенциально конфликтен, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания... или двусмысленного понимания» [Голев 2003: 35]. Исследователь даже высказывает такую мысль, что язык существует и для того, чтобы создавать конфликты. В этой связи, отмечает автор, правомерно говорить об инвективной функции языка; «лю-

бой язык содержит набор лексических и фразеологических инвективных средств, интонационных схем, схем речевого поведения, обслуживающих зону инвективности» [Там же].

Не вызывает сомнения тот факт, что конфликт является неотъемлемым фактором деструкции любого дискурса. При изучении речевого общения важным является определение того термина, который достаточно точно передает суть изучаемого феномена. Наименее общими, однако гораздо чаще употребляемыми для обозначения различных видов деструкции дискурса являются такие термины, как *ликоущемляющие акты*, *коммуникативный сбой*, *коммуникативный промах*, *коммуникативный провал*, *коммуникативная неудача*, *коммуникативная помеха*, *коммуникативный барьер*, *языковой конфликт*, *речевой конфликт*.

Любой конфликт (в том числе и коммуникативный) есть проявление деструкции дискурса соответствующего типа. Термин *деструкция* заимствован из постмодернизма, в котором им обозначается изменение традиционных эстетических категорий, разрушение устоявшихся видов и жанров искусства, пересмотр классических представлений о прекрасном и безобразном. В настоящее время феномен деструкции проник во все виды дискурса и проявляется на различных уровнях взаимодействия его участников. Так, В. А. Самкова полагает, что сегодняшнюю эпоху можно определить как время «тотальной деструктивности, где затруднены процессы социализации и культурной идентификации» [Самкова 2012: 111]. По мнению автора, причиной деструкции не только социального пространства, но и структуры личности являются глобализационные процессы. В отношении деструкции политического дискурса речь, на наш взгляд, идет также о несовпадении взглядов сторон на мировые события, что не может не отразиться в восприятии этих фактов участниками политической коммуникации. Особенно ярко деструкция дискурса проявляется в межкультурном политическом пространстве, когда на «способность всех участников коммуникации адекватно интерпретировать замыслы, установки, цели, мотивы, идеологии и включаться в согласованные действия» [Самкова 2012: 111] влияет их культурная идентификация.

Таким образом, в настоящем исследовании под **деструкцией дискурса применительно к межкультурному политическому пространству понимаются нарушения кодирования/декодиро-**

вания информации, влияющие на процесс восприятия и интерпретации мировых событий и обусловленные культурными различиями, этноцентризмом, стереотипами, свойственными участникам коммуникации. Как уже было отмечено выше, в лингвистике существует немало терминов для обозначения деструкции дискурса. Охарактеризуем некоторых из них.

Ликоущемляющие акты. Ликоущемляющие акты являются тем основанием, на базе которого может быть рассмотрена и проанализирована специфика речевого поведения индивидов в конфликтном типе взаимодействия. Как отмечает Н. А. Каразия, «конфликтный дискурс, ведущий к дестабилизации отношений участников коммуникации, порождает ликоущемляющие акты, цели которых вступают в противоречие с позитивной направленностью общения» [Каразия 2004: 4]. Далее автор указывает на то, что «для прагмалингвистического исследования представляет интерес как анализ ликоущемляющих актов с формальных позиций (то есть с точки зрения способов лингвистического выражения интенций адресанта), так и изучение их функционирования в динамике речевого взаимодействия с учетом контекста ситуации общения» [Там же].

Коммуникативный сбой. Термин предложен Е. В. Падучевой, и под ним автор понимает «возникновение в высказывании другого смысла, не предполагавшегося субъектом речи, причиной чего является использование участниками коммуникации разного набора кодов для передачи и получения информации» [Падучева 1982: 15]. Как отмечает Н. Л. Шубина, «коммуникативный сбой следует отличать от коммуникативного дефекта, обусловленного незнанием правил коммуникации, отсутствием языковой компетенции или недостаточной культурой владения родным языком» [Шубина 1996: 15]. В. С. Третьякова указывает на то, что коммуникативный сбой и коммуникативный дефект очень близкие понятия, и одно часто обуславливает другое. Незнание правил коммуникации или некомпетентность одного из участников коммуникации является причиной того, что для передачи или получения информации выбирается такой код, который не соответствует ситуации общения и провоцирует неадекватную интерпретацию высказывания, что и приводит к коммуникативному сбою [Третьякова 2003].

Коммуникативный промах. Под коммуникативным промахом Е. В. Клюев понимает «ошибки в идентификации коммуникатив-

ного акта». Классификация ошибок, связанных с идентификацией коммуникативного акта, по мнению автора, может быть представлена следующим образом:

- коммуникативный акт неуместен;
- коммуникативный акт несвоевременен;
- коммуникативный акт дисбалансирован;
- коммуникативный акт дезориентирован [Клюев 2002: 55].

При этом, отмечает автор, различать неуместные и несвоевременные речевые акты бывает иногда очень трудно.

Коммуникативный провал. Термин используется Т. В. Шмелевой и В. В. Красных. При этом В. В. Красных трактует коммуникативный провал как «полное непонимание коммуникантами друг друга (неадекватная коммуникация)», а «недостаточное полное взаимопонимание участников коммуникации (недостаточно адекватная коммуникация) определяется автором как коммуникативный сбой» [Красных 2001: 173]. Т. В. Шмелева определяет коммуникативный провал как отсутствие кооперативных действий партнеров по коммуникации [Шмелева 1988: 170].

Коммуникативная неудача. Термин используется в исследованиях деструктивного типа речевого общения (Городецкий 1985; Ермакова 1993; Черняк 2005) и определяет полное или частичное непонимание высказывания партнером по коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего. В. С. Третьякова считает термин *коммуникативная неудача* наиболее адекватным, поскольку он охватывает как «любое непонимание партнерами по коммуникации друг друга», так и любой «нежелательный эмоциональный эффект процесса коммуникации» [Третьякова 2003, а: 55]. При этом автор рассматривает коммуникативные недоразумения и сбои как частные проявления коммуникативной неудачи. Эти проявления могут быть сняты в речевом общении при помощи дополнительных коммуникативных шагов: переспросов, уточнения, пояснений, наводящих вопросов, переформулирования, в результате чего может быть осуществлено коммуникативное намерение говорящего. В. Д. Черняк классифицирует коммуникативные неудачи, возникающие в устной речи и письменных речевых произведениях (газетные и журнальные публикации, реклама, переводы массовой литературы), которые требуют дополнительных усилий от адресата при восприятии

текста [Черняк 2005]. При этом автор разграничивает «зоны» свободного выбора и «зоны риска». К последним относятся, например, незнание точных форм словоизменения, окказиональное словообразование, многозначность и омонимия.

Нарушения, трудности, барьеры. По степени протекания и психологическим последствиям, по степени неудовлетворенности общением и вовлеченности обоих партнеров, по возможности и способам устранения трудностей межличностного общения В. Н. Куницына дифференцирует нарушения (самые тяжелые), трудности, барьеры [Куницына 1991].

Нарушения межличностного общения – это двустороннее осложнение общения и отношений, болезненное взаимодействие, при котором психологическая сторона обусловлена такими личностными свойствами общающихся, как неумеренное тщеславие и зависть [Куницына 1991: 16].

К коммуникативным барьерам, препятствующим взаимодействию и успешному общению, относятся «проблемы, вызванные несформированностью умений и навыков общения, незнанием норм, социальной неуверенностью» [Там же: 17]. В этом случае необходимы обучение и корректировка сложившихся моделей поведения. Е. В. Залюбовская предложила следующее определение коммуникативного барьера: «абсолютное или относительное препятствие эффективному общению, субъективно переживаемое или реально присутствующее в ситуациях общения, причинами которого являются мотивационно-операциональные, индивидуально-психологические, социально-психологические особенности общающихся» [Залюбовская 1984: 105]. Психологические барьеры в первую очередь препятствуют взаимопониманию и затем уже осложняют взаимодействие. К психологическим барьерам относятся предубеждения, предрасудки, социальные стереотипы. Так, актуализация стереотипов в момент доверительного неформального общения может оказаться психологическим барьером для взаимопонимания и взаимодействия. При этом существенной характеристикой барьеров является то, что они возникают без предварительного намерения, протекают внешне бесконфликтно и сопровождаются внутренними напряжениями, неудовлетворенностью общением, отрицательными эмоциями.

Трудности, к которым прежде всего относится застенчивость, в отличие от нарушений и барьеров, имеют субъективную природу и

представляют острые эмоциональные переживания субъекта в ходе общения в определенных ситуациях, сопровождающиеся внутриличностным и нервно-психическим напряжением. Трудности различаются по степени нервно-психического напряжения, ситуациям, в которых они имеют тенденцию возникать. В. Н. Куницына предложила классификацию трудностей межличностного неформального общения по их причинной обусловленности (в рамках психической нормы) и содержательно-функциональным характеристикам:

I. Первичные трудности зависят от природных свойств человека, им свойственна более жесткая предопределенность и неизбежность их возникновения. Большую роль в их появлении играют биологические, психофизиологические, личностные свойства.

II. Вторичные, то есть обнаруживающие себя в условиях непосредственных контактов, вызванные объективными, преимущественно внешними причинами. Эти трудности носят психогенный или социогенный характер. Психогенные трудности создаются соматическими болезнями, а социогенные – внешними барьерами (коммуникативными, смысловыми, лингвистическими), неудачным опытом социальных контактов, просчетами воспитания.

По содержательно-функциональным характеристикам В. Н. Куницына выделяет две группы трудностей: 1) субъективно переживаемые, не всегда проявляющиеся в конкретном социальном взаимодействии и не очевидные для партнера; 2) «объективные», то есть обнаруживающие себя в условиях непосредственных контактов и снижающие успешность общения и удовлетворенность его протеканием.

К субъективно переживаемым трудностям относятся социальная неуверенность, робость, застенчивость, неумение установить психологический контакт. Так называемые объективные трудности, то есть вызванные объективными и в целом устранимыми причинами, – это трудности коммуникативного характера (связанные с психофизиологическими особенностями личности, полнотой владения вербальными и невербальными средствами осуществления контакта) и коммуникабельного характера (владение нормами, правилами, сформированность психологической культуры общения) [Куницына 2001: 16–18].

Не вызывает сомнения тот факт, что человек по-разному раскрывается в разных видах и ситуациях речи. Как утверждает К. Ф. Се-

дов, больше всего индивидуальные особенности речевого портрета личности проявляются в речевых ситуациях, несущих в себе элементы психологического напряжения. К числу таких ситуаций и относится коммуникативный конфликт [Седов электронный ресурс: <http://www.dialog-21.ru>].

Коммуникативный конфликт – это «речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами» [Там же]. В основе коммуникативного конфликта, по мнению автора, лежит «стремление одного (или обоих) участников общения снять психологическое напряжение за счет собеседника». Такого рода разрядке предшествует чувство фрустрации – «психологический дискомфорт, возникающий при невозможности добиться какой-либо цели». В межличностном взаимодействии фрустрация возникает в том случае, когда (по мнению одной из конфликтующих сторон) коммуникативный партнер нарушает нормы (правила) поведения. Область социальной психолингвистики, которая призвана гармонизировать процесс коммуникативного взаимодействия людей, получила название *психолингвистической конфликтологии* [Там же]. В соответствии с тяготением разных носителей языка к той ли иной речевой стратегии И. Н. Горелов выделяет три типа языковой личности: *инвективная, куртуазная, рационально-эвристическая* [Горелов 1997: 133].

Термины *языковой конфликт* и *речевой конфликт* употребляются часто как синонимичные. Однако В. С. Третьякова полагает, что понятие *языковой конфликт* не отражает «всей широты и многообразия речевого поведения партнеров по коммуникации» [Третьякова 2003, а: 56]. По мнению автора, «непонимание, недоразумения, дискомфорт или конфликт в общении, спровоцированные природой языкового знака (например, лексической или грамматической многозначностью, динамичностью значения языковых единиц, отсутствием связи между означаемым и означающим, между знаком и предметом и др.), можно было бы назвать следствием собственно языковых помех» [Там же]. Но факторы, которые обуславливают характер общения, не ограничиваются всем вышеперечисленным. В. С. Третьякова считает, что термин *речевой конфликт* наиболее точно отражает особенности конфликтного процесса коммуникации, так как речь – это свободный, творческий, неповторимый процесс использования языковых ресурсов, осуществляемый индиви-

дами в процессе общения. Речь характеризуется контекстностью, ситуативностью и вариативностью. Язык, с другой стороны, не обладает такими признаками. Во-первых, это обусловлено тем, что «речь является творением человека (автора), который имеет свои коммуникативные намерения, определенный уровень владения языком, находится в определенном психологическом состоянии, выражает то или иное отношение к собеседнику». Во-вторых, тот факт, что речь является более творческим процессом, есть следствие того, что в процессе общения присутствует еще и собеседник (слушающий или читающий) «с собственной целью, ориентацией на говорящего или отсутствием ее, адекватной/неадекватной трактовкой языкового знака или высказывания адресата в целом, языковым вкусом и многими другими особенностями, определяющими характер поведения собеседников» [Там же: 56–57]. По мнению В. С. Третьяковой, все вышеперечисленные речевые признаки не уместаются в рамки языковой системы. Следовательно, термин *языковой конфликт* неполно отражает суть данного явления. При этом В. С. Третьякова определяет речевой конфликт как состояние «противоборства двух сторон (участников конфликта), в процессе которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [Там же: 88].

Употребление термина *речевой конфликт* соответствует тому определению конфликта, который предложен Ю. В. Красноперовой. В работе, посвященной исследованию дискурсивных стратегий участников интервью, конфликт рассматривается как «любое несоответствие ожиданиям собеседников или подсознательное отклонение от сотрудничества» [Красноперова 2005: 315]. В ходе интервью конфликт рассматривается не с деструктивной точки зрения, а как явление, способствующее более динамичному естественному взаимодействию партнеров по общению, являющееся следствием большей импровизации. Импровизация такого рода предполагает локальное употребление языка, что сближает интервью с персональным разговором. Конфликт в ходе интервью требует выбора линии стратегического поведения как интервьюера, так и интервьюируемого, направленной на урегулирование отношений [Там же: 316–317].

Суммируя различные определения коммуникативного конфликта, предложим собственную трактовку анализируемого понятия. В

данной работе под коммуникативным конфликтом понимается средство репрезентации и объективации речевой агрессии в процессе общения, феномен, имеющий место в любой сфере человеческой деятельности, проявляющийся на уровне «группа – группа», «личность – группа (коллектив)» или «личность – личность», выраженный словесно. Разновидностью коммуникативного конфликта мы считаем конфликтный диалог, который представляет собой языковое и речевое воплощение агрессивного и негативного состояния человека, его отношения к внешнему миру, происходящим в нем событиям, взаимоотношениям в социальной среде. По нашему мнению, конфликтный диалог находит наиболее яркое проявление в таких жанрах межкультурной политической коммуникации, где со всей силой проявляются статусные роли собеседников, отличия в их социальном опыте, степень речевой культуры, то есть все факторы, которые в той или иной степени влияют на успех/неуспех коммуникации.

2.2. Кооперативный дискурс: подходы к изучению

Критерием разграничения конфликтного и кооперативного дискурса является отклонение от нормы. Д. Б. Дзюба отмечает, что в современной лингвистике можно выделить две главные линии обсуждения сущности нормы – функциональный и структурный. В первом случае норма рассматривается как явление, регулирующее закономерности использования языковых единиц в речи. Во втором случае понятие нормы рассматривается в соотношении с понятиями системы и структуры [Дзюба 2004: 13]. В настоящем исследовании нас прежде всего интересует системно-структурный подход, когда норма анализируется в ее функционировании относительно системы языка и речи. Под системами языка в данном случае понимаются: 1) язык русской классической литературы как противопоставленный другим подсистемам языка (территориальным диалектам, городскому просторечию, социальным жаргонам, профессиональным жаргонам, стилям); 2) функционально-прагматическая, связанная с выполнением разнообразных коммуникативных задач [Там же].

Коммуникативные задачи в политической коммуникации связаны с выбором лингвистических средств для более эффективно-

го воздействия на адресата и целевую аудиторию. Результативное осуществление этой задачи обусловлено следованием не только (и не столько) языковым, сколько коммуникативным нормам. Под коммуникативной нормой в настоящем исследовании понимается следование установленным в рамках того или иного жанра стандартам, использование соответствующих речевых стратегий и тактик, реализация этического компонента процесса общения. На необходимость учета функционально-стилевой принадлежности, формы бытования (устная vs. письменная), условий осуществления речи (монологическая vs. диалогическая) указывает и О. Б. Сиротинина [Сиротинина 2009: 16]. Случаи отклонения от нормы рассматриваются как функционирующие в рамках конфликтного дискурса, следование коммуникативной норме как сфера реализации кооперативного дискурса.

Кооперативный дискурс в настоящей работе определяется как **речевое взаимодействие агентов коммуникативного акта, характеризующееся позитивной направленностью, реализующееся в наборе кооперативных стратегий и тактик, в стремлении участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, к реализации координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, к конструированию толерантного и вежливого сценария межличностного и межнационального взаимодействия вследствие полного (или по крайней мере частичного) совпадения аксиологических приоритетов коммуникантов, их психологических и эмоциональных установок, вербальных и невербальных ожиданий.**

2.2.1. Понятие толерантности. Модель толерантности

К коммуникативным феноменам, которые функционируют в рамках противоположных явлений, находящихся на разных полюсах вектора «конфликтность – кооперативность», а именно конфликтного и кооперативного типов дискурса, мы относим конфликт и толерантность. Конфликтные формы коммуникативного поведения тесным образом связаны с таким понятием, как толерантность. Эта форма межличностного взаимодействия, как и описанные выше деструктивные разновидности общения, может быть охарактеризована с философской, психологической и лингвистической точек зрения.

С точки зрения философии выделяются различные аспекты функционирования толерантности. В работах ряда авторов выделяются разнообразные условия и факторы актуализации толерантности. Так, Р. Р. Валитова в качестве таких факторов называет антагонизм в межличностном общении [Валитова 1996]. Аналогичной позиции по вопросу определения условий проявления толерантности придерживается В. А. Лекторский, который в качестве необходимого признака актуализации толерантности называет «отрицание, непринятие, негативные эмоции, оценочность» [Лекторский 1997: 47]. По мнению П. Кинга, быть толерантным означает «терпеть, сносить, мириться с человеком, деятельностью, идеей, которого или которой в действительности не одобряешь» [King 1971: 173]. При этом автор определяет толерантность как отрицание нетерпимости. С. Мендус напоминает, что «разговор о толерантности возникает лишь тогда, когда обнаружение различий между людьми сопровождается чувством неодобрения или отвращением» [Mendus 1989: 55]. При этом реакция на эти различия может быть различной. По мнению П. Кинга, толерантность заключается или в сдерживании неприязни, или в отложенной негативной реакции, или в замене этой негативной реакции более позитивным реагированием. Противоречие, которое является необходимым условием проявления толерантности, может быть зафиксировано на различных уровнях: когнитивном, аффективном и поведенческом [King 1971: 175].

Содержание противоречия и преобразование негативной реакции в положительное реагирование составляет суть психологической стороны толерантности. Г. С. Кожухарь для анализа процесса трансформации порожденных антагонизмом феноменов оценочности, непринятия, отрицания и негативных эмоций в уважение, принятие, понимание и тому подобное предложила структурно-динамическую модель толерантности в межличностном общении. Модель включает в себя следующие составляющие:

- 1) три уровня проявления толерантности;
- 2) схемы процесса толерантного реагирования на партнера по общению;
- 3) психологические механизмы толерантности;
- 4) этапы и элементы толерантности в межличностном взаимодействии;

5) характеристики критического диалога как одной из форм проявления толерантности в межличностном общении [Кожухарь 2006: 6].

1. Уровни проявления толерантности

Автор выделяет следующие *уровни проявления толерантности*: диспозиционный (уровень фундаментальных базовых установок, сформированных на основе ценностно-смысловой системы личности); рефлексивный (представляет собой поле непосредственного интрапсихического реагирования на внешнюю ситуацию); поведенческий (на этом уровне осуществляются конкретные акты толерантного реагирования в разных поведенческих формах).

2. Схемы процесса толерантного реагирования на партнера по общению

Г. С. Кожухарь предлагает рассматривать их в русле теорий социальной идентичности и когнитивного диссонанса. Социальная идентичность понимается как механизм социального взаимодействия и результат действия этого механизма. Социальная категоризация, то есть отнесение себя к какой-то, в том числе и к искусственно созданной группе, порождает негативный образ «внешних других» – даже в том случае, если отсутствует реальное столкновение интересов и сколько-нибудь длительная история межгрупповых отношений [Кожухарь 2006: 3–7].

Автором теории когнитивного диссонанса является Леон Фестингер. Психолог описал ситуацию, когда при наличии несоответствия существует психологический дискомфорт. В своих работах Л. Фестингер [Фестингер 1984, 1999] заменяет лексему «несоответствие» термином меньшей логической коннотации, а именно термином «диссонанс». А лексема «соответствие» заменяется более нейтральным термином «консонанс». Автор выделяет социальные причины возникновения диссонанса:

1. Могут произойти новые события или человеку может стать известна новая информация, что создает, по крайней мере, временный диссонанс с существующим знанием, мнением или когницией. Под термином «когниция» подразумевается любое знание, мнение или убеждение, относящееся к окружению, кому-либо или к чьему-либо поведению.

2. Даже в отсутствие новых, непредвиденных событий или информации существование диссонанса, несомненно, есть повсед-

невное явление. Л. Фестингер пишет: «Весьма немногие вещи являются полностью черными или полностью белыми, очень немногие ситуации настолько ясны, чтобы мнения и поведения людей в различных ситуациях не являлись бы в некоторой степени смесью противоречий» [Фестингер 1984: 99].

Существование диссонанса приводит к возникновению стремления уменьшить или устранить диссонанс. По утверждению Л. Фестингера, сила стремления уменьшить диссонанс является функцией величины диссонанса. Диссонанс может быть уменьшен или устранен следующими способами:

а) Изменение поведенческих когнитивных элементов. Простейший и наиболее легкий способ добиться этого состоит в том, чтобы изменить действия или чувства, связанные с этим поведенческим элементом. Поскольку поведение организма изменяется, то и когнитивный элемент, соответствующий этому поведению, также изменится.

б) Изменение когнитивных элементов среды. Точно так же, как возможно изменение поведенческого когнитивного элемента путем изменения поведения, которое этот когнитивный элемент отображает, иногда возможно изменение когнитивного элемента среды путем изменения ситуации, которой этот элемент соответствует. Конечно же, это гораздо труднее, чем изменение своего поведения, так как нужно достаточно хорошо контролировать свое окружение – что случается относительно редко.

в) Добавление новых когнитивных элементов. Очевидно, что для того чтобы совсем устранить диссонанс, должны быть изменены некоторые когнитивные элементы, можно уменьшить общую величину диссонанса путем добавления новых когнитивных элементов [Там же].

Анализируя пути изменения диссонанса, Л. Фестингер подчеркивает, что наличие стремления уменьшить диссонанс или даже деятельность, направленная на его уменьшение, не гарантирует того, что диссонанс будет уменьшен. В терминах теории толерантности можно сказать, что человек вступит в такие противоречия с окружающим миром, партнерами по общению, что терпимое реагирование на происходящую ситуацию будет просто невозможно. В таких ситуациях не приходится говорить о случаях проявления толерантности. Случаи демонстрации толерантности будут особенно невоз-

можно тогда, когда человек встречает сопротивление к конструктивному взаимодействию с противоположной стороны.

Впоследствии теория диссонанса была подвергнута критике Элиотом Аронсоном, который назвал теорию когнитивного диссонанса Фестингера «совершенно примитивной». При этом автор проводит четкую границу между теорией диссонанса и теорией конфликта, обращая внимание на то, что конфликт возникает до принятия решения, диссонанс – после его принятия [Аронсон 1984].

3. Психологические механизмы толерантности

Г. С. Кожухарь описывает эти механизмы на основе идей теории совладания, согласно которой основной механизм толерантности может быть понят как совладающая психическая и психологическая реакция на субъективно неблагоприятную ситуацию. Совладание – это поведение преодоления, которое описывает характерные способы поведения в различных ситуациях и прежде всего в ситуациях стресса. Совладание предстает в качестве стабилизирующего фактора, обеспечивающего психосоциальную адаптацию в стрессовой ситуации [Кожухарь 2006: 8]. В контексте нашего исследования ситуация антагонистических отношений, потенциально конфликтные отношения или конфликт в прямом смысле этого слова понимаются как стрессогенные.

На психологическом уровне толерантность также можно рассматривать как терпимость к чему-либо, с одной стороны, и как неподверженность чему-либо, с другой. И. В. Шебураков поясняет, что толерантность как терпимость в большей степени касается рассмотрения данного явления в социальном плане (межвозрастная, межэтническая, межобщинная, межсословная, межментальная, межконфессиональная и другие виды толерантности) [Шебураков 2002]. С этой точки зрения толерантность определяется той мерой воздействия внешнего фактора (например, этнического отличия), который не вызывает сопротивления ему. В определении толерантности как неподверженности чему-либо упор делается на противодействии неблагоприятным изменениям: «толерантность – это отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию» [Психология. Словарь 1990: 257].

С точки зрения исследования толерантности личности к воздействию неблагоприятных факторов интересен анализ психологиче-

ской устойчивости к информационно-психологическим воздействиям. Рассмотрение устойчивости к последним будет особенно актуальным на основании утверждения о том, что средства массовой информации играют огромную роль в создании конфликтного коммуникативного пространства в обществе, а следовательно, и в формировании интолерантного сознания и отношения к иному мировосприятию, установкам и ценностям. Г. В. Грачев рассматривает устойчивость к информационно-психологическим воздействиям как «состояние защищенности личности, разнообразных социальных групп и объединений от воздействий, способных против их воли и желания изменять психические состояния и психологические характеристики человека, модифицировать его поведение и ограничивать свободу выбора» [Грачев 1998: 3]. Основным механизмом, обеспечивающим такую устойчивость, автор считает психологическую защиту как сложную структурно-функциональную систему. В этой системе выделяются следующие компоненты:

- мировоззренческие (убеждения и взгляды личности);
- мыслительные (недоверие, сомнение и т. п.);
- эмоциональные (антипатия, робость, страх);
- волевые (принципиальность, негативизм и т. п.) [Там же: 49].

Анализируя психологические механизмы формирования и развития толерантности личности к воздействию неблагоприятных факторов, И. В. Шебураков устанавливает соотношение между понятиями толерантности и психологической защищенности (защиты). Автор утверждает, что «толерантность к негативным психологическим воздействиям и психологическая защищенность соотносятся между собой как свойство и состояние одного и того же явления, поскольку толерантность принадлежит к категории психологических свойств (выступая в качестве индивидуально-психологической характеристики личности, устойчивой во времени), а психологическая защищенность представляет собой временное психологическое состояние (предполагающее ощущение психологической безопасности)» [Шебураков 2002: 16]. Как известно, негативные психологические воздействия происходят в процессе конфликтного взаимодействия. В. И. Курбатов в качестве механизмов внутриличностной психологической защиты выделяет ряд приемов. Это:

1. Агрессия.

2. Проекция. Заключается в приписывании противоборствующему лицу собственных негативных чувств, желаний, черт.

3. Идеализация. Формирование идеализированного представления личности о себе, о своем «Я», непризнание своих ошибок и недостатков.

4. Отрицание. Отрицание своей причастности к событию, которое способствует сохранению самооценки.

5. Дискредитация. Принижение источника информации, который дает отрицательную оценку личности.

6. Идентификация. Отождествление себя с другим человеком, группой как образцом поведения, форма подражания.

7. Конверсия (превращение). Превращение неприятной для индивида ситуации в шутку для сохранения его самолюбия, его «Я»; восприятие с юмором сделанных замечаний, создавшейся ситуации [Курбатов 2007: 45–47].

4. Этапы и элементы толерантности в межличностном общении

Г. С. Кожухарь выделяет следующие этапы и элементы толерантности в межличностном общении, которые отражают процессуальную логику актуализации рассматриваемого феномена в конфликтном взаимодействии:

I. Активизация (проявление антагонизма в межличностном взаимодействии, категоризация и оценка партнера, переживание негативных эмоций по отношению к партнеру по общению).

II. Рефлексия (переживание противоречия между ценностно-смысловыми установками и осуществленной категоризацией другого человека, актуализация потребности в положительной идентичности, выбор активной осознанной позиции).

III. Совладание (реакция по преобразованию и управлению внешними и внутренними ресурсами, мобилизация преобразованных ресурсов, децентрация с себя на партнера по общению).

IV. Толерантное реагирование (осуществляется в форме критического диалога) [Кожухарь 2006: 11–12].

5. Критический диалог

Критический диалог является пятой составляющей модели толерантного общения. По мнению В. А. Лекторского, «толерантность возможна благодаря установке участников общения на взаимное изменение позиций в результате критического диалога» [Лекторский

1997: 54]. По утверждению Г. С. Кожухарь, «критический диалог предстает как один из ведущих способов реализации толерантной позиции в процессе межличностного общения. Диалог и диалогическое мышление выступают одним из сущностных механизмов формирования и развития подлинной толерантности, а диалогизм превращается в принцип толерантного мышления». [Кожухарь 2006: 10]

При рассмотрении толерантности как коммуникативного феномена эта категория определяется как «поведение человека в ситуации конфликта, подчинение стремлению достичь взаимного понимания и согласования разных установок, не прибегая к насилию, к подавлению человеческого достоинства, а используя гуманитарные возможности» [Михайлова 2004: 17]. О. Б. Скрыбина под коммуникативной толерантностью понимает «устойчивое личностное состояние, определяющее особый тип взаимодействия индивида с другими людьми, характеризующееся наличием в сознании у субъекта успешного, личностно значимого образца коммуникативного поведения и доминантной направленностью на его выполнение» [Скрыбина 2000: 7]. Е. Ю. Шамсутдинова дает следующее определение коммуникативной толерантности: «...речевое воздействие с «благими» по отношению к адресату намерениями, реализованными в корректной форме» [Шамсутдинова 2006: 67]. В психологическом плане О. А. Михайлова определяет толерантность как «всякое душевное качество, способность личности без внутренней агрессии воспринимать другого, имеющего иные/противоположные ценностные установки» [Михайлова 2004: 18]. Автор указывает, что в качестве социального феномена толерантность понимается как «терпимое, лояльное отношение к другому, сознательно признающее право его существования, терпимое отношение к убеждениям, мнениям и верованиям другого» [Там же: 17].

О. А. Михайлова считает, что в теории речевой коммуникации толерантность необходимо рассматривать как коммуникативную категорию, поскольку она «представляет спектр различных типов поведения, и назначение толерантности сводится к выработке определенной парадигмы поведения человека при выполнении ею регулятивной функции» [Михайлова 2004: 18].

Толерантность, будучи одной из коммуникативных категорий, обладает при этом собственными конституирующими признаками, то есть она базируется на когнитивных, прагматических и эти-

ческих основаниях. По мнению О. А. Михайловой, когнитивным основанием толерантности как коммуникативного понятия выступают категории чуждости и идентичности [Михайлова 2004: 20]. Общее содержание категории чуждости сводится к оппозиции свой/чужой. Э. В. Чепкина отмечает, что «свой», «свое» (наше) – это сложный концепт, манифестирующий коллективную идентичность [Чепкина 2004: 288]. А. В. Олянич указывает, что оппозиция «свой – чужие» представляет собой «культурную константу, одно из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества, наряду с другими концептуальными оппозициями, отражающими архетипичные представления об устройстве мира («мужской – женский», «старший – младший», «верх – низ», «жизнь – смерть», свет – тьма» и др.)» [Олянич 2004, а, б]. По наблюдению Е. П. Захаровой, «коммуникативно организующая роль категории чуждости обнаруживается на разных ступенях организации общения». Она проявляется в выборе коммуникативной стратегии, жанров общения, в этикетном оформлении, отборе тематики, характеристике использования средств эффективности общения, степени информационной полноты и эксплицитности ее выражения, в количестве коммуникативных импликатур, тональности, соотношении вербальных и невербальных средств общения [Захарова 2001: 165]. По этим параметрам, отмечает автор, различаются стереотипы речевого поведения, построенные на противопоставлении «свой – чужой». «В рамках коммуникативной категории чуждости может использоваться не только коммуникативная стратегия отчуждения, но и коммуникативная стратегия сближения. В пределах стратегии отчуждения возможно использование приемов пейоративного отчуждения либо отчуждения как отстраненного нейтрального объективного сопоставления. Категория идентичности, под которой понимается субъективное переживание человеком своей идентичности, неразрывно связана с категорией чуждости. Основанием идентичности могут служить разные основания, в том числе гендерный фактор, возраст, социально-политические признаки» [Там же: 168].

Наиболее яркое проявление оппозиция «свой – чужой» носит в политическом дискурсе, где она часто идентична категории «они – мы». При этом субъект «свой» сплачивает единомышленников, а компонент «чужой» ассоциируется с агональностью и борьбой с инакомыслием. Будучи архетипическим смыслом человеческой

культуры, в политическом дискурсе данная оппозиция принимает на себя роль прагматической доминанты, реализуемой в жанровом корпусе текстов межкультурной направленности.

Прагматическое основание категории толерантности О. А. Михайлова (2004) определяет как «поведение субъектов в процессе общения, собственно деятельность участников коммуникации» [Михайлова 2004: 22]. Тип этой деятельности можно определить по ее исходу, было ли общение эффективным или неэффективным, достигнута ли коммуникативная цель. При этом тип речевого взаимодействия влияет на мотивационное психическое состояние субъектов общения.

Итак, мотивация составляет суть этического основания категории толерантности. Субъект может руководствоваться разными мотивами и, следовательно, принять решение примириться с конфликтом или агрессивно реагировать на ситуацию. В первом случае реализуется коммуникативная категория толерантности, во втором случае она будет игнорироваться.

2.2.2. Вежливость как форма толерантной речевой коммуникации

В наиболее обобщенном виде под толерантностью понимается терпимость к каким-либо отличиям – этническим, национальным, религиозным, расовым и др. И. И. Просвиркина вводит понятие толерантной речевой коммуникации, под которой понимается «демонстрация сдержанного отношения к собеседнику в процессе речевого общения, способ проявления интереса и уважения к культуре другого человека, дружелюбие и понимание во взаимном восприятии людей в процессе речевого взаимодействия, в том числе и при восприятии разных этносов» [Просвиркина 2006: 32]. Как видно из приведенного определения, толерантная речевая коммуникация, как и проблемы толерантности в современной лингвистике в целом, рассматриваются в аспекте лингвокультурной коммуникации. Однако толерантная речевая коммуникация важна и актуальна при общении представителей одной культуры, особенно при наличии в том или ином типе общения конфликтогенов, дестабилизирующих факторов, агрессивного потенциала. В этом случае критический диалог становится тем механизмом, который позволит

собеседникам достичь взаимопонимания, использовать адекватные коммуникативные стратегии и речеповеденческие тактики, поможет общающимся найти способы взаимодействия в процессе речевой деятельности.

СМИ могут стать ментальным основанием формирования (ин)толерантной речевой коммуникации, а также (ин)толерантной коммуникативной личности. Понятие *толерантная коммуникативная личность* введено И. И. Просвиркиной: это участник толерантного коммуникативного акта, реально действующий, способный применить во время речевого общения вербальные и невербальные средства, позволяющие достичь взаимопонимания участников данного акта. Толерантная коммуникативная личность должна: 1) обладать определенными качествами человека (образ говорящего); 2) знать предмет речи; 3) понимать силу слова; 4) точно излагать свои мысли; 5) бережно относиться к тому, с кем он вступает в общение; 6) уметь слушать и слышать собеседника; 7) учитывать толерантный опыт общения [Просвиркина 2006: 57].

На наш взгляд, в лингвистическом плане толерантность проявляется не только в особенностях критического диалога, но и в таком феномене, как вежливость. В. И. Карасик определяет суть вежливости как «проявление уважения к другому человеку» [Карасик 2002, а: 76]. При этом автор обращает внимание на то, что в лингвистической литературе вежливость анализируется «либо в плане исследования общих стратегий поведения, либо в плане выявления специфики выражения положительного отношения к человеку на материале частных речевых актов... (извинения, благодарности, выражения сочувствия и т. д.)» [Карасик 2002, а: 76]. Согласно второму направлению, анализируются языковые формы выражения вежливости, разрабатываются стратегии ухода от конфликта, определяются социально-психологические факторы вежливого поведения.

Н. И. Формановская рассматривает вежливость и толерантность как коммуникативные механизмы «смягчения, а во многих случаях и снятия агрессивности в бытовом и деловом обиходе» [Формановская 2004: 207]. Далее автор отмечает, что «в категории вежливости много вербальных и невербальных проявлений», которые способны «умиротворять агрессивные поползновения партнеров по общению» [Формановская 2004: 210]; напротив, неисполнение ритуалов

вежливости нередко приводит к коммуникативному конфликту, который получает форму агрессивного поведения. На наш взгляд, рассмотрение толерантности и вежливости в единстве их лингвистического проявления является вполне обоснованным, тем более что, по замечанию Н. И. Формановской, обе категории обладают общим основанием – уважение другого [Там же: 211]. В категории вежливости это уважение проявляется в признании другого достойным, обладающим высокими качествами; в толерантности уважение реализуется в признании равнодостоинным человека других убеждений, религии, цвета кожи и т. п.

Как прагмалингвистическая категория вежливость изучается с точки зрения экстралингвистических правил общения (максимы вежливости) и как функционально-семантическое поле языковых/речевых единиц. А. Г. Балакай отмечает, что «вежливость проявляется как приветливость (например, продавца), обходительность (например, работника сферы обслуживания), корректность (делового человека), учтивость (интеллигента), почтительность (младшего к старшему), тактичность, деликатность, любезность, галантность и т. д.» [Балакай 2001: 3]. Вербализованная вежливость предстает как речевой этикет. Н. И. Формановская считает, что «понятия вежливости и речевого этикета не покрывают друг друга, а находятся во взаимных отношениях согласно следующей формуле: не все, что этикетно, вежливо; но все, что неэтикетно, невежливо» [Формановская 2003: 354]. Правила, регулирующие собственно речевую деятельность, или речевое поведение Т. В. Шмелева называет кодексом речевого поведения [Шмелева 1998: 49]. При этом автор выделяет следующие способы формулирования этих правил:

1. Обращение к специальным текстам, где обсуждается речевая деятельность.

2. Фольклорные тексты (пословицы).

3. Исследования семантической организации предложения. Известно, что один из главнейших принципов этой организации состоит в том, что говорящий обязательно должен соединить в предложении объективную информацию – диктум – и субъективную – модус. В модусе заключается целый спектр значений, представляющих отношение автора высказывания к описываемым событиям, к информации о них и к собеседнику. Наряду с этим в модусе содержится информация об отношении говорящего к предложению

как собственному речевому произведению. Выражение такого рода смыслов модуса (метасмыслов) производится при каких-то отклонениях от обычного, стандартного хода коммуникации, когда говорящий вынужден комментировать свою речевую деятельность, мотивировать свое поведение как автора высказывания. Наблюдения за такими экспликациями метасмыслов в предложении дают возможность выявить кодекс речевого поведения [Шмелева 1998: 49-50].

Вероятно, что более широким термином по отношению к речевому поведению является понятие *коммуникативное поведение*, под которым понимается вербальное и сопровождающее его невербальное поведение личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума [Прохоров 2006: 23]. Вежливость и является той коммуникативной категорией, посредством которой общение происходит в гармоничном и бесконфликтном русле.

Ю. В. Красноперова отмечает, что категория вежливости делает возможным реализацию двух совершенно противоположных установок коммуникативного поведения: установки на конфликт и установки на кооперацию. Установка на конфликт, в свою очередь, лежит в основе стратегии дистанцирования, а установка на кооперацию определяет выбор стратегии сближения [Красноперова 2005: 157]. Альтернативная теория вежливости в наиболее полном виде представлена в монографии П. Браун и С. Левинсона «Вежливость: некоторые универсалии языкового употребления» [Brown 1987]. В основе теоретической концепции П. Браун и С. Левинсона лежит понятие общественного лица как самоуважения индивида. Важным для рассматриваемой теории является понятие ликоущемляющего акта (ЛА). Понятие «лицо» было заимствовано из работы Э. Гоффмана [Goffman 1967]. Существуют два основных желания, связанных с самоуважением (сохранением лица): 1) желание не испытывать помех в своих действиях; 2) желание получить одобрение. Эти желания определяют общие поведенческие стратегии смягчения угрозы самоуважению человека: негативную и позитивную вежливость. Негативная вежливость связана с предоставлением свободы человеку, позитивная вежливость – с демонстрацией единства и солидарности.

Прагматическое основание категории вежливости заключается не только в обеспечении бесконфликтной интеракции, но, что еще более важно, это гарантия уважительного отношения друг к другу

в случае контакта представителей двух разных лингвокультур. На наш взгляд, подобная двойственная специфика категории вежливости нашла отражение в определении анализируемого феномена, предложенного Т. В. Лариной: вежливость – национально-специфическая коммуникативная категория, содержанием которой является система ритуализированных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при интеракциональной коммуникации <...> и определяющих выбор наиболее оптимальных коммуникативных средств [Ларина 2003: 45]. По мнению Е. Ю. Шамсутдиновой, категория вежливости имеет четко выраженное соотношение с национальной культурой народа, поскольку вежливый означает «соблюдающий правила приличия, воспитанный, учтивый», а эти правила сформированы традициями, бытовой культурой и привычками повседневного поведения окружающего социума [Шамсутдинова 2006: 77].

Таким образом, вежливость в настоящем исследовании понимается как лингвистическая репрезентация категории *толерантность*. Как коммуникативная категория вежливость обеспечивает бесконфликтное и гармоничное общение, отражает национальные знания об этикете, о нормах и правилах общения.

2.3. Моделирование конфликтного дискурса в межкультурном политическом пространстве

Т. Е. Владимирова считает, что «одним из наиболее продуктивных способов расширения исследовательского поля является моделирование, состоящее в воспроизведении наиболее существенных свойств изучаемого объекта в специально созданном образце, рассматриваемом как его модель» [Владимирова 2007: 27]. В построении межличностного дискурса инофонов автор основывается на принципе А. Ф. Лосева о единораздельной целостности языка, согласно которой языковая модель должна быть носителем «бесконечно разнообразных коммуникативных актов человеческого мышления и сознания» [Лосев 2004: 51].

Процесс построения модели конфликтного дискурса представляется нам как создание некоего объекта, состоящего из компонентов, сгруппированных в зависимости от их теоретического обоснования

и имеющих вербальную (описательную) составляющую. Одновременно с этим такая модель будет некоторой идеализацией объекта познания и оперировать не реальными вещами, а конструктами. На характеристики всякой модели как конструкции указывал в свое время и автор монографии «Модели языка» И. И. Ревзин [1962: 9]: «Модель... не есть часть языка как системы, а представляет собой некоторое научное построение, некоторый **конструкт**» (выделение наше. – *Н. К.*). Позднее эту же мысль в своей работе «Идеи и методы современной структурной лингвистики» продолжил и Ю. Д. Апресян, где автор указывает на следующие свойства моделей, в том числе лингвистических:

1) Моделировать можно только такие явления, существенные свойства которых исчерпываются их структурными (функциональными) характеристиками и никак не связаны с их физической природой.

2) Модель всегда является некоторой идеализацией объекта.

3) Модель обычно оперирует не понятиями о реальных объектах, а конструктами, то есть понятиями об идеальных объектах, не выводимыми непосредственно и однозначно из опытных данных, но построенными «свободно» на основании некоторых общих гипотез, подсказанных совокупностью наблюдений и исследовательской интуицией.

4) Модель, в том числе лингвистическая, должна быть формальной.

5) Модель, в том числе лингвистическая, должна обладать свойством экспланаторности, или объяснительной силы [Апресян 1966: 3–4].

Предлагаемая модель конфликтного дискурса позволяет выявить новое содержание в уже имеющихся и проанализированных фактах, а также проиллюстрировать теоретические положения, представленные на страницах настоящего исследования. На необходимость отражения в модели новых знаний об объекте указывает и автор монографии «Моделирование и философия» В. А. Штофф: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [Штофф 1966: 19]. По мнению К. И. Белоусова, «именно такое понимание

модели и моделирования должно быть принято за основу в модельной лингвистике» [Белоусов 2010: 95].

По справедливому замечанию О. А. Леонтович, «членение коммуникативного акта и построение модели коммуникации не должны являться для исследователя самоцелью» [Леонтович 2003: 59]. Как указывает О. А. Леонтович, большое количество и разнообразие моделей коммуникации определяются динамическим характером исследуемого феномена и принципом множественности описания системы. При этом каждая модель создается с конкретной целью, которую в том или ином случае ставит перед собой ученый [Леонтович 2003: 59–60]. Модель конфликтного дискурса должна отражать этапы развертывания коммуникативного конфликта как формы репрезентации речевой агрессии в различных жанрах политической коммуникации и представлять собой блоки, включающие разнообразные связи субъектов политического дискурса. Предлагаемая нами модель конфликтного дискурса принимает за точку отсчета межкультурный характер коммуникации. Иными словами, процесс общения рассматривается с позиции национальной принадлежности его участников, их коммуникативного поведения и характера взаимодействия между ними, детерминирующих успешность/неуспешность коммуникации. В настоящей работе под моделью конфликтного дискурса понимается комплексное образование, включающее аксиологическую, жанрово-стилистическую и лингвопрагматическую составляющие. Соответственно в модель конфликтного дискурса включены следующие компоненты:

I. Функционально-аксиологический блок.

1. Функции конфликтного дискурса: информативная; воздействующая; аналитическая; интерактивная; оценочная; манипулятивная; интерпретативная.

2. Ценности конфликтного дискурса.

II. Жанрово-стилистический блок.

1. Жанровый корпус конфликтного дискурса.

2. Тематика конфликтного дискурса.

3. Участники конфликтного дискурса и взаимоотношения между ними.

4. Хронотоп конфликтного дискурса.

5. Речевые средства конфликтного дискурса.

III. Лингвопрагматический блок.

1. Стратегии и тактики конфликтного дискурса.
2. Факты деструкции дискурса.

Перечисленные компоненты представляют собой модификацию составляющих дискурса, разработанную и подробно описанную на материале различных видов дискурса (педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский) В. И. Карасиком (1999, а; 1999, б; 2000; 2002, б). В предложенную нами модель конфликтного дискурса включены также компоненты, выделенные Н. Б. Руженцевой и Ю. А. Антоновой при анализе межнационального дискурса (жанровый корпус, деструкция) [Руженцева 2013]. Предложим описание каждой составляющей в модели конфликтного дискурса.

1. Функции конфликтного дискурса

Функции конфликтного дискурса применительно к СМИ выглядят следующим образом. Как указывает М. Н. Володина, «современные средства массовой информации располагают особым языком информационного воздействия на общественное сознание» [Володина 2003: 17]. Исходя из этого утверждения, можно предположить, что информирующая и воздействующая функции в конфликтном дискурсе будут неразрывно связаны. Однако, на наш взгляд, выделение этих функций как самостоятельных является вполне логичным и оправданным. Информирование – это познание (в большинстве случаев моделирование) окружающего мира, а также воздействие на собеседника и общественное мнение. М. А. Степанова указывает, что процесс моделирования происходит через знания, передаваемые при помощи языка средств массовой коммуникации. В процессе общения мы не только обмениваемся, но и в той или иной мере воздействуем на собеседника. Использование языка в целях воздействия в жанрах политического пространства связано с самим устройством данных видов коммуникации, например, в интервью – это непосредственное общение интервьюера и его собеседника с целью получения новой информации о ком-либо и чем-либо [Степанова 2006: 122].

Как диалогические, так и монологические жанры являются основными формами общественного употребления языка, а в процессе интеракции реализуется присущая дискурсу СМИ воздействующая функция. Выделение интерактивной функции в анализируемом корпусе жанров, прежде всего диалогических, правомерно на

основе присущего им соотношения смысловых позиций адресанта и адресата, так как любой диалог представляет «результат взаимодействия двух и более индивидов, преследующих свои цели и нередко имеющих противоположные интересы [Бйм, 1985: 202]. Однако интерактивной функции не лишены и монологические жанры конфликтного дискурса, так как, по утверждению Т. В. Романовой, «монолог тоже должен быть диалогичен» [Романова 2011: 47]. Взаимодействие как в монологических, так и в диалогических жанрах политической коммуникации может проявляться на различных уровнях (социальном, гендерном, статусном, языковом), диалогическая напряженность может носить разную степень интенсивности (в зависимости от ситуации общения, обсуждаемой темы, социальной дифференциации), актуализироваться в различных языковых элементах (принимая во внимание успех/неуспех интеракции). Информирова собеседника или целевую аудиторию о чем-либо, воздействуя на них в том или ином русле, участники процесса политической коммуникации при этом дают оценку происходящим событиям, то есть подвергают анализу те или иные действия, феномены, личности, опираясь при этом на понятия «хорошо» и «плохо».

Аналитический компонент также стабильно присутствует в языке политики. Аналитическая функция характерна не только для общественно-политической массовой коммуникации, но и для институционального общения, особенно в сфере законодательства и юрисдикции, которые непосредственно связаны с оценкой деятельности, а также для парламентского общения. Подвергая анализу те или иные события, участники конфликтного дискурса стремятся к тому, чтобы их заявления, программы, суждения по тому или иному поводу не растворялись в отдельных обещаниях, ориентированных на сугубо сегодняшнюю политическую ситуацию: каждый политик видит главной своей целью урегулирование отношений в обществе и на мировой политической арене. Поскольку уже в самом названии анализируемого дискурса присутствует оценочный компонент (конфликтный), то оценка с морально-этической точки зрения политической ситуации в стране или мире, а также действий соратников или оппонентов политика является одной из главных функций конфликтного дискурса.

Манипулятивная функция конфликтного дискурса состоит в суггестивном использовании языка; нарочитом использовании таких

его свойств, которые провоцируют игру смыслами, некритичное восприятие речевого сообщения, создание у целевой аудитории соответствующего эмоционального состояния и эффективное воздействие на потребителя информации.

Применительно к процессу межкультурной коммуникации основная функция конфликтного дискурса состоит в умении партнеров по интеракции декодировать полученные сообщения, интерпретировать их в соответствии с имеющимися представлениями и стереотипами и как следствие – освещать мировые политические события, исходя из сформированной системы ценностей и политических установок. Такую функцию конфликтного дискурса мы определяем как интерпретативную.

2. Ценности конфликтного дискурса

Ценности конфликтного дискурса находятся в тесной взаимосвязи с установками и взглядами его участников, которые, с одной стороны, являются представителями определенного национально-культурного сообщества, с другой – имеют собственное пространство и заполняют его значимыми для него сущностями (значимыми для всех членов национально-культурного сообщества или специфичными только для данного индивида). Дадим общее понятие ценностного феномена. Ценностные факторы – принципы, которые провозглашаются или отвергаются, которых мы придерживаемся и которыми пренебрегаем, о которых забываем, или сознательно, или даже намеренно нарушаем; принципы, следования которым другие ожидают от нас, а мы от других. Ценности обычно описываются как: личные системы верования и поведения (предрассудки, предпочтения, приоритеты); групповые (в том числе профессиональные) традиции, ценности, нужды и нормы; способы действия и методы, свойственные социальным институтам, организациям и профессиям; религиозный культ, региональные и политические ценности; традиционные системы убеждений и связанные с ними ожидания: представления о правильном и неправильном, о плохом и хорошем [Брылина 2009: 57–58]. В пространстве конфликтного дискурса личностные системы верований, групповые традиции, традиционные системы убеждений играют немаловажную роль по причине того, что каждый из участников коммуникативного взаимодействия транслирует партнеру по интеракции и целевой аудитории свои ценности, а в случае их несовпадения с уже имеющимися у дру-

гой стороны идеями возникает коммуникативный конфликт. Так, одной из национальных ценностей и «духовных скреп» для россиян являются события Великой Отечественной войны и увековечение памяти о трагических страницах в истории Родины в памятниках и монументах. Одним из таких скульптурных изображений является мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», который в феврале 2014 года попал в список «самых уродливых памятников мира», составленный американской телекомпанией Си-эн-эн. Подобная оценка не могла не вызвать реакцию российской стороны. Уполномоченный по правам человека, демократии и верховенства права Константин Долгов заявил: *«Оценку монумента героям-защитникам Брестской крепости как «уродливого», которую дали журналисты телеканала CNN, нельзя расценивать иначе, как кощунственную и циничную. Этот возмутительный шаг – непростибельная для журналистов-профессионалов халатность и свидетельствование как минимум серьезной оторванности от исторических реалий. Данный монумент – символ памяти героев-защитников Брестской крепости, которые, проявив несгибаемое мужество, умирали, но не сдавались ради общей Победы над нацизмом. Журналистам CNN нелишним будет вспомнить, что в той Войне, священной для российского народа, солдаты наших стран сражались бок о бок. Исходим из того, что руководству CNN следует извлечь самые серьезные уроки из случившегося с тем, чтобы подобное больше не повторялось»* [электронный ресурс: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/CC7155F541BFC8EB44257C78004F5294].

В свою очередь телеканал CNN передал послу России в США свои извинения за материал о монументе защитникам Брестской крепости, однако российская сторона этих извинений не приняла: *«В свою очередь подтверждаем нашу принципиальную оценку, что погребение памяти героических защитников Брестской крепости, чем бы это ни пытались объяснить, нельзя оправдать и простить. ... Но нужно отдавать себе отчет, что подобные безответственные действия нанесли серьезный удар по репутации Си-эн-эн, привели к дальнейшему снижению рейтинга этого телеканала в России. Будем и далее решительно пресекать попытки фальсификации истории, принижения ключевой роли Советского Союза в достижении победы во Второй мировой войне»* [электронный ресурс: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/7513076303581A7D44257C7E005CD2C2].

3. Жанровый корпус конфликтного дискурса

Выделение конкретных жанров, обладающих конфликтным прагматическим потенциалом, имеет огромное значение в аспекте изучения деструктивной формы дискурса в межкультурном политическом пространстве. Представляя таксономию речевых жанров, А. Вежбицкая говорит не об универсальной схеме или фрагменте универсальной схемы, а именно о польских жанрах. Это жанры, выделенные польским языковым сознанием, отражающие польский общественно-культурный мир, кодифицированные в польских лексических единицах [Вежбицкая 1997, б: 120]. Подчеркнем, что в сфере политической коммуникации речь будет идти не о национально-специфических жанрах, а о культурных особенностях их реализации в рамках того или иного национально-лингвокультурного сообщества и (или) при взаимодействии последних. Е. И. Шейгал в жанровом пространстве политического дискурса разграничивает три типа жанров в зависимости от характера ведущей интенции: 1) ритуальные жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение); 2) ориентационные жанры (партийная программа, манифест, конституция, Послание президента, отчетный доклад, указ, соглашение); 3) агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [Шейгал 2004: 246]. В свою очередь мы предлагаем анализировать жанры при их реализации в межкультурном политическом пространстве конфликтного и кооперативного типов дискурса на основании их монологичности или диалогичности. В таком случае типологию жанров можно представить следующим образом: I. Монологические жанры конфликтного дискурса. 1. Короткая новость. 2. Расширенная новостная заметка. 3. Интервью-монолог. 4. Авторские статьи. II. Диалогические жанры конфликтного дискурса. 1. Политическое интервью межкультурного уровня. 2. Разговор с президентом. 3. Пресс-конференция. 4. Комментарий. Такой подход к определению жанрового корпуса дискурса с тем или иным прагматическим потенциалом (деструктивным или конструктивным) вполне созвучен концепции речевых жанров, предложенной К. А. Долининым (1997, 1998, 1999), одним из положений которой является постулат о том, что речевой жанр «целесообразно связывать не с речевыми действиями, которые могут быть реализованы в одном элементарном высказывании, а с текстами (применительно к монологическо-

му общению) или с такими отрезками диалога, которым присуща тематическая и/или логико-прагматическая завершенность» [Долнин 1999: 9]. Мы вполне осознаем тот факт, что подобная типология жанров не является статичной – она поддается модификации и трансформации в зависимости от изменения социального контекста, однако для целей нашего исследования релевантной является именно предложенная схема. Как уже было отмечено в главе 1 (1.2), с наибольшей силой межкультурный характер коммуникации проявляется в таких жанрах, как новость, интервью, авторские статьи, комментарии, так как, с одной стороны, информационным поводом для создания этих жанров часто являются события, происходящие в другой лингвокультуре, а во-вторых, материалы этих жанров обращены (как в случае с авторскими статьями) к зарубежной аудитории.

При анализе традиционных жанров СМИ и их трансформации в межкультурном политическом пространстве следует отметить, что наибольшим конфликтогенным потенциалом обладают такие жанры, как короткая новость, расширенная новостная заметка, интервью, пресс-конференция, комментарий. Причиной этого является сам информационный повод, ситуация, о которой сообщается в новости, которая обсуждается во время интервью или пресс-конференции или которая комментируется создателем политического комментария. Несмотря на утверждение А. А. Тертычного [Тертычный 2010: 48], что ситуации как предметы отображения в журналистских текстах бывают «благоприятными, неблагоприятными, бесконфликтными, конфликтными», процесс политической коммуникации «отличает постоянная диалектика агрессивности, решительной борьбы за свои идеи» [Чудинов 2003, а: 15], что не может не находить отражения в репертуаре языковых и речевых средств, используемых для отражения действительности. Следующая причина, по которой новости, интервью, пресс-конференция, комментарий обладают агрессивным прагматическим потенциалом, это столкновение национальных картин коммуникантов, так как именно в «информационно-аналитических текстах наиболее полно выражены различия в восприятии реалий общественно-политической жизни, обусловленные тем или иным культурно-идеологическим контекстом» [Добросклонская 2008: 140]. Не стоит отрицать тот факт, что интервью-монолог, авторские статьи также отличаются способами трактовки и прочтения освещаемой дей-

ствительности, но так как они не предполагают обратной связи с целевой аудиторией, то это априори позволяет избежать конфликта с адресатом. Максимально кооперативным потенциалом обладает такой жанр, как *Разговор с президентом*, так как участники этого диалога принадлежат к одному национально-культурному сообществу, что элиминирует разногласия и диссонанс в оценке и интерпретации фактов.

4. Тематика конфликтного дискурса

Тематика и проблематика конфликтного дискурса определяются заявленным материалом для исследования, отражающим сложившуюся в определенный период политическую ситуацию. Так, наиболее обсуждаемыми политиками и рядовыми гражданами, освещаемыми в СМИ, комментируемыми на различных уровнях событиями последнего времени являются: конфликт на Ближнем Востоке (война в Ираке, палестино-израильский конфликт, гражданская война в Сирии, грузино-осетинский конфликт), события 2014 года на Украине, позиция России, США и Европы в отношении указанных регионов. Принимая во внимание межкультурную направленность настоящего исследования, мы обращаемся лишь к мировым политическим событиям, характеризующимся конфликтом в реализации, освещении обсуждения, не принимая во внимание российские внутривнутриполитические конфликты.

5. Участники конфликтного дискурса

Следующий элемент модели конфликтного дискурса – его участники – будет варьироваться в зависимости от жанровой формы. Так, в политическом интервью происходит активное коммуникативное взаимодействие интервьюера и интервьюируемого, однако для объективности исследования высказываний нужно учитывать и третьего участника интервью – читателей (зрителей), тех, кого принято называть массовым адресатом. Массовый адресат в данном случае предстает как собирательный, нерасчлененный и непредсказуемый в своей реакции на сообщение субъект. А. Б. Курлов отмечает, что «в массовой коммуникации участниками процесса общения считаются не отдельные индивиды, а мифологизированные собирательные субъекты (народ, партия, правительство, армия, олигархи). Отдельные личности также предстают как имиджевые мифологемы (президент, лидер партии, медиамагнат и т. д.)» [Курлов 2002: 66]. В таком случае мы имеем дело с институциональным общением –

речевым взаимодействием представителей социальных групп или институтов в рамках сложившихся социальных структур. Э. Г. Багиров, Р. А. Борецкий, А. Я. Юровский описывают участие адресата (зрителя) в интервью как иллюзорное, пассивное, так как задать вопрос, вступить в беседу он не может. В определенном смысле интервьюер – представитель телезрителей; не опускаясь до уровня менее подготовленной их части, он всегда должен уметь в какой-то степени становиться на точку зрения тех зрителей, которым знаком предмет разговора, для более тесного контакта с ними. Ведущий организует общение с учетом фактора двойного адресата [Багиров 1987]. Проблему двойного адресата в телеинтервью в связи с культурой речевого поведения интервьюируемого исследовала в своей работе Т. Г. Винокур [Винокур 2007]. На двуадресность телеинтервью указывали и другие исследователи, в частности А. А. Кибрик, отмечавший, что «аудитория физически не присутствует при взятии интервью, однако ее существование с необходимостью учитывается и интервьюером и респондентом, если они хотят успеха своей коммуникации» [Кибрик 1991: 62]. Н. А. Мелехова выделяет следующие особенности зрительской аудитории: 1) неоднородность, территориальная рассредоточенность, анонимность; 2) активность, наличие самосознания, что роднит зрителя (читателя) с ведущим или собеседником; 3) психологическая разнородность; 4) невидимость для героев интервью; 5) отсутствие посредников при восприятии зрителями интервью; 6) подверженность манипулированию со стороны ведущего интервью. Двойной адресат в речи ведущего эксплицируется: 1) в этикетных формулах двойного приветствия; 2) в обязательном представлении собеседника телезрителям; 3) в метатекстовых маркерах начала, конца, смены темы, которые направлены как непосредственно собеседнику в студии, так и телезрителям; 4) в комментировании интенциональной стороны вопроса [Мелехова 2010: 45]. Конечно, при общении представителей двух разных культур нельзя исключать интерференции личности переводчика, так как он может восполнить лакунарность элементов системы одного языка, снять этическую и политическую напряженность во время разговора, перевести диалог в толерантную плоскость. Однако в политическом интервью межкультурного уровня влияние деятельности переводчика будет носить особый характер ввиду функционирования этого вида жанра в рамках соответствующего

типа дискурса (политического), так как последний не только характеризуется «оценочностью и агрессивностью» [Демьянков, 2002: 35], но и является эффективным механизмом разрешения проблем и обсуждения актуальных вопросов мирового порядка и устройства, что накладывает определенные обязательства на деятельность посредника в общении представителей двух разных культур. Не вызывает сомнения тот факт, что в некоторых случаях интерференция личности переводчика способствует возникновению недопонимания и разногласий во время политического интервью межкультурного уровня. В этом случае мы рассматриваем перевод как одну из возможных причин коммуникативного конфликта. Таким образом, участие переводчика является одним из примеров реализации анализируемого нами компонента (участники конфликтного дискурса) в межкультурном политическом пространстве. С точки зрения межкультурной коммуникации также можно выделить лидеров государств, чьи позиции находятся в оппозиции друг к другу; журналистов, представляющих средства массовой информации стран – участников международного политического процесса; экспертов в области политики: рядовых граждан, высказывающих свою гражданскую позицию или комментирующих происходящие и освещаемые в СМИ события.

6. Хронотоп конфликтного дискурса

Пространственно-временные характеристики конфликтного дискурса зависят от того, какой канал передачи информации используется при общении: акустический + визуальный (телеинтервью, Послание президента, пресс-конференция) или визуальный + вербальный (печатное интервью, политический комментарий, новостные жанры печатной периодики). Однако в описании пространства конфликтного дискурса мы не будем проводить четкой границы между письменной и устной формами в системе средств массовой информации (за исключением специально оговоренных случаев). Отсутствие необходимости проводить разграничение между двумя формами речи (устные vs. письменные) продиктовано также невозможностью учета (или игнорирования) только канала передачи информации между автором и целевой аудиторией (этап интерпретации) и пренебрежением (или учетом) канала передачи информации между журналистом и респондентом (этап порождения). О. А. Шевченко для разрешения этой дилеммы предлагает

характеризовать, например, интервью как двухэтапное дискурсное образование. На первом этапе (порождение) имеет место устная спланированная коммуникация, на втором этапе (интерпретация) – письменная [Шевченко 2006]. Специфика хронотопа конфликтного дискурса определяется также заявленным материалом для исследования – конфликт в межкультурной политической коммуникации может стать предметом обсуждения и освещения только в момент его общественной и социальной значимости, но и может разворачиваться и обсуждаться на регулярной основе.

7. Речевые средства конфликтного дискурса

В рамках конфликтного дискурса участники используют определенные коммуникативные средства, которые выражают их точку зрения на происходящие события. Реализация конфликтного намерения одной из сторон в конфликтном дискурсе осуществляется при помощи большого арсенала речевых/языковых средств, одним из которых является инвектива. Г. В. Дмитриенко [Дмитриенко 2007: 16] указывает, что «в современной лингвистике различают два вида инвективы, отличающиеся друг от друга объектом направленности (инвектумом)».

Эксплетивная инвектива

Эксплетивная инвектива представляет использование табуированной лексики для выражения собственного отношения не к человеку, а к описываемой ситуации. В качестве эксплетивной инвективы используются следующие группы слов:

а) общая бранная лексика (не имеет собственного адресата и не направлена на непосредственное оскорбление человека);

б) религиозная эксплетива (адресат – какой-либо максимально сакрализованный в той или иной традиции мифологический субъект). Это:

- богохульство (ярким примером, на наш взгляд, может служить оскорбление религиозных чувств верующих, исповедующих отличную религию);

- профанизм;

в) междометная лексика (не имеет прямого инвектума, может принимать форму автоинвективы);

г) инвективы-интенсификаторы (придают высказыванию экспрессивность).

Агрессивная инвектива

Агрессивная инвектива представляет собой культурно обусловленный и национально специфичный векторно-направленный континуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации; осуществляется посредством просторечной лексики и фразеологии, характеризующейся стилистической маркированностью, предельной сниженностью и обладающей вульгарной коннотацией, реализует интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью. Агрессивная инвектива представлена следующими группами слов:

а) оскорбления – вербальная агрессия, осуществляемая с помощью обвинения оппонента в нарушении им норм национально-культурного поведения, пренебрежении культурными ценностями или демонстрации его физической или умственной неполноценности по сравнению с инвектором и другими членами социума. Это:

- собственно оскорбления;
- ксенофобские прозвища и клички, то есть брань, оскорбляющая чужую нацию (так, последние события на Украине стали источником огромного количества такого рода примеров, когда русских называют «тупоголовыми москалями», представителей еврейской нации – «жидами»);

• зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных, рассматриваемые в той или иной национально-культурной традиции как «грязные» (скорее всего, такие оскорбления, отсылающие к названиям животных используются не в политическом, а в бытовом межкультурном дискурсе для выражения неуважительного отношения к представителям другой национальности);

б) проклятия:

- формулы отсыла;
- собственно проклятия [Дмитриенко 2007: 16–17].

На наш взгляд, на пересечении этих двух инвективных групп стоит группа слов, которая является «мощным оружием политической борьбы» [Шейгал 2004: 128]. К ней относятся дисфемизмы, которые формируют негативно-оценочный образ в гиперболизированной форме. В современных средствах массовой информации дисфемизмы играют большую роль в плане выражения отношения политиков к происходящим на мировой арене событиям, их несогласия с действиями той или иной стороны в сложившейся ситуа-

ции, оценки поведения участников конфликта как несоответствующих общепринятым человеческим и дипломатическим нормам. Так, например, в интервью Владимира Путина телекомпании CNN при обсуждении войны в Южной Осетии председатель правительства Российской Федерации выразил свое негодование поведением ведущего программы канала Fox News: *«Давайте вспомним хотя бы, как шло интервью маленькой 12-летней девочки и ее тети, проживающих, как я понял, в Соединенных Штатах, которая была свидетельницей событий в Южной Осетии. Как на одном из крупнейших каналов «Фокс ньюс» ее постоянно перебивал ведущий. Он постоянно перебивал. Как только ему не понравилось, что она говорит, он начал ее перебивать, кашлять, хрипеть, скрипеть. Ему осталось только **в штаны наложить**, но сделать это так выразительно, чтобы они замолчали»*. В данном случае дисфемизм *«наложить в штаны»* передает значение «быть сильно удивленным, испугаться, обмараться» в резкой и грубой форме, а его прагматический потенциал эквивалентен той функции, которую выполняет оскорбление в рамках любого формата дискурса.

В некотором смысле рассмотренные выше средства реализации коммуникативного конфликта при более широкой их интерпретации могут трактоваться как случаи оскорбления, которое в законодательстве, действовавшем до 2011 года (ст. 130 УК РФ), определялось как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»². Г. В. Дмитриенко указывает на следующие условия, при которых оскорбление признается преступлением против чести и достоинства гражданина:

- а) умышленный характер;
- б) направленность на унижение чести и/или умаление достоинства;
- в) вербальная формула выражения, признаваемая инвективной или оскорбительной для пострадавшего [Дмитриенко 2007: 18].

Автор предлагает считать оскорблением любые векторно-направленные вербальные формулы, относящиеся к следующим уровням шкалы инвективности:

---

² В настоящее время оскорбление рассматривается как административное правонарушение, и его трактовка предложена в КоАП (Кодексе об административных правонарушениях).

– вербальная инвектива с отрицательно-оценочной шкалой, так как инвектива данного уровня несет в себе ярко выраженную отрицательную оценку личности;

– вербальная инвектива с осуждающей окраской, так как осуждение – это проявление отрицательных эмоций, вызванных человеческим поведением;

– вербальная инвектива с презрительной оценкой, так как презрение всегда оскорбительно;

– вербальная инвектива с грубой оценкой, так как грубость по отношению к человеку всегда оскорбительна;

– вербальная инвектива с дисфеместической оценкой;

– вербальная инвектива с ругательно-бранной оценкой;

– вербальная инвектива с уничижительно-пейоративной оценкой;

– вербальная инвектива с вульгарно-табу оценкой [Дмитриенко 2007: 18–19].

Представленная выше интерпретация оскорбления носит, скорее всего, юридический характер. В лингвистическом смысле, по нашему мнению, оскорбление (наравне с угрозой и упреком) следует трактовать как способ речевого воздействия в различных жанрах, функционирующих в рамках конфликтного дискурса. На различия в общекультурной и правовой трактовке указывают А. Н. Баранов и М. А. Осадчий. Не вызывает сомнения тот факт, что законодательная интерпретация лексемы *оскорбление* отличается от ее лингвистического анализа, так как «когда лингвиста просят установить степень оскорбительности или способность оскорбить, то все ждут от него апелляции к понятию оскорбления в общекультурном смысле – как нанесению психологической травмы, связанной с унижением достоинства личности. Средств, которыми может быть нанесена такая травма, множество. Это и намеки, и жесты, и вербальные образы» [Осадчий 2007: 111]. С правовой точки зрения не всякая фраза с прагматическим потенциалом оскорбления является таковой по сути. Угроза, оскорбление, упрек как тактики речевого поведения в конфликтной коммуникации располагают соответствующим набором речевых ходов, которым свойственно определенное лексико-семантическое, грамматическое и синтаксическое воплощение, реализующееся в форме конфликтного диалога как разновидности коммуникативного конфликта.

8. Стратегии и тактики конфликтного дискурса

Классификация коммуникативных стратегий зависит от избранного основания. О. С. Иссерс в зависимости от степени важности намерений говорящего делит речевые стратегии на общие и частные. Общие стратегии направлены на достижение более общих социальных целей (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой и т. д.); частные речевые стратегии характеризуют конкретный разговор с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить и т. п.) [Иссерс 2006: 105].

По степени значимости для говорящего О. С. Иссерс подразделяет стратегии на основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные. Основной можно назвать стратегию, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное).

Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата. Автор выделяет три типа вспомогательных стратегий: прагматические (коммуникативно-ситуационные), диалоговые (конверсационные) и риторические. Для прагматических стратегий стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст. Диалоговые стратегии используются для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения. В рамках риторических стратегий используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата [Иссерс 2006: 106].

О. С. Иссерс добавляет следующие важные характеристики речевой стратегии: прогнозирование, контроль, гибкость. При этом автор указывает, что прогноз предстоящей вербальной коммуникации строится с учетом мотивов говорящего и слушающего, их вербальных и невербальных действий. Эти представления обуславливают конструирование связного текста, оптимального для решения коммуникативной задачи говорящего. Контроль применительно к рече-

вой стратегии означает, что в процессе речевого взаимодействия говорящий пытается направлять интеллектуальные и эмоциональные процессы слушающего к нужному решению (состоянию). Гибкость речевой стратегии определяется возможностью ее реализации через различные речевые тактики и коммуникативные ходы, а также использованием языковых ресурсов и приемов речевого воздействия [Иссерс 2006: 95–101].

В. С. Третьякова добавляет следующие признаки речевой стратегии:

1. Гибкость обеспечивается возможностью выбора говорящим средств и способов достижения цели в рамках той или иной стратегии.

2. Жесткость определяется социальной структурой речевой стратегии, когда члены общества имеют программу действий в стандартных ситуациях [Третьякова 2003, а: 99].

И. Н. Борисова выделяет три типа дискурсивных стратегий диалоговедения в зависимости от осознанности цели общения в разговорном диалоге (коммуникативной целеустановки говорящих): 1) регулятивная стратегия (цель – вызвать желаемые изменения в широком экстракоммуникативном контексте ситуации); 2) диктальная стратегия (цель – информировать собеседника о фактах, событиях объективной реальности, рассуждать, рассказывать, описывать, логически осмысливать тему разговора); 3) модальная стратегия (цель – выразить свои чувства, эмоции, оценки, коммуникативные интенции, предпочтения, настроения в отношении речи и коммуникативной ситуации) [Борисова 1996: 46–47].

Репертуар стратегий разнообразен. В основе классификации речевых стратегий, используемых в рамках конфликтного взаимодействия, положены разные принципы. Так, К. Ф. Седов в качестве критерия выделения стратегий речевого поведения языковых личностей в коммуникативном конфликте использует особенность аффективного поведения, которую применяет языковая личность для снятия фрустрации. К. Ф. Седов выделяет инвективную стратегию, которая демонстрирует пониженную знаковость: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций и выливаются в аффективную разрядку в форме брани, ругани (инвективы) [Седов электронный ресурс: <http://www.dialog-21.ru>].

В основу классификации речевых стратегий, предложенной В. С. Третьяковой, положен тип взаимодействия между коммуникантами. Автор выделяет стратегии сотрудничества (кооперации) и конфликтные стратегии (стратегии конфронтации). Стратегии конфронтации лежат в основе взаимодействия, результатом которого является дисбаланс отношений, разъединение коммуникантов, отсутствие гармонии между иллокуцией и перлокуцией. По мнению В. С. Третьяковой, два выделенных типа стратегий охватывают основные и вспомогательные стратегии в терминологии О. С. Иссерс [Иссерс 2006]. Так, первостепенные стратегии, предназначенные для воздействия на адресата, его взгляды, систему ценностей, поведение, требуют применения интенсивных, весомых по воздействию силе средств, которые могут встречать сопротивление того, на кого они направлены. Таким образом, появляется почва для конфликта. А второстепенная стратегия, имеющая чисто речевую цель, которую ставит говорящий и, не желая при этом нанести вред своему имиджу, включает коммуникативные ходы, корректирующие нежелательные последствия для говорящего или выводы о нем. В этом случае речь идет о стратегии кооперации или сотрудничества [Третьякова 2003, а: 100–101].

В. О. Мулькеева при описании конфликтного коммуникативного акта выделяет три группы наиболее типичных и частотных стратегий и реализующих их тактик, принадлежащих к конфликтному типу общения. Это: стратегия дискредитации, инвективная стратегия, стратегия вербального насилия и тактики, реализующие данные стратегии. По мнению автора, стратегия дискредитации реализуется через тактику обвинения и тактику осуждения. При этом В. О. Мулькеева выделяет случаи эксплицитного и косвенного выражения данных тактик. Инвективная стратегия реализуется через тактику оскорбления, выраженную также эксплицитно и косвенно. Стратегия вербального насилия воплощается через тактику угрозы, которая может быть представлена прямо и косвенно [Мулькеева 2005: 75].

Таким образом, номенклатура стратегий речевого поведения и основания выделения целевых установок организации высказывания различны и не являются сходными у исследователей, разрабатывающих данную проблему.

В. С. Третьякова указывает, что «речевая стратегия может быть представлена как совокупность иерархически упорядоченных ре-

чевых тактик» [Третьякова 2003, а: 106]. Речевая тактика может быть определена как одно или несколько речевых действий, которые направлены на достижение основной стратегической цели. Родо-видовые отношения стратегии и тактики отражены в определении И. Н. Борисовой, которая под тактикой общения понимает «динамическое использование коммуникантами речевых умений построения реплик диалога, конституирующих ту или иную стратегию диалоговедения» [Борисова 1996: 23]. Репертуар тактик, реализующих речевые стратегии в конфликтном дискурсе, разнообразен.

Стратегии речевого поведения в конфликтной коммуникации мы выделяем на основании критерия их функционирования в соответствующем типе дискурса и способности организовывать интерактивную деятельность участников общения, устанавливать и поддерживать контакт, производить эмоциональный и информационный обмен, оказывать воздействие на адресата в негативном направлении. В нашем понимании, стратегия – это способ действия в определенном типе дискурса, инструмент речевого воздействия на партнера по интеракции, применяемый для достижения основной цели общения при эффективном использовании имеющихся ресурсов, получающий определенное лексико-семантическое, грамматическое и синтаксическое воплощение, порождающий соответствующие речевые реакции.

Исходя из того, что основной стратегией конфликтного дискурса в настоящем исследовании признается конфронтационная стратегия, приведем предварительный репертуар тактических схем, используемых для ее реализации:

- тактика провоцирования;
- тактика критики действий своего оппонента и руководимой (или представляемой) им страны;
- тактика описания собственных чувств и эмоций как не совсем удовлетворяющих определенным стандартам;
- тактика тенденциозного цитирования мнения третьей стороны;
- тактика защиты;
- тактика несогласия;
- тактика красноречивого умалчивания;
- тактика принятия нейтралитета.

9. Деструкция конфликтного дискурса

Такой компонент, как деструкция, заложен уже в самом названии анализируемого феномена. Деструктивное начало конфликтного дискурса будет ощущаться во всех формах институционального общения, но особенно ярко эта характеристика проявляется в формате политической коммуникации, так как, с одной стороны, политика характеризуется экспрессивностью и агрессивностью (о чем речь шла при описании тематики конфликтного дискурса), с другой – мы наблюдаем дистанцирование говорящего и слушающего, на что указывает Т. А. Миронова [Миронова электронный ресурс: <http://archive.nbuv.gov.ua>]. В этих условиях важным является не допустить усиление деструктивного начала в сфере политической деятельности, а по возможности трансформировать модель конфликтного дискурса в явление противоположного порядка – кооперативную форму интеракции, о которой пойдет речь в следующем параграфе.

По замечанию Р. Водак, конфликтогенность политического языка объясняется следующими причинами. Автор утверждает, что этот язык находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. Поэтому политический язык должен выполнять противоречивые функции, в частности: быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам). Данные причины обуславливают имманентность конфликтов политическим текстам, так как одновременно должны быть выполнены многие функции и реализованы многие мотивы [Водак 1997: 27].

Деструкция межкультурного политического дискурса наблюдается во многих жанрах, в частности, в жанре политического комментария. Так, например, уже упоминавшаяся статья экс-кандидата в президенты США Джона Маккейна в интернет-СМИ «Правда.ру» является ярким примером негативно-оценочных суждений в отношении России. Главной целью своего произведения Джон Маккейн считает *«разрушить фальсификации, используемые правителями России для сохранения их власти и оправдания коррупционности...»*. Статья же В. В. Путина, по мнению экс-кандидата в президенты США, является *«оскорблением интеллекта всех амери-*

канцев». Реакция подобного рода последовала и от спикера палаты представителей Конгресса США, конгрессмена-республиканца от штата Огайо Джона Бейнера (John Boehner). Политик заявил, что чувствует себя оскорбленным. Не пренебрегают политики в выражении своего отношения к мнению оппонента и использованием дисфемизмов. Так, сенатор-демократ от штата Нью-Джерси Боб Менендес (Robert Menendez) в интервью CNN сказал, что его «едва не вырвало» от статьи В. В. Путина.

Таким образом, модель конфликтного дискурса представляет собой комплексное образование, включающее аксиологическую, жанрово-стилистическую и лингвопрагматическую составляющие и реализуемое в жанровом корпусе, релевантном для политической коммуникации.

2.4. Моделирование кооперативного дискурса в межкультурном политическом пространстве

Задачей этой части работы является описание пространства кооперативного дискурса и создание некоего конструкта (модели), в которой отразились бы наиболее важные признаки изучаемого явления, что в конечном счете способствовало бы выработке новых методов при анализе исследуемого феномена с целью создания фундаментальной теории толерантной коммуникации. Особенностью моделирования кооперативного дискурса является то, что объект построения такого конструкта не является непосредственно наблюдаемым. В таком случае, по замечанию Л. Н. Мурзина, моделирование будет иметь следующие характеристики: а) дедуктивность; б) использование мысленного эксперимента; в) интерпретация модели как идеализированного объекта [Мурзин 1988: 20]. Таким образом, целью создания модели кооперативного дискурса является стремление понять функционирование этой разновидности языкового взаимодействия, а в перспективе – выработка правил толерантной интеракции на межкультурном уровне.

При описании пространства кооперативного дискурса мы считаем целесообразным использовать номенклатуру компонентов, характерную для конфликтного дискурса³, а именно:

³ Конструктивная направленность анализируемого типа интеракции определяет вариативность последнего компонента модели.

1. Функции кооперативного дискурса: информирующая; оценочная; гармонизирующая (превентивная, конструктивная); прогностическая.

2. Ценности кооперативного дискурса.

3. Жанровый корпус кооперативного дискурса.

4. Тематика кооперативного дискурса.

5. Участники кооперативного дискурса.

6. Хронотоп кооперативного дискурса.

7. Речевые средства кооперативного дискурса.

8. Стратегии и тактики кооперативного дискурса.

9. Конструктивная направленность кооперативного дискурса.

Данная модель, на наш взгляд, отражает пространство кооперативного дискурса, под которым, напомним, в данной работе понимается речевое взаимодействие агентов коммуникативного акта, характеризующееся позитивной направленностью, реализующееся в наборе кооперативных стратегий и тактик, в стремлении участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, к реализации координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, к конструированию толерантного и вежливого сценария межличностного и межнационального взаимодействия вследствие полного (или по крайней мере частичного) совпадения аксиологических приоритетов коммуникантов, их психологических и эмоциональных установок, вербальных и невербальных ожиданий. При описании каждого компонента в пространстве кооперативного дискурса мы исходим из положения о том, что прагматические характеристики выделенных составляющих актуализируются в различных монологических и диалогических жанрах (интервью членов российского эшелона власти представителям зарубежных СМИ, пресс-конференция, интервью-монолог, авторские статьи, интервью из цикла *Разговор с президентом*). В процессе реализации указанных жанров в межкультурном политическом пространстве необходимо обратить внимание на тот факт, что национальные и культурно специфические особенности партнеров по интеракции являются теми составляющими, которые не могут не влиять на процесс развития отношений в различной тональности.

1. Функции кооперативного дискурса

Кооперативный дискурс реализует следующие функции в межкультурном политическом пространстве. На первое место из всего

арсенала целей кооперативного дискурса мы считаем необходимым поставить информирующую функцию, что обусловлено следующими причинами. Во-первых, все из перечисленных выше жанров (монологических или диалогических), функционирующих в рамках кооперативного дискурса, обладают целым спектром языковых и речевых средств информационного воздействия на общественное сознание. Интервью, пресс-конференция, авторские статьи и прочее являются формой общения, которые по своей сути призваны сообщать идеи, понятия, мысли и передавать их другим людям. Одновременно с этим жанры межкультурного политического пространства являются средством информационно-психологического и манипулятивного воздействия на массовое сознание, так как источники информации влияют на исход политической борьбы и конкуренции. На наш взгляд, в рамках кооперативного дискурса не приходится говорить о средствах массовой информации как о «проводнике манипулятивных методик воздействия на подсознание» (термин С. А. Зелинского, 2008). В рамках кооперативного дискурса информирующая функция созвучна, во-первых, коммуникации как «обмену информацией между людьми с целью определения проблем и поиска решений, регуляции противоречивых взаимодействий и интересов» [Грачев 1998: 4]. Эту функцию наиболее последовательно выполняют информационные жанры публицистической речи.

В политическом пространстве участники выступают как индивиды и социальные субъекты, следовательно, во время беседы, написания статьи и прочего они имеют право на выражение личных оценок и отношений. Оценочная функция является второй по важности для целей кооперативного дискурса.

Следующая функция кооперативного дискурса может носить несколько названий: гармонизирующая, превентивная, конструктивная. Несмотря на такое многообразие терминов, суть данной функции состоит в толерантном использовании языка, применении таких его свойств, которые позволят участникам процесса коммуникации найти компромисс в решении спорных вопросов, избежать деструктивных форм взаимодействия в процессе речевой деятельности, сократить число случаев агрессивного речевого поведения.

В тесной взаимосвязи с гармонизирующей функцией находится прогностическая функция кооперативного дискурса, под кото-

рой понимается способность личности осуществлять планирование собственных действий, прогнозируя развитие общения в сторону кооперативного (или конфликтного) взаимодействия.

Выделенные нами функции кооперативного дискурса сохраняют и (или) даже усиливают свой прагматический потенциал в рамках межкультурного политического пространства, так как в данном случае важным является информирование о событиях, происходящих в другой лингвокультуре, оценка этих явлений и действий с позиции имеющихся национальных ценностей и установок, нахождение компромисса в решении спорных вопросов, предотвращение случаев деструкции в общении на межкультурном уровне.

2. Ценности кооперативного дискурса

Исследование системы ценностей в рамках кооперативного дискурса еще раз подчеркивает актуальность и востребованность приоритетного в настоящем исследовании направления – вектор лингвокультурологического анализа, положения которого служат основой изучения ценностей в языке (Е. В. Бабаева, Л. В. Вдовиченко, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Ю. А. Мартынова, Т. А. Светоносова, Г. Г. Слышкин и др.). По справедливому замечанию Л. В. Вдовиченко, ценности и антиценности изучаются в рамках нового направления лингвокультурологии – аксиологической лингвистики [Вдовиченко 2010: 12]. Приведем несколько трактовок анализируемого понятия с целью более корректного его использования в дальнейших рассуждениях. «Современный философский словарь» (2004) трактует ценность как «сложившуюся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемую людьми форму их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое» [Современный философский словарь 2004: 1000].

В социологии среди множества определений ценностей выделяется следующее: «ценности – это приобретенное, усвоенное из опыта обобщенное и стабильное понятие о том, что является желательным; это тенденция выбора и критерий постановки целей и результатов действия» [Асп 1998: 234]. Междисциплинарный подход, являющийся еще одним важным ракурсом анализа конфликтного и кооперативного дискурса в настоящем исследовании, требует обращения к психологическому направлению изучения ценностей, в

рамках которого последние определяются как «значимость для людей тех или иных материальных, духовных или природных объектов, явлений» [Акмеологический словарь 2004: 152].

В филологическом плане нам импонирует определение ценностей, данное Я. В. Зубковой (2009) в работе, посвященной изучению академического дискурса: «Ценности – это неимманентные сущности, лежащие в основе коммуникативного поведения индивида; они являются продуктом жизнедеятельности человека, зависят от определенных внешних условий и функционируют с разной степенью интенсивности в различных социальных и исторических общностях» [Зубкова 2009: 135]. Настоящее определение как нельзя лучше подходит для цели изучения ценностей в рамках кооперативного дискурса на материале различных монологических и диалогических жанров, когда акторы межкультурного политического пространства выступают как представители разных социокультурных групп, транслируя в ходе речевого взаимодействия свои ценности и установки. Однако в случае кооперативного взаимодействия эти взгляды и позиции не находят сопротивления (или же текстовая ткань сделана с таким расчетом, чтобы это сопротивление максимально уменьшить), что позволяет нам говорить об отсутствии агрессивного потенциала во время интервью, беседы и т. д. Различные жанры в рамках кооперативного дискурса в данном случае предоставляют отличную возможность выразить ценностные установки и взгляды не только политикам, но и журналистам, а средства массовой информации в глобальном их понимании являются инструментом эмоционального воздействия на целевую аудиторию, внедрения тех или иных взглядов в массовое сознание. Ценности кооперативного дискурса, реализуемые в межкультурном политическом пространстве, – это прежде всего «терпимость, толерантность, отсутствие проявлений ксенофобии, этнофобии, речевой агрессии, стремление к межнациональному диалогу, взаимопониманию, равенству» [Руженцева 2013: 18].

3. Жанровый корпус кооперативного дискурса

Как уже отмечалось при описании жанрового корпуса конфликтного дискурса, мы разделяем все тексты, функционирующие в межкультурном политическом пространстве, на диалогические и монологические. Подобная типология актуальна и для кооперативного дискурса: I. Монологические жанры кооперативного дискурса. 1.

Короткая новость. 2. Расширенная новостная заметка. 3. Интервью-монолог. 4. Авторские статьи. II. Диалогические жанры кооперативного дискурса. 1. Политическое интервью межкультурного уровня. 2. Разговор с президентом. 3. Пресс-конференция. 4. Комментарий. Однако с наибольшей силой кооперативный прагматический потенциал реализуется лишь в таких жанрах, как интервью-монолог, авторские статьи, беседы из цикла *Разговор с президентом*. Считаем необходимым включение последних в исследовательскую базу, так как этот жанр (хотя и функционирующий в монокультурном политическом пространстве) ярко воплощают стратегии речевого поведения политиков и тактические приемы ведения коммуникации в кооперативном дискурсе.

4. Тематика кооперативного дискурса

Тематика кооперативного дискурса созвучна темам, которые обсуждаются в рамках конфликтного дискурса, однако акцент делается на тональности обсуждения межкультурных политических вопросов, средств речевого воздействия на партнеров по общению и целевую аудиторию, коммуникативных стратегий и тактик. Итак, к наиболее обсуждаемым темам относятся: конфликт на Ближнем Востоке, события 2014 года на Украине, другие политические, экономические, спортивные события мирового масштаба; проблемы внутреннего устройства России, например, состояние отечественной экономики в период мирового финансового кризиса, борьба с коррупцией, жилищное строительство в России, развитие системы здравоохранения в России, состояние и перспективы отечественного образования (в беседах из цикла *Разговор с президентом*). Не вызывает сомнения тот факт, что проблемы международного сотрудничества или государственного устройства отдельных стран при вовлечении мировых политических сил имеют ярко выраженную межкультурную направленность.

Несмотря на утверждение О. В. Аронсона о том, что «политический язык всегда безошибочно находит такое сообщество, которое должно быть предъявлено в качестве производящего конфликт», и что «политика всегда имеет потребность в экспансии» [Аронсон 2001: 23], необходимо признать, что современный этап развития мировых политических систем имеет тенденцию к сближению культур, ценностей, взглядов на те или иные события. Тематика, лишенная политического или экономического подтекста (напри-

мер, культура, спорт), более всего ориентирована на сближение. Таким образом, в контексте настоящего исследования мы можем утверждать, что, несмотря на имманентность конфликтов для такой сферы общественной жизни, как политика, процесс коммуникации в межкультурном политическом пространстве характеризуется наличием также толерантных форм интеракции.

5. Участники кооперативного дискурса

Среди остальных компонентов кооперативного дискурса необходимо выделить его участников: сами политики, целевая аудитория (те, кого принято называть массовым адресатом) и представители «четвертой власти». При описании характеристик участников кооперативного дискурса важным является разграничение отдельной личности и представителей социальных групп или институтов в рамках сложившихся социальных структур. С одной стороны, реализация определенных средств общения, выбранных участниками политического системы в процессе коммуникации, осуществляется не народом, а личностью (об этом говорит В. И. Карасик, 2003). С другой стороны, участниками массовой коммуникации являются мифологизированные собирательные субъекты, и тогда речь идет об институциональном общении. Особенностью данного компонента модели конфликтного дискурса является то, что он реализуется в межкультурном политическом пространстве, что влияет на взаимодействие средств массовой информации (как общественных институтов), аккредитованных им журналистов, политиков как личностей, обладающих своими национально-культурными представлениями и системами ценностей. Средства массовой информации играют важную роль в процессе создания, передачи политической информации, формировании мнения общества о тех или иных социально-политических процессах. На активную роль журналистов в процессе политической коммуникации указывает и А. П. Чудинов, выделяя этот вид процесса общения между участниками политической деятельности в качестве ядерного уровня политической речи [Чудинов 2003, б].

6. Хронотоп кооперативного дискурса

Пространственно-временные характеристики кооперативного дискурса в анализируемых жанрах зависят от используемого для анализа материала – политические интервью, пресс-конференции, авторские статьи и т. д. Такие жанры представляют собой разно-

видность официального события, целью которых является, например, встреча представителей зарубежных СМИ с членами российского эшелона власти. На связь пространственно-временных обстоятельств и коммуникативной ситуации указывает Д. Хаймс, который справедливо отмечает, что официальные события более жестко структурированы правилами этикета, их участники говорят более правильным с точки зрения грамматики и стилистики языком и выбирают более вежливые формы средств общения [Hymes 1962, 1972]. Однако в последнее время пространственно-временные характеристики жанров межкультурного политического пространства изменяются в связи с модернизацией способов общения представителей власти с обществом и прессой. Так, во время пресс-конференции президента России Д. А. Медведева 18 мая 2011 года мы стали свидетелями введения новых дискурсивных практик при реализации данного диалогического жанра. Президент сам вел эту пресс-конференцию, был ее модератором (пресс-секретарем), сам решал, кому из журналистов предоставить слово для вопроса. В конце пресс-конференции Д. А. Медведев ответил на пять вопросов, которые поступили к нему письменно (по Интернету). На наш взгляд, в связи с пространственно-временными характеристиками кооперативного дискурса целесообразно говорить об «открытом» хронотопе, когда пространство того или иного жанра распространяется от передачи к передаче (например, *Разговор с президентом*), и «закрытом» хронотопе, при котором создается некая жанровая «микросреда» (например, в жанре пресс-конференции).

7. Речевые средства кооперативного дискурса

В политических текстах, функционирующих в рамках кооперативного дискурса, участники используют определенные коммуникативные средства, которые указывают на принадлежность коммуникантов к данной ситуации и выражают их точку зрения на происходящие события. Реализация толерантного намерения одной из сторон в кооперативном дискурсе осуществляется при помощи большого арсенала языковых и речевых средств, среди которых можно выделить этикетное оформление высказываний, употребление сослагательного наклонения (например, в иницилирующей реплике журналиста), вводные и субъективно-модальные конструкции, эвфемизация речи, соблюдение коммуникативных конвенций, юмор. Так, может использоваться юмор как путь выхода из кон-

фликтной ситуации, так как он является средством преодоления отчуждения между коммуникантами, орудием снятия напряженности в ходе диалога, позволяет найти выход из, казалось бы, тупиковой ситуации. Особенно ярко речевые средства кооперативного дискурса проявляются в ходе общения представителей восточной и западной культур, когда индивидуальные особенности речевого поведения коммуникантов отражают нормы и правила определенной культуры.

8. Стратегии и тактики кооперативного дискурса

При описании этого компонента кооперативного дискурса нашей целью является сравнение реализации конфликтных и кооперативных речевых стратегий и тактик в монологических и диалогических жанрах межкультурного политического пространства. Стратегии речевого поведения в толерантной коммуникации мы выделяем на основе определения стратегии, предложенного в параграфе 2.3, и ставшего уже хрестоматийным родо-видового принципа описания стратегий и тактики [Борисова, 1996; Иссерс, 1999; Клюев, 2002; Сковородников, 2004]. Обеспечивая способ соотношения единиц в пространстве кооперативного дискурса, стратегии становятся частью толерантной позиции говорящих, то есть умения строить общение на различных уровнях кооперативности. Коммуникативная стратегия как форма проявления толерантности участников политического пространства на межкультурном уровне зависит от социальных обстоятельств общения, решения той или иной социальной задачи, обсуждения того или иного политического вопроса. И, наконец, стратегия определяет проявление личности в диалоге, представляя тот или иной тип поведения в конкретной ситуации общения.

В кооперативном дискурсе основной мы считаем кооперативную стратегию. Репертуар тактик, реализующих данную стратегию в кооперативном дискурсе, разнообразен. Типология тактик кооперативного дискурса не является застывшей и не поддающейся изменениям системой, поэтому на современном этапе исследования кооперативного дискурса сконцентрируемся лишь на том положении, что в кооперативном типе дискурса сохраняется асимметричное распределение коммуникативных ролей. Суть асимметричного распределения ролей, как указывает П. П. Семененко, состоит в том, что иногда обстоятельства коммуникативного акта складыва-

ются таким образом, что распределение ролей участников теряет характерную для диалога симметричность, и инициативный коммуникант берет на себя доминирующую роль при полном подчинении действий партнера коммуникативной инициативе данного субъекта [Семененко 1996: 5]. По нашему мнению, в кооперативном типе дискурса речь идет не столько о доминирующей роли инициатора коммуникативного акта, сколько о сохранении его нейтралитета, о паритетности и избегании конфронтационного типа общения. К основным тактикам кооперативного дискурса, на наш взгляд, относятся:

- тактика сближения;
- тактика демонстрации сдержанного отношения к собеседнику, принадлежащего к другой лингвокультуре или исповедующего иные принципы и политические взгляды;
- тактика отказа от предрассудков и условностей;
- тактика просьбы;
- тактика уточнения;
- тактика извинения;
- тактика согласия;
- тактика уклонения от ответа;
- тактика умалчивания;
- тактика принятия нейтралитета;
- тактика сохранения паритета в общении.

Выделенные тактики одновременно являются средствами репрезентации толерантного диалога, а, как видно из типологии тактик кооперативного дискурса, тактика умалчивания и тактика принятия нейтралитета характерны как для толерантной, так и конфликтной коммуникации.

9. Конструктивная направленность кооперативного дискурса

Конструктивная направленность межкультурного политического дискурса тесно связана с понятием *интеграция*. Интеграция в политическом коммуникации может рассматриваться не только как «поиск и сплочение сторонников» [Шейгал электронный ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php], но и как стремление к диалогу и нахождению путей выхода из создавшегося кризиса вместе со своими противниками и оппонентами. Не вызывает сомнения тот факт, что современный этап мирового

развития характеризуется процессами дезинтеграции – «разрушения существующих социальных институтов, доктрин и идеологий» [Ягубкин электронный ресурс: <http://www.politrus.com/2013/10/14/vyacheslav-yagubkin>]. Проблему интеграции в кооперативном дискурсе, на наш взгляд, следует рассматривать в нескольких аспектах:

1) интеграция со сторонниками и противниками в решении проблем, связанных с межнациональным и межкультурным взаимодействием;

2) интеграция различных цивилизационных типов и культур без ведущей роли какой-либо одной из них;

3) координация усилия и действий ведущих политических держав в разрешении межнациональных и межкультурных конфликтов;

4) стремление к формированию общей системы ценностей при обязательном сохранении уникальной национальной самобытности каждой нации и культуры;

5) отказ от предрассудков и стереотипов в отношении другой лингвокультуры, а соответственно, сокращение или даже элиминация случаев деструктивного коммуникативного поведения;

6) непризнание этноцентризма и этнофаворизации.

Таким образом, модель кооперативного дискурса представляет собой комплексное образование, включающее аксиологическую, жанрово-стилистическую и лингвопрагматическую составляющие и максимально реализуется в ряде жанров политической коммуникации.

2.5. Методика анализа монологических и диалогических жанров конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном политическом пространстве

Методика, применяемая в работе для анализа заявленных жанров, определяется содержанием и основными целями тех дисциплин, в русле которых выполнено настоящее исследование. Релевантными для решения поставленных в работе задач являются положения, выработанные в теории политической и межкультурной коммуникации. В настоящем параграфе нашей целью является краткая характеристика существующих подходов к анализу политического дискурса и языка политики, а также представление собственной методики анализа монологических и диалогических жан-

ров конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном политическом пространстве.

Политический дискурс с лингвистической точки зрения может изучаться в нескольких направлениях:

- 1) критический;
- 2) дескриптивный;
- 3) когнитивный;
- 4) лексико-семантический (лексико-стилистический);
- 5) нарративно-репрезентационный (нарративно-жанровый).

Критический подход к изучению политического дискурса изучает, каким образом в языке и дискурсе выражено социальное неравенство, сосредоточивает внимание на «властно-политической и идеологической природе дискурса» [Русакова, Ишменев 2006: 36]. В отличие от критического дискурс-анализа *дескриптивный подход* к анализу политического дискурса ставит своей целью «описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной... идеологической оценки» [Будаев, Чудинов 2012: 59]. Главной задачей *когнитивного подхода* к изучению политического дискурса является метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего, что в конечном счете способствует «разрешению сложных общественно-политических ситуаций» [Гаврилова 2012: 27]. *Лексико-семантический подход* к исследованию политического дискурса анализирует конкретные политические тексты на различных уровнях языка (фонетическом, лексическом, морфологическом, семантическом). *Нарративно-жанровый подход* в политической лингвистике концентрирует свое внимание на совокупности «дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события» [Шейгал 2007: 87].

Для целей нашего исследования релевантными являются методы и принципы, используемые в рамках критического, дескриптивного, лингвопрагматического, нарративно-жанрового, лексико-семантического направлений, а также теории аргументации и межкультурной коммуникации. Востребованность *критического подхода* определяется тем, что политическая коммуникация изучается в межкультурном аспекте, когда во внимание принимаются экстралингвистические условия и обстоятельства интеракции. *Нарративно-жанровый подход* важен с той точки зрения, что в центре нашего внимания находится жанровый корпус межкультурного политического простран-

ства. *Дескриптивный подход* важен для описания речевой деятельности участников политической коммуникации, способов речевого воздействия, используемых для достижения наибольшего перлокутивного эффекта, типов аргументации, применяемых для осуществления речевого воздействия на адресанта и целевую аудиторию.

В разработке моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса мы исходим из анализа семантики и прагматики исследуемых явлений. Провокативные, манипулятивные и эмотивные особенности речевого произведения, продуцируемого в рамках межкультурной политической интеракции, оказывают огромное влияние на репертуар стратегий и тактик конфликтного и кооперативного типов дискурса, используемых для оказания воздействия на адресанта целевую аудиторию. *Лингвопрагматический подход* к анализу двух типов коммуникации в межкультурном политическом пространстве логично укладывается в рамки макроструктуры, включающей в себя компоненты, которые мы учитываем при исследовании текстов в рамках заявленных моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса:

1) Ситуационная модель высказывания, которая представлена следующими составляющими (особенно значимая для анализа диалогических жанров):

- а) время интеракции;
- б) место интеракции;
- в) физический контакт собеседников;
- г) социальные обстоятельства, влияющие на ход беседы (беседа на бытовую, общественно-политическую, культурную или другую актуальную тему).

2) Слушающий и его сознание, мотивация, прошлые действия и намерения.

3) Говорящий и его установки, прошлый опыт, причины вступить в беседу.

4) Культурный фон беседы (события, которые в той или иной мере могут повлиять на позитивный или негативный исход общения и создать условия для проявления элементов речевой агрессии со стороны одного из собеседников).

Данная макроструктура по количеству и содержательной части компонентов в известной мере коррелирует со схемой описания ситуации, принятой в *теории аргументации*:

- субъект (отдельное лицо или сообщество, дающее описание);
- предмет (описываемая ситуация);
- основание (точка зрения, в соответствии с которой производится описание);
- характер (указание на истинность или ложность предлагаемого описания) [Ивин 1997: 163–164].

По нашему мнению, конфликтный и кооперативный типы дискурса соотносятся со сферами интеллектуального общения, в котором коммуниканты при интеракции используют различные способы аргументации, выдвигают разнообразные предложения, убеждают собеседника в истинности и правоте своих доводов, делают партнера по коммуникации (изначально оппонента) своим единомышленником и сопричастником, то есть убеждают и доказывают, транслируя свою точку зрения и пытаясь сделать ее достоянием адресата.

Важность *нарративно-жанрового подхода* обусловлена тем, что материалом нашего исследования являются тексты средств массовой информации, имеющие четкую жанровую соотнесенность. По справедливому замечанию А. В. Олянич, массово-информационное общение является сегодня ведущим типом дискурса, проникая практически во все типы институционального и даже обиходного общения. Автор отмечает, что способ подачи материала в данном типе дискурса представляет собой систему презентационных стратегий и соответствующих этим стратегиям речевых жанров. Речевые жанры являются основой для рассмотрения дихотомии «предметно-логическая (интеллектуальная, дескриптивная, объективная, концептуальная, фактуальная) информация – прагматическая (оценочная, субъективная) информация». Баланс между этими двумя видами информации нарушается в сторону последней, то есть основной целью коммуникации в последнее время стало формирование мнения, а не знания [Олянич 2004, а: 123]. Сказанное определяет важность *лексико-семантического подхода*. И. А. Стернин пишет по этому поводу: «...Убеждение осуществляется преимущественно не логическими способами, а эмоционально-психологическими, с учетом особенностей собеседника и аудитории; при этом ставится задача не столько сформировать знание, сколько сформировать мнение» [Стернин 2003: 9]. Не вызывает сомнения тот факт, что отличительным признаком общения в средствах массовой информации последнего времени является

его эмоциогенность и эмоциоцентрированность. Исследователи (Жельвис, 1992; Степанов, 2004; Стернин, 2003) отмечают, что в конце XX – начале XXI века эмоциональная аргументация стала преобладать над рациональной. Иными словами, дается установка на формирование мнения, а не знания. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов отмечают, что увеличивается объем прагматической (оценочной, субъективной) информации и уменьшается количество предметно-логической (интеллектуальной, фактуальной) информации [Березин 1990]. Следовательно, современное общение можно охарактеризовать как эмоциогенное и эмоциоцентрированное, что и требует широкого привлечения для анализа текста лексико-семантических методов.

Особо следует выделить подходы к анализу дискурса, используемые в *межкультурной коммуникации*. Функционирование анализируемых текстов в межкультурном политическом пространстве неизбежно влечет появление конфликтных ситуаций при их восприятии представителями другой лингвокультуры, иных верований и убеждений, что часто «проистекает из различающихся предпосылок для аргументов» [Ратмайр 2013: 359]. Действительно, разногласия в межкультурной коммуникации могут быть вызваны не только «противоположными убеждениями по отношению к конкретному факту» [Там же], а могут быть обусловленными межкультурными особенностями аргументов.

Комплексная модель анализа в рамках настоящего исследования включает в себя следующие этапы.

Первый этап. Отбор для анализа текстов разных жанров: монологических (новости, интервью-монолог, авторские статьи, прогноз) и диалогических (политическое интервью, пресс-конференция, политический комментарий), отражающих дихотомию «Восток-Запад» и содержащих межкультурный компонент.

Второй этап. Выявление в этих текстах всех речевых показателей, которые являются маркерами конфликтного или кооперативного типов общения.

Третий этап. Построение моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса в монологической и диалогической разновидностях с опорой на принципы и подходы, указанные выше.

Четвертый этап. Применение компонентов моделей к анализу конкретных монологических и диалогических жанров конфликтно-

го и кооперативного типов дискурса в межкультурном политическом пространстве.

Пятый этап. Анализ риторических средств конфликтного и кооперативного типов по следующим параметрам:

- 1) анализ типов аргументации;
- 2) исследование общей тональности высказывания;
- 3) исследование проявления категории вежливости;
- 4) исследование оценочности;
- 5) выявление конфликтогенов и речевых средств, способствующих толерантному и бесконфликтному общению.

Такая методика анализа монологических и диалогических жанров в рамках конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном пространстве политической коммуникации отвечает, на наш взгляд, всем требованиям лингвистической прагматики как выбранного в качестве приоритетного в настоящем исследовании направления исследования с привлечением данных других областей научного знания и прежде всего межкультурной коммуникации.

ГЛАВА 3. МОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОНФЛИКТНОГО И КООПЕРАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА

3.1. Новостные жанры: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса

В настоящем исследовании термин *новостные жанры* используется в качестве синонима *информационных жанров*, которые являются сочетанием нескольких типов информации: фактологической, оценочной, нормативной, программной и прогностической [Тертычный 2014: 54]. Разнообразие информационного содержания новостных жанров определяет инвариантное и вариативное наполнение моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса, анализ которых, в свою очередь, идет в русле приоритетного направления исследования деструктивных и конструктивных форм интеракции, а именно – прагмалингвистики. Нашей целью является выделение тех доминирующих и менее специфических элементов упомянутых выше моделей, которые характерны для функционирования исследуемой категории (новостные жанры) в межкультурном политическом пространстве. В первой главе нами было предложено определение межкультурного политического пространства, которое в данной работе трактуется как область взаимодействия субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, с неперменной вербализацией средствами языка, реализацией в текстах тех или иных жанров политической коммуникации и различной модальностью как следствия напряженного или толерантного отношения коммуникантов друг к другу.

Материалом исследования при анализе реализации моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса в межкультурном политическом пространстве послужили новости, размещенные на сайтах российских информационных агентств: *Интерфакс*, *ИТАР-ТАСС*, *REGNUM*, *Накануне.RU*, *REX*; российских интернет-изданий: *Газета.RU*, *Лента.RU*, *Вести.RU*; информационно-аналитического интернет-издания *Правда.RU*; общественно-политического интернет-издания *Свободная пресса*; ежедневной аналитической

интернет-газеты *РБК daily*; российского делового интернет-портала *BFM.RU*; интернет-сайтах: официального печатного органа Правительства Российской Федерации *Российская газета*, общенациональной ежедневной газеты *Известия*, ежедневной деловой газеты *Ведомости*, общероссийского телеканала *НТВ*, российской круглосуточной информационно-разговорной радиостанции *Эхо Москвы*, государственного информационно-аналитического агентства Российской Федерации *РИА Новости*, *Русской службы Би-би-си*, деловой газеты *Взгляд*. Предложим характеристику основных компонентов моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса, репрезентированных в новостных жанрах, бытующих в межкультурном политическом пространстве.

1. Функции. Ценности

Как следует из названия *новостные жанры*, основная функция новостей заключается в информировании о каком-либо факте или событии (констатация свершившегося, ответы на вопросы *что? где? когда?*). Такой цели отвечают все информационные материалы, размещенные на указанных выше сайтах. При этом выбранные для анализа новости относятся к разряду так называемых официальных (жестких) новостей. Следует пояснить, что в зависимости от характера информации в журналистике принято разграничивать жесткую новость (в основе лежит официальная информация) и мягкую новость (в основе – неофициальная информация). Л. Г. Феценко разграничивает жесткую и мягкую новость по следующим параметрам: характер информации, структура текста, стилистические особенности текста, цель новости. В основе жесткой новости лежит оперативная, актуальная, социально значимая информация; информации, сообщаемой в мягкой новости, лишь приписывается такой характер. Структура жесткой новости – это модель перевернутой пирамиды, когда в начале выдается наиболее существенная информация, а затем второстепенная; в мягкой новости отсутствуют завязка и развязка, но есть интригующий заголовок. В жесткой новости особая роль принадлежит таким стилистическим характеристикам текста, как ссылки, количественные данные, цитаты; мягкая новость обладает яркостью, оригинальностью изложения, эмоциональностью и оценочностью. Основная цель жесткой новости заключается в информировании, мягкая новость призвана развлекать целевую аудиторию [Феценко 2004: 21].

Приведенные характеристики жесткой и мягкой новости дают нам основание сделать вывод, что в центре нашего внимания находится тип новости, сообщающий социально значимую, актуальную и оперативную информацию с четкой структурой, где «первое высказывание в смысловом плане главное, а любое последующее вытекает из предыдущего», то есть жесткая новость [Там же: 40]. Анализ материала показывает, что одной из наиболее освещаемых тем в новостях остается конфликт на Ближнем Востоке. Так, 15 августа 2013 года на сайте *Рамблер-Новости* было размещено сообщение о закрытии границы между Египтом и сектором Газа:

***Египет перекрывает границу с сектором Газа
15 августа 2013 года***

Уже приостановлена работа пропускного пункта «Рафах», вблизи которого несколько часов назад боевики, связанные с «Аль-Каидой», обстреляли автоколонну сил безопасности. Как уточняют арабские СМИ, убиты более 30 человек.

Не исключено, что это ответ на недавнюю гибель 36 сторонников «Братьев-мусульман», схваченных в ходе протестов. Согласно докладом полиции, причиной случившегося стала давка и высокая концентрация слезоточивого газа. Его применили, когда арестованные попытались бежать из автозака.

Тем временем пользователи арабского сегмента Интернета обвинили телеканал «Аль-Джазира» в трансляции постановочного видео, на кадрах которого многие не разглядели ожидаемых следов тяжелого ранения под окровавленной футболкой исламиста, который, ко всему прочему, пнул своего доктора.

Ситуация в Египте станет сегодня главной темой на заседании министров иностранных дел Евросоюза. На повестке дня – запрет на поставки вооружений и сворачивание экономической помощи республике [электронный ресурс: <http://news.rambler.ru/20611399/>].

Следующая функция, которая реализуется в новостных жанрах межкультурного политического пространства, – это функция воздействия с элементами манипуляции. Воздействующая функция связана с такими особенностями текстообразования, как предвзятое цитирование мнения третьей стороны, использование отрицательно-оценочных тактик, например обвинения: *Тем временем поль-*

зователи арабского сегмента Интернета обвинили телеканал «Аль-Джазира» в трансляции постановочного видео, на кадрах которого многие не разглядели ожидаемых следов тяжелого ранения под окровавленной футболкой исламиста, который, ко всему прочему, пнул своего доктора.

На наш взгляд, воздействующая функция в новостных жанрах тесным образом связана с манипуляцией общественным сознанием, что проявляется, например, в текстовой организации сообщений о предстоящих событиях. Так как основное предназначение новостных жанров состоит в информировании о произошедших событиях (жанрообразующий канонический признак), то прогностическое высказывание вероятностного характера, воспринимается как достоверный факт. У читателей априори есть доверие к информации и ее источнику, однако посредством такого приема (замена факта прогнозом) осуществляется манипулятивное воздействие СМИ. Так, 2 августа 2014 года на сайте информационного агентства ИТАР-ТАСС была размещена информация о возможном выделении Соединенными Штатами Америки 19 миллионов долларов на подготовку и оснащение национальной гвардии Украины. Принимая во внимание противостояние между Россией и США по вопросу вооруженного конфликта на востоке Украины, сообщение о возможном финансировании США национальной гвардии Украины (которая играет одну из главных ролей в указанных событиях) воспринимается как фактуальная информация, подливающая масла в огонь и без того непростых отношений России и США.

США планируют выделить \$19 млн на подготовку и оснащение нацгвардии Украины

Средства планируется направить «на обучение и оснащение четырех рот и одной тактической штаб-квартиры украинской нацгвардии», пояснил официальный представитель Пентагона

ВАШИНГТОН, 2 августа. /Корр. ИТАР-ТАСС Дмитрий Кирсанов/. США намерены ассигновать 19 млн долларов на подготовку и оснащение национальной гвардии Украины, в которую входят в том числе боевики ультранационалистической организации «Правый сектор».

Об этом сообщил в пятницу на регулярном брифинге для журналистов пресс-секретарь Пентагона контр-адмирал Джон Кирби.

Эти средства планируется направить «на обучение и оснащение четырех рот и одной тактической штаб-квартиры украинской нацгвардии», заявил Кирби. О намерении выделить 19 млн долларов на эти цели госдепартамент и минобороны США уже уведомили Конгресс, добавил он. По словам Кирби, такой шаг поможет расширить возможности сил безопасности Украины в области «внутренней обороны».

Предполагается, что реализация программы, в случае ее одобрения Конгрессом, начнется в 2015 году, пояснил Кирби. Подготовка бойцов нацгвардии, сообщил он, будет проходить в Международном центре миротворчества и безопасности в городе Яворов (Львовская область). Вести ее будут представители сухопутных войск из состава Европейского командования Вооруженных сил США и Национальной гвардии штата Калифорния, которая имеет партнерские связи с Украиной, добавил Кирби.

Ранее в пятницу пресс-служба Белого дома по итогам очередного телефонного разговора вице-президента США Джозефа Байдена и президента Украины Петра Порошенко объявила о намерении Вашингтона предоставить украинской пограничной службе «новое (финансовое) содействие в размере порядка 8 млн долларов».

По версии Белого дома, эти средства пойдут на приобретение «инженерного оборудования для улучшения инфраструктуры вдоль украинских границ, грузовых и патрульных автомашин, наблюдательного оборудования для увеличения дальности видимости» украинских пограничников, «небольших катеров, предназначенных для морского патрулирования и операций по перехвату» [электронный ресурс: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1356282>].

Система функций новостных жанров при их реализации в межкультурном политическом пространстве не является застывшей. Эта система подвергается изменениям: вместе с трансформациями в обществе (которые призваны отражать средства массовой информации) модифицируется и целеустановка жанров журналистики. При функционировании в интернет-пространстве вполне реально говорить об интерактивной функции новостных жанров, так как, несмотря на известное ограничение права на выражение журналистского мнения, собственную позицию может высказать читатель при обсуждении новости в разделе «комментарии» (на других новост-

ных лентах этот раздел имеет название «обсудить»). Так, 5 августа 2014 года на сайте российского интернет-издания «Лента.RU» была размещена новость о том, что в Верховной Раде пригрозили лишить Россию права на проведение чемпионата мира по футболу в 2018 году. Сразу после размещения новость собрала 75 комментариев различного характера – от почти нейтральных (*С тем же успехом Рада может запретить светить Солнцу.*) до агрессивных и даже оскорбительных (*Наркоманы. <...> Перекройте ручейки поставок в Верховну Раду тяжелых наркотиков, они уже окончательно весь мозг потеряли. <...> что бы мозг потерять, его для начала надо иметь... ну а по наркотикам – согласен...:)*⁴

Таким образом, интерактивная функция логично детерминирует следующую функцию новостных жанров – оценочную, хотя в данном случае комментарии и оценка даются не самими журналистами (что противоречило бы журналистской этике), а целевой аудиторией. Последняя, в свою очередь, осуществляет интерпретацию полученной информации в соответствии со своими аксиологическими установками, фоновыми знаниями и культурно-исторической парадигмой. Соответственно, в связи с новостными (информационными) жанрами мы можем говорить об аналитико-интерпретационной функции применительно только к реципиенту информации, который, получая объективную информацию, подвергает ее анализу, высказывает собственное мнение, комментирует, то есть минимизирует возможность манипулирования общественным мнением со стороны СМИ. Заметим, однако, что сказанное не касается мягкой новости, в которой эти функции реализуются уже на этапе текстопорождения.

Следовательно, при реализации первого из компонентов предложенной модели конфликтного дискурса (на материале новостных жанров) мы можем говорить о двойственности функций, условно дифференцируя интенциональную составляющую на функции, непосредственного источника новостей и их потребителей (см. табл. 1).

---

⁴ В примерах сохранены авторская пунктуация и орфография.

Таблица 1

Функции новостных жанров	Создатели новостей	Целевая аудитория
Информативная	+	
Воздействующая	+	
Аналитическая		+
Интерактивная	+	
Оценочная		+
Манипулятивная	+	
Интерпретативная		+
Регулятивная	+	
Прогностическая	+	+

Нельзя не согласиться с мыслью о том, что в процессе создания новостей и их восприятия происходит соприкосновение (трансформация, столкновение) ценностных картин мира коммуникантов, в том числе в вопросе о противостоянии Востока и Запада. Так, 11 декабря 2014 года на сайте *Газета.ru* был опубликован материал главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Федора Лукьянова «Другая Европа и другая Евразия», в котором автор обсуждает проблему отношений России и Европейского союза. Статья заканчивается следующим выводом: *«Европейская» Европа в соответствии с берлинским дизайном может столкнуться с серьезными трудностями и не состояться. Германия рискует. «Евразийская» Россия пока тоже покрыта густым туманом. Прежде всего потому, что в случае успешной реализации такой идеи Москва может обнаружить, что она отнюдь не ведущая сила на возникшем пространстве. Но и то и другое – вполне реальные попытки в очередной раз преобразить конфигурацию континента от Лиссабона до Пусана (Лиссабон – столица Португалии, Пусан – второй по величине город Республики Корея. – Н. К.)* [электронный ресурс: <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/>].

В комментариях к материалу находим как прозападные высказывания, так и ориентированные на восточный путь развития (орфография, пунктуация и стиль речи автора оставлены без изменения): *И что из этого. Китай уже и так играет главную роль в любом мировом альянсе. <...> Попробовал представить себе китайца, работающего за лапшу и терзающегося вопросом «Кто я*

– монгол или вьетнамец?» Не получилось((Попробовал представить себе китайца с месячным доходом \$27 млн и терзающегося вопросом «Кто я – монгол или вьетнамец?» Не получилось((Используемый инструментарий «китайца» не может не меняться, и сегодня он иной, чем вчера, а завтра – третий. Но «китаец» – он и в Африке «китаец» и вопрос о «глобально-надысторической ориентации» давно этим отвечен. <...> Никаких шансов на Евразию у России нет. Потому что нет сильных партнеров, которые были бы в ней заинтересованы хоть в каком-то виде. На какой Восток ориентируется Россия – на Казахстан и Киргизию? так им нечего России предложить. На Китай? Там тоже технологии, во-первых, чужие, а во-вторых, как следствие, всегда вторичные. И потом, Китай ничего России не даст, он не будет усиливать соседа ни в каких сферах, а наоборот, постарается его распотрошить. Ну а Япония – давно Запад, вопреки географии. Так что альтернатива западному сотрудничеству – только изоляция, и много времени не понадобится, чтобы это понять.

Таким образом, речевой материал свидетельствует о столкновении ценностей западного и восточного типов культуры, разных социально-культурных общностей, противоположных типов восприятия мира и происходящих в нем событий. Споры о географической и социальной принадлежности России ведутся на протяжении долгого времени, но в контексте современной геополитической ситуации актуальными, на наш взгляд, являются слова В. В. Путина во время конференции Общероссийского народного фронта «Форум действий» 5 декабря 2013 года: «*Не Россия находится между Востоком и Западом, это Восток и Запад находятся слева и справа от России*» [Конференция Общероссийского народного фронта, 5 декабря 2013 года, электронный ресурс: <http://news.kremlin.ru/transcripts/1978>]. В этой связи своеобразным контрапунктом звучат слова Барака Обамы о том, что Россия – это «двуликий Янус», который одновременно смотрит и на запад, и на восток [электронный ресурс: <http://www.mk.ru/politics/2014/08/04/obama-rossiya-dvulikiy-yanus-kotoryu-odnovremenno-smotrit-na-zapad-i-vostok.html>].

В последнем случае мы являемся свидетелями реализации тактики обвинения, одного из наиболее употребляемых способов речевого воздействия в новостных жанрах, которые будут рассмотрены в рамках жанрово-стилистического блока.

Таким образом, для кооперативного дискурса релевантными являются следующие функции новостных жанров: информативная, аналитическая, интерактивная, регулятивная, интерпретативная и прогностическая (в том случае, когда факт заменяется прогнозом). В рамках конфликтного дискурса реализуются воздействующая, манипулятивная и оценочная функции новостных жанров.

2. Жанрово-стилистический блок

При характеристике этого блока модели речь, на наш взгляд, правомерно в первую очередь вести о таком жанровом компоненте, как заголовок (структурный элемент новостей), элементы которого выполняют специфическую функцию в зависимости от иллюкутивного намерения создателя текста. Так как для анализа нами привлечены новости, размещенные на интернет-аналогах печатных изданий или непосредственно на новостных интернет-порталах, то следует обратить внимание на характерную особенность интернет-новостей, которая заключается в том, что «ни один сайт не размещает новость целиком» [Современный медиатекст 2014: 293]. «При открытии сайта читателю виден только заголовок и лид (подробно о лиде см. в п. 1.2. – *Н. К.*). Текст новости появляется при переходе по гиперссылке на страницу с полным текстом новости, а это происходит только в том случае, если заголовок и лид сумели эффективно выполнить свои функции – привлечь внимание, заинтересовать читателя» [Там же].

На наш взгляд, выделение информативной и воздействующей функции заголовка в качестве ведущих несколько упрощает характеристику данного элемента текста новостей как жанра межкультурного политического пространства. В последнем арсенал функций заголовка несколько расширяется, что, в свою очередь, определяет степень конфликтной/кооперативной направленности опубликованных материалов и оказываемого на целевую аудиторию прагматического эффекта. Мы предлагаем выделить следующие функции заголовков новостных материалов, релевантных для межкультурного политического пространства:

- 1) констатация фактов (чаще всего безоценочная);
- 2) информирование о мнении третьей стороны (или прямое цитирование) в связи с событиями, имевшими место в прошлом;
- 3) информирование о важнейших мировых политических событиях;

4) эмоциональное воздействие на адресата (оценка действительности);

5) приглашение целевой аудитории к размышлению (в том числе прогнозы);

6) упрек;

7) провоцирование адресата.

Приведем конкретные примеры реализации функций заголовков новостных материалов. Информационным поводом на этот раз стали два резонансных события, произошедшие в мировом политическом пространстве с разницей в три года: гибель ливийского президента Муаммара Каддафи и боевые действия на востоке Украины.

Констатация фактов (чаще всего безоценочная или со слабо выраженной оценочностью)

ПНС подтверждает информацию о ликвидации Каддафи (20 октября 2011 года, ИТАР-ТАСС). Мировые СМИ – Муаммар Каддафи погиб (20 октября 2011 года, Накануне.RU). Еще один боеприпас прилетел в Ростовскую область с территории Украины (15 августа 2014 года, РИА Новости). Черный дым валит из жилого дома после обстрела Донецка (14 августа 2014 года, РИА Новости). Донецк приходит в себя после обстрелов (6 августа 2014 года, Русская служба Би-би-си).

Информирование о мнении третьей стороны (или прямое цитирование) в связи с событиями, имевшими место в прошлом

Партизанская война в Ливии возможна и без участия Каддафи, предупреждает Маргелов (20 октября 2011 года, ИТАР-ТАСС). Президент Венесуэлы считает, что Муамара Каддафи будут вспоминать как мученика (20 октября 2011 года, ИТАР-ТАСС). Жириновский уверен – Западу нужен мертвый Каддафи, чтобы захватить и колонизировать Ливию (21 октября 2011 года, Накануне.RU). Обама прокомментировал высказывания Путина по Украине (4 марта 2014 года, РИА Новости). Госдепартамент ответил на замечание Путина о том, что чужие письма читать некрасиво (12 апреля 2014 года, ИТАР-ТАСС). Представитель НАТО: позиции альянса и России по Украине расходятся фундаментальным образом (2 июня 2014 года, ИТАР-ТАСС). ООН: правительство Украины должно отвечать за защиту мирных жителей (14 августа 2014 года, РИА Новости).

Информирование о важнейших мировых политических событиях

Президент США заявил, что ливийский лидер Муаммар Каддафи потерял право возглавлять страну и должен уйти (3 марта 2011 года, Эхо Москвы). *Обама заявил, что дни Каддафи сочтены* (22 августа 2011 года, Сегодня.ua). *Заявление ПНС Ливии о захвате и смерти Муамара Каддафи* (25 октября 2010 года, РИА Новости). *Обама заявляет о неприемлемости крымского референдума* (13 марта 2014 года, Интерфакс). *Обама заявил об успешной международной изоляции России* (28 мая 2014 года, Интерфакс). *Генсек НАТО заявил о готовности России «перечертить границы Европы»* (30 мая 2014 года, Интерфакс). *Лидер сепаратистов Бородай заявил об отставке* (8 августа 2014 года, Русская служба Би-би-си).

Эмоциональное воздействие на адресата (оценка действительности)

Россия и Запад жестко поспорили из-за Украины в Мюнхене (1 февраля 2014 года, Русская служба Би-би-си). *Украинский конфликт: телевизионная война слов* (11 августа 2014 года, Русская служба Би-би-си). *Киев выкинул номер* (14 августа 2014 года, Российская газета).

Приглашение целевой аудитории к размышлению (в том числе прогнозы)

Ждет ли наследников Каддафи судьба их отца? (25 марта 2013 года, Правда.RU). *Хотели русские войны?* (1 марта 2014 года, Газета.RU) *Как еще Кремль может ответить на санкции Запада?* (14 августа 2014 года, Русская служба Би-би-си). *Сколько продлится война на Украине?* (8 августа 2014 года, Правда.RU). *«ДНР»: лидеры приходят и уходят. Что остается?* (8 августа 2014 года, Русская служба Би-би-си).

Упрек

Дэвид Кэмерон упрекнул обозвавшего Путина депутата (7 сентября 2013 года, news.rambler.ru). *Польский министр упрекнул Associated Press в преувеличении* (28 октября 2014 года, Газета.RU). *Луценко упрекнул Яценюка в нежелании провести реформы на Украине* (30 ноября 2014 года, Газета.RU).

Провоцирование адресата

США подозревают Россию в разработке запрещенной ракеты (30 января 2014 года, Интерфакс). *Кандидат в президенты Украины: новые власти нанимают боевиков для разгона митингующих*

(11 апреля 2014 года, ИТАР-ТАСС). *И. о. президента Украины: Москва не идет на контакт* (12 марта 2014 года, Русская служба Би-би-си).

Таким образом, для кооперативного дискурса релевантными являются заголовки с прагматическим потенциалом информирования, безоценочной констатации фактов, приглашения целевой аудитории к размышлению. В том случае, когда дается неблагоприятный прогноз в отношении мирового политического развития, происходит эмоциональное воздействие на целевую аудиторию, содержится упрек или провоцирование, вполне правомерно говорить о функционировании подобных заголовков в рамках кооперативного дискурса.

3. Стратегии и тактики

Разнообразие информационного содержания новостных жанров определяет наличие широкого спектра речевых стратегий и тактик, изучение которых созвучно приоритетному направлению исследования конфликтных и кооперативных форм интеракции (прагмалингвистического анализа). Нашей целью является выявление набора стратегий и тактик, релевантных для функционирования исследуемой категории (новостные жанры) в межкультурном политическом пространстве. Исходя из того, что новостные жанры обладают большим конфликтотенциалом, основной стратегий в проанализированном материале можно считать фронтационную, а способами реализации этой стратегии тактики с отрицательно-оценочным прагматическим потенциалом – обвинение, угрозу, оскорбление, критику, осуждение, упрек. Анализ речевого материала показывает, что номенклатура речевых тактик в новостных жанрах может быть дополнена списком побудительных тактик: призыв, требование, просьба, предупреждение (подробнее о правомерности отнесения данных тактик к побудительным – непосредственно при их характеристике), предложение, рекомендация.

Предложим характеристику каждой из выделенных речевых тактик при их функционировании в новостных жанрах на межкультурном политическом уровне.

1. Тактика обвинения

Тактика обвинения является одной из тактик дискредитации, репрезентирующих речевую агрессию. Конфликтотенциальный коммуникативно-прагматический потенциал тактики обвинения усили-

вается при ее функционировании в межкультурном политическом пространстве. В данном случае мы наблюдаем действие механизма создания образа «МЫ-группы» через очернение противника [Иссерс 2006: 160], что предполагает расхождение во взглядах и ценностных ориентирах политических оппонентов. В межкультурном политическом пространстве происходит трансформации коммуникативной цели тактики обвинения. Так, по утверждению Т. В. Дубровской, «обвинение предполагает наличие у субъекта и объекта единой ценностной шкалы», а осуждение «допускает различие ценностных ориентиров» [Дубровская 2014: 96]. Анализ речевого материала показывает, что коммуникативная интенция тактики обвинения, использованной в межкультурном политическом пространстве, меняется на противоположную.

Тактика обвинения используется в новостных жанрах (сообщения о том, что одна сторона приписывает вину другой).

*Накануне **Турция обвинила Европу** в разжигании гражданской войны на Украине и провокациях против России. «Вы помешались на коммунизме. Россия цивилизованная страна со своими законами», – заявил представитель МИД Турции в Европейском союзе и главный переговорщик Мевлют Чавушоглу (24 февраля 2014 года, электронный ресурс: <http://www.nakanune.ru/news/2014/2/24/22342381/>).*

***Служба безопасности Украины обвинила сотрудников российской ФСБ** в причастности к убийствам людей на Майдане Незалежности. С обвинениями, как передает УНИАН, выступил на пресс-конференции глава СБУ Валентин Наливайченко (3 апреля 2014 года, электронный ресурс: <http://lenta.ru/news/2014/04/03/blame/>).*

***Украинский журналист Виталий Седюк прервал прямое включение Санкт-Петербургского Пятого канала с площади Независимости в Киеве и обвинил во лжи российское телевидение.** Видео под названием «Нелегкие будни журналистов Пятого канала» было опубликовано в аккаунте телекомпании в Facebook (3 декабря 2013 года, электронный ресурс: <http://lenta.ru/news/2013/12/03/sedyk/>).*

В новостных материалах, авторы которых используют тактику обвинения, могут применяться не только существительные с семан-

тикой *обвинение*, но и другие части речи с отрицательным оценочным значением. При этом следует отметить, что стремление приписать вину политическому оппоненту, выставить его в неприглядном свете не всегда эксплицировано на лексическом уровне, а выводится из стилистики и риторики того или иного жанра.

Россия поставляет ополченцам на юго-востоке Украины танки и установки залпового огня «Град», заявили в госдепартаменте США. Об этом сообщает The New York Times (14 июня 2014 года, <http://www.interfax.ru/world/380876>).

США обеспокоены насилием на юго-востоке Украины, где пророссийские митингующие в субботу захватили ряд административных зданий в нескольких городах Донецкой области. Об этом у себя в твиттере написала пресс-секретарь Госдепартамента США Джен Псаки. «Вызывает беспокойство насилие в Восточной Украине. Мы вновь опасаемся, что за этим стоит Россия», – написала Псаки в микроблоге. Ранее сообщалось, что Киев также рассматривает события на востоке Украины как проявление агрессии России (12 апреля 2014 года, электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/04/12/n_6079149.shtml).

Лидер ливанского движения «Хезболла» шейх Хасан Насралла заявил во вторник о том, что Саудовская Аравия причастна к совершению двойного теракта у иранского посольства в Бейруте, в результате которого погибли 25 человек, сообщает агентство Франс-Пресс со ссылкой на ливанские СМИ (4 декабря 2013 года, электронный ресурс: <http://ria.ru/world/20131204/981729572.html>).

В отношении российских дипломатов, обвиненных в мошенничестве с американскими страховками, наряду с Венской конвенцией была нарушена банковская тайна. Об этом в интервью радиостанции «Голос России» заявил замминистра иностранных дел РФ Сергей Рябков (25 декабря 2013 года, электронный ресурс: <http://lenta.ru/news/2013/12/25/diplomats/>).

Прибывший в Киев экс-президент Грузии Михаил Саакашвили назвал ситуацию на Украине «политическим рейдерским захватом путинской Россией суверенного государства в центре Европы», передает УНИАН (16 декабря 2013 года, электронный ресурс:

<http://informing.ru/2013/12/16/saakashvili-nazval-ukrainu-samoletom-a-putina-terroristom-zahvativshim-ego.html>).

Как видно из приведенных контекстов, тактика обвинения используется в новостных материалах с дифференцированной национально-политической направленностью (наблюдается разница в пресуппозициях, менталитете, аксиологических установках политических субъектов). В случае принадлежности участников процесса политической коммуникации к одной национальной культуре чаще всего используется речевая тактика осуждения: Кэмерон осудил брань британского депутата в адрес Путина (7 сентября 2013 года, РИА Новости). Тактика обвинения и тактика осуждения обладают конфронтационным прагматическим потенциалом, так как ориентированы на субъективную оценку действительности в соответствии с индивидуальной точкой зрения, а следовательно, могут быть соотнесены с конфликтным дискурсом.

2. Тактика призыва

Второй по частотности тактикой, используемой в новостном корпусе межкультурного политического пространства, является тактика призыва. Последняя – это разновидность агитационной тактики, что позволяет нам соотносить данный способ речевого воздействия и с эскалацией конфликта, и с его улаживанием, а также с предотвращением конфликтного поведения. Новости как жанр СМИ призваны в первую очередь отражать геополитическую ситуацию в мире, которая по большей части связана с конфликтом субъектов мирового политического пространства (сфера интересов). При совпадении ценностных ориентиров политических акторов тактика призыва используется для решения возникших проблем, создания толерантного отношения к политическим соперникам и противникам, совершению действий в соответствии с действующим международным правом.

Глава министерства обороны США Чак Хейгел призвал военное руководство Таиланда провести в стране свободные выборы в ближайшее время, а также освободить задержанных, передает в субботу агентство Франс-Пресс. Ранее командующий сухопутными войсками Таиланда генерал Прают Чан-Оча, возглавивший военное правительство после переворота, заявил, что реформы в стране займут около года и только после их завершения пройдут выборы.

*«Мы призываем вооруженные силы Таиланда освободить задержанных, снять ограничения на свободу выражения и без промедления **восстановить** власть народа с помощью свободных и справедливых выборов», – заявил Хейгел (31 мая 2014 года, электронный ресурс: <http://ria.ru/world/20140531/1010095514.html>).*

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун обеспокоен ситуацией на востоке Украины и призывает все стороны к сдержанности, говорится в распространенном в пятницу заявлении официального представителя всемирной организации. «Эскалация насилия и сообщения о дальнейших жертвах в городе Славянск сегодня – это яркое напоминание о том, насколько опасной стала ситуация», – говорится в заявлении. Пан Ги Мун, как подчеркнул его представитель, «призывает все стороны проявлять максимум сдержанности и выражать недовольство мирным путем, чтобы избежать дальнейшего кровопролития» (2 мая 2014 года, электронный ресурс: <http://www.versii.com/news/302772/>).

*Замдиректора департамента информации и печати МИД России Мария Захарова призвала западных журналистов объективно освещать события на Украине, в том числе трагедию в Одессе, и не следовать за пропагандой, обвиняющей во всем Россию. «Я прошу вас с ответственностью подойти к изучению ситуации на Украине. В особенности это касается сегодняшнего кошмара в Одессе. Попытайтесь быть объективными. <...> **Не слушайте** пропаганду, которая обвиняет во всем Россию. Откройте глаза», – говорится в ее сообщении на личной странице в Facebook, обращенном, как указывается, к «друзьям и коллегам в западных СМИ», таких как «Рейтер, CNN, BBC, Bloomberg, The New York Times, The Guardian, AP» (3 мая 2014 года, электронный ресурс: <http://ria.ru/world/20140503/1006351949.html>).*

Бывший президент Йемена Али Абдалла Салех, потерявший власть после народного восстания, которое началось в Йемене в феврале 2011 года, в среду призвал народ страны к примирению и созиданию, чтобы успешно преодолеть переходный период и построить демократическое стабильное и безопасное государство, сообщает спутниковый телеканал Sky News

(27 февраля 2013 года, электронный ресурс: http://ria.ru/arab_уе/20130227/924867261.html).

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал избранного президента Украины Петра Порошенко использовать мирные средства для решения проблем с регионами и инициировать диалог с Россией, заявил в понедельник официальный представитель всемирной организации Стефан Дужаррик (2 июня 2014 года, электронный ресурс: <http://ria.ru/world/20140602/1010396026.html>).

Справедливости ради необходимо отметить тот факт, что релевантными для новостных жанров речевыми способами репрезентации апеллятивной функции текстов являются, например, модальные глаголы, являющиеся периферийными средствами реализации категории апеллятивности, что обусловлено спецификой межкультурного политического общения.

России должна быть предъявлена цена за нарушение суверенитета Украины и нарушение минских договоренностей, заявил вице-президент США Джозеф Байден во вторник на встрече с премьер-министром Чехии Богуславом Сobotкой.

Как уточнили в пресс-службе Белого дома, Байден поблагодарил Сobotку за тот вклад, который приносит Чехия в дело поддержания безопасности в Ираке и Афганистане. Они также затронули вопрос об усилении возможностей НАТО реагировать на неожиданные вызовы, передает ТАСС.

«Вице-президент подчеркнул необходимость предъявить России цену за то, что она продолжает нарушать суверенитет Украины, ее территориальную целостность, а также проявляет вопиющее пренебрежение своими обязательствами, взятыми на себя по Минскому соглашению от 5 сентября», – сказали в Белом доме (19 ноября 2014 года, электронный ресурс: <http://www.vz.ru/news/2014/11/19/715953.html>).

По словам Канерва (председатель Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. – Н. К.), ключевые обязательства ОБСЕ были попораны во время конфликта в Украине тем, что была нарушена территориальная целостность одной из стран – членов организации. Он призвал все стороны кон-

фликта соблюдать режим прекращения огня и полностью соблюдать все положения Минского протокола и меморандума.

«Мяч, очевидно, на стороне России, – заявил Илкка Канерва. – Чтобы продвигаться вперед к мирному разрешению этого кризиса, **Россия должна вывести все войска и вооружение с территории Украины и от ее границ, а также прекратить поддержку сепаратистов**».

Россия неоднократно отрицала факт присутствия своих войск на территории Украины, а также поддержку сепаратистов на востоке страны.

Канерва также напомнил одно из ключевых положений Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, который наделяет все страны правом решать, вступать или нет в те или иные международные организации, договоры или союзы.

Следовательно, отметил он, только Украина может решать, намерена ли она быть членом НАТО (24 ноября 2014 года, электронный ресурс: <http://news.bigmir.net/ukraine/860927-Glava-PA-OBSE-Rossiya-doljna-vivesti-voiska-s-Ukraini>).

Еще одним периферийным способом реализации апеллятивности в новостных материалах является сослагательное наклонение.

Мэр Киева Виталий Кличко дал интервью газете *Bild am Sonntag*, в котором высказался за ужесточение санкций против России и остро раскритиковал бизнес-элиту ФРГ. «Я не могу поверить, что для некоторых экономических руководителей в Германии деньги, по-видимому, важнее человеческих жизней», – приводит слова Кличко агентство AFP в воскресенье, 30 ноября.

По мнению Кличко, «это российское правительство аннексировало Крым и затем послало тысячи солдат в восточную Украину», и те в Германии, кто ставит под вопрос санкции против России, выказывают свое равнодушие в отношении жертв на Украине. «**Нам были бы нужны еще более жесткие санкции**», – сказал Кличко (30 ноября 2014 года, электронный ресурс: <http://www.dw.de>).

Однако тактика призыва может использоваться для выражения деструктивного волеизъявления адресанта и побуждения адресата

к поступкам, дестабилизирующим сложившиеся отношения и установившееся положение.

Глава МИД Великобритании Уильям Хейг призвал власти этой страны и государств-союзников исключить Россию из некоторых международных организаций. В статье, опубликованной в субботу на сайте газеты *Telegraph*, Хейг заявил о том, что после присоединения к РФ Крыма Великобритания и ее союзники должны строить с Россией «новое партнерство». «Оно должно предполагать исключение России из некоторых международных организаций, наложение долгосрочных ограничений на военное сотрудничество и продажу вооружений и ограничение влияния (РФ) в остальной Европе», – написал британский министр (25 марта 2014 года, электронный ресурс: <http://ria.ru/world/20140323/1000688440.html>).

Президент США Барак Обама в телефонном разговоре с российским лидером Владимиром Путиным обвинил Москву в поддержке сторонников федерализации на юго-востоке Украины. Об этом во вторник, 15 апреля, сообщает *Agence France-Presse*. «Президент подчеркнул, что все нерегулярные силы в стране должны сложить оружие», – говорится в сообщении пресс-службы Белого дома. **Американский лидер также призвал Путина «использовать свое влияние» для того, чтобы убедить пророссийских активистов сдать захваченные ими здания** (15 апреля 2014 года, электронный ресурс: <http://lenta.ru/news/2014/04/15/putinobama/>).

Как и тактика обвинения, призыв может быть выражен имплицитно через суггестивные речевые акты (*предлагать, считать необходимым*):

Украинская националистическая партия «Свобода» предлагает Верховной раде принять решение о закрытии украино-российской границы и ведении визового режима между странами, заявил в понедельник лидер партии Олег Тягнибок. По его мнению, это будет способствовать успешному завершению спецоперации на востоке страны (2 июня 2014 года, электронный ресурс: <http://ria.ru/world/20140602/1010332117.html>).

Генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен считает необходимым вернуть Крым Украине. «Мы по-прежнему рассматриваем

Крым как часть Украины. Мы призываем Россию вернуть Крым Украине», – сказал он журналистам перед открытием в Брюсселе двухдневного заседания министров обороны 28 стран – членов НАТО (3 июня 2014 года, электронный ресурс: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama>).

3. Тактика угрозы

Угроза представляет собой способ речевого воздействия, реализующий агрессивный потенциал (в нашем случае – при функционировании в рамках конфликтного дискурса). Принимая во внимание триаду, согласно которой конфликт является источником речевой агрессии, порождающей коммуникативный конфликт, угроза может инициировать речевую агрессию, быть ответной (логической или эмоциональной) реакцией на вербальную агрессию. Угроза как начало речевой агрессии имеет место в том случае, когда адресант желает добиться конечного результата через возбуждение страха. Н. В. Хохлова отмечает, что такое поведение может объясняться природной агрессивностью человека или исключительностью ситуации, в которой угроза представляется говорящему единственным эффективным способом достижения цели [Хохлова 2004: 75]. В. О. Мулькеева все случаи эксплицитного выражения угрозы разделяет на следующие группы: 1) угрозы с объявлением абстрактных последствий, не уточняющих их характер и серьезность опасности для адресата; 2) угрозы с обещанием применить физическую силу; 3) угрозы с использованием оскорбления; 4) угрозы с обещанием информировать третье лицо о каких-либо действиях адресата [Мулькеева 2005: 112].

Не вызывает сомнения тот факт, что не все из перечисленных выше способов выражения угрозы как инструмента речевого воздействия имеют место в средствах массовой информации как в сфере реализации конфликтного дискурса. Использование данного способа речевого воздействия в СМИ зависит, по нашему мнению, от следующих условий: 1) уровень (или то, что в английской терминологии, называется «качество») издания, в котором работает журналист; 2) степень культуры и образованности самого журналиста, которая, несомненно, накладывает отпечаток на использование работником редакции тех или иных коммуникативных стратегий и тактик; 3) правовая ответственность, которая может стать следстви-

ем некорректного использования тех или иных лексических единиц при оценке действий определенных политических партий, группировок, государственных деятелей и т. д.

Предложим характеристику некоторых случаев экспликации тактики угрозы, релевантных и для новостных материалов:

- угроза с объявлением абстрактных последствий:

***Президент России Владимир Путин** заявил, что Киев, требуя дополнительные скидки по газу, сознательно заводит ситуацию в тупик, и **пригрозил перейти в «другую стадию» отношений с Украиной**. В то же время Путин отметил, что украинским партнерам не стоит опасаться, что предложенная скидка с контрактной цены в 100 долларов может быть легко отменена. «Я просил бы правительство, председателя правительства, подумать о том, как можно было бы на уровне правительства либо по договоренности с правительством Украины зафиксировать эти условия и сделать их абсолютно надежными и не меняющимися на протяжении определенного времени», – предложил Путин (11 июня 2014 года, электронный ресурс: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2014/06/140611_rn_putin_gas_ukraine).*

- угроза с обещанием применить конкретные меры политического или экономического характера, которые будут иметь определенные последствия для какой-то страны или всего мирового сообщества:

***Британский премьер-министр Дэвид Кэмерон пригрозил своим партнерам в Европейском Совете выходом Великобритании из Евросоюза** в случае, если Европейскую комиссию возглавит бывший глава правительства Люксембурга Жан-Клод Юнкер, утверждает в своем последнем издании немецкий еженедельник *Spiegel* (1 июня 2014 года, электронный ресурс: <http://www.interfax.ru/world/379010>).*

***Кандидат в президенты Украины, лидер партии «Батькивщина» Юлия Тимошенко грозит введением экономических санкций против России**. На официальном сайте политика говорится, что Украине необходимо проведение новой экономической политики, в результате которой страна сможет избавиться от зависимости от России. «Наш путь очень простой – буквально за несколько лет отказаться от потребления российского газа за счет реверса, за*

счет увеличения добычи своего газа, за счет разработки месторождений сланцевого газа», – отметила экс-премьер. Кроме того, Тимошенко не исключает возможности доставки на Украину сжиженного газа. «То есть наша цель – прекратить потреблять российский газ. Это будет нашим участием в финансово-экономических санкциях в отношении России, которые применяет мир», – подытожила Тимошенко (12 апреля 2014 года, электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/business/news/2014/04/12/n_6079141.shtml)

- угроза с обещанием применить физическую силу:

Украинские снайперы пригрозили расправой российским журналистам, сообщают представители съемочной группы телеканала Lifenews. Журналисты попытались снять вблизи колонну украинских военных, которые двигались по направлению к городу Изюму. Представитель телеканала рассказал, что в 50 километрах от Славянска, на станции Баравенково, из поезда выгрузили около 40 БМП-1. Из него также вышли около 1500 солдат. «Мы попытались подойти к ним, там были снайперы. Они сказали нам, что если мы приблизимся к ним еще хоть на шаг, то по нам откроют огонь. Колонна двинулась в сторону Изюма», – рассказал представитель съемочной группы. Как ранее сообщило МВД Украины, в районе Изюм-Славянск заступил на боевое дежурство резервный батальон Нацгвардии Украины. В свою очередь, и. о. президента страны Александр Турчинов заявил о начале антитеррористической операции на востоке Украины (14 апреля 2014 года, электронный ресурс: <http://www.bfm.ru/news/254460?doctype=news>).

Аналогично предыдущим тактикам обвинения и призыва тактика угрозы может выражаться имплицитно. Сообщение о возможных негативных последствиях само по себе содержит намек на угрозу, эксплицируемый прогностическими высказываниями:

Россия рискует потерять место в «большой восьмерке» в случае отказа изменить позицию по Крыму, заявил в воскресенье госсекретарь США Джон Керри. «Россия может лишиться саммита «группы восьми» в Сочи. Если ситуация не изменится, не исключено, что эта страна даже будет исключена из G8», – сказал он в интервью американскому телеканалу NBC. По словам Керри, руководство России может столкнуться с «замораживанием ак-

тивов российских предпринимателей, уходом американского бизнеса с российского рынка, может произойти дальнейшее падение рубля». «Придется заплатить огромную цену. Соединенные Штаты едины, Россия в изоляции. Это не позиция силы», – подчеркнул госсекретарь США. «Если Россия хочет быть страной G8, она должна вести себя как таковая, – заявил госсекретарь. – G8 плюс некоторые другие страны, все они в полной мере готовы подвергнуть Россию изоляции за это вторжение». «Они готовы ввести санкции, они готовы изолировать Россию экономически, а рубль уже падает», – сказал Керри. В целом он охарактеризовал недавние действия России как «неслыханный акт агрессии» (2 марта 2014 года, электронный ресурс: <http://www.interfax.ru/world/362164>).

4. Тактики предупреждения и требования

Угроза как способ речевого воздействия пересекается и сближается с иными речевыми актами, несущими в себе агрессивный потенциал. К подобным речевым актам относятся предупреждение и требование. Как показывает анализ языкового материала, в современных средствах массовой информации наиболее часто используется предупреждение как способ речевого воздействия. Предупреждение, на наш взгляд, также может обладать некоторым агрессивным потенциалом, так как, по мнению Н. В. Хохловой, существуют две разновидности данного речевого акта: этикетная и конфликтная. Семантические различия между двумя видами предупреждения автор видит в следующем: эмоциональное состояние автора этикетного предупреждения характеризуется нейтральностью; для автора конфликтного предупреждения первостепенным является карательное действие [Хохлова 2004: 111]. Не вызывает сомнения тот факт, что современные политики не эксплицируют свои намерения наказать своих оппонентов за недостойное поведение на политической арене, однако предупреждение о возможных негативных последствиях для несогласных с проводимым тем или иным государством курсом может включать деструктивное и агрессивное содержание.

Президент США Барак Обама предупредил, что Москве придется заплатить высокую цену в случае военного вторжения на Украину. Это заявление появилось в связи с обострившейся ситуацией в Крыму, где неизвестные вооруженные люди взяли под

свой контроль административные здания и два аэропорта. На них нет опознавательных знаков, однако новые украинские власти заявляют, что это российские военные. «Любое нарушение суверенитета Украины будет глубоко дестабилизирующим, что не соответствует интересам ни Украины, ни России, ни Европы», – заявил Обама (1 марта 2014 года, электронный ресурс: <http://news.rambler.ru/23877289/>).

Тактика предупреждения может быть не вербализована лексически, а реализована на синтаксическом уровне – в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия: *если противоположная сторона не выполнит такие-то действия (или будет придерживаться определенного курса), то будут определенные негативные последствия.*

*Президент США Барак Обама заявил, что Россия будет ощущать последствия после любой попытки дестабилизировать ситуацию на Украине. Об этом он заявил в эфире телеканала CBS, передает «Газета.ги». По его словам, «абсолютно очевидно», что Россия нарушила суверенитет и территориальную целостность Украины путем присоединения Крыма, и они продолжают делать это, оказывая поддержку сторонникам федерализации на востоке Украины. **«Каждый раз, когда Россия предпримет шаги по дестабилизации ситуации на Украине и нарушению ее суверенитета, то она столкнется с последствиями»,** – сказал Обама. Президент США подчеркнул готовность разрешения данной ситуации дипломатическим путем. «Россия не заинтересована в военной конфронтации с нами, и мы не нуждаемся в войне. Мы делаем все возможное, чтобы такие страны, как Украина, имели спокойные отношения со своими географическими соседями», – отметил Обама (17 апреля 2014 года, электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/04/17/n_6089001.shtml).*

Президент США Барак Обама заявил, что Москве грозят новые санкции, если она продолжит покушаться на украинский суверенитет. По его словам, США и их европейские партнеры готовы ввести меры, которые нанесут ущерб целым секторам российской экономики, даже если повредят этим себе. Обама призвал международное сообщество поддержать Украину политически

и экономически и заявил, что российская аннексия Крыма не является свершившимся фактом. По мнению американского президента, политика Москвы – это действия региональной державы, показывающей свою слабость (25 марта 2014 года, электронный ресурс: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2014/03/140325_rn_obama_ukraine_russia.shtml).

Тактика требования, как указывает Д. Л. Шалацкий, «является достаточно распространенным способом коррекции поведения адресата» [Шалацкий 2014: 209]. Требования, выдвигаемые одной стороной, чаще всего касаются прогнозируемых событий. Адресант в данном случае призывает адресата изменить свое поведение и выполнить определенные предписания. В случае невыполнения этих обращений возникают негативные последствия (последнее – это обоснование, подкрепляющее тактику требования).

*Международный Комитет защиты журналистов (КЗЖ) выразил обеспокоенность в связи с сообщениями о том, что украинские пограничники отказали во въезде ряду российских репортеров. Соответствующее заявление размещено на сайте базирующегося в Нью-Йорке КЗЖ. **Организация потребовала от новых властей в Киеве уважать свободу СМИ и предоставить возможность въезда на Украину всем репортерам.** «Мы призываем власти Украины обеспечить, чтобы все журналисты, как иностранные, так и украинские, имели возможность сообщать о разворачивающихся на Украине событиях свободно и беспрепятственно», – заявила координатор европейских и центральноазиатских программ КЗЖ Нина Огнянова (Nina Ognianova). По ее словам, властям демократических государств не подобает «запрещать журналистам работать из-за их гражданства». **«Ограничение доступа СМИ лишь укрепит подозрения и непонимание»,** – сказала Огнянова (10 апреля 2014 года, электронный ресурс: <http://lenta.ru/news/2014/04/10/smi>).*

Делегация сирийского правительства отказалась вести прямые переговоры с Национальной коалицией оппозиционных и революционных сил /НКОРС/ после выступления госсекретаря США Джона Керри на открытии конференции в Монтре /22 января/. Об этом заявил сегодня представителям сирийских СМИ на борту самолета, возвращавшегося из Женевы, министр иностранных дел республи-

ки Валид Муаллем, который возглавлял правительственную делегацию. «США потребовали от нас вступления в прямые переговоры с НКОРС, но мы сказали, что не сделаем этого, пока Керри не извинится за слова, которые он произнес в своей речи в Монтре», – сообщил глава сирийского МИД. Госсекретарь США нелестно отозвался о президенте САР Башаре Асаде. Он утверждал, что после совершенных им жестокостей против собственного народа сирийский лидер якобы не может играть никакой роли в будущем Сирии. Муаллем полностью исключил возможность передачи части полномочий президента Асада переходному органу власти или правительству, на чем настаивает оппозиция. Такой шаг, по его словам, «будет противоречить Конституции, которую одобрил на референдуме сирийский народ» (1 февраля 2014 года, электронный ресурс: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/931828>).

5. Тактика оскорбления

Следующей наиболее часто употребляемой тактикой в межкультурном политическом пространстве является тактика оскорбления. В. Г. Кусов определяет оскорбление как иллокутивный речевой акт, результатом которого является вынесение оценки о моральном поведении или даже проступке адресата. При оскорблении происходит понижение социального статуса адресата путем морального воздействия на его интеллектуальную деятельность. Оскорбление может реализовываться через следующие речевые акты: 1) совет; 2) угроза; 3) шантаж; 4) хамство; 5) недоверие [Кусов 2004: 29].

По нашим наблюдениям, в современных новостных материалах при реализации оскорбления как способа речевого воздействия данная тактика с агрессивным прагматическим потенциалом может реализовываться как: 1) проявление враждебности против государства; 2) выражение обиды на какое-то действие, совершенное оппонентом (третьим лицом); 3) описание самого поступка, направленного на понижение социального статуса оппонента; 4) неудовлетворенность существующим положением дел; 5) оценка чьих-либо действий (констатация факта) как оскорбительных.

Вероятнее всего, оскорбление, то есть совершение поступка с целью понижения социального статуса оппонента (или третьего лица) в современных средствах массовой информации проявляется уже в самом факте описания или характеристики действий оскорбляемого

как неадекватных, не соответствующих общепринятым нормам, противоречащих мировым стандартам. Вербализация оскорбления связана с особым набором языковых средств деструктивного характера.

Президент Белоруссии Александр Лукашенко назвал санкции Запада в отношении России «полным бредом» и «болтовней». «Еще не родился тот урод на земле, который бы не понимал, что такое Россия, и что такое санкции, и чем они обернутся», – заявил Лукашенко, встречаясь в пятницу в Минске с губернатором Калужской области Анатолием Артамоновым. «И вообще, не переживайте. Санкции и прочее – все это полный бред и чепуха, это болтовня. Запад сегодня ни на что не способен, и мы должны исходить из этого», – сказал Лукашенко. При этом он напомнил, что Белоруссия уже два десятилетия под санкциями Запада. Он убежден, что санкции должны обернуться пользой для России. «Мы будем заниматься внутренними проблемами и решать свои вопросы. Они (санкции) нам помогут укрепиться внутренне, чтобы мы были потом просто незыблемыми. <...> Они собирают вокруг проблем, которые есть внутри той или иной страны, всю нацию, весь народ», – сказал Лукашенко. Он призвал объединиться и работать вместе. «Чтобы нас потом не упрекнули в том, что мы не воспользовались этим благоприятным моментом санкций», – пояснил президент (4 апреля 2014 года, электронный ресурс: <http://ria.ru/politics/20140404/1002519404>).

Особый набор языковых средств, репрезентирующих оскорбление в межкультурном политическом пространстве, манифестирует враждебное отношение к другому государству или человеку. Перечислим некоторые из них:

а) ярлыки:

Президент США Барак Обама заявил, что Северная Корея является слабым «государством-изгоем», передает Agence France-Presse. «Наращивание Пхеньяном ядерного вооружения ведет лишь к большей изоляции», – сказал Обама. По его словам, союз США и Южной Кореи на данный момент «сильнее, чем когда-либо». «Мы не стесняемся использовать нашу военную мощь для защиты наших союзников и нашего образа жизни», – подчеркнул Обама. Ранее Обама предостерег власти Северной Кореи от проведения ядерных испытаний. Он подчеркнул, что такой шаг со стороны КНДР вы-

зовет однозначную реакцию со стороны мирового сообщества (26 апреля 2014 года, электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/04/26/n_6111225.shtml).

б) риторические негативно-оценочные определения:

Сенатор-республиканец Джон Маккейн в интервью CNN призвал власти США к фундаментальной переоценке отношений с Россией. «Больше никаких перезагрузок. Мы больше не будем просить Путина вести более гибкую политику – надо относиться к нему такому, какой он есть», – подчеркнул сенатор. При этом Маккейн уточнил, что пересмотр отношений необязательно приведет к новой «холодной войне». Кроме того, сенатор призвал США нанести удар по российскому экспорту нефти в ответ на действия в Крыму. «Россия – это автозаправка, маскирующаяся под страну. Это клептократия, это коррупция. Это нация, которая в действительности зависит только от нефти и газа», – уверен сенатор. Маккейн вновь заявил о необходимости предложить Украине программу военной помощи, а также развернуть системы противоракетной обороны в Польше и Чешской Республике. Ранее Маккейн заявил о возможности начать поставки оружия в любой момент, если это будет санкционировано президентом США Бараком Обамой (16 марта 2014 года, электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/03/16/n_6016521.shtml).

в) риторические сравнения:

Михаил Саакашвили, бывший президент Грузии, сравнил Украину с самолетом, который захватил террорист Путин. «Ситуация в Украине напоминает мне большой самолет, пассажирам которого объявили, что они вот-вот приземлятся в безопасном аэропорту, но за несколько минут до посадки на экипаж нападает террорист и требует изменить направление движения», – поделился мыслями бывший глава Грузии. При этом Саакашвили уточнил, что «террорист – это Путин», а «пассажирам нужно дать ему отпор». По словам экс-президента, Евромайдан – это успешная попытка не дать Путину «изменить направление большого и красивого самолета». Ранее сообщалось, что Михаил Саакашвили прибыл в Киев с официальным визитом и выступил перед евромайдановцами. Бывший президент Грузии поддержал украин-

цев и пожелал им удачи и терпения (16 декабря 2013 года, электронный ресурс: <http://informing.ru/2013/12/16/saakashvili-nazval-ukrainu-samoletom-a-putina-terroristom-zahvativshim-ego.html>).

г) сопоставления с негативно оцениваемым объектом:

Британский националист Найджел Фарадж, прошедший на этих выборах в Европарламент, смог сказать все, что думает про Европейский союз, точнее, про его официального главу – бельгийца Хермана ван Ромпея. В четверг, после того как председатель Европейского совета выступил со своим первым докладом перед евродепутатами, слово взял Фарадж, представитель британских евроскептиков из Партии независимости Великобритании. Выступление евродепутата стало настоящим вызовом руководству ЕС и правилам приличия. «Нам говорили, что, когда у Евросоюза появится президент, это будет значительная личность, лидер планетарного масштаба, стоящий во главе 500 миллионов человек, а вместо этого мы получили вас. И после вот этого вашего выступления – мне не хочется быть грубым, но действительно у вас харизма мокрой половой тряпки и вид мелкого банковского служащего», – объявил евродепутат (26 февраля 2010 года, электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/politics/2010/02/26_kz_3330266.shtml).

д) ссылки на негативные оценки, данные ранее:

Исполняющий обязанности главы МИД Украины Андрей Дешица воспринимается в России как «отрезанный ломоть». «Глядя на него, вспоминается хорошее выражение: не умеешь петь, не пей», – сказал глава МИД России Сергей Лавров российским журналистам в понедельник в Белграде. До этого премьер-министр Дмитрий Медведев назвал неадекватным действия главы МИД Украины Андрея Дешицы у посольства России в Киеве, а его высказывания – «параноидальными». 14 июня Андрей Дешица приезжал к посольству России в Киеве, у которого бесчинствовали националисты. По сообщению ряда украинских СМИ, Дешица в выступлении перед погромщиками позволил себе нецензурные оскорбления в адрес президента Владимира Путина. В воскресенье в интервью радиостанции «Эхо Москвы» Дешица утверждал, что его эскапады в адрес российского руководства имели единственную цель – снизить напряженную ситуацию у здания посольства, которое, по

его утверждению, погромщики собирались поджечь (16 июня 2014 года, электронный ресурс: <http://www.interfax.ru/world/381154>).

Оскорбления могут быть связаны с упоминанием в новостях и о действиях политических оппонентов:

И. о. министра иностранных дел Украины Андрей Дешица во время встречи с активистами, напавшими на посольство РФ в Киеве, спел нецензурную песню о президенте России Владимире Путине, которая стала популярной среди украинских футбольных фанатов. Видеозапись с поющим главой МИД публикует «Громадське телебачення» (15 июня 2014 года, электронный ресурс: <http://lenta.ru/news/2014/06/15/deshiza/>).

Различные формы оскорбления как агрессивного речевого акта реализуются, как правило, в их совокупности и интенциональном единстве. Мы полагаем, что проявление враждебности против государства, обида на какое-то действие оппонента или третьего лица, неудовлетворенность существующим положением дел, оценка чьих-либо действий как оскорбительных настолько близки в плане репертуара средств их семантизации, что иногда очень сложно провести грань между той или иной формой оскорбительного речевого действия. В целом мы считаем, что новостные материалы, репрезентирующие в текстовой ткани оскорбление и функционирующие в межкультурном политическом пространстве, включают единые составляющие, а именно:

1) личность как субъект общения (пишущий, адресант), обладающий собственным национально-культурным наследием (фоном);

2) личность как объект общения (читатель; адресат) с присущими ему лингвокультурологическими характеристиками и пресуппозициями;

3) цели, содержание, типовые формы высказываний;

4) психосоциальный контекст (возраст, пол, национальная принадлежность партнеров по интеракции: наличие или отсутствие взаимной аттракции между собеседниками; социальный статус собеседников; индивидуально-типологические особенности личностей участников общения; стереотипы массового сознания и др.).

6. Тактика предложения, совета, просьбы

В отличие от тактики требования предложение, совет и просьба в межкультурном политическом пространстве не являются импера-

тивными высказываниями, так как они направлены на выражение кооперативной стратегии и реализуются через «мягкое апеллирование говорящего к желанию или возможности адресата выполнить предложенное действие, сомнение в возможности его осуществления, а также неуверенное выражение побуждения» [Ларина 2003: 128].

В ходе состоявшихся в конце минувшей недели переговоров главы МИД РФ Сергея Лаврова и госсекретаря США Джона Керри в Мюнхене американская сторона предложила создать дополнительный механизм урегулирования сирийского кризиса. Об этом газете «Коммерсант» рассказал российский дипломатический источник и подтвердил собеседник в Госдепе США (4 февраля 2014 года, электронный ресурс: <http://www.regnum.ru/news/1762390.html>).

Бывший президент Грузии Михаил Саакашвили заявил в интервью ТСН, что президенту Украины Петру Порошенко нельзя прекращать силовую операцию на востоке страны. В отношениях с Россией он советует украинскому лидеру держаться прочной позиции и не поддаваться на провокации. Только таким образом, считает Саакашвили, надо договариваться с Москвой. Он назвал Порошенко президентом военного времени, которому нужна поддержка (8 июня 2014 года, электронный ресурс: <http://lenta.ru/news/2014/06/08/saakashvili/>).

Вице-президент США Джо Байден поговорил с президентом Украины Виктором Януковичем по телефону и призвал его не вводить в стране режим ЧП. По словам американского политика, это может привести только к дальнейшему негативному развитию ситуации. Байден также попросил Януковича убрать милицию с улиц. «США осуждают использование насилия любой стороной <...> объявление режима чрезвычайного положения или введение других жестких мер безопасности приведет к дальнейшему нагнетанию ситуации и устраним возможности для мирного разрешения ситуации», – говорится в сообщении Белого дома, передает РИА Новости. В администрации президента США попросили немедленно снизить напряженность на Украине (28 января 2014 года, электронный ресурс: <http://rbcdaily.ru/world/562949990376272>).

При сочетании с иронией как деструктивной разновидностью юмора предложение и совет представляют собой тактики, наносящие угрозу лицу коммуниканта.

Вице-премьер России Дмитрий Rogozin предложил госсекретарю США Джону Керри провести переговоры с Веркой Сердючкой (Верка Сердючка – комедийный образ, созданный украинским артистом Андреем Данилко. – Н. К.) на полях Мюнхенской конференции. «В Мюнхене госсекретарь США Керри обсудит ситуацию на Украине с боксером Кличко и певицей Русланой. Цирк. Надо еще Верку Сердючку привлечь к переговорам. Ее/его авторитетное мнение должно быть услышано Белым домом и принято во внимание», – написал Rogozin в своем твиттере (31 января 2014 года, http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/01/31/n_5914469.shtml).

*Постпред России при ЕС Владимир Чижов в шутку посоветовал американскому сенатору Джону Маккейну «следить за Аляской» в ходе воскресной передачи «Шоу Эндрю Марра» на телеканале BBC One. Во время интервью, главной темой которого стала ситуация на Украине и присоединение Крыма к России, ведущий телепередачи Эндрю Марр упомянул слова сенатора Маккейна о том, что «Молдавия станет следующей (страной)», которая может войти в состав РФ. «Следите за Молдавией!» – процитировал сенатора ведущий. В ответ на замечание Марра Чижов ответил: «Скажите Маккейну – пусть следит за Аляской» и добавил, что «Аляска была частью России». **Ведущий заметил, что это очень «пугающая мысль», после чего Чижов уточнил, что это была шутка** (23 марта 2014 года, электронный ресурс: <http://ria.ru/world/20140323/1000705701.html>).*

Несмотря на тот факт, что тактики предложения, совета и просьбы носят импозитивный характер, их употребление в межкультурном политическом пространстве является вполне обоснованным, так как даже при определенном суверенитете и самостоятельности государств в решении стоящих перед ними задач союзники и противники имеют право координировать действия противоположной стороны, но не навязывая свое мнение и не вмешиваясь в чужие дела. С этой целью используются тактики предложения, совета и просьбы.

7. Тактика извинения

Как следует из названия, тактика извинения носит гармонизирующий характер и включает несколько речевых ходов: признание своей вины, иногда упоминание причин разногласий, выражение надежды на конструктивное развитие событий в будущем.

Министр обороны Израиля Моше Яалон принес извинения госсекретарю США Джону Керри. Об этом говорится в коммюнике военного ведомства еврейского государства, распространенном во вторник в связи с приписываемыми главе минобороны высказываниями в отношении усилий Керри по продвижению мирного урегулирования между палестинцами и израильтянами. Яалон «приносит свои извинения в случае, если госсекретаря оскорбили высказывания, приписываемые министру», говорится в документе. «Израиль и США имеют общую цель в продвижении мирных переговоров между Израилем и палестинцами, которые проходят по инициативе госсекретаря Керри», – сообщается в коммюнике. Официальные извинения Яалон принес Керри лишь после того, как пресс-секретарь Белого дома Джей Карни назвал их «оскорбительными и неуместными, особенно в свете всего того, что США делают для поддержки потребностей Израиля в сфере безопасности». «Ставить под сомнение мотивы (действий) госсекретаря Керри и исказить смысл его предложений – это не то, чего мы бы ждали от министра обороны близкого союзника», – подчеркнул официальный представитель американского лидера. Во вторник израильские СМИ сообщили, что Яалон в частной беседе сказал, что американские предложения по мирному урегулированию «не стоят бумаги, на которых написаны», «не содержат ни мира, ни безопасности» и при этом «ничему его (министра обороны) не могут научить в отношении конфликта с палестинцами». Министр обороны указал также, что «на самом деле нет переговоров между нами и палестинцами в эти последние месяцы, а скорее они идут между нами и американцами». «Единственное, что может нас спасти – это чтобы Джон Керри получил Нобелевскую премию (мира) и оставил нас в покое», – приводят израильские СМИ слова Яалона (15 января 2014 года, <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/886710>).

Данный пример в полной мере соответствует описанной выше схеме тактики извинения и релевантных для нее речевых ходов. В

начале информационного материала сообщается о факте извинения израильского министра обороны Моше Яалона перед американским госсекретарем Джоном Керри. Далее описываются причины, инициировавшие такое поведение со стороны представителя Израиля: Яалон в частной беседе сказал, что американские предложения по мирному урегулированию «не стоят бумаги, на которых написаны», «не содержат ни мира, ни безопасности» и при этом «ничего его (министра обороны) не могут научить в отношении конфликта с палестинцами». Новость также содержит фоновую информацию: реакции Белого дома на оскорбительные высказывания Моше Яалона. Статья заканчивается прогнозами относительно взаимоотношений Израиля и США: получение Джоном Керри Нобелевской премии мира дает шанс на выход из создавшейся противостояния.

Таким образом, анализ реализации моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса позволяет нам сделать вывод о том, что наиболее релевантными для такого жанра, как новости, являются следующие компоненты: функции и ценности, жанрово-стилистический блок, стратегии и тактики. Прагматическое наполнение проанализированных элементов дает нам основание квалифицировать новостные жанры как функционирующие в рамках конфликтного дискурса с некоторыми элементами кооперации. Для кооперативного дискурса релевантными являются следующие функции новостных жанров: информативная, аналитическая, интерактивная, регулятивная, интерпретативная и прогностическая (в том случае, когда факт заменяется прогнозом). В рамках конфликтного дискурса реализуются воздействующая, манипулятивная и оценочная функции новостных жанров. В жанрово-стилистическом блоке для кооперативного дискурса релевантными являются заголовки с прагматическим потенциалом информирования, безоценочной констатации фактов, приглашения целевой аудитории к размышлению. В том случае, когда дается неблагоприятный прогноз в отношении мирового политического развития, происходит эмоциональное воздействие на целевую аудиторию, содержится упрек или провоцирование, вполне правомерно говорить о функционировании подобных заголовков в рамках конфликтного дискурса. Исходя из того, что новостные жанры обладают большим конфликтогенным потенциалом, основной стратегий в проанализированном материале можно считать конфронтационную, а способами реализации этой страте-

гии тактики с отрицательно-оценочным прагматическим потенциалом – обвинение, угроза, оскорбление, критика, осуждение, упрек. Анализ речевого материала показывает, что номенклатура речевых тактик в новостных жанрах может быть дополнена списком побудительных тактик: призыв, требование, просьба, предупреждение. При этом кооперативным прагматическим потенциалом будут обладать тактики предложения, совета, просьбы.

3.2. Интервью-монолог: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса

Интервью как речевой жанр характеризуется множественностью и разнообразием форм и моделей реализации, что, в свою очередь, зависит от предметной направленности и композиционных особенностей. Так, одним из критериев классификации интервью является его структурная форма. К числу основных видов интервью Н. Г. Богданов, Б. А. Вяземский относят: интервью-монолог, интервью-диалог, коллективное интервью, интервью-зарисовка, анкета. При этом авторы характеризуют интервью-монолог следующим образом: «избранному для беседы человеку задается вопрос, и он подробно отвечает на него» [Богданов 1971: 169]. Вид интервью зависит от того, кто является его главным героем или собеседником интервьюера. Одной из наиболее распространенных категорий собеседников являются политики, которые, по справедливому замечанию А. В. Колесниченко, «сочетают в себе две роли – ответственного за происходящее и эксперта по отношению к действиям других лиц» [Колесниченко 2008: 70]. При этом автор отмечает, что некоторые политики в ответ на вопрос могут произнести «получасовой ничего не значащий монолог», а потом заявить, что интервью закончено.

В целом интервью-монолог, в котором интервьюируемый является политиком, представляет не случайную импровизацию «вопрос» – «ответ», а обусловленную социокультурными, геополитическими и национальными факторами трансформацию интервью-диалога. В гл. 1 говорилось о том, что разновидностью интервью-монолога являются интернет-конференции руководителей государства. На наш взгляд, в данном случае применение термина *разновидность* является вполне оправданным и уместным, так как

интернет-конференции политиков не идентичны виртуальным конференциям, которые Н. Г. Асмус определяет как «развлекательно-познавательный жанр, оформляющий неспециальное общение (бытовой дискурс) и профессиональную коммуникацию» [Асмус 2005: 52]. Одним из конститутивных признаков интернет-конференции является письменная фиксация высказываний: «беседы ведутся в письменном виде» [Тираспольский электронный ресурс: <http://www.netslova.ru>]. Однако интернет-конференция политиков не является групповой коммуникацией с нечеткими статусными ролями, анонимностью общения, оценочностью, элементами карнавализации. Предложим собственное понимание анализируемого жанра. **Интернет-конференции политиков – это мгновенные ответы на вопросы адресатов, поступившие заранее и (или) в режиме реального времени с последующей письменной фиксацией на сайте руководителя государства, с четко закрепленными статусными ролями собеседников, при обязательном присутствии ведущих конференции (модераторов) и отсутствием непосредственного контакта с автором вопроса. Сказанное наделяет этот жанр новыми функциональными особенностями и новой стилистической организацией монологической и диалогической речи.** Проследим, какие из элементов моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса являются релевантными для новой разновидности этого жанра.

1. Функции. Речевые средства

Площадками для проведения интернет-конференций политиков становятся новостные интернет-сайты или интернет-аналоги широковебательных корпораций (как в случае с интернет-конференцией В. В. Путина в июле 2006 года), редакции газет (как в случае с интернет-конференцией Д. А. Медведева в марте 2007 года, которая прошла в конференц-зале редакции газеты «Известия»), информационные агентства (как, например, китайское агентство «Синьхуа»). Поэтому вполне правомерно говорить об интернет-конференциях как жанровой разновидности новостного дискурса, который, по мнению Л. Ю. Щипициной входит в более широкое понятие *массово-информационный дискурс* [Щипицина 2010: 237].

Поскольку массово-информационный дискурс определяется как «передача информации редакциями различных СМИ массовому читателю» [Там же], главной целью данного вида дискурса является

информирование. Информативная функция является одной из основных и при реализации моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса в жанре интернет-конференции с той лишь разницей, что в данном случае информация передается не от редакции читателю (пользователю Интернета), а от конкретного адресанта определенному человеку-интервьюеру. В данной форме интеракции адресат не является массовым: он персонифицируется; во время интернет-конференции озвучиваются его имя, место жительства, иногда возраст; адресант соотносит его в своих ответах с вполне физическим, реально присутствующим при разговоре лицом: *И первый вопрос от Джузеппе из Южной Кореи касается Северной Кореи и испытаний: насколько опасна эта ситуация и что намерены делать в России? <...> Вы уже ответили на вопрос Анастасии 30 лет из города Большой Камень... Но есть другой вопрос – от Ивана из города Спасск-Дальний. <...> Можно себе представить, что эта дальность (имеющихся у КНДР ракет. – Н. К.) может увеличиться до 3000–3500 км, но это тоже представляет, я полагаю, может представлять, большую озабоченность для очень многих стран, в том числе и для того нашего абонента, который задавал вопрос из Японии* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).

Информативная функция тесным образом связана со следующей функцией интернет-конференций – аналитической (анализ современной геополитической ситуации). Политик подвергает анализу действия своих оппонентов и соратников, оценивает их с морально-этической точки зрения, тем самым пытаясь урегулировать отношения в обществе и на мировой политической арене. Таким образом, тексту интернет-конференции присуща регулятивная функция в пределах возможностей интернет-общения с целевой аудиторией. Мы полагаем, что реализация указанных выше функций тесным образом связана с тем арсеналом речевых средств, которые политик использует при ответе на поступившие вопросы.

Проследим на конкретных примерах речевые репрезентации аналитической и регулятивной функций в тексте интернет-конференций:

1) Специфика интернет-конференции как новой жанровой формы политической коммуникации проявляется в том, что в ней сочетаются монологическая и диалогическая форма интеракции. По-

следнее проявляется в том, что вопросы используются не только адресатами (это новый тип интервьюеров), но интервьюируемыми политиками, когда они принимают на себя функции журналистов.

Б. КЕНДАЛЛ: *Следующая тема – это главная тема саммита «восьмерки»: энергетическая безопасность. В Европе многие беспокоятся из-за надежности российских поставок, особенно после того как в январе вы отключили газ Украине. Именно об этом только что поступил на нашем сайте целый ряд вопросов. Вот Том Маклюен из Лондона спрашивает: «Возможна ли ситуация, при которой Россия отключит газ Западной Европе?»*

В. ПУТИН: ***Можно мне вам задать вопрос: сколько стоит ваше ожерелье, примерно?***

Б. КЕНДАЛЛ: *Ну, это очень неожиданный вопрос.*

В. ПУТИН: *Но вы-то мне ставите неожиданные вопросы.*

Б. КЕНДАЛЛ: *Это будет очень интересно, если там вор слушает наш разговор.*

В. ПУТИН: *Что касается воров, то, уверяю вас, они уже смогли это оценить. Так что вы можете смело назвать приблизительно хотя бы цифру.*

Б. КЕНДАЛЛ: *Я рада сказать, что несколько сотен фунтов.*

В. ПУТИН: ***Отлично, хорошо. Вы не могли бы его продать за пять копеек или за один рубль? Вряд ли вы с этим согласитесь, правда?***

Б. КЕНДАЛЛ: *Поскольку вы президент России...*

В. ПУТИН: *Президенту – может быть. С целью подтверждения особо близких отношений между Великобританией и Россией – может быть. Но так вот человеку с улицы вряд вы отдадите это за бесценок. Почему Россия должна за бесценок отдавать свое имущество и свои природные ресурсы другим партнерам, равным нам на международной арене? (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).*

2) Одним из самых продуктивных и широко используемых речевых средств, используемых политиками в ответах на поступившие вопросы во время интернет-конференций являются вопросительные конструкции, которые в данном случае применяются для того, чтобы привлечь внимание аудитории к успехам и неудачам в делах, оценить проделанную работу: *Что сделано за последнее время? <...> К чему это привело? Есть ли какие-то положительные*

сдвиги? <...> Что нового и что еще положительного можно было бы здесь отметить? (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).

В риторике вопросы различных типов рассматриваются как одно из средств речевой выразительности (см., напр.: Граудина, 1999). Вопросы, используемые политиками во время интернет-конференций, относятся такой разновидности вопросительных конструкций, как дубитация, они характеризуются как вопросы к «воображаемому собеседнику, служащие для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения» [Граудина 1999: 212].

3) Следующим эффективным речевым средством является умелое использование политиками местоимений («мы-инклюзивное» и личное местоимение «я»): *И я бы здесь не стал ничего дополнительно нагнетать, но если мы посмотрим на этот вопрос с точки зрения северокорейской ядерной проблематики, то ясно, что само наличие ядерного оружия, оно, конечно, вносит определенную тональность в решение этой проблемы. <...> И я бы считал, что в будущем мы должны рассматривать не только северокорейскую ядерную проблему, но и рассматривать этот вопрос с точки зрения возможного наличия у Корейской Народно-Демократической Республики средств доставки ядерного оружия. <...> И мы бы предпочитали, чтобы таких подарков международное сообщество и Россия не получали, имея в виду, что эти испытания проводятся в стране, которая граничит с нами и испытания проводятся в непосредственной близости от наших границ* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).

В данном случае прагматической целью использования личного местоимения первого лица множественного числа является выражение интеграции политика с той группой, интересы и политические убеждения которой интервьюируемый разделяет.

4) Следующее речевое средство, часто и умело используемое политиками во время интернет-конференций, – юмор. На наш взгляд, в данном случае важным является разграничение иронии как деструктивной разновидности юмора и непосредственно удачной шутки как способа сохранения позитивной направленности общения. Приведем пример использования юмора во время интернет-конференции.

А. ГУРНОВ: *Правильно ли я вас понял, что когда вы говорите о необходимости по основным вопросам повестки дня выработать общие подходы членов «Группы восьми», то вы надеетесь, чтобы это рождало в дальнейшем и общую ответственность за эти вопросы?*

В. ПУТИН: *Именно так.*

А. ГУРНОВ: *И еще один вопрос из Санкт-Петербурга. Я обещал, что буду выбирать вопросы, очень часто встречающиеся.*

В. ПУТИН: ***Не дайте даме слово вставить.***

Б. КЕНДАЛЛ: *Я хотела, кстати, задать вопрос об Америке.*

В. ПУТИН: *Давайте* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).

В данном случае упреку придается юмористический характер, тем самым между собеседниками поддерживается контакт, и общение выводится в область кооперативного типа дискурса. Не вызывает сомнения тот факт, что печатный текст не позволяет нам охарактеризовать данное высказывание с учетом суперсегментных единиц устной речи (интонации, мелодики и ритма), но очевидно, что в данном случае мы имеем дело именно с юмористической интерпретацией этикетной ситуации, так как обратное противоречило бы самому принципу политической и журналистской этики.

5) Этикетные высказывания. Этикетные формулы являются одним из речевых средств регламентации политического мероприятия того или иного ранга, особенно в сфере межкультурной коммуникации. Во время интернет-конференции политик, будучи вовлеченным в беседу, использует этикетные дискурсивные формулы, характерные для диалога: В. ПУТИН: ***Да, спасибо за подсказку. Это очень правильная подсказка. Завтра как раз годовщина терактов в Лондоне. Я хочу вспомнить об этом, еще раз выразить соболезнования всем пострадавшим, родственникам, которые потеряли своих близких, и выразить надежду на то, что мы и в рамках «большой восьмерки» в Петербурге обязательно вернемся к совместной борьбе с терроризмом.***

2. Участники

При анализе данного компонента моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса применительно к жанру интернет-конференции мы считаем необходимым выделить следующие параметры.

1. Трансформация обратной связи

Выше мы уже отмечали тот факт, что формат интернет-конференций, несмотря на дистантность, предполагает, с одной стороны, персонификацию адресата (автора вопроса) посредством названия его имени, места жительства, обращений к «собеседнику: *Евгений, я хотел бы вам сказать, что весь прошлый год мы занимались тем, что поднимали из очень сложного положения первичное звено здравоохранения, прежде всего направляя средства в амбулаторно-клиническую сферу и в сферу родовспоможения* (Интернет-конференция с Дмитрием Медведевым, 5 марта 2007 года). С другой стороны, отсутствие непосредственного контакта с собеседником лишает политика при ответах на вопрос возможности получить немедленную реакцию на свои слова, уточнить какие-либо детали для более корректного ответа. Формы обратной связи ограничены, и это не может не влиять на арсенал дискурсивных формул, используемых политиком для выражения своих коммуникативных интенций: *Но я думаю, что вопрос – так я его понимаю – лежит в плоскости наших перспектив, как я их вижу* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года). В данном случае с использованием вводной конструкции *так я его понимаю* адресант не только «восполняет» факт отсутствия адресата, но и подвергает анализу поступивший вопрос; обозначает те моменты, которые необходимы для точного ответа; выражает свое отношение к обсуждаемой проблеме.

Таким образом, в данном случае мы наблюдаем не только трансформацию форм обратной связи, но и преобразование массовой коммуникации в процесс межличностного общения, когда политик обращается к конкретному лицу, интерпретирует полученное от него сообщение, но, несмотря на отсутствие возможности актуализировать обратную связь в конкретную форму, рассматривает собеседника как уникального партнера, учитывает его эмоциональное состояние и рассчитывает на понимание.

2. Формулы приветствия

Интернет-конференции как новому жанровому образованию присущи и новые формулы приветствия, которые характерны для диалога, но без ответной реакции собеседника. Так, зная автора вопроса по имени, политик может не только персонифицировать его в своем ответе, но и поприветствовать человека, естественно без

всякой ответной реплики: *Во-первых, я хочу поблагодарить Майкла за этот вопрос, он дает мне возможность сформулировать позицию Российской Федерации по этой проблематике. И в качестве награды за то, что он дал мне такую возможность, обещаю, что его визовый вопрос будет решен как можно быстрее, нужно только найти его данные, и мы обязательно ему поможем. Привет, Майкл!*

3. Журналисты

При анализе состава участников пресс-конференции нам хотелось бы обратить внимание на активное участие журналистов, которые ведут пресс-конференции, что усиливает диалогичность этого жанра. Репертуар высказываний журналистов варьируется от комментария, резюмирующего или уточняющего сказанное политиком (Так что нам не надо быть озабоченными... <...> В. ПУТИН: ... Теперь по поводу уголовного преследования. А. ГУРНОВ: Экстремальных жестких мер.) до уточняющих и даже провокационных вопросов (Б. КЕНДАЛЛ: Но все-таки кто главный враг? <...> Но тем не менее это факт. Создалось впечатление, что это и есть политическое давление на Украину. И вот тот скандал в начале года не был лучшим началом вашего президентства в «восьмерке». Вы об этом сожалеете? <...> Но вот вы говорите, что вы не потерпите никогда дезинтеграции России. А те люди в Грузии, которые слушают наш разговор, они могут сказать, что Грузия тоже не терпит. Все то, что происходит в Южной Осетии, в Абхазии, они видят в этом параллелизм).

Журналисты – модераторы интернет-конференции выстраивают диалог таким образом, чтобы он был интересен и гостю студии, и авторам вопросов. С этой целью во время беседы устанавливаются интертекстуальные связи между темой настоящего разговора и событиями, имевшими место в прошлом (ретроспективные отсылки): А. ГУРНОВ: Владимир Владимирович, я хотел бы вернуться к теме терроризма, которой мы сегодня уже касались, но, к сожалению, она одна из тем, которые не уходят с повестки дня. И я думаю, что американские коллеги нас поймут, **особенно в связи с годовщиной теракта в Лондоне как раз в эти дни** (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).

3. Стратегии и тактики (деструктивная и конструктивная интенции)

Обращение к стратегиям и тактикам, используемым коммуникантами в ходе интернет-конференции, в аспекте их конструктивной или деструктивной направленности не является случайным. По справедливому замечанию Е. В. Ключева, стратегия есть «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Ключев 2002: 18]. О. С. Иссерс также рассматривает стратегию как способ прогнозирования предстоящей вербальной коммуникации, речевого акта, коммуникативного взаимодействия говорящего и слушающего и всей ситуации в целом [Иссерс 2006: 95]. Следовательно, любая стратегия определяется общей коммуникативной ситуацией, теми или иными коммуникативными целями и достаточно широким коммуникативным контекстом.

В целом коммуникативная направленность текстов интернет-конференций может быть охарактеризована как а) кооперативная со стороны политика и представителей восточных СМИ; б) конфликтная со стороны журналистов, представляющих западные средства массовой информации; в) нейтральная со стороны российских журналистов. Интенция политика, заключающаяся в привлечении внимания целевой аудитории к наиболее острым мировым проблемам, и их интерпретация, включающая аргументирование своей точки зрения, логическое и эмоциональное воздействие на адресата, предполагает использование основной коммуникативной стратегии гостя студии – кооперативной. Способами реализации данной стратегии являются следующие тактики:

- тактика просьбы (пожелания): *Нам бы хотелось, чтобы реакция была более быстрой, чтобы разговор, предметный разговор, который должен состояться на основе сделанных предложений, был конструктивным* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года);

- тактика согласия: *Согласен с вами в том, что ждать бесконечно – это контрпродуктивно* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года);

- тактика принятия нейтралитета: *Я не буду комментировать отдельно позицию «Единой России», потому что «Единая Россия», естественно, имеет право на собственную позицию* (Интернет-конференция с Дмитрием Медведевым, 5 марта 2007 года);

- тактика уточнения: *Сразу хотел бы оговорить несколько позиций. Во-первых, никакого окончательного проекта в настоящий момент нет. Есть идея, привязанная к одному из мест города, что вызывает к этой идее очень разное отношение. Во-вторых, существует градостроительное законодательство, которое предполагает возможность общественного обсуждения всех крупных проектов. Этой возможности никто наших горожан, наших коллег из Питера не лишил (Интернет-конференция с Дмитрием Медведевым, 5 марта 2007 года);*

- тактика сближения: *Вообще вся культура Китая, безусловно, очень интересна и абсолютно многогранна. Речь идет и о таких явлениях китайской культуры, как медицина, например. Она сейчас очень популярная во всем мире (традиционная китайская медицина) и в нашей стране. Речь идет и о китайском кинематографе. Речь идет о китайской кухне, наконец, которая тоже популярна во всем мире. Поэтому я считаю, неправильно делить культуру на высокую и бытовую. Мне кажется, что вся культура – такой срез жизни общества, который дает представление о том, как развивается такая огромная страна, как Китай (Дмитрий Медведев ответил на вопросы в ходе онлайн-конференции в Пекине, 22 октября 2013 года);*

- тактика отказа от предрассудков и условностей: *Я думаю, что наша роль не заключается в том, чтобы как в советские времена, противостоять Соединенным Штатам Америки. Нас на эту позицию уже никто не ставит, даже если это кому-то захочется. Мы, повторяю еще раз, я уже, видите, предвидел как бы ваш вопрос, потому что я сам видел то, что людей интересует. Мы будем выступать за многополярный мир, за то, чтобы международная архитектура будущего максимально учитывала интересы подавляющего большинства участников международного общения на площадке Организации Объединенных Наций, ее Совета Безопасности, в том числе с использованием таких форумов, как «большая восьмерка» (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).*

- тактика уважения к другим национальностям, международному праву, отличным от собственных политическим взглядам: *Мы с уважением относимся к одному из основополагающих принципов международного права – к территориальной целостности других*

стран (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).

Справедливости ради необходимо отметить, что кооперативная стратегия в текстах интернет-конференций используется не только политиками, но и журналистами – представителями восточных средств массовой информации. Полагаем, что интернет-конференции на площадках восточных изданий (например, китайского информационного агентства «Синьхуа») соответствуют принципам кооперативного дискурса. Прагматический потенциал речевого поведения журналиста – модератора конференции реализуется в создании атмосферы толерантного отношения к собеседнику и к обсуждаемым вопросам. Предложим характеристику тех приемов, которые используются **восточными журналистами** для реализации кооперативного иллокутивного намерения:

1) Получение согласия гостя студии на начало мероприятия: *Как вы знаете, опубликованная информация о беседе с вами вызвала большое внимание и интерес у китайских пользователей Интернета. Они задали вам много вопросов на форуме, в микроблоге и по SMS-сообщениям. Давайте ответим на эти вопросы, хорошо?* (Онлайн-конференция Дмитрия Медведева в Пекине, 22 октября 2013 года).

2) Использование речевых формул благодарности при получении ответа: *Спасибо вам за ответ. <...> Спасибо вам. <...> Спасибо, что вам очень нравится китайская культура. Хотела бы также поблагодарить пользователя из провинции Дзянсу. Пожалуйста, следующий вопрос* (Онлайн-конференция Дмитрия Медведева в Пекине, 22 октября 2013 года).

3) Учет фактора адресата и его чувств, надежда на положительные впечатления от интернет-конференции: *Спасибо вам большое. Надеюсь, что его удовлетворит ваш ответ* (Онлайн-конференция Дмитрия Медведева в Пекине, 22 октября 2013 года)

4) Проецирование обсуждаемых во время интернет-конференции тем в будущее, надежда на благоприятное развитие событий: *Спасибо вам большое. Желаю успехов в сотрудничестве наших стран в этой области. <...> Спасибо вам за ответ. Действительно, здоровье для человека очень важно. Надеемся, что вы будете продолжать это дело* (Онлайн-конференция Дмитрия Медведева в Пекине, 22 октября 2013 года).

5) Употребление сослагательного наклонения при обращении к гостю студии (смягчение формы высказывания): *Как вы знаете, у вас много фанатов в Китае, которые интересуются вами и вашей личной жизнью. **Не могли бы вы** прочесть некоторые из этих вопросов и ответить на них? <...> Я знаю, что в России очень развито образование, и история, искусство у вас очень развиты. **Хотелось бы**, что вы дали какие-то ценные советы по учебе китайской молодежи.* (Онлайн-конференция Дмитрия Медведева в Пекине, 22 октября 2013 года)

6) Использование комплимента в прямой и косвенной форме как способа установления доверительных отношений с гостем студии: Д. МЕДВЕДЕВ: *Давайте дальше пойдём. Есть такой вопрос от пользователя Тсан Хай Сан Тянь. Я не знаю, правильно ли я читаю. ВЕДУЩАЯ: Очень точно. Очень точное произношение. <...> Спасибо вам большое, господин премьер-министр. Как быстро летит время. Очень приятно беседовать с господином премьер-министром* (Онлайн-конференция Дмитрия Медведева в Пекине, 22 октября 2013 года).

Однако журналисты – представители **западных средств массовой информации** во время интернет-конференций используют конфронтационную стратегию, которая реализуется через следующие тактики:

- тактика провоцирования: *Но вы не думаете, что это негативно сказывалось на имидже России, особенно в Европе?* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года);

- тактика критики действий своего оппонента и руководимой (или представляемой) им страны: *Тем не менее референдум в Чечне поднял достаточно критики в адрес, как это проводилось* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года);

- тактика тенденциозного цитирования мнения третьей стороны: *Но вот вы говорите, что вы не потерпите никогда дезинтеграции России. А те люди в Грузии, которые слушают наш разговор, они могут сказать, что Грузия тоже не терпит. Все то, что происходит в Южной Осетии, в Абхазии, они видят в этом параллелизм <...> Судя по письмам этих африканцев, особенно африканских студентов, здесь они чувствуют себя совершенно незащищенными* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).

Российские журналисты, как уже отмечалось выше, используют нейтральную тактику и характерные для нее стратегии: представители российских СМИ выступают, скорее всего, как модераторы конференции; редко выражают собственную точку зрения; являясь «хозяевами» информационных площадок, на которых проходят интернет-конференции, отдают пальму первенства в обсуждении тех или иных вопросов политику – гостю студии: *Совершенно из другой уже области вопрос. Даниил Малуха из Мурманска спрашивает о том, планируется ли введение в образование украинского языка в местах компактного проживания украинцев в России. Например, в виде факультативов либо путем создания украиноязычных вузов и школ. Даниил напоминает нам, что на территории России проживают почти 3 миллиона украинцев* (Интернет-конференция с Дмитрием Медведевым, 5 марта 2007 года). *Пожалуйста, Александр, ваш вопрос. Мы затронули тему «восьмерки». Может быть, стоит поговорить об этом?* (Интернет-конференция президента России, 6 июля 2006 года).

Таким образом, для текста интернет-конференции наиболее релевантными компонентами из предложенных нами моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса являются следующие: функции, которые реализуются в определенном наборе речевых средств; участники, речевое поведение которых придает этой новой форме общения политиков с целевой аудиторией специфичность и новые формы бытования; стратегии и тактики, репертуар которых позволяет говорить о конструктивной или деструктивной направленности общения. К конфликтному дискурсу тяготеет коммуникативное наполнение такого компонента модели, как стратегии и тактики и речевые приемы, используемые во время интернет-конференций: конфронтационная стратегия реализуется через тактики провоцирования, критики действий своего оппонента и руководимой (или представляемой) им страны, тактика тенденциозного цитирования мнения третьей стороны. К кооперативному дискурсу стремится речевое наполнение средств, репрезентирующих основные функции интернет-конференции (информативная, аналитическая и регулятивная), и речевое взаимодействие между участниками интернет-конференции при переходе из области массовой коммуникации в сферу межличностного общения.

Предложенный анализ указанных компонентов моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса подтверждает мысль о том, что интернет-конференции представляют собой новый жанр политической коммуникации, реализующий как монологическую, так и диалогическую интенцию. Прагматический потенциал текстов интернет-конференций можно определить как кооперативный со стороны политика – гостя студии и журналистов – представителей восточных СМИ и как конфликтный со стороны западных журналистов.

3.3. Авторские статьи: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса

Как уже указывалось в гл. 1, авторские статьи являются новым типом дискурсивной реальности. Это такое коммуникативное событие, которое, «с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, с другой – формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [Иссерс 2015: 65]. На наш взгляд, анализ структурно-семантических и прагматических особенностей текстов в рамках новых дискурсивных практик является частью более глобальной задачи по изучению языковой личности политика, осуществляющего функции управления обществом. Мы твердо убеждены в том, что именно авторские статьи (о чем свидетельствует и сам термин, используемый для именованя текстов подобного рода) отражают все основные особенности языковой личности политика.

Лингвистические исследования последнего времени характеризуются неуклонным ростом интереса к различным сторонам языковой личности в тех или иных аспектах ее проявления, о чем свидетельствует большое количество работ по данной тематике [Альшеева 2013; Романова 2011; Седов 1999, 2004; Степанов 1995; Чернявская 2007]. В ставшей уже классической структуре языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым, выделяются три уровня: вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный (в другой терминологии исследователя прагматический) [Караулов 2006]. Мы согласны с мнением М. К. Дементьевой, которая считает, что третий уровень в языковой личности политика является преобладающим, так как именно в прагматическом потен-

циале языковых единиц можно найти ответы на насущные вопросы политической коммуникации, а поведение знаков в ходе этого процесса также представляет собой одну из областей прагматики [Дементьева 2009, 2011]. На этом уровне активизируются коммуникативные потребности личности, решаются задачи по выбору и оценке языковых средств в зависимости от условий и уместности их применения, а коммуникативная цель достигается успешным/неуспешным образом. По нашему мнению, прагматический уровень в структуре языковой личности с особой эффективностью реализуется в таком сравнительно новом жанре политической коммуникации, как авторские статьи.

Охарактеризуем те компоненты предложенных нами моделей конфликтного и кооперативного дискурса, которые являются наиболее релевантными для авторских статей.

1. Хронотоп

Пространственно-временные характеристики авторских статей являются наиважнейшим критерием отнесения анализируемого текста к конфликтному или кооперативному типу дискурса, так как именно место и время публикации статьи определяют «способ описания ситуации в зависимости от преобладающего в нее временно-го или пространственного вида координации» [Широкова 2010: 43]. Хронотоп авторских статей в настоящем исследовании определяется нами как место и время публикации статьи, опосредованные тем или иным социально-политическим событием. В зависимости от пространственно-временных характеристик мы выделяем следующие разновидности авторских статей, функционирующих в межкультурном политическом пространстве:

- статьи и приветствия российских политических лидеров, опубликованные в зарубежных изданиях накануне форумов правительств, саммитов государств с наиболее развитыми и развивающимися экономиками, а также в преддверии выставок;
- статьи лидеров российского государства накануне официальных визитов в дружественные страны;
- статьи, посвященные актуальным вопросам мирового развития и проблемам в области политики, экономики, экологии, урегулирования межнациональных конфликтов и т. д.

Как показывает анализ речевого материала, именно место и время публикации статьи, а также повод для ее создания, опосредуют

коммуникативную деятельность в рамках этого жанра, структурируют само изложение авторской точки зрения, определяют функционирование текста статьи в рамках конфликтного или кооперативного типа дискурса.

2. Тематика

Поскольку хронотоп определяется тем или иным событием мирового уровня, то считаем целесообразным дать характеристику темам, затрагиваемым в статьях лидерами российского государства. Существенной характеристикой авторских статей является то, что они не обладают манипулятивным потенциалом, то есть не используют определенные ресурсы языка «с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2010: 25]. Например, в журналистской практике широко используются манипулятивные возможности заголовков и заголовочных комплексов. В авторских статьях заголовки имеют иные функции.

Отличительной особенностью авторских статей, функционирующих в межкультурном политическом пространстве, является характеристика заголовка как средства актуализации основной идеи и содержания статьи. В авторских статьях заголовки подводит читателей к тому материалу, с которым им предстоит ознакомиться. Большая часть заголовков проанализированных авторских статей – это заголовки-сообщения, лапидарный перечень которых дает представление о тематике опубликованных материалов:

1) *К упрочению динамичного равноправного партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе* (статья Д.А. Медведева, опубликованная в средствах массовой информации стран Азиатско-Тихоокеанского региона, 21 ноября 2008 года). Материал посвящен обсуждению проблем места и задач АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) и перспектив участия в нем нашей страны.

2) *Страны БРИК: общие цели – общие действия* (статья Д.А. Медведева опубликована в печатных изданиях Бразилии, России, Индии, Китая 13 апреля 2010 года). Автор обсуждает место России в группе государств БРИК (обозначение группы стран, рост которых обеспечивает подъем мировой экономики).

3) *«Группа двадцати» и глобальные вызовы экономики* (статья В.В. Путина, опубликованная в мексиканской газете El Universal, 18 июня 2012 года). Материал посвящен проблемам мировой экономи-

ки и новым экономическим требованиям, стоящим перед «Группой двадцати».

4) *Миссия: партнерство* (статья Д. А. Медведева от 6 апреля 2010 года). *Россия – Турция: не останавливаясь на достигнутом* (статья Д. А. Медведева от 10 мая 2010 года). *Россия – Вьетнам: к новым горизонтам сотрудничества* (статья Дмитрия Медведева от 30 октября 2010 года). *Россия и Индия: новые горизонты стратегического партнерства в XXI веке* (статья Д. А. Медведева от 23 декабря 2012 года). *Россия и Нидерланды – традиции, историческая преемственность и новые перспективы партнерства* (статья Владимира Путина от 6 апреля 2013 года). *Россия и Вьетнам: вместе к новым рубежам сотрудничества* (статья В.В. Путина от 11 ноября 2013 года). Как следует из названий этих статей, они посвящены официальным визитам лидеров нашего государства в Словацкую Республику, Турецкую Республику, Социалистическую Республику Вьетнам, Индию, рабочему визиту в Нидерланды.

5) *Балтика в XXI веке: приоритет – экология* (статья Дмитрия Медведева опубликована в изданиях нескольких прибалтийских стран 5 апреля 2013 года). Премьер-министр обсуждает ту область межгосударственных отношений, которая волнует не только прибалтийские государства, но и весь мир – решение экологических задач.

Пожалуй, единственным исключением в плане коммуникативной функции заголовка является статья В. В. Путина, опубликованная 11 сентября 2013 года в американской газете *New York Times*, где используется заголовок-призыв: *Россия призывает к осторожности*. Также следует выделить заголовок статьи Владимира Путина в «Газете Выборча» (Польша), где автор обращается к читателю с вопросом: *Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?* Это альтернативный заголовок (в отличие от однонаправленных предыдущих), побуждающий читателя к размышлению и собственным умозаключениям.

3. Речевые средства

1) Вопросительные конструкции.

Одним из широко используемых в авторских статьях речевых средств являются вопросительные конструкции, функции которых варьируются, так как общение участников анализируемого жанра происходит не в реальном времени, а последствия речевого воздействия несколько дистанцированы во времени и пространстве.

Е. В. Саунина выделяет несколько типов вопросительных конструкций, характерных для текстов Посланий президента Федеральному Собранию и статей президента:

– риторические вопросы, предполагающие однозначные ответы и призыв задуматься;

– собственно риторический вопрос, который предполагает однозначный отрицательный ответ «никому», «нет», «никакой»;

– вопросительные формы, служащие планом дальнейшего рассуждения и призывом задуматься над этими вопросами [Саунина 2010].

В нашем материале можно выделить еще один тип вопросительной конструкции. Это риторический вопрос (так называемый экскурс в историю), на который читающий априори знает ответ, но который способен инициировать дискуссию, возможную в рамках статьи: *Правда, поборники такой позиции не задаются элементарными вопросами – разве Версальский договор, который подвел черту под Первой мировой войной, не оставил после себя множество «мин замедленного действия»? Разве границы в Европе не начали рушиться гораздо раньше 1 сентября 1939 года? Наконец, каким было военно-политическое эхо сговора, произошедшего в Мюнхене 29 сентября 1938 года?* (статья В. В. Путина в «Газете Выборча»). В текстах авторских статей есть и примеры риторических вопросов, которые предполагают однозначные отрицательные ответы. Целью статьи является трансформация информационного фона и эмоционального состояния целевой аудитории, что с успехом достигается при помощи подобных вопросительных конструкций: *И можно ли закрыть глаза на закулисные попытки западных демократий «откупиться» от Гитлера и перенаправить его агрессию «на Восток»?* (статья В. В. Путина в «Газете Выборча»).

Среди других функций вопросов в авторских статьях хотелось бы выделить следующие:

• привлечение внимания к узловым точкам статьи: *Каковы наши позиции в складывающейся ситуации?* (статья Владимира Путина «Группа двадцати» и глобальные вызовы экономики); *Какое же место в этой группе государств занимает Россия?* (статья Дмитрия Медведева *Страны БРИК: общие цели – общие действия*);

• создание у аудитории чувства сопричастности к обсуждению или даже к решению наиболее злободневных вопросов современ-

ности: *Кто может гарантировать, что эти бандиты, набравшись опыта, не окажутся потом в наших странах, как это имело место в Мали после ливийских событий?* (статья Владимира Путина в New York Times);

• предвосхищение рассуждения (спросить и дать ответ): *Настораживает, что попытки силового вмешательства в различные внутренние конфликты становятся для США обычным делом. Возникает вопрос: отвечает ли это долгосрочным интересам самих Соединенных Штатов? Сомневаюсь* (статья Владимира Путина в New York Times).

Таким образом, вопросительные конструкции являются одним из речевых средств вовлечения целевой аудитории в круг обсуждаемых проблем, трансформации эмоционального состояния адресата, создания чувства приобщенности, предвосхищения рассуждения, акцентирования внимания на ключевых моментах.

2) Использование личных местоимений.

Анализ языкового материала показывает, что прагматический потенциал текстов статей тесным образом связан в грамматическими особенностями материала, среди которых особая роль принадлежит использованию личных местоимений. Обращает на себя внимание использование употребления местоимения в парадигме «мы-инклюзивное», включающее:

• **Российский народ и общество**: *Уверен: эти достижения России окажутся востребованными и нашими партнерами по БРИК. В свою очередь, **мы** с интересом и симпатией **следим** за динамичным развитием других участников альянса* (статья Дмитрия Медведева Страны БРИК: общие цели – общие действия).

• **Руководство страны**: ***Мы**, безусловно, **заинтересованы** в поддержке стабильных, предсказуемых цен на углеводороды, складывающихся на основе реального соотношения спроса и предложения <...> **Мы стремимся** содействовать эффективному решению и такой острой проблемы, как продовольственная <...> **Мы уверены**, что вовлеченность в интеграционные процессы в регионе способствует более эффективному выполнению программ социально-экономического развития нашей страны* (статья Дмитрия Медведева К упрочению динамичного равноправного партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе).

- Россию и дружественные народы (государства): **Мы вместе отдадим** дань памяти героям, которые разгромили агрессора, грозившего порабощением нашим народам, всей Европе. Более 60 тыс. советских солдат погибли в боях за Словакию (статья Дмитрия Медведева Миссия: партнерство). **У нас** единая цель – сделать мир, в котором мы живем, более справедливым, демократичным, безопасным, способствовать развязке глобальных и региональных проблем, включая ситуацию на Ближнем Востоке и Севере Африки, в Афганистане (статья Владимира Путина Россия и Индия: новые горизонты стратегического партнерства в XXI веке). В этом небывалом по масштабам проекте **мы постараемся** охватить как можно больше сфер двустороннего взаимодействия, поддержать деловые и творческие инициативы наших граждан, общественных организаций, регионов и тем самым способствовать укреплению и дальнейшему развитию традиционно дружественных российско-нидерландских отношений (статья Владимира Путина Россия и Нидерланды – традиции, историческая преемственность и новые перспективы партнерства).

- Россию и те страны (например, Соединенные Штаты Америки), отношения с которыми в данный момент переживают не самые лучшие времена: **Мы противостояли** друг другу в годы «холодной войны». Но **мы были** и союзниками, вместе разгромили нацизм во Второй мировой войне. <...> Если **мы избежим** силовой акции против Сирии, то кардинально изменим атмосферу в международных делах в целом, укрепим взаимное доверие. Это будет **наш совместный успех**, который откроет перспективу для сотрудничества по другим важнейшим проблемам современности. <...> **Мы разные**, но когда **мы просим** Господа благословить нас, **мы не должны забывать**, что Бог создал **нас равными** (статья Владимира Путина в New York Times).

- Своих политических оппонентов/союзников: С президентом США Бараком Обамой **у нас** складываются все более доверительные деловые и личные отношения (статья Владимира Путина в New York Times).

Однако анализируемые статьи являются авторскими, предполагающими лингвистическое представление адресанта и выражение его позиции по обсуждаемым проблемам, чему способствует употребление личного местоимения «я» в определенно-личных двусо-

ставных и односоставных предложениях: *Еще раз подчеркну, все мы понимаем нашу растущую взаимозависимость и невозможность решать внутренние задачи без учета интересов соседей* (статья Дмитрия Медведева *Балтика в XXI веке: приоритет – экология*). *Полагаю, что 2010 год будет «турбулентным» с финансовой и экономической точки зрения – как в России, так и в мире в целом, поскольку глубина кризиса и острота тех проблем, которые он обнажил, свидетельствуют о том, что период стабилизации и восстановления будет достаточно долгим* (статья Дмитрия Медведева *Роль России в «переходный» период*). *Я хочу надеяться, что сохранилось и огромное уважение ко многим русским солдатам, которые воевали и погибли, освобождая Европу от фашизма* (статья Владимира Путина *Россия и Нидерланды – традиции, историческая преемственность и новые перспективы партнерства*). *Уверен, что такая многовекторная кооперация позволит нашим странам не только выйти на лидирующие позиции по целому ряду высокотехнологичных проектов, но и поможет успешно продвигать совместную продукцию на рынки третьих государств.* <...> *Убежден, надо активнее продвигать просветительские и образовательные проекты, развивать туризм и молодежные обмены* (статья Владимира Путина *Россия и Индия: новые горизонты стратегического партнерства в XXI веке*).

Фактор адресанта в авторских статьях проявляется в таком контексте, когда автор перестает быть только информатором. Его речь приобретает оттенок интимизации, когда автор обращается к своему личному опыту с целью сближения с адресатом: *В этой связи у меня есть и личные воспоминания: вьетнамские аспиранты, обучавшиеся у моего отца в Ленинградском технологическом институте, неоднократно бывали у нас дома. Эти добрые, неформальные встречи навсегда остались в моей памяти* (статья Дмитрия Медведева *Россия – Вьетнам: к новым горизонтам сотрудничества*).

Таким образом, хронотоп авторских статей, их основная цель (выражение точки зрения политика по актуальным вопросам современности), отсутствие манипулятивного потенциала в заголовках, использование речевых средств гармонизации общения позволяет нам отнести авторскую статью к сфере функционирования кооперативного дискурса. Кооперативные речевые средства употребляются и в сильной текстовой позиции – в конце текста, где также

эксплицируется коммуникативная интенция автора – надежда на конструктивное взаимодействие в будущем, ориентация на позитивное развитие событий, желание вселить уверенность в последующих за публикацией статьи позитивных перспективах. *Уверен, что у сотрудничества наших стран большое будущее. И пусть мы только в начале пути, но надежный фундамент нашего диалога в формате БРИК – проверенные партнерские взаимовыгодные отношения – позволяют рассчитывать на успех этого перспективного форума на благо наших стран и народов* (статья Дмитрия Медведева *Страны БРИК: общие цели – общие действия*). *Уверен, что такое тесное партнерство пойдет на пользу гражданам России и Словакии, будет способствовать укреплению стабильности и безопасности на европейском континенте* (статья Дмитрия Медведева *Миссия: партнерство*). *Россия видит в Турции доброго и надежного соседа, с которым мы рады совместно строить планы дальнейшего укрепления сотрудничества на благо народов наших стран* (статья Дмитрия Медведева *Россия-Турция: не оставившаяся на достигнутом*).

Однако, несмотря на сказанное выше, нельзя не заострить внимание на следующем. При кооперативном прагматическом потенциале авторские статьи могут провоцировать конфликтную реакцию со стороны оппонентов действующих политиков. Так, в ответ на статью В. В. Путина «Россия призывает к осторожности» в интернет-СМИ «Правда.ру» была опубликована статья экс-кандидата в президенты США Джона Маккейна «Россияне заслуживают большего, чем Путин», в которой сенатор-республиканец обвинил действующего российского президента в коррупции и тирании. Главную цель своей статьи Джон Маккейн связывает с необходимостью *«разрушить фальсификации, используемые правителями России для сохранения их власти и оправдания коррупционности...»* [Маккейн электронный ресурс: http://www.pravda.ru/news/world/northamerica/usacanada/19-09-2013/1174849-McCain_for_pravda_ru-0/].

Репертуар языковых и речевых средств воздействия на целевую аудиторию позволяет нам отнести данную статью к сфере функционирования конфликтного дискурса. Одним из средств реализации конфликтогенного потенциала являются отрицательные грамматические конструкции: *Президент Путин не верит в эти ценности потому, что он не верит в вас. Он не верит, что на свободе че-*

*ловеческая природа может подняться над своими слабостями и построить справедливое, мирное и процветающее общество. Или, как минимум, он **не верит**, что это могут сделать граждане России [Там же].*

На лексическом уровне к средствам речевого воздействия относятся прилагательные в превосходной степени, лексические единицы с оценочным значением (чаще всего отрицательным): *самые агрессивные и угрожающие всем тираны, они преследуют, угрожают, и запрещают организации, терроризируют и даже убивают журналистов, Беларусь – последняя абсолютная диктатура во всей Европе.*

Другим грамматическим средством, позволяющим отнести текст статьи Джона Маккейна к сфере функционирования конфликтного дискурса, является «возражение-сомнение, синтаксически оформленное в виде вопросительного предложения, причем вопрос может быть риторическим», что выделено Е. Н. Горбачевой [Горбачева 2006: 193]: *Президент Путин утверждает, что его цель – восстановить величие России как в глазах сограждан, так и на мировой арене. Но какими средствами он восстановил ваше величие? <...> Как он укрепил международные позиции России? Взяв в союзники России самые агрессивные и угрожающие всем тираны [Там же].*

На синтаксическом уровне автор использует и параллельные конструкции для усиления перлокутивного эффекта при речевом воздействии на целевую аудиторию: *Они наказывают несогласие и арестовывают оппонентов. Они манипулируют вашими выборами. Они контролируют ваши средства массовой информации <...> Они пишут законы, устанавливающие непримиримость в отношении тех, чью сексуальную ориентацию они осуждают. Они сажают в тюрьму участников панк-рок группы за преступление, которое состояло в том, что ее члены были провокационными и вульгарными и имели дерзость протестовать против правления президента Путина [Там же].*

Таким образом, авторские статьи понимаются нами как тексты, написанные руководителями государства, опубликованные в российских и зарубежных изданиях, репрезентирующие сильное личностное начало и индивидуальный способ интерпретации обсуждаемой действительности. Авторские статьи относятся к сфере функционирования кооперативного дискурса в случае, если они не предполагают обратной связи с адресатом. Конфликтное же комму-

никативное поведение возникает при комментировании авторских статей представителями стороны с противоположными политическими взглядами.

3.4. Книга в межкультурном политическом пространстве: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса

Жанру интервью-монолога, как уже указывалось в гл. 1, мы считаем близкой книгу «Моральные уроки XX века: Диалоги», в которой два всемирно известных общественных деятеля – бывший президент СССР Михаил Горбачев и президент международной общественно-религиозной организации Soka Gakkai International («Общество созидания ценностей») Дайсаку Икеда – в течение почти двух лет вели диалоги об уроках и испытаниях, связанных с попыткой реализовать на практике идеи социалистического гуманизма. Диалог этот велся в основном в форме переписки. В 2000 году совместная работа представителей двух различных цивилизаций была издана на русском языке, а в 2011 году в свет вышло второе издание.

Как и в случае с интернет-конференцией, данный текст совмещает в себе элементы диалогичности и монологичности. С одной стороны, книга «Моральные уроки XX века: Диалоги» представляет собой результат беседы двух человек о событиях двадцатого века. Однако большая часть диалога происходила на расстоянии, когда собеседники имели возможность подумать над заранее присланными вопросами и обратиться к литературным или другим источникам для более корректного ответа. Интересным представляется анализ книги «Моральные уроки XX века: Диалоги» с межкультурной точки зрения, так как в случае беседы Михаила Горбачева и Дайсаку Икеды мы являемся свидетелями диалога русского и японца, православного и буддиста, профессионального политика и религиозного деятеля.

Попытаемся охарактеризовать компоненты моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса, реализуемые в данной работе.

1. Функции. Речевые средства

Как заявляют сами авторы, их цель состоит в том, чтобы «пробудить интерес к моральным урокам уходящего столетия, значительная часть которого прожита нами, авторами этих диалогов,

родившихся на роковом переломе двадцатых и тридцатых годов» [Моральные уроки 2011: 8]. Такая цель предполагает реализацию в тексте двух ведущих функций: побудительной и аналитической.

Следующая функция – интерактивная. Выделение этой функции, на наш взгляд, правомерно вследствие характерного для авторов стремления заставить размышлять целевую аудиторию. С этой целью в названиях параграфов глав используются вопросительные конструкции. Анализируемый текст состоит из пяти глав: I. *Откровение интеллектуалов*. II. *Моральная победа перестройки*. III. *Человек, вера, религия*. IV. *Поиски собственных корней*. V. *Новая цивилизация*. В рамках каждой главы авторы обсуждают конкретную тему, которая оформлена в виде параграфов с определенными названиями. Так, например, первая глава посвящена историческим корням обоих авторов, а параграфы имеют следующие названия:

- *Случай? Воля? Фатум?*
- *Как проявляются в нас происхождение и традиции?*
- *Трагизм войны и философия культуры мира.*

Характерной особенностью текста является то, что герои вступают в диалог не только друг с другом, но и с самим собой. Синтаксическим средством самодialogа является организация текста по типу размышления: *И именно благодаря этому я нашел себя в жизни, стал на тот путь, который помог мне сделать то, что уже не зависит от меня. Что это? Случай? Судьба? <...> Была ли это Судьба? Быть может. <...> Какая судьба меня ожидала бы, если бы избрал путь по накатанной колее? Власть и только власть? Наслаждение привилегиями?*

Другой отличительной особенностью текста является широкое употребление метафоры. Вспоминая не всегда позитивный опыт из истории нашей страны, М. С. Горбачев обращается к метафорической модели болезни: *К сожалению, распад СССР, «шоковая терапия» сорвали постепенные, с реальным участием людей, реформы, в том числе и в деревне. <...> Но когда наркоз холодной войны перестал действовать, многие затаившиеся противоречия как бы взорвались. Отдавая должное умеренным и постепенным реформам, первый президент СССР использует метафору, связанную с видом человеческой деятельности (обработки земли): *Но все равно, вступает в жизнь новое поколение, и среди них появляются те, кто зовет к радикальной ломке, к глубокой вспашке, которые**

верят, что чем сильнее разрушение старого, тем больше надежда на расцвет нового. М. С. Горбачев твердо убежден в том, что радикализм и революционный экстремизм губительны для общества, а свое отношение к настроениям подобного рода выражает через метафорическую модель природы: *Борьба, конфликты сжигают многообразие жизни, оставляют после себя социальную пустыню.*

2. Ценности

Примечательным является тот факт, что в первом параграфе третьей главы «Человек, вера, религия» авторы пытаются ответить на вопрос «Каковы основные человеческие ценности?». Размышления по этой проблеме ведутся по нескольким направлениям:

- место религии в системе ценностей;
- ценности, лежащие в основе современной западной цивилизации, в противовес ценностям коммунистического тоталитаризма;
- перестройка как начало пересмотра нравственных ценностей и отказа от разделения морали на буржуазную и пролетарскую.

При определении приоритета тех или иных ценностей авторы исходят из своих идеологических взглядов и убеждений. Михаил Горбачев как бывший партийный работник подвергает жесткой критике «западную буржуазную цивилизацию», которая, по его мнению, не может «предложить человеку духовные ориентиры на будущее» [Там же: 105]. Дайсаку Икеда как философ и религиозный деятель полагает, что «человек не может жить без веры, она необходима ему как воздух» [Там же 2011: 107].

Характерной особенностью авторского размышления как типа текстообразования над вопросом о системе ценностей, равно как и над другими проблемами, является обращение к философским, литературным и другим источникам с целью «точного или трансформированного воспроизведения части некоторого целого (исходного) вербального текста в новом» [Устинова 2011: 7]. В целом необходимо отметить, что цитаты в анализируемом тексте используются в большом объеме, а основная цель включения «чужой речи» в собственные размышления, по нашему мнению, заключается в оценке событий XX века, поэтому основную функцию использования инклюзивного текста мы определяем как аксиологическую.

3. Тематика

Спектр тем, обсуждаемых авторами, весьма широк. В начале книги Михаил Горбачев и Дайсаку Икеда обращаются к оценке сво-

его жизненного опыта, роли случая (судьбы, фатума) в становлении авторов как политика и религиозного деятеля. В следующем параграфе первой главы авторы обращаются к вопросу о роли происхождения и традиций в формировании характера, образа мыслей и стиля жизни человека. В контексте размышления об исторических корнях и пути становления человека весьма актуально звучат слова об опасности философии насилия и трагизме войны (параграф «*Трагизм войны и философия культуры мира*»).

Вторая глава анализируемого издания посвящена тому периоду перемен в экономической и политической структуре СССР, которое получило название *перестройка*. Авторы обращаются к не всегда положительному опыту М. С. Горбачева в деле реформирования нашего государства. Анализ порой не очень успешных реформ того времени проводится опять же через призму общечеловеческих ценностей – демократии и свободы. В этой главе обсуждается опыт гласности с точки зрения всемирно-исторического значения; достижения перестройки, к которым можно отнести окончание «холодной войны», разрядку международной напряженности; события августа 1991 года (так называемый «августовский путч» ГКЧП).

В первом параграфе третьей главы «*Человек, вера, религия*» авторы обращаются к вопросу основных человеческих ценностей, к проблеме соотношения коммунизма и христианства, диалогу и сотрудничеству между конфессиями.

Четвертая глава («*Поиски собственных корней*») обращена к опыту стран, переживших национальные конфликты (СССР, Югославия), а также к опыту воспитания интернациональных чувств и путям формирования из детей и юношества граждан мира.

Пятая глава («*Новая цивилизация*») включает следующие параграфы: 1. *Крах коммунистического тоталитаризма* (в котором авторы рассуждают о соотношении гуманизма, веры в общественные ценности и социалистических идей). 2. *Социализм как реалистический гуманизм* (который посвящен социализму как политической практике, исходящей из того, что каждый человек рожден быть счастливым). 3. *Приоритет духовной ценности* (где Михаил Горбачев и Дайсаку Икеда пытаются ответить на вопросы, как и каким образом стимулировать духовность, нравственное и духовное самосовершенствование). 4. *Навстречу новому гуманизму* (заключо-

чительный аккорд в размышлениях авторов о поисках объединяющего начала для людей, наций, народов).

В целом необходимо отметить, что основой текста книги является диалог, что и отражено в названии. Диалог – центральный концепт книги, который функционирует как лингвокультурный феномен, поскольку мы являемся свидетелями обмена мнениями между представителями двух разных культур – восточной и западной.

Анализ материала показывает, что Михаил Горбачев и Дайсаку Икеда интерпретируют диалог как социально-общественный феномен, имеющий место в разных сферах жизни: диалог с народом, диалог и сотрудничество между конфессиями, диалог внутри общества о национальном вопросе: *Как буддист, я считаю человека важнее системы и придерживаюсь мнения, что независимо от политического устройства общества, пока в этом обществе живут люди, остается возможность диалога с ними.* <...> *Я лично очень высоко ценю то, что на исходе нашего века стало постепенно появляться стремление людей к диалогу и сотрудничеству между конфессиями.* <...> *Сейчас диалог о национальном вопросе набирает силу на значительной части постсоветского пространства.*

Таким образом, несмотря на принадлежность героев книги к разным культурам, их моральные и идеологические платформы имеют много общего, а оценка наиболее значимых событий двадцатого века дается с общечеловеческих позиций и ценностей, принципов гуманизма, которые помогут «человечеству выстоять и с достоинством пройти через предстоящие испытания» [Там же: 10]. Совпадение аксиологических приоритетов авторов книги позволяет нам отнести данное произведение к совокупности текстов, функционирующих в рамках кооперативного дискурса. По справедливому замечанию М. С. Горбачева, именно общечеловеческие ценности являются той реальностью, которая может стать «основой для сближения и взаимопонимания различных цивилизаций» [Там же: 221].

Однако текст книги, представляющей собой интервью-монолог, может функционировать и в рамках конфликтного дискурса. Такими характеристиками, на наш взгляд, обладает книга «Жириновский отвечает журналистам» (М., 1995). Книга эта сочетает в себе признаки интервью-монолога (когда вопросы интервьюеров были присланы заранее, а ответы интервьюируемого были опубликованы в печатном виде; когда отсутствует незамедлительная реак-

ция на реплики политика) и относится к области межкультурного политического пространства (вопросы принадлежат журналистам, аккредитованным в том числе и иностранными СМИ: тайваньское издательство «Журналист», канадский еженедельник «Вестник», английской газеты «Наблюдатель» и др.).

Перечислим те характеристики этой книги, которые позволяют нам отнести данное издание к области функционирования конфликтного дискурса.

1. Агрессивный прагматический потенциал в заголовках некоторых разделов, чему способствует, например, умышленное объединение слов в прямом и переносном значениях, когда объектом отрицательной оценки становятся те, кто ответствен за удручающее положение дел в современной России: *Кто продает Россию?*

В целом книга состоит из 11 разделов: 1. *Каким должен быть политик?* 2. *О друзьях ЛДПР.* 3. *ЛДПР в Государственной Думе.* 4. *Кто продает Россию?* 5. *О политике ЛДПР в случае прихода к власти.* 6. *О русском вопросе.* 7. *О революционерах и революциях.* 8. *Международная политика ЛДПР.* 9. *О патриотизме, национализме и фашизме.* 10. *Будущее. Научный прогноз.* 11. *О восстановлении России в исторических границах.*

Как видно из приведенных заголовков, автор книги репрезентирует в своих ответах на вопросы журналистов собственную политическую и идеологическую позицию, дистанцируется от людей с противоположными взглядами через конкретизацию оппозиции «свой – чужой» посредством выстраивания социальных отношений (друзья – враги) и создания *мы*-концепта (в противоположность *они*-концепту): *О друзьях ЛДПР.*

Следует обратить внимание на временную маркированность заголовка предпоследнего раздела, экстраполирующего взгляд политика в будущее (*Будущее. Научный прогноз*) и связанного с субъективным темпоральным субкодом как разновидностью темпорального кода, под которым понимается «фрагмент языковой системы, репрезентирующей понятийную категорию времени и отражающей неоднородность восприятия, осмысления, познания категории времени человеком» [Широкова 2010: 69].

2. Прием «навешивания ярлыков», когда он используется применительно к конкретному историческому периоду в судьбе нашей стране и к людям, занимавшим место на «российском политическом

Олимпе» в тот период; качества и (или) признаки, не свойственные объекту характеристики или присущие ему в незначительной степени, при этом обобщаются или гипертрофируются: *А на российском политическом Олимпе господствуют представители партноменклатуры. <...> Интеллектуально эта публика довольно убога. Ее умственный потенциал значительно ниже умственного потенциала среднего российского интеллигента. <...> А кто были первыми большевиками? Недоумки-недоучки* [Жириновский, 1995: 5]. <...> *Если прочитаете эту книгу, вы поймете, что Лимонов и в ней выступает не как политик, а как сплетник* [Там же: 10]. <...> *«Секрета Жириновского» на самом деле не существует. Он выдуман недобросовестными журналистами, боящимися сказать людям правду* [Там же: 12].

3. Прецедентные антропонимы как обобщенное метафорическое обозначение чиновников, препятствующих нормальному функционированию переговорного процесса, ведения дел и т. д.: *Кислюк, руководитель администрации Кемеровской области, видимо, убоясь нашей встречи с горняками Кузбасса и решил любой ценой помешать ей. <...> Мы же, возвратившись из Кореи в Москву, после этого снова отправились в Кемерово и встретились с шахтерами. Никакие кислюки не смогли нам помешать* [Там же: 9].

4. Стилистически маркированная лексика с целью оскорбления своих политических оппонентов: *Конечно, я буду баллотироваться в президенты. Не потому, что я рвусь к власти (я считаю, что неуемная жажда власти – это признак дегенератов)* [Там же: 13]. <...> *От дегенератов-дедов пошли дегенераты-внуки* [Там же: 29]. <...> *Так вот, чтобы прекратить ограбление страны, я и решил стать президентом. Не потому, что я жажду власти (по-моему, неуемная жажда власти – это свойство психически ненормальных людей или активных гомосексуалистов или лесбиянок с садистскими наклонностями), а потому, что мне жаль этих детей, жаль этих стариков* [Там же: 46].

5. Кавычки в модальной функции, когда их ироническое употребление передает ложно положительное, а скорее отрицательное отношение адресанта к предмету обсуждения. Иногда кавычки употребляются со словами-сигналами отрицательно-оценочной модальности: *Наконец-то эти «наблюдатели» поняли также, что люди с высшим образованием (тем более если у человека два диплома с*

отличием) ну просто не могут не быть «грамотными» [Там же: 8] <...> Те, кто высказывает такое **«мнение»**, запутались в терминах, демонстрируя таким образом свою слабую грамотность и низкий образовательный уровень [Там же: 15]. <...> **«Добренький» Сергей Адамович** (Сергей Адамович Ковалев – участник правозащитного движения) радовался (по крайней мере нисколько не возражал), когда тысячи русских женщин и детей были убиты у Белого дома в октябре 1993 года [Там же: 33]. <...> В результате **так называемых «демографических реформ»** молодежь ограблена больше всех [Там же: 15]. <...> Коммунистические газеты не закрывают, несмотря на **кажущуюся их «оппозиционность»** [Там же: 28].

6. Упрек, выраженный эксплицитно на лексическом уровне: *Как вы оцениваете свои шансы на победу в 1996 году? – Если говорить коротко, я уверен в победе. В то же время, уважаемая госпожа Кларк, меня удивляет тон вашего вопроса. Можно подумать, что речь идет о каком-то спортивном соревновании, а не о судьбе великого народа и его государства, которая будет решаться на предстоящих выборах. Это упрек не только вам, а всей западной прессе. Ее холодное, бездушное отношение к несчастьям, переживаемым нашей страной, давно удивляет нас, русских людей* [Там же: 45].

7. Противопоставление России и Запада: *Я уже сказал, что русские женщины – самые красивые в мире (как и русские мужчины, между прочим). Они гораздо умней, благородней, культурней, обладают более тонким вкусом, чем западные женщины, особенно американки* [Там же: 61].

Таким образом, на материале книги как жанра можно сделать следующий вывод о принадлежности к конфликтному или кооперативному типу дискурсу. Типологическим основанием последнего является не различие в национальной принадлежности коммуникантов, а их стремление принять и понять то, что может восприниматься как «отклонение от нормы», сформированность навыков межкультурного, межнационального, междейного общения, отказ от межценностных и межконфессиональных предрассудков и условностей. В случае выполнения последних условий мы относим книгу, в которой в печатном виде зафиксировано общение представителей разных культур, к области кооперативного дискурса (в противном случае речь идет о деструктивном типе общения).

3.5. Межкультурный политический прогноз: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса

Как указывалось в параграфе 3.1, одной из целей новостных жанров является прогнозирование и (или) предвосхищение возможного развития событий и социальных явлений. В данном случае речь идет уже не об информационных материалах, призванных сообщать о каком-то свершившемся событии, а об анализе будущего состояния предмета отображения. При этом, однако, нельзя не учитывать историю вопроса и нынешнее положение дел, так как прогнозирование – это «определение тенденций и перспектив развития тех или иных процессов на основе анализа **данных об их прошлом и нынешнем состоянии**» (выделено нами. – *Н. К.*) [Тертычный 2014: 32].

На сегодняшнем этапе развития журналистики вполне справедливо говорить о прогнозе не как о разновидности аналитической статьи, а как о самостоятельном жанре с присущими ему типологическими особенностями. Однако журналисты в качестве авторов прогнозов на страницах сегодняшней прессы выступают относительно редко. С целью получения более точного прогноза журналисты обращаются к специалистам, экспертам, ученым в соответствующей области знания [Там же: 210–211].

Представим краткое сопоставление журналистского прогноза и аналитического прогноза, автором которого выступает специалист или эксперт.

Как отмечает А. Медвецкий, журналист работает в рамках закона о СМИ, что подразумевает юридическую ответственность за содержание материалов. Для авторов аналитических прогнозов специальных законодательных ограничений не существует. Журналист, аккредитованный тем или иным средством массовой информации, работает публично и чаще всего для недифференцированной массовой аудитории. Специалист или эксперт (автор аналитических прогнозов) чаще всего работает непублично и для конкретного заказчика [Медвецкий, электронный ресурс: <http://mixednews.ru>]. Позволим себе не согласиться с последним утверждением, так как аналитические материалы, составленные экспертами и специалистами, в настоящее время доступны в современных СМИ (чаще всего электронных). Это также позволяет сделать их объектом

лингвистического анализа. Журналистская этика подразумевает, что работник СМИ не должен высказывать свое мнение, а перекладывает «ответственность за содержание материала на внешние источники». В аналитическом прогнозе, составленном экспертом, ценным является именно самостоятельное мнение, а не изложение точек зрения специалистов по обсуждаемой проблеме [Там же].

Как уже указывалось выше, современные аналитические прогнозы становятся доступными массовому адресату благодаря новейшим интернет-технологиям. Следствием такой опосредованной коммуникации между создателем аналитического прогноза и целевой аудиторией является тот факт, что адресант «вынужден учитывать каноны журналистики, быть готовым нести юридическую ответственность за содержание материалов и ориентироваться не на индивидуального заказчика, а на более широкую аудиторию читателей» [Там же]. Сказанному соответствуют прогнозы, размещенные на следующих интернет-сайтах и ставшие материалом для анализа в нашем исследовании:

- *Центр стратегических оценок и прогнозов. Автономная некоммерческая организация* (<http://www.csef.ru/index.php/ru/>);
- *медиа-холдинг «Эксперт»* (<http://expert.ru/>);
- *Политанализ.Ру* (<http://www.politanaliz.ru/about.html>);
- *издание торгово-промышленной палаты РФ «Торгово-промышленные ведомости»* (<http://www.tpp-inform.ru>).

Равно как и с новостными жанрами, немаловажным структурным элементом прогностического высказывания являются заголовки и заголовочные комплексы. К. В. Прохорова определяет заголовочный комплекс как многокомпонентную систему, включающую такие элементы, как «тематическое название полосы, рубрика, собственно заголовок, подзаголовок, внутренние заголовки (главки), шапка, лид, предтексты, вставки, подписи к фотографиям, а иногда и подпись» [Прохорова 2005: 14–15]. Прогностическая интенция репрезентирована в таких элементах заголовочных комплексов, как собственно заголовки, внутренние заголовки и подзаголовки. В свою очередь типология прогностических высказываний-заголовков опирается на классификацию И. Р. Гальперина, который выделяет в тексте следующие виды информации:

- *содержательно-фактуальная информация (СФИ)* – сообщение о фактах, событиях, процессах;

- содержательно-концептуальная информация (СКИ) – осмысление информации первого вида, сообщение читателю индивидуально-авторского понимания;

- содержательно-подтекстовая информация (СПИ) – скрытая информация, извлекаемая из СФИ благодаря порождению ассоциативных значений [Гальперин 1981: 34].

Типология видов информации позволяет нам выделить следующие виды прогностических высказываний-заголовков:

1. Тематический/концептуальный прогнозы

Тематический заголовок-прогноз включает преимущественно содержательно-фактуальную информацию (тема текста), в концептуальном же сделан акцент на индивидуально-авторском видении прогнозируемых событий (мнение, идея, интерпретация информации).

Тематический прогноз: *Что же будет с родиной и с нами? Экономический прогноз для российского гражданина* (Русский репортер. № 44. 2014).

Концептуальный прогноз: *Концентрация на вырост* (Эксперт. № 44. 2013).

Достаточно редко встречаются тематико-концептуальные заголовки, в равной степени отражающие и тему, и идею текста, хотя в принципе они возможны: *Репетиция нового президента. Выборы в Москве и Екатеринбурге как начало новой эпохи* (Русский репортер. № 36. 2013). Тема – прогноз состава кандидатов в президенты в 2018 году. Идея – местные выборы как отражение нового состава участников выборов

2. Оценочный/безоценочный (нейтральный) прогноз

Оценочным прогнозом можно считать тот, который содержит содержательно-подтекстовую информацию (иронические и другие ассоциации, намеки, прецедентные феномены и иные формы отсылки к ранее известной и так или иначе оцениваемой информации и др.), а безоценочным – тот, который такой информации не содержит.

Оценочный прогноз (внутренние заголовки и подзаголовки представляют собой два самостоятельных предложения): *Что же будет с родиной и с нами? Экономический прогноз для российского гражданина* (Русский репортер. № 44. 2014) <...> *Город-сказка, город-мечта. Каким станет мегаполис будущего* (Русский репортер. № 45. 2014).

Безоценочный прогноз: *Нынешнее поколение французов будет жить при коммунизме. Правительство Франции опубликовало проект развития страны до 2025 года* (Русский репортер. № 34. 2013).

3. Метафорический/неметафорический прогноз

Метафорический прогноз: *С насморком – в Европу. ЕС Украину не выльчит, но даст временное облегчение* (Русский репортер. № 39. 2013) <...> *Гадание на нефти* (Деньги. № 50. 2014).

Неметафорический прогноз (часто совмещен с метафорическим): *Перемены неизбежны. Четыре гадания на судьбе родины и Вселенной* (Русский репортер. № 51. 2011).

4. Обоснованный/необоснованный прогноз

С нашей точки зрения, обоснованными заголовками-прогнозами можно с известной степенью условности считать те, которые содержат указание на авторитет: автора прогноза (известного политолога, социолога, футуролога, эксперта из других областей, например экономики) или авторитетную организацию.

Обоснованный прогноз: *7 вопросов Леониду Григорьеву, экономисту. О сценариях кризиса* (Русский репортер, № 33 2012) <...> *Сколько людей будет в России. Росстат опубликовал прогноз численности населения в 2031 году* (Русский репортер. № 45. 2013).

Необоснованный прогноз: *Итоги года и эпохи: есть ли у нас риск потерять Россию? Советский сценарий для России* (Русский репортер. № 48. 2014).

5. Утвердительный/вопросительный прогноз

Утвердительный прогноз: *Мы можем избежать спада* (Эксперт, № 1–3. 2014–2015).

Прогноз в форме вопроса: *Повторится ли 1997-й?* (Эксперт. № 35. 2013) <...> *Чья возьмет?* (Эксперт, № 40 2013) <...> *Чего хорошего вы ждете от российской экономики в 2015 году?* (Деньги, № 50 2014).

Однако чаще, чем собственно вопросительные, в заголовках используются утвердительно-вопросительные прогностические высказывания, которые формально структурированы как вопросы, но не имеют вопросительного знака в конце (отсутствует графический показатель вопросительного предложения): *Каким будет российское общество в ближайшее десятилетие* (Русский репортер. № 38. 2013) <...> *Все, что вы хотели знать о бюджете, но боялись*

спросить. На что собирается раскошелиться российское правительство, а на что нет (Русский репортер. № 40. 2013).

6. Однонаправленный/альтернативный прогноз

Однонаправленный прогноз (преобладающий): Рынок денежных переводов будет консолидироваться (Деньги. № 50. 2014).

Альтернативный прогноз: 10 + 10 кризис-фактов. «За» и «против» того, что кризис еврозоны радикально обострится и затронет Россию (Русский репортер. № 36. 2012).

7. Констатирующий/вероятностный прогноз

Констатирующий прогноз: Футуролог Джордж Фридман: «Россия и Китай развалятся к 2030 году». <...> Не выборы, а галлюцинация.

Вероятностный прогноз: Сирия в войне. Гражданское противостояние в стране может закончиться интервенцией (Русский репортер. № 7. 2012) <...> Суверенная укроемократия. Что если Сурков и правда займется ближним зарубежьем? (Русский репортер. № 38. 2013).

Исходя из лингвистического аспекта исследования прогноза как жанра, следует отметить, что он неоднороден по составу. Анализ материала показывает, что в рамках прогноза в современных СМИ целесообразно выделить ряд жанровых форм (субжанров), что позволяет нам соотнести текст прогноза с одним из компонентов моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса, а именно – с жанрово-стилистическим блоком.

1. Жанровые разновидности

Так как прогноз является разновидностью аналитической статьи, основной целью которой является «объяснение ряда взаимосвязанных явлений, определение тенденций, закономерностей их взаимодействия, установление их ценности, формирование **прогноза развития ситуации** (выделено нами. – Н. К.), процесса, явления», то основным жанровым воплощением прогноза является формат статьи [Тертычный 2014: 44]. В данном случае статья-прогноз по своим характерологическим признакам полностью отвечает определению статьи как жанра. Она понимается как «публикации, анализирующие некие ситуации, процессы, явления, лежащие в их основе закономерные связи с целью определения их политической, экономической или иной значимости и выяснения того, какие позиции следует занять, как себя вести, чтобы поддержать или устранить та-

кую ситуацию, такой процесс, такое явление» [Там же: 161]. Нельзя не согласиться с мыслью о том, что любой прогноз опирается на имеющиеся у эксперта в данной области и (или) журналиста знания, на известные данные, на анализ ситуации. Автор прогноза видит свою задачу не только в прогнозировании развития проблемной ситуации, в построении «модели» будущего, но и в выявлении причин сложившегося положения дел. Сказанное содержится, например, в дайджесте прогноза Еврокомиссии относительно перспектив развития Европейского союза, представленного на сайте издания торгово-промышленной палаты Российской Федерации «Торгово-промышленные ведомости» 18 ноября 2012 года⁵.

Еврокомиссия опубликовала очередной, выходящий раз в полгода, прогноз развития экономической ситуации в странах Евросоюза и, в частности, в еврозоне. Документ, который заглядывает в будущее до 2014 года, оказался более мрачным, чем тот, который был выпущен весной. Об этом сообщает агентство «Прайм».

Еврокомиссия считает, что экономика Евросоюза плывет по бурному морю. Проблемы экономического роста и занятости вышли в странах ЕС на первый план, почти затмив собой проблемы дефицитов бюджетов и госдолга. Власти региона разрабатывают различные программы по восстановлению стимула к росту ВВП, повышению занятости. Однако, судя по прогнозам ЕК, в ближайшие годы серьезного успеха от них ждать не стоит.

Оценка динамики ВВП понижена на следующий год для еврозоны, ЕС и, в частности, мощнейшей экономики региона, ее локомотива – Германии. Четверка крупнейших стран еврозоны стала выглядеть хуже с точки зрения роста экономики. Ожидания в области безработицы неутешительны.

Нынешнюю ситуацию ЕК назвала в своем отчете посткризисной коррекцией. Она продолжает сильно давить на экономическую активность и занятость в ЕС, отмечается в документе. Возвращение к скромному росту ожидается в Евросоюзе в середине 2013 года.

Еврокомиссия понизила оценку увеличения ВВП еврозоны на 2013 год до 0,1 с 1,0 %, ЕС – до 0,4 с 1,3 %, Германии – до 0,8 с

⁵ В тексте прогноза жирным шрифтом выделена та часть, которая является прогностическим фоном, а подчеркивание указывает непосредственно на прогноз.

1,7 %, Франции – до 0,4 с 1,3 %, Италии – до падения в 0,5 % с роста в 0,4 %, Испании – до сокращения на 1,4 % против 0,3 %. ЕК считает, что в текущем году ВВП еврозоны уменьшится на 0,4 %, а весной ждала снижения на 0,3 %, для ЕС показатель ухудшен до снижения в 0,3 % с нулевого роста.

Безработица, по мнению специалистов Еврокомиссии, будет на уровне 11,3 % в еврозоне в текущем году, 11,8 % – в следующем и 11,7 % – в 2014 году. В ЕС ожидаются 10,5, 10,9 и 10,7 % соответственно. Испания продолжит бить рекорды ЕС своей безработицей: 25,1, 26,6, 26,1 % соответственно с 2012 по 2014 год. ЕК надеется, что безработица стабилизируется наконец в ЕС к завершению следующего года.

Еврокомиссия считает, что доверие к экономике региона, необходимое для роста инвестиций и частного потребления, может быть восстановлено претворением в жизнь реформ, озвученных в последние месяцы. К ним можно отнести создание бюджетного и банковского союза, высвобождение для экономики ЕС до 120 млрд евро.

ЕК надеется, что слабость глобального спроса будет лишь временной. Именно его ЕК ранее называла в числе важнейших причин, по которым регион, обремененный долгами, проводящий серьезные социально-экономические реформы, нередко отрицательно влияющие на благосостояние граждан, потерял стимул к восстановлению экономики.

ЕК считает, что снижение внутреннего спроса вот уже более года тянет ВВП ЕС вниз и, возможно, продолжит подобную работу во второй половине текущего года и первой половине следующего года. Частное потребление, один из крупнейших компонентов внутреннего спроса Евросоюза, продолжит стагнировать в 2013 году, констатирует ЕК. Реальные располагаемые доходы населения остаются под давлением высокой безработицы, повышенных налогов, пишут специалисты Еврокомиссии.

В связи с продолжающимся проведением политики затягивания поясов на бюджетах стран ЕС государственное потребление незначительно сократится в наступающем году.

ЕК считает, что бюджетный дефицит в ЕС упадет в 2013 году до 3,2 % ВВП, а в еврозоне – до 2,6 % ВВП. Пактом стабильности и роста предусмотрен лимит дефицита в 3 % ВВП. Весной

ожидалось 3,3 % ВВП для ЕС и 2,9 % ВВП для еврозоны на 2013 год.

Новые прогнозы 2012 года: 3,6 % по Евросоюзу и 3,3% ВВП по еврозоне. В весеннем прогнозе было 3,6 и 3,2 % соответственно.

Госдолг для ЕС предполагается в 2013 году на уровне 88,5 % ВВП против весеннего прогноза в 87,2 % ВВП, для еврозоны – 94,5 против 92,6 % ВВП. Пактом стабильности и роста этот показатель ограничен 60 % ВВП.

На 2014 год ожидается дефицит бюджета ЕС в 2,9 %, госдолг – 88,6 %, для еврозоны – 2,5 % ВВП и 94,3 % ВВП соответственно.

Большинство стран Евросоюза проходят через процедуру принудительного сокращения дефицита бюджета и госдолга к нормативам пакта. Выполнение этих программ должна контролировать ЕК. Если страна еврозоны не выполняет ее, Еврокомиссия может запросить наложение на нее штрафа, но пока таким правом она не пользовалась, предпочитая предлагать смягчение условий программ, предоставление дополнительного времени для сокращения дефицита бюджета, как в случае Испании и Португалии.

Таким образом, как минимум до середины 2013 года экономическая ситуация в Евросоюзе будет не самой радужной. Согласно документам ЕК, она начнет постепенно улучшаться в середине следующего года.

Согласно прогнозам ЕК, частное потребление в 2014 году может оказать на экономический рост уже положительное, а не отрицательное влияние, несмотря на высокую безработицу. Вклад инвестиций в динамику ВВП также станет положительным, выйдя из нулевой зоны 2013 года, после его негативного воздействия в 2012 году. При этом позитив от чистого экспорта может сократиться, но он не уйдет в отрицательную зону.

ЕК считает, что внутренний спрос в ЕС прибавит в 2014 году 1,4 % против спада на 0,1 % в 2013 году, частное потребление вырастет на 1,2 % после нулевого роста 2013 года, валовое формирование основного капитала увеличится на 2,8 % против 0,1 % в 2013 году, экспорт вырастет на 5,3 %, а импорт – на 4,9 %.

Положительный баланс текущего счета ЕС может подняться в 2014 году до 149,9 млрд евро с 118,6 млрд евро в 2013 году и 49,8 млрд евро в 2012 году, прогнозирует ЕК. Этот показатель на

текущий и следующий годы был ею значительно повышен с весенних оценок в 34,5 млрд евро и 88,0 млрд евро соответственно.

Как видно из данного материала, прогнозы относительно перспектив развития Евросоюза предваряются замечаниями, касающимися современного (на тот или иной период) положения дел в экономике Евросоюза: указывается на непростое экономическое развитие стран, входящих в Европейский союз; описываются наиболее острые экономические проблемы, стоящие перед руководствами государств – членов ЕС; приводятся данные о мерах, предпринимаемых в странах региона по выходу из кризиса. Как мы считаем, эту информацию можно рассматривать как прогностический фон.

И лишь во второй части статьи даются прогнозы относительно возможного уровня безработицы, определяются конкретные цифры относительно бюджетного дефицита и государственного долга, описывается ситуация с импортом и экспортом и их влиянием на формирование основного капитала.

Следующей разновидностью прогноза является интервью-прогноз, который можно рассматривать как гибридный жанр, так как этот жанровый вариант, совмещающий в себе две формы персонализации информации (монологическую и диалогическую), содержит элементы разных речевых жанров (прогноза и интервью). Прогноз-интервью представляет собой вопросно-ответную форму изложения материала с элементами прогнозирования. Его жанровая интенция – построение конструкта будущего, который можно определить как состояние системы через определенный/неопределенный промежуток времени после момента речи. Прогноз-интервью следует рассматривать как разновидность аналитического интервью, когда основной целью является не только «проинформировать читателя о предмете авторского интереса», но и проанализировать этот предмет [Тертычный 2014: 82].

В прогнозе-интервью конструкт будущего манифестируется как в вопросах и комментариях интервьюера, так и в высказываниях и рассуждениях интервьюируемого. Так, в интервью российского экономиста и политика С. Ю. Глазьева еженедельной газете «Завтра» интервьюируемый ссылается на прогноз международного рейтингового агентства Standard & Poor's (S&P): *Недавно агентство S&P дало прогноз, что в случае потери Украиной восточных ре-*

гионов страну ждет дефолт. Каким вы видите дальнейшее развитие событий в стране? [электронный ресурс: <http://top.rbc.ru/economics/11/05/2014/922968.shtml>]. С целью получения от собеседника информации о возможном пути развития обсуждаемой ситуации журналист использует лексические единицы с семантикой «обращенность за момент речи» (*сценарий, вероятность, риск*), а интервьюируемый представляет индивидуально-авторский вариант развития событий, ср.:

Вопрос: *Насколько вообще вероятен сценарий, при котором Украина остается единой? <...> Насколько вообще вероятен иранский сценарий для России, чем мы можем ответить? Какова вероятность, что белорусы убедят Москву?* [Там же].

Ответ: *Даже при самом благоприятном сценарии программа помощи МВФ покрывает лишь две трети минимальной потребности Украины на ближайшие три года. А при плохом сценарии, если нацистская хунта изолирует Украину от России, в стране наступит финансовая катастрофа. По экономическому уровню она скатится на уровень Средней Африки* [Там же].

Ответы интервьюируемого являются индивидуально-авторскими: наряду с выражением собственного мнения и интерпретации имеющейся информации, в них содержится оценка действительности, а форма выражения своего отношения к предмету обсуждения – метафорическая.

В поддержку мысли о том, что прогнозы, даваемые в ходе прогностического интервью, являются индивидуально-авторскими, выступает использование личного местоимения «я». Это придает содержащимся в тексте интервью прогнозам отчетливо односторонний и констатирующий характер:

Я уверен, что целые области Украины в этих выборах участвовать не будут, особенно после чудовищного преступления нацистов в Одессе, которое планировалось заранее и направлялось из Киева. Сжигание людей заживо происходило в прямом эфире, в Киеве в телестудиях сидели фашиствующие элементы, в том числе депутаты Верховной Рады, их даже людьми не хочется называть. Но фашисты в Киеве долго не протянут, если только не путем отсеечения восточных, а теперь уже южных регионов. Единственный способ сохранить целостность Украины – осудить киевскую хун-

ту, организовать международный трибунал. Их ждет свой Нюрнбергский процесс [Там же].

Прогнозы, содержащиеся в интервью, могут быть не только утвердительными, но и вопросительными. В большинстве своем это утвердительно-вопросительные прогностические высказывания, которые формально структурированы как вопросы, но не имеют вопросительного знака в конце (отсутствует графический показатель вопросительного предложения):

Это обычная практика украинской стороны, она применялась всегда. А с теми антироссийскими установками, которые существуют в нынешнем киевском руководстве, такое развитие событий выглядит практически неизбежным. Вопрос только в том, когда это произойдет – сразу после перевода на предоплату, или месяц-два Украина будет играть в «энергетическую независимость», используя те до сих пор не оплаченные объемы российского газа, которые она закачала в свои хранилища, начиная с ноября прошлого года [электронный ресурс: <http://zavtra.ru/content/view/sergej-glazev-reshitelno-zhestko-i-tochno/.shtml>].

Прогноз в прогностическом интервью может выражаться через отрицательные императивы, когда интервьюируемый с помощью глаголов мышления (*думать*) воздействует на целевую аудиторию и призывает спроецировать свои размышления в будущее:

Не надо думать, что Россия, сдав Донбасс, обретет мир на своих границах и спокойствие внутри страны: на очереди будет Крым, на очереди будет активизация «пятой колонны», от либералов до салафитских террористов [электронный ресурс: <http://zavtra.ru/content/view/sergej-glazev-reshitelno-zhestko-i-tochno/.shtml>].

На наш взгляд, индивидуально-авторские прогнозы обладают наибольшим конфликтогенным потенциалом, так как представляют собой экспликацию различных способов аргументации; предположений о возможном развитии ситуации; тактик и стратегий, направленных на убеждение собеседника в истинности и правоте своих доводов. В целом структура прогноза соответствует компонентам аргументации как риторического приема. Аргументация начинается с рассмотрения определенного положения, а в прогнозе эти положения имеют форму прогностического фона. Аргументы в теории аргументации – это определенные факты, доводы в пользу рассматриваемого положения. Прогноз всегда оперирует конкрет-

ными цифрами и датами. Однако эти цифры и даты лишь предположения о возможном развитии событий, что является доводом в пользу отнесения прогноза к области функционирования конфликтного дискурса.

2. Функции

Как следует из жанровой интенции прогнозов, основная функция может быть определена как прогностическая. Ее можно назвать конструктивно-прагматической (на основе выявления современного положения дел определяется будущее состояние системы). Прогноз в его полном текстовом развертывании – это всегда рефлексия субъекта на тему: что мы знаем о прошлом и настоящем состоянии субъекта; какая практическая проблема составляет квинтэссенцию прогноза; какие действия и их последствия возможны и (или) желаемы в будущем; какой результат ожидается в итоге реализации тех или иных экстраполированных в будущее действий? Особую роль прогностическая функция приобретает в межкультурном политическом пространстве, когда прогнозируется политическое поведение не только отдельных социальных субъектов, но и их взаимодействие на международной политической арене, в частности в рамках дихотомии «Восток-Запад».

Следующая функция, которая логично вытекает из предыдущей (прогностической), – это оценочная функция. Так как большинство прогнозов относительно социально-экономического и политического развития относятся к разряду поисковых (предполагающих условное развитие в будущем изучаемого явления), то речь в них идет об оценке значимости данного феномена, установлении причинно-следственных отношений, сравнении предмета оценки с определенными критериями. Последнее обстоятельство позволяет оценке выступать в качестве «барометра» того, насколько правомерным является рассмотрение будущего состояния системы.

Прогнозы могут выполнять и превентивную функцию, так как любой прогноз не только содержит вероятностную информацию, но и возможные условия благоприятного развития событий или описание того возможного сценария, который будет иметь негативные последствия для субъекта (субъектов) прогноза. В этом случае происходит сращение прогноза с апеллятивными речевыми жанрами. Например, на сайте информационного агентства России ТАСС был размещен прогноз министра иностранных дел ФРГ

Франк-Вальтера Штайнмайера о возможных сроках продолжения украинского конфликта: Прогноз: «Я всегда говорю: чтобы спровоцировать конфликт, может потребоваться 14 дней. Однако чтобы его же решить, потребуется 14 лет», – указал он. Разногласия с РФ по украинской теме он назвал «серьезными», после чего утвердительно ответил на вопрос, может ли нынешний конфликт «продлиться 14 лет». Кроме того, Штайнмайер заявил, что вопрос о вступлении Украины в состав НАТО не стоит на повестке дня. «Для меня членство Украины в Североатлантическом альянсе не может стоять на повестке дня. Во всяком случае я не вижу Украину на пути в НАТО», – отметил министр. Апеллятив: следует «оставаться реалистами». «Мы находимся в центре опасного конфликта», – предупредил министр [электронный ресурс: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1612295>]. Как видно из приведенного материала, данный текст – это не только темпорально репрезентированное прогностическое высказывание (конфликт может продлиться 14 лет). Оно содержит совет (следует оставаться реалистами) и предупреждение в отношении возможного развития украинского конфликта (мы находимся в центре опасного конфликта).

3. Речевые средства

В рамках данного блока моделей конфликтного и кооперативного дискурса речь, на наш взгляд, должна идти прежде всего о лексико-грамматических маркерах прогностичности, к которым относятся:

- глагольные формы будущего времени (простая и аналитическая): Какими **станут** мегаполисы через несколько десятилетий (Русский репортер. № 45. 2014) <...> Фарис Кильзие: «Последствия нынешнего кризиса **будут** на порядок **хуже**, чем в 2009 году» (Expert Online, 4 декабря 2014 года). В последнем случае мы имеем дело с так называемым обоснованным прогнозом, когда дается ссылка на авторитетное мнение автора прогноза (Фарес Кильзие – председатель совета директоров компании CREON);

- форма настоящего времени в значении будущности: **Неравенство мешает** росту (Expert Online, 9 декабря 2014 года) <...> **За доллар аналитики «дают» в следующие четыре (!) года 44–45 рублей** (Expert Online, 19 ноября 2014 года);

- модальные глаголы со значением возможности свершения действия: *В этих условиях 11 декабря может оказаться черным днем для нашей экономики – если ЦБ в погоне за мифическим таргетированием инфляции вновь поднимет ключевую ставку* (Expert Online, 8 декабря 2014 года) <...> *Россия может «ударить» Европу ее же дубинкой* (Expert Online, 11 декабря 2014 года);

- вопросительные конструкции-размышления о будущем положении вещей: *Что же будет с родиной и с нами?* (Русский репортер, № 44, 2014);

- лексика с темпоральной семантикой (*тенденции, перспективы, сценарий, ждать, грядет, предвестники, предрекать, предсказывать* и др.): *Предвестники рецессии* (Expert Online, 19 ноября 2014 года) <...> *Так же как семь лет назад, аналитики, а их в компании немного – менее десятка человек, предрекают американской экономике большие трудности* (Expert Online, 11 ноября 2014 года);

- бессоюзные предложения с недифференцированной семантикой: *Больше денег – меньше роста* (Expert Online, 19 сентября 2013 года) <...> *Снижение тарифов – стимул для роста* (Expert Online, 10 сентября 2013 года);

- номинативные предложения, описывающие ситуацию в будущем: *Обречены на поражение* (Expert Online, 4 сентября 2013 года).

Таким образом, релевантными для жанра прогноза являются компоненты моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса в жанрово-стилистическом блоке, функциональной составляющей и речевых средствах. Так как прогнозы не репрезентируют факты, а определяют тенденции и перспективы развития того или иного явления, вполне правомерно говорить о существовании анализируемого жанра в рамках конфликтного дискурса. Так, представители стороны с противоположными взглядами могут дать неблагоприятный прогноз в отношении социально-экономического развития ситуации у своего оппонента, что позволяет нам характеризовать прогноз как функционирующий в рамках конфликтного дискурса. Приоритетными для прогнозов являются прогностическая, оценочная и превентивная функции. Не вызывает сомнения тот факт, что прогноз может являться и средством провокации. Однако лишь время может определить, насколько достоверными были те или иные прогностические высказывания.

ГЛАВА 4. ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОНФЛИКТНОГО И КООПЕРАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА

4.1. Политическое интервью: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса

Целью настоящей главы, как и в случае с монологическими жанрами, соотносимыми с конфликтным и кооперативным типами дискурса, является описание вариативной реализации инвариантных моделей соответствующего типа интеракции на материале различных диалогических жанров.

В современной публичной коммуникации отмечается тенденция к преобладанию диалогических жанров над монологическими. Диалог, по замечанию О. Ю. Левашкиной, является также «распространенным видом межкультурного взаимодействия» [Левашкина 2005: 4]. И. В. Наместникова считает диалог основой межкультурной коммуникации [Наместникова 2003: 106]. Начиная с 1960-х годов появляется большое количество исследований, посвященных анализу монолога и диалога в разных сферах коммуникации: обиходно-бытовой, художественной, публицистической, религиозной и др.

Т. Н. Колокольцева сводит все наиболее распространенные трактовки диалога к следующим основным подходам. Проверенное временем понимание диалога восходит к работам М. М. Бахтина. Согласно концепции исследователя, диалогический характер носит не только человеческое общение, но и человеческое мышление, процесс понимания.

В метафорическом понимании (которое имеет отношение не только к лингвистике, но и к самым разнообразным проявлениям общественной деятельности) диалогом называется любое социально значимое взаимодействие.

Третье понимание диалога является более узким. Диалог трактуется как форма или вид речи. Разделяя этот подход, доминирующий в современной науке, Т. Н. Колокольцева рассматривает диалог как форму активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является

образование специфического дискурса, состоящего из последовательности реплик. При этом один из субъектов может носить интегрированный характер, то есть быть представленным группой лиц [Колокольцева 2000: 50–56].

Анализируемый нами материал свидетельствует об активном коммуникативном взаимодействии участников общения, например интервьюера и интервьюируемого, что приводит в конечном счете к образованию специфичного дискурса. Специфичность же дискурса в данном случае заключается не только в форме его построения (последовательности реплик), но и в общей тональности (конструктивный или деструктивный характер).

Т. Н. Колокольцева выделяет несколько свойств, присущих диалогу:

1. Антропоцентричность.
2. Демократизм.
3. Коммуникативный эффект.
4. Прагматический потенциал.
5. Экспрессивный потенциал.
6. Неожиданность, непредсказуемость [Там же].

Г. М. Кучинский в список характеристик диалога вносит еще один параметр – динамику точек зрения, взаимодействие которых проявляется в ходе интеракции партнеров. В процессе решения творческих задач, согласно наблюдениям Г. М. Кучинского, диалог проявляется как поиск и уточнение собеседниками логики решения задач; сближение, совпадение и расхождение взглядов; несовместимость, противоречия. Таким образом, опираясь на исследования М. М. Бахтина и экспериментальные данные, Г. М. Кучинский определяет диалог не просто как речевое взаимодействие субъектов, а как взаимодействие присущих им, развиваемых различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь [Кучинский 1983: 11]. Л. Р. Дускаева при рассмотрении диалогичности во главу угла также ставит взаимодействие двух или нескольких смысловых позиций и рассматривает диалог как выражение в речи многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения. Специфика выражения диалогичности, по мнению автора, определяется системой экстралингвистических факторов – гносеологических, социальных, идеологических [Дускаева 2004: 33].

Совокупность обстоятельств и условий внелингвистического характера не может не наложить отпечаток на репертуар реализуемых в жанре интервью компонентов моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса. Интервью наряду с другими диалогическими жанрами (пресс-конференция, комментарий) функционируют в рамках межкультурного политического пространства. Поэтому мы предлагаем трактовать интервью, бытующие в межкультурной политической среде как **политическое интервью межкультурного уровня**. Последнее определяется нами как **беседа представителей зарубежных средств массовой информации с членами российского эшелона власти и (или) разговор журналистов от российских СМИ с иностранными политиками, а также зафиксированный результат такого разговора**.

Так как политическое интервью межкультурного уровня – это разновидность интервью как публицистического жанра, то возможно предположить, что коммуникативная деятельность представляет собой совокупность взаимонаправленных речевых действий коммуникантов. Она сочетает в себе элементы информирования, воздействия, взаимодействия, интерпретации, провоцирования. Сказанное о политическом интервью межкультурного уровня дает возможность говорить о функциях данного типа интеракции.

1. Функции. Ценности

Такие функции, как информирующая, воздействующая, интерактивная, являются релевантными и для политического интервью межкультурного уровня как диалогического жанра, и для некоторых монологических жанров (например, новости). Поэтому считаем логичным более подробно остановиться на характеристике тех функций, которые присущи только анализируемому жанру.

Одной из таких функций является интерпретативная, которая может быть рассмотрена в свете кодово-семиотической теории коммуникации. Согласно последней, одна и та же денотативная ситуация может быть по-разному интерпретирована участниками коммуникативного акта ввиду различий в presupпозициях и взглядах на референциональную ситуацию на всех уровнях (вербальном, визуальном и акустическом). Ю. В. Артемьева отмечает, что в случае несоответствия всех компонентов или одного-двух из них референциональной ситуации не происходит адекватного восприятия информации [Артемьева 2000: 10]. В таком случае возникает

коммуникативная неудача, в нашем понимании коммуникативный конфликт.

Коммуникативный конфликт возникает и в том случае, когда взаимодействие участников интервью в ходе общения по линии «кооперативность – конфликт» развивается в сторону последнего. В этом случае диалог во время интервью приобретает конфликтную направленность. На конфликтное коммуникативное поведение во время интервью собеседника нередко провоцирует интервьюер, чему способствует феномен асимметричного распределения ролей – явление, подробно описанное на материале немецкого языка Ф.-Й. Беренсом [Berens 1975]. Суть асимметрии как ключевой характеристики коммуникации в интервью заключается в том, что интервьюеру отводится право начинать и завершать интервью, вводить и продолжать темы, задавать вопросы, основываясь на имеющихся у него данных. Интервьюируемому надлежит отвечать на вопросы интервьюера и реагировать на его комментарии. Смена темы в ходе интервью может произойти только с согласия интервьюера.

М. В. Юрина утверждает, что признак асимметрии закрепляет структуру диалога в интервью. С одной стороны, интервьюер должен реализовывать свою цель, оперируя лишь вопросами. Он лишен возможности выражать свое мнение, позицию. С другой стороны, указывает М. В. Юрина, интервьюируемому предоставляются максимальные возможности для выражения своей точки зрения, что ведет в некоторых случаях к ситуации смены темы, находящейся в компетенции журналиста [Юрина 2006: 25]. Однако, как показывает анализ материала, интервьюер не всегда лишен права выражать свое мнение. В некоторых случаях, высказывая свою точку зрения по тому или иному вопросу, комментируя высказывание собеседника, интервьюер провоцирует интервьюируемого на конфликтный диалог, тем самым воздействуя на целевую аудиторию в эмоциональном плане и создавая у реципиента информации желаемое психологическое состояние. Таким образом, в конфликтном типе дискурса нарушается асимметрия ролей партнеров, что в некоторых случаях приводит к несоблюдению нейтралитета интервьюера.

При анализе конфликтного дискурса с точки зрения межкультурной коммуникации гипотеза о нарушении асимметрии ролей партнеров получает новое воплощение, так как на общение представителей различных культур оказывает влияние этнолингвокультур-

ная асимметрия (термин введен Н. Г. Гончар). Н. Г. Гончар рассматривает данный феномен при анализе перевода художественного текста и понимает под этнолингвокультурной асимметрией «одновременное проявление в процессе перевода фактов межъязыковой и межкультурной асимметрии, выражающихся в несовпадении, или лакунарности, элементов системы одного языка и культуры при сопоставлении их с соответствующими элементами системы другого языка и культуры» [Гончар 2009: 10]. По нашему мнению, межъязыковая и межкультурная асимметрия является источником возникновения дисгармоничных отношений в межкультурном политическом пространстве. Так, например, межъязыковая асимметрия в межкультурной политической коммуникации проявляется в том, что коммуниканты не могут выступать как равноправные собеседники, владеющие одним языком. Паритетность участников коммуникативного акта в ходе межкультурной политической коммуникации ощущается только на уровне статуса государств, которые они представляют. Ценностные установки агентов межкультурного политического дискурса как индивидов и социальных субъектов, личностные системы верований, групповые традиции, традиционные системы убеждений в пространстве конфликтного дискурса играют немаловажную роль по причине того, что каждый из участников интервью транслирует свои ценности партнеру и целевую аудиторию. Однако в случае несовпадения провозглашаемых идей или ценностей с уже имеющимися у другой стороны представлениями возникает коммуникативный конфликт.

Таким образом, экстралингвистические факторы не могут не влиять на процесс коммуникации в случае общения представителей двух разных лингвокультур, что приводит к тому, что диалог может приобретать конфликтный характер, а общение ведется в деструктивном русле. Не отрицая роли и важности собственно языковых условий порождения коммуникативного конфликта, необходимо подчеркнуть, что специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток на возникновение коммуникативного конфликта. Специфические характеристики поведения в той или иной национальной общности с наибольшей силой проявляются, когда в контакт вступают представители разных культур, что приводит к сбоям, нарушениям и даже невозможности общения.

Так, во время интервью В. В. Путина французскому радио «Европа 1» и частному общепольскому телеканалу TF1 (4 июня 2014 года) журналист задал российскому президенту вопрос об отношениях с Францией и Германией, лингвокультурологической основой которого стало знание/незнание руководителями упомянутых стран языков своих визави: *ВОПРОС: Франция, по вашему мнению, это суверенная и независимая держава, к которой прислушиваются? Каково ваше отношение к Германии? По сравнению с Германией? Вы говорите с Ангелой Меркель по-русски и по-немецки, а Франсуа Олланд не знает русского языка, вы не знаете французского. Можно ли сказать, что вы говорите на одном языке?* В данном случае выражение *говорить на одном языке* употребляется как в своем прямом значении (владеть одним и тем же языком), так и как идиоматическое сочетание (иметь одни и те же идеи, вкусы, мнения). Такая пресуппозиция вопроса была «прочитана» интервьюируемым, что и нашла отражение в ответе: *В. ПУТИН: Это не мешает нам (незнание с моей стороны французского и русского со стороны Франсуа) говорить, по сути, на одном языке, даже через переводчиков, мы хорошо понимаем друг друга. Что касается уровня суверенитета, повторяю, любая страна, вступающая в определенные военные союзы, добровольно передает часть своего суверенитета наднациональным органам. Для России это неприемлемо. Что касается других стран, это не наше дело, сами страны должны определять, как действовать и как поступать. Но в этой связи мне вспоминаются и традиции голлизма, вспоминается и генерал де Голль, который защищал суверенитет Франции. Мне кажется, что это достойно уважения. Есть и другой пример, пример Миттерана, который говорил о европейской конфедерации, кстати говоря, с участием России. Мне представляется, что ничего еще не потеряно, имею в виду будущее Европы.*

2. Участники

Описание данного компонента в моделях конфликтного и кооперативного типов дискурса является необходимым по причине того, что общение во время политического интервью межкультурного уровня не может происходить без помощи переводчика, чья деятельность в рамках политического дискурса обычно сводится к следующим случаям устного и письменного перевода:

– перевод на политических переговорах, саммитах;

- перевод речей политических лидеров;
- неофициальный перевод при кулуарном общении;
- (реферативный) перевод иноязычных новостей, информации с сайтов, бегущей строки;
- перевод речи политических лидеров для последующих устных выступлений;
- перевод и редактирование выступлений, интервью, стенограмм переговоров для последующей их публикации (и цитирования) в средствах масс-медиа;
- перевод материалов двуязычных сайтов и блогов политических лидеров;
- перевод мемуаров [Бродский 2011: 104].

Мы считаем необходимым добавить в приведенный выше список синхронную работу переводчика во время политического интервью межкультурного уровня, когда от умелого использования тех или иных стратегий и тактик перевода зависит степень понимания интервьюируемым вопросов интервьюера, в конечном счете – наличие и отсутствие противоречий, разногласий, столкновений во время интервью, то есть всех показателей конфликтного коммуникативного взаимодействия. Анализ языкового материала показывает, что российские политические лидеры часто жалуются на некачественный перевод во время интервью, что препятствует реализации их возможности как можно более ясно и полно донести до аудитории свою мысль и интенцию. Так, например, во время интервью председателя правительства России В. В. Путина главным редакторам ведущих иностранных изданий (2 марта 2012 года) интервьюеров очень интересовал вопрос о тандеме Путин – Медведев: *Не кажется ли вам, что эта смена мест между вами и нынешним президентом Медведевым являет собой своего рода политическую олигархию? Станет ли господин Медведев следующим премьер-министром России? <...> Ну ваши действия об этом говорят, потому что вы стремитесь к тому, чтобы стать президентом, а Медведеву не позволяете. <...> Но что же Медведев сделал не так? Почему он не мог выставлять свою кандидатуру на президентских выборах?* Не вызывает сомнения тот факт, что подобный настойчивый интерес к персонам двух руководящих фигур в российском обществе не мог не вызвать некоторого раздражения интервьюируемого, что могло вылиться в разворачивание беседы по

деструктивному руслу. Однако В. В. Путин, как умелый политик и риторически подготовленный собеседник, всеми доступными средствами пытается донести до журналистов свою мысль, ссылаясь на помехи в переводе: *Кто сказал, что кто-то сделал не так? Я вам в третий раз повторяю (видимо, очень плохой перевод): мы с ним представляем одну политическую силу, и мы заранее договорились, что на выборы президента пойдет тот человек, у кого лучшее будет положение, больше шансов уверенно победить. И мы вместе заранее приняли это решение и исполнили его тогда, когда подошел срок его исполнить, по общей договоренности не стали крутить хвостом и чего-то не договаривать, а прямо народу и стране сказали, как мы предлагаем дальше действовать. То, что оппозиция воспользовалась, попыталась это как-то перевернуть, извратить, представить в выгодном для оппозиции свете, – это дело оппозиции. Мы считаем, что мы поступаем правильно.*

Другой пример. Во время интервью Д. А. Медведева польским средствам массовой информации (6 декабря 2010 года) журналист задал собеседнику вопрос, который был охарактеризован как «трудный»: *«Господин президент, трудный вопрос, который я должен задать. Где находится Россия на пути строительства правового государства? Вопрос возбуждает мысли. Нельзя говорить только об экономических преступлениях. Какова ваша позиция в вопросах, можно ли заниматься только преступлениями криминального характера или также преступлениями экономического характера, одновременно развивать экономику и бороться с преступлениями экономического характера? Каково ваше мнение на этот счет?»* С точки зрения прагматического потенциала этот вопрос можно охарактеризовать как провокационный, так как он затрагивает темы, изначально болезненные для любого государства и руководителя, его представляющего. С целью элиминации конфликтогенного потенциала своего ответа и предотвращения коммуникативного конфликта интервьюируемый ссылается на некачественный перевод и пытается дать ответ на вопрос в зависимости от собственного понимания интенций интервьюера: *«Не очень хороший перевод. Я приблизительно смысл уловил, постараюсь ответить на ваш вопрос».*

В политическом интервью межкультурного уровня переводчик не является той фигурой, которая может восполнить лакуарность элементов системы одного языка, снять этическую и политическую

напряженность во время разговора, перевести диалог в толерантную плоскость. По большей части именно от корректности перевода зависит то, в каком русле будет разворачиваться беседа представителей двух культур, – кооперативного или деструктивного взаимодействия. Интервьюируемый всегда должен помнить об этом (наши наблюдения показывают, что это происходит именно так) и уточнять непонятные места с апелляцией к личности переводчика. Так, например, во время интервью В. В. Путина (на его посту председателя правительства РФ) 8 января 2007 года индийскому телеканалу «Дурдаршан» и информационному агентству Пи-ти-ай журналист задал вопрос об успехах России в геологоразведочных работах и об избытке у страны запасов нефти: *«В последнее время Россия добилась заметных успехов, в частности, в геологоразведочных работах, обнаружении новых запасов нефти. Россия обладает избытком этого ресурса, в то время как в Индии высказывается некоторое неудовлетворение тем, как решаются проблемы снабжения нашей страны нефтью. Есть ли у вас в этом отношении какие-то планы, задумки? В частности, о приобщении индийских компаний к проекту «Сахалин-3», ведь самые большие капиталовложения, сделанные Индией за рубежом, как раз имели место на Сахалине? Предполагаете ли вы дальнейшее участие Индии в инвестициях на Сахалине?»* При ответе на этот вопрос В. В. Путин использовал тактику уточнения в различных модификациях: поправил самого журналиста, а затем уточнил суть реплики интервьюера через конкретизацию сути перевода: *«Прежде всего **позволю себе вас поправить**: не думаю, что мы сделали большие успехи с точки зрения проведения геологоразведочных работ. Это как раз является, пожалуй, слабой стороной деятельности российских добывающих компаний и последствием недостаточного внимания государства к геологоразведочным работам. Буквально два-три дня назад я занимался этим вопросом. Мы говорили на эту тему с председателем правительства, с руководителями крупнейших компаний, с руководством правительства и приняли соответствующее решение. **Второе, если был правильный перевод**: вы сказали, что у нас слишком много полезных ископаемых. Слишком много полезных ископаемых, так же как и денег, не бывает...»*

Таким образом, переводчик во время политического интервью межкультурного уровня является если не полноправным участни-

ком анализируемого коммуникативного события, то по крайней мере незримо присутствующей третьей стороной, способной в рамках своей компетенции повлиять на развитие интервью в направлении конфликтного или кооперативного дискурса.

3. Стратегии и тактики

Характерной особенностью политического интервью межкультурного уровня является то, что оно становится полем реализации двух типов дискурса – конфликтного и кооперативного. Как следствие одновременной реализации двух типов речевого взаимодействия коммуникантов – возможность расширенной типологии коммуникативных стратегий и тактик интервьюера и интервьюируемого. Конфликтный дискурс в политическом интервью межкультурного уровня представлен конфронтационной стратегией и соответствующими тактиками. В анализируемом пространстве логично выделить две группы тактик: тактики интервьюера и тактики интервьюируемого. К основным тактикам интервьюера, на наш взгляд, относятся: тактика цитирования мнения третьей стороны; тактика описания собственных чувств и эмоций как не совсем удовлетворяющих определенным стандартам; тактика критики действий своего собеседника и руководимой им страны; тактика провоцирования; тактика защиты; тактика принятия нейтралитета. Спектр тактик интервьюируемого в конфликтном дискурсе представлен тактикой провоцирования; тактикой защиты; тактикой согласия; тактикой несогласия; тактикой красноречивого умалчивания.

Как видно из сказанного, провокативная тактика является характерной для речевой деятельности интервьюера и интервьюируемого. В конфликтном дискурсе она используется с целью продемонстрировать определенное психологическое состояние адресанта и вызвать аналогичное состояние у адресата. Как отмечает В. Н. Степанов, «коммуникативные стратегии и речевые жанры современной коммуникационной практики существуют в тесном взаимодействии с провокативными стратегиями, которые институционализируются в процессе творческой деятельности социально-культурных институтов» [Степанов 2004: 123]. На необходимость использования провокативных стратегий и тактик в ходе интервью указывает И. Иньиго-Мора. При этом автор подчеркивает антиномичный характер дискурсивных техник интервьюирования: жур-

налисты не могут быть только рупорами интервьюируемых, напротив, интервьюеры должны провоцировать своих собеседников. Провоцирование интервьюируемых обусловлено необходимостью получить интервьюером как можно больше информации от своего собеседника. По этой причине, отмечает И. Иньиго-Мора, иногда приходится задавать вопросы, способные заставить интервьюируемого почувствовать себя неловко. Провокационные вопросы должны быть настолько «неудобными», насколько это возможно; иногда эти вопросы способны обидеть или разозлить интервьюируемого [Иньиго-Мора 2008: 33].

Анализируя пространство конфликтного дискурса, мы считаем необходимым выделить два вида провокативного общения в рамках анализируемого типа дискурса – *прямое провокативное общение* и *косвенное провокативное общение*. В высказываниях, соотносимых с прямым провокативным общением, содержится эксплицитное выражение намерения адресанта вызвать у собеседника желаемое психологическое состояние. Косвенное провокативное общение выражается посредством речевых актов намека, запроса информации, этикетных речевых актов (изначально выгодных для адресанта и адресата – комплиментов, благодарностей, извинений и т. д.).

В некоторых случаях провоцирование со стороны интервьюируемого может быть продиктовано аналогичным поведением интервьюера. В интервью председателя правительства России В. В. Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД» (30 августа 2008 года) журналист намеренно выводит разговор в конфликтную плоскость: *«То есть Россия – единственный арбитр международного права. Всеми остальными манипулируют. Они это не осознают. У них иные интересы или им все равно. Я так вас понял?»* В ответ на подобный случай прямого провоцирования В. В. Путин провоцирует собеседника на ответ, который покажется последнему неудобным с точки зрения отношения к обсуждаемым событиям, и подобным речевым актом ставит журналиста в тупик:

– *Вы меня поняли неправильно. Вы согласились с независимостью Косово? Да или нет?*

– *Я лично... Я журналист.*

– *Нет, западные страны.*

– *Да.*

Поскольку дискурс – это текст в событийном аспекте, то справедливо говорить, что на дискурс влияют («дают») и экстрадискурсивные факторы. Конфликтный дискурс также испытывает на себе влияние различных экстрадискурсивных факторов, которые откладывают отпечаток на использование участниками коммуникации тех или речевых стратегий и тактик. Проследим на конкретных примерах реализацию данного положения.

Так, например, любое провоцирование в интервью начинается с инициирующей реплики журналиста, который в стремлении вызвать соответствующую эмоциональную реакцию у аудитории в некоторых случаях формулирует вопрос в не вполне корректной (иногда очевидно агрессивной) форме, приводит в качестве фоновых данных сведения компрометирующего характера, ставит своей целью поставить интервьюируемого в тупик и показать несостоятельность доводов собеседника. В интервью Владимира Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД» (30 августа 2008 года) интервьюер так пытается вывести диалог с собеседником в конфликтную плоскость: *«Господин премьер-министр, считаете ли вы... вправе вторгаться на территорию суверенного государства, то есть не оставаться в зоне конфликта, а осуществлять ее бомбардировки. Я сам сегодня сижу рядом с вами благодаря случайности, потому что в 100 метрах от меня, в жилом квартале Гори, взорвался снаряд, бомба, сброшенная с вашего самолета. Не является ли это нарушением норм международного права, а именно то, что вы де-факто оккупируете маленькую страну. Откуда у вас это право?»* Ответ В. В. Путина был лаконичным (*Конечно, мы имеем на это право...*) и даже при уточнении журналиста и повторной попытке спровоцировать собеседника (*Еще раз уточняю – бомба была сброшена на жилой дом.*) оставался в рамках политического этикета с приведением достаточного количества фактических данных о правоте российских действий: *Конечно, мы действовали в рамках международного права. Нападения на наши миротворческие посты, убийства наших миротворцев и наших граждан – все это, безусловно, мы восприняли как нападение на Россию. В первые часы боевых действий своими ударами грузинские вооруженные силы убили у нас сразу несколько десятков миротворцев. Окружили наш «Южный» городок (там были «Южный» и «Северный» городки миротворцев) танками и начали расстреливать его прямой*

наводкой. Когда наши солдаты-миротворцы попытались вывести технику из гаражей, был нанесен удар системами «Град». 10 человек, которые зашли в ангар, погибли на месте, сгорели заживо.

Провоцирование в текстах интервью может выражаться через повторение журналистом ранее заданных вопросов. Он, однако, делает акцент на уязвимые места в действиях и рассуждениях противоположной стороны, стремясь подчеркнуть неосведомленность интервьюируемого по тем или иным проблемам, возможное заведомое сокрытие собеседником информации, нежелание оппонента посмотреть на ситуацию с другой точки зрения. В том же интервью находим следующий пример провоцирования: *«Но я же говорил, что осуществлялись бомбардировки жилых кварталов. Может быть, вы не в курсе всей информации?»*

Другим примером коммуникативного события как части конфликтного дискурса является такое оформление иницирующей реплики, которое, с одной стороны, не содержит в себе прямого провоцирования (не употребляются соответствующая лексика, фразеология и т. п.). С другой стороны, реплика не может рассматриваться как речевой акт косвенного провоцирования, так как сама формулировка вопроса, его стилистическая и эмоциональная окрашенность позволяют говорить о том, что журналист намеренно выводит разговор в такую плоскость, чтобы показать слабость позиции собеседника, лишить его возможности быть доминирующим компонентом в интервью, придать беседе конфликтный и дестабилизирующий характер. Мы предлагаем назвать такие случаи речевого поведения в интервью как со стороны интервьюера, так и со стороны интервьюируемого *медиальное провоцирование*. В конце интервью немецкий журналист задает такой вопрос: *«И последний вопрос, который я хотел вам задать, он меня очень интересует. Не считаете ли вы, что вы сами лично находитесь в западне авторитарного государства? В созданной ныне системе вы получаете информацию от ваших спецслужб, вы получаете информацию из различных источников, в том числе из высшей экономической среды. Но даже средства массовой информации порой боятся сказать что-то иное, что противоречит тому, что вы хотите услышать».*

Не вызывает сомнения тот факт, что речевое поведение собеседника при подобном провоцировании имеет важное значение с точки зрения того, в каком русле будет развиваться беседа. В случае если

интервьюируемый стремится достичь понимания и коммуникативного сотрудничества, мы говорим о толерантном речевом общении и функционировании политического интервью межкультурного уровня в рамках кооперативного дискурса. Основной в данном случае является кооперативная стратегия, а тактики логично делятся на принадлежащие интервьюеру и интервьюируемому.

К основным тактикам интервьюера, на наш взгляд, относятся: тактика просьбы, тактика уточнения, тактика извинения, тактика согласия, тактика комплиментации. Спектр тактик интервьюируемого в кооперативном дискурсе расширяется по сравнению с описанными выше тактиками за счет тактики умалчивания, тактики принятия нейтралитета и тактики уклонения от ответа.

Проследим на конкретных примерах реализацию толерантного намерения с помощью данных тактик. Так, например, в интервью Владимира Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД» (30 августа 2008 года) при явном провоцировании со стороны немецкого журналиста о действиях России в Грузии как попытках сместить президента Саакашвили председатель правительства кратко и убедительно ответил на вопрос, используя фразеологизм (*подтасовка фактов*) и лексему (*ложь*), которые подтверждают позицию страны и ограждают ее от необоснованных обвинений: *Это не так. Это просто подтасовка фактов. Это ложь. Если бы это было нашей целью, мы бы, наверное, и начали этот конфликт. Но, как вы сами сказали, начала этот конфликт грузинская сторона.* Таким образом, этикетное оформление высказывания, использование приемов эффективного общения (а именно **тактики уточнения** и **тактики подтверждения своей позиции**) позволили достичь взаимопонимания и согласованности в ходе интервью, не прибегая к деструктивным формам коммуникации.

Президент России является первым лицом государства, и его ответы в интервью межкультурного уровня отражают позицию России на мировой арене. В большинстве случаев от умелого использования руководителем страны стратегий и тактик ведения кооперативного диалога зависит репутация и имидж страны в глобальном масштабе. Так, например, в интервью немецкому журналу «Шпигель» представителем дружественного государства был задан вопрос об оценке Д. А. Медведевым (в его бытность президентом России) исторических достижений М. С. Горбачева: *«Михаил Гор-*

*бачев в моей стране (в Германии), также и на всем Западе, явля-
ется уважаемым человеком, им восхищаются за его достижения,
связанные с преодолением «холодной войны». А как вы оцениваете
исторические достижения Михаила Горбачева?»* Не вызывает со-
мнения тот факт, что при подобной формулировке вопроса очень
сложно избежать попыток перевести разговор в конфликтную
плоскость. С этой целью интервьюируемый использует **тактику
уклонения от ответа**, которая в данном случае является лучшим
способом для ведения диалога в конструктивном русле. Д. А. Мед-
ведев: *«С моей стороны, наверное, не очень правильно оценивать
деятельность своих предшественников. Михаил Сергеевич Горба-
чев является положительной фигурой для Федеративной Респу-
блики Германии, во многих европейских странах воспринимается
как человек, который сделал многое для объединения Европы, для
преодоления последствий «холодной войны», для устранения же-
лезного занавеса». В нашей стране, наверное, оценки его деятель-
ности могут быть разные, потому что период его деятельности
пришелся на распад нашего государства...»*

В интервью норвежской газете «Афтенпостен» на вопрос о пре-
имуществах или недостатках той или иной модели развития обще-
ства: *«Как, по-вашему, эта северная модель, или шведская модель,
– истек срок годности этой модели... или как?»* Д. А. Медведев не
стал отвечать с использованием конфликтных речевых стратегий и
тактик, а применил **тактики нейтралитета и умалчивания**: *«Зна-
ете, мне бы не хотелось никого обижать, а то я сейчас скажу
какую-нибудь вещь, которая, допустим, покажется обидной для
государства или для тех или иных политических сил. Скажу так: я
не очень верю в универсальные модели...»*

С целью сокращения или даже элиминации случаев недопо-
нимания в ходе беседы (а следовательно, конфликтогенного по-
тенциала интервью) интервьюируемый часто использует **тактику
уточнения** в отношении как формулировки вопроса журналиста,
так и общей позиции интервьюера относительно темы беседы. Так,
например, в интервью американской газете «Уолл-стрит джорнэл»
на вопрос журналиста о действиях американского правительства по
ускорению присоединения России к ВТО Д. А. Медведев уточнил
позицию интервьюера: *«Значит, что можно сделать и нужно сде-
лать?»* В интервью представителям белорусских СМИ журналист

поинтересовался мнением Д. А. Медведева по поводу перспектив модернизации Беларуси в рамках Союзного государства. С целью более точного ответа президент России задал интервьюеру встречный вопрос: *«Вы имеете в виду модернизацию политических институтов или чего-то другого?»* В интервью телекомпании Си-эн-эн американский журналист изложил свою позицию по поводу того, почему России следует иметь более хорошие отношения с Западом, чем сейчас, и попросил интервьюируемого выразить свое мнение по поводу озвученной точки зрения. Вот взгляд журналиста на эту проблему: *«...Перед Россией стоят большие вызовы. Вы изложили их модернизацией экономики. Для этого необходимо постоянно взаимодействовать, поддерживать хорошие отношения с центрами развития в Западной Европе, в США, в Японии. Стратегический вызов для России состоит в радикализме, жестокости исламского движения с юга, потенциально хаотической ситуации на Дальнем Востоке, где 30 миллионов россиян и миллиард китайцев смотрят друг на друга. В этих условиях возникают постоянные трения с Западом, с США, и это не отвечает национальным интересам России, не так ли?»*

Не вызывает сомнения тот факт, что подобная точка зрения обладает определенным конфликтогенным потенциалом и способна вывести разговор в конфликтную плоскость. С целью недопущения развития беседы в подобном русле Д. А. Медведев достаточно умело использовал тактику уточнения, при этом довольно четко озвучив собственную позицию по данному вопросу: *«Я почти во всем с вами согласен, за одной коррективой. Нам действительно нужны хорошие и развитые отношения с Западом во всех смыслах этого слова именно потому, о чем вы говорите. Потому что есть огромное количество вызовов, на которые мы должны вместе отвечать».*

Сфера кооперативного дискурса характеризуется широким использованием **тактики комплиментации**, которая в равной степени используется как интервьюером, так и интервьюируемым. Мы намеренно ушли от использования в названии этой тактики слова *комплимент* и заменили его на более широкое по объему значения понятие *комплиментация* (в частности, данный термин использует в своем диссертационном исследовании, посвященном комплиментной интеракции, Е. А. Сурова). Поясним причины такого вы-

бора. В известной работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» (2006) О. С. Иссерс различает тактики комплимента и похвалы, указывая, что для последней основной целью является положительная оценка, а прагматический потенциал комплимента заключается в сообщении о добрых чувствах и благорасположении. Полагаем, что такое разделение эмоционально настраивающих тактик правомерно именно на материале живой разговорной речи, тогда как в политическом интервью межкультурного уровня коммуникативные цели использования анализируемой тактики всегда будут продиктованы ситуативными и внеситуативными целями (а не только установкой на поддержание добрых отношений, как в случае с тактикой комплимента). Учитывается также соответствующее речевое поведение собеседника, поступки, действия, качества личности. Перлокутивный же эффект заключается в снятии напряженности и устранения причин (последствий) коммуникативного конфликта. При использовании этой тактики журналистом мы понимаем это толерантное намерение как такую последовательность высказываний, которая позволяет говорящему показать свое коммуникативное намерение в открытой форме и более адекватно передать эмоциональное отношение к предмету разговора. Так, например, в интервью Д. А. Медведева американскому телеканалу Си-эн-би-си довольно пространной комментарий президента России по поводу развития мировой экономики интервьюер комментирует следующим образом: *«Вы очень хороший комментарий сделали. Практически у нас регулятивная система есть, нам еще нужны системы регулирования. Единственная проблема в том, что она просто не сработала. Я согласна с вами полностью»*.

Приведем фрагмент интервью президента России представителям белорусских СМИ (23 ноября 2009 года):

М. ШЕНДРИК: Дмитрий Анатольевич, скажите, пожалуйста, вот некоторые российские политики, аналитики откровенно заявляют, что участие Беларуси в программе «Восточное партнерство» – это не что иное, как просто проявление враждебности по отношению к России. Некую похожую позицию вы тоже недавно озвучили на саммите Россия – Евросоюз.

Д. МЕДВЕДЕВ: А что я сказал?

М. ШЕНДРИК: Ну цитировать я сейчас не могу...

Д. МЕДВЕДЕВ: Вот то-то и оно.

М. ШЕНДРИК: *Вы сами помните, что говорили.*

Д. МЕДВЕДЕВ: *Молодец, выкрутилась.*

В данном фрагменте четко прослеживается различие в арсенале тактик гармоничной коммуникации со стороны интервьюера и интервьюируемого. По нашему мнению, подобный репертуар различается на уровне реакции гостя на иницилирующую реплику журналиста с установкой на толерантную коммуникацию. В данном случае реакция интервьюируемого была нестандартной, даже в некоторой степени поставила журналиста в тупик, что заставило интервьюера использовать некую разновидность тактики комплиментации. В завуалированной форме журналист дала понять собеседнику, что высоко ценит его способности как политика и человека с хорошей памятью, тем самым сохранив конструктивный и кооперативный тон беседы.

Тактика комплиментации чаще всего используется интервьюируемым. В этом случае под анализируемой тактикой мы понимаем стремление похвалить интервьюера за удачную формулировку вопроса. В приведенном выше фрагменте интервью Д. А. Медведева белорусским СМИ удачный выход журналиста из затруднительного положения президент России похвалил следующей репликой: *«Молодец, выкрутилась»*. В интервью датской радиовещательной компании вопрос о взаимоотношения Европы и России в газовом вопросе прокомментировал следующим образом: *«Это очень хороший вопрос, и на него есть очень хороший ответ»*. В интервью телекомпании Си-эн-эн вопрос о степени либеральности Д. А. Медведева по сравнению с В. В. Путиным был оценен следующим образом: *«Это хорошая постановка вопроса»*.

Как уже указывалось выше, конфликтный дискурс характеризуется нарушением асимметрии коммуникативных ролей, однако анализ языкового материала показывает, что в кооперативном дискурсе асимметричное распределение коммуникативных ролей сохраняется. Следовательно, мы можем утверждать, что журналист является той стороной в процессе коммуникации, которая отвечает за сохранение отношений конструктивной и позитивной тональности. По нашему мнению, в кооперативном типе дискурса толерантное намерение исходит не только и не столько от интервьюируемого, сколько от интервьюера. Толерантное намерение журналиста может выражаться в такой структуре интервью, которая опирается

на желание и мнение собеседника. Смена темы в интервью кооперативного дискурса может производиться только с согласия интервьюера, в целях же элиминации конфликтогенного потенциала журналист использует такие формулировки, которые не несут в себе деструктивного начала. В кооперативном дискурсе новые темы в интервью журналисты часто вводят при помощи лексем *можно, разрешите, позвольте*: «*Можно еще один вопрос о внутренней политике?*» (интервью Д. А. Медведева норвежской газете «Афтенпостен»); «*Можно уточнить?*» (интервью Д. А. Медведева представителям белорусских средств массовой информации); «*Разрешите еще поговорить о роли России в мире*», «*Разрешите задать еще пару вопросов о демократизации и модернизации в России*», «*Разрешите еще один вопрос задать, много раз задавали, но все равно интересно*» (интервью Д. А. Медведева датской радиовещательной компании); «*Позвольте спросить по другому вопросу, связанному с этим*» (интервью Д. А. Медведева телекомпании Си-эн-эн), «*Можно спросить по Афганистану?*» или «*Можно перейти к отношениям между Россией и Британией?*» (интервью Д. А. Медведева телекомпании Би-би-си). Подобные формулировки мы можем охарактеризовать как случаи реализации **тактики просьбы**, которая в жанре интервью получает новое воплощение благодаря определенной структуре и ролям, выполняемым участниками интервью.

В случае нарушения асимметрии коммуникативных ролей в сторону интервьюируемого речь может также идти о кооперативном дискурсе. Современные политические интервью отличаются тем, что интервьюируемый часто берет на себя функции журналиста и вовлекает интервьюера в беседу, тем самым давая понять, что высоко ценит своего партнера по интеракции и предлагает вести беседу на основе сотрудничества и взаимного уважения.

Приведем примеры подобного коммуникативного события. В интервью американской газете «Уолл-стрит джорнэл» при обсуждении проблем единой валюты Д. А. Медведев (в то время президент России) высказал свою точку зрения в связи с активизацией партий национальных валют и возможной угрозой для Евросоюза. Закончил он свой ответ следующим образом: «*Поэтому я не преувеличиваю угрозу, но ее недооценивать нельзя. А вы как считаете?*», обратив свой последний вопрос к журналисту. В другой части этого интервью Д. А. Медведеву был задан вопрос о Северной

Корее: *«Вопрос по Северной Корее. Недавно было потоплено южнокорейское судно, большая часть международного сообщества согласилась относительно того, что послужило причиной, – это торпеда, которая была пущена северными корейцами. Вы считаете что происходит реально в Северной Корее? Мы сейчас на стадии переходного этапа в этой стране, и именно это послужило причиной происшедшего? Что вы можете сказать миру, что вы знаете о Северной Корее?»*. В целях элиминации конфликтного потенциала подобного вопроса интервьюируемый перевел разговор в плоскость личного опыта: *«О Северной Корее все знают очень мало, но в отличие от вас скорее всего я в Северной Корее был. Вы были в Северной Корее?»* Д. А. Медведеву часто задавали вопросы о его отношениях с В. В. Путиным. Так, в интервью телекомпании Си-эн-эн интервьюер поинтересовался у Д. А. Медведева, является ли тот боссом В. В. Путина, и привел в пример Францию, где *«президент – очень сильная фигура, а премьер-министр там не так важен»*. Подобное сравнение не могло не насторожить российского президента, и он поинтересовался у журналиста: *«А в чем вы видите особую какую-то природную или же правовую статусную ситуацию, которая бы отличала, скажем, французского президента от российского президента?»*

Таким образом, основной стратегией в рамках конфликтного дискурса является конфронтационная стратегия, а репрезентирующими ее тактиками:

- тактики интервьюера: тактика цитирования мнения третьей стороны; тактика описания собственных чувств и эмоций как не совсем удовлетворяющих определенным стандартам; тактика критики действий своего собеседника и руководимой им страны; тактика провоцирования; тактика защиты; тактика принятия нейтралитета;
- тактики интервьюируемого: тактика провоцирования; тактика защиты; тактика согласия; тактика несогласия; тактика красноречивого умалчивания.

Кооперативный дискурс, в свою очередь, реализуется через кооперативную стратегию, а к основным его тактикам относятся:

- тактики интервьюера: тактика просьбы, тактика уточнения, тактика извинения, тактика согласия, тактика комплиментации;
- тактики интервьюируемого: тактика просьбы, тактика уточнения, тактика извинения, тактика согласия, тактика комплиментации.

ции; тактика умалчивания, тактика принятия нейтралитета и тактика уклонения от ответа.

4. Речевые средства

1) Вопросительные конструкции

Так как интервью-диалог представляет собой комплекс вопросно-ответных единств, то одним из широко употребляемых речевых средств в анализируемом жанре являются вопросы интервьюера. Интервьюер при общении с политиками стремится к тому, чтобы интервью стало ареной для столкновения ценностей и убеждений, что делает беседу во многих случаях содержательной и привлекательной для целевой аудитории. Цель сделать интервью как можно более информативным достигается с помощью следующих функций вопросов (при конфликтной коммуникации):

- провоцирование интервьюируемого через цитирование мнения третьей стороны. Так, например, в интервью президента России В. В. Путина (16 октября 2007 года) Иранскому гостелерадио и информационному агентству «ИРНА» журналист в попытке выяснить мнение собеседника о будущем России и ее роли в создании этого будущего ссылается на такой специфический вид межличностной коммуникации, как слухи: *«Ходят слухи, что вы после окончания вашего президентского срока вновь через некоторое время вернетесь на этот пост. Также ходят слухи, что вы собираетесь занять пост премьер-министра. Не могли бы вы это прокомментировать?»* Примечательна реакция В. В. Путина: *«Вы правильно сказали: это пока только слухи. Существует Конституция, которой я дорожу, и считаю, что мы должны следовать и букве, и духу Основного закона страны. Конституция не позволяет избираться на пост президента России более двух сроков подряд. Через срок, еще через какое-то время – да, это теоретически по закону возможно. Но в мире вообще и в России в частности жизнь очень быстро, динамично развивается. Что будет через несколько лет, очень трудно сказать. Сейчас я бы не заглядывал за рубеж нескольких лет. Но чего бы я точно хотел для себя? Я бы хотел оказаться там, где я мог бы служить народу России».* Таким образом, интервьюируемый пресек любые попытки манипулирования общественным сознанием и подтвердил установки и ценностные ориентации свои и страны, им представляемой, без речевой агрессии в процессе коммуникации;

- эксплицитное намерение адресанта вызвать у собеседника желаемое психологическое состояние (прямое провоцирование). В интервью президента России телеканалу журналист Russia Today выразил обеспокоенность по поводу ситуации в Сирии и позволил себе некоторую критику действий нашей страны: «...Вы затронули еще один очень важный вопрос, который сейчас находится в центре внимания СМИ, – это ужасающие события, происходящие в Сирии в последние полтора года. За это время позиция России не изменилась. Вы высказывались против иностранного вмешательства, за то, чтобы свое будущее сирийский народ определял сам путем переговоров. Сама по себе идея прекрасна, но каждый день с обеих сторон гибнут люди. Не пора ли перейти от слов к делам? Возможно, России следует уже пересмотреть свою позицию?» Как видно из приведенного фрагмента, интервьюер считает планы России по урегулированию ситуации в Сирии неприемлемыми и предлагает нашему государству осуществлять другую политику в отношении этой страны. Сама постановка вопроса преследует антиэтикетные цели, противоречащие позитивной направленности общения, и ведет к дестабилизации отношений участников коммуникации;

- намек; не прямой запрос информации; создание ситуации, изначально выгодной для адресанта и адресата (косвенное провоцирование). В интервью В. В. Путина во время его второго президентского срока Иранскому гостелерадио и информационному агентству «ИРНА» журналист, с одной стороны, делает комплимент главе государства по поводу отношений России и Ирана, с другой – провоцирует интервьюируемого на априори негативную реакцию: *Как вы сказали, в области технического сотрудничества между Россией и Ираном важнейшим проектом в настоящее время является проект строительства атомной электростанции в Бушере. Очевидно, это наиболее шумный проект, вокруг которого ходит много разговоров. Процесс строительства этой электростанции, к сожалению, очень затянулся. И общественное мнение в Иране, особенно элита страны, с вниманием и обеспокоенностью следит за ходом реализации этого проекта, который рассматривается в Иране как символ двустороннего сотрудничества с Россией. Очень многие бы в Иране хотели услышать ваши комментарии относительно этого проекта. Вы как президент России можете ли дать*

обещание, что до окончания вашего президентского срока ситуация сдвинется с мертвой точки и будет осуществлена поставка ядерного топлива на электростанцию, что считается важнейшим из оставшихся этапов до запуска электростанции в строй? Не вызывает сомнения тот факт, что ответ президента России содержит в себе конфликтогенный потенциал и стремление защитить репутацию свою и руководимой им страны: *«Я обещание давал только своей маме, когда был совсем маленьким мальчиком»*;

• описание собственных чувств и эмоций как не совсем удовлетворяющих определенным стандартам. В интервью В. В. Путина 10 февраля 2007 года межарабскому спутниковому телеканалу «Аль-Джазира» интервьюер так отреагировал на заявление президента о демонстрации Россией силы в военной сфере: *ВОПРОС: Многие на Западе рассматривают объявление России о наличии у нее ракет, которые не имеют аналогов в мире, как некую демонстрацию силы. Каковы ваши комментарии? В. ПУТИН: Правильно. ВОПРОС: То есть вы демонстрируете вашу силу? В. ПУТИН: Конечно. РЕПЛИКА: Это иногда вызывает негативную реакцию на Россию именно на Западе. Как видно из приведенного фрагмента, позиция России по поводу своего превосходства в военной инфраструктуре нравится не всем участникам мирового сообщества (целым странам и представителям этих государств)*;

• критика действий своего собеседника и руководимой им страны. В уже упомянутом выше интервью В. В. Путина спутниковому телеканалу «Аль-Джазира» журналист в стремлении вызвать соответствующую эмоциональную реакцию у собеседника и целевой аудитории обращает внимание на те действия Российского государства, которые подвергаются критике со стороны международного сообщества: *Запад, США и Израиль критикуют Россию за сотрудничество с Ираном в военно-технической области, а также в сфере атомной энергетики. Намерены ли вы продолжать это сотрудничество, несмотря на всю эту шумиху? <...> На Западе много говорят по поводу нарушений прав и свобод человека в России. Немало критики в этой связи раздается и лично в ваш адрес. Как вы воспринимаете эту критику?*

Выше (с. 278) мы уже говорили о таком феномене, как нарушение асимметрии коммуникативных ролей, когда не соблюдается нейтралитет интервьюера и он перестает выполнять свою главную

функцию – начинать и завершать интервью, вводить и развивать темы, задавать вопросы, основываясь на имеющихся у него данных. Интервьюер в данном случае становится полноправным участником разговора, который высказывает свое мнение по обсуждаемым вопросам, воздействуя на целевую аудиторию и собеседника в выгодном для него направлении, провоцируя интервьюируемого на деструктивное общение. Однако асимметричное распределение коммуникативных ролей может идти в сторону использования вопросов не только интервьюером, но и интервьюируемым. На наш взгляд, в случае равноправия собеседников как представителей двух государств, когда асимметрия коммуникативных ролей сдвигается в сторону интервьюируемого, речь идет не о конфликтном взаимодействии, а о кооперативном дискурсе. Современные политические интервью отличаются тем, что интервьюируемый часто берет на себя функции журналиста и вовлекает интервьюера в беседу, тем самым давая понять, что высоко ценит своего партнера по интеракции и предлагает вести беседу на основе сотрудничества и взаимного уважения.

Р. Мертон указывает на то, что вопросы интервьюируемого делятся на две группы: 1) те, которые касаются интервью или всего исследования, – о целях, спонсорах, длительности беседы – не представляют проблем для процедуры интервьюирования; 2) те, которые свидетельствуют об эмоциональной блокировке интервьюируемого, – с помощью таких вопросов интервьюируемый направляет внимание на интервьюера, отвлекая интерес собеседника от себя [Мертон 1991: 84]. Не вызывает сомнения тот факт, что в политическом интервью межкультурного уровня (особенно в случае его функционирования в рамках конфликтного дискурса) функции вопросов интервьюируемого не будут сводиться лишь к этим группам. В такой беседе политик никогда не ограничивается лишь краткими ответами на поставленные вопросы. Ответы часто оригинально сформулированы, а активное участие в создании интервью делает политика соавтором текста.

Анализ речевого материала позволяет нам выделить несколько функций, которые выполняют вопросы интервьюируемого:

- экскурс в историю (вопрос, на который собеседник и целевая аудитория априори знают ответ, но который служит почвой для возможной дискуссии): *Вот, например, много говорили, спорили и*

даже обвиняли Россию в том, что она концентрирует власть в Москве. Различными средствами. А вот в Федеративной Республике принят закон о перераспределении полномочий между землями и федеральным центром и существенным образом изменены prerogatives верхней палаты парламенты – бундесрата; многие права изъяты от земель, подняты на уровень Берлина. **А что предоставили землям?** Определять время открытия и закрытия магазинов, вот как здорово! (интервью президента России В. В. Путина германской газете «Зюддойче цайтунг», 10 октября 2006 года). Мы и сами развиваем свои политические институты и очень внимательно наблюдаем за тем, что происходит в Киргизии. <...> **Что происходило до того?** Мы выстраивали свои отношения с прежним киргизским руководством, но надо признаться, что прежний режим «заигрался». И дело тут не только в какой-то близости с другими странами, Соединенными Штатами Америки – это как раз, что называется, вопрос внешнеполитических приоритетов, но нужно честно было себя вести по отношению к гражданам, нужно было по-честному зарабатывать деньги, не обманывать своих партнеров (интервью президента России Д. А. Медведева американской газете «Уолл-стрит-джорнэл», 18 июня 2010 года). А господин Коль, который 16 лет был во власти в Германии, первую позицию занимал в исполнительной власти, представляли ли он и его окружение какую-либо олигархию? Или предыдущий премьер-министр Канады? В Канаде премьер-министр, не действующий, а через один до него, более чем 16 лет был премьером – это нормально? (интервью председателя правительства России В. В. Путина главным редакторам ведущих иностранных изданий, 2 марта 2012 года). Что же касается того, что не сбылось, – мы считали, что в результате падения Берлинской стены место России в Европе будет определено несколько иначе. Мы надеялись, что исчезновение Варшавского договора будет сопровождаться иной степенью интеграции России в общеевропейское пространство. **В результате что мы получили?** НАТО – это все-таки блок, ракеты которого нацелены на российскую территорию, это военный блок (интервью президента России Д. А. Медведева немецкому журналу «Шпигель», 7 ноября, 2009 года);

• призыв к аудитории задуматься над тем, что обсуждается во время беседы с целью создания более четкого представления о ре-

алиях современной жизни и политики: В чем, например, проблемы нашего восприятия или наши коммуникационные проблемы с Западом? (интервью президента России Д. А. Медведева швейцарским СМИ, 18 сентября 2009 года). *Потому что решить проблему, ПРО – что это значит?* <...> *Я сейчас не готов и не хочу комментировать решение российского суда, но хотел бы обратить ваше внимание просто на моральную сторону дела. Она в чем заключается?* <...> *Что же касается в целом «закручивания гаек», то это надо понять, о чем мы говорим. Что такое «закручивание гаек»?* <...> *Лоббирование интересов частных компаний – это что, коррупция или нет?* <...> *Что касается Ассанжа, его решили выдать. Что это такое?* Конечно, это двойной стандарт, ясно (интервью президента России В. В. Путина телеканалу Russia Today, 6 сентября 2012 года);

- попытка объяснить причину своих поступков, действий оппонентов или союзников, личные представления о современной общественном и политическом мироустройстве: Поэтому я считаю, что современные представления о политической системе, современная партийная система, современная система наделения полномочиями губернаторов гораздо в большей степени являются демократическими, чем то, что мы имели в 90-е годы. Почему? Потому что она более устойчива и она в лучшей степени защищает интересы населения (интервью президента России Д. А. Медведева телекомпании Си-эн-эн, 20 сентября 2009 года). *Хочу напомнить, что Дания первой дала разрешение на прокладку газопровода через свои территориальные воды. И мне представляется, что это было мудрое решение. Почему?* Потому что газопровод – это не тот проект, который нужен только для Российской Федерации или, допустим, для каких-то стран, которые стоят на конце газовой трубы. <...> *В этом плане, когда нам говорят: «Вот мы будем создавать свою противоракетную оборону», – нам это не нравится. Почему?* Потому что противоракетная оборона является частью стратегических ядерных сил. <...> *Но вопрос ведь не в том, каким образом эти лица наделяются полномочиями, а в том, насколько они хорошо работают и как к ним относятся люди. Замечу, что не президент назначает губернаторов в нашей стране, в отличие, допустим, от Украины. А эти губернаторы избираются законодательными органами наших субъектов Федерации, наших террито-*

рий. То есть они все-таки выборные лица. Но их представляет на основании предложений партии президент. Иными словами, это просто не прямые выборы. **Почему мы так поступили?** (интервью президента России Д. А. Медведева, 26 апреля 2010 года). *Знаете, я думаю, что по Ирану все-таки нам удалось найти весьма и весьма общую конструктивную позицию. И, скажем, несколько лет назад, мне кажется, это было невозможно. Почему это произошло?* (интервью президента России Д. А. Медведева американской газете «Уолл-стрит-джорнэл», 18 июня 2010 года);

• акцент на наиболее важных моментах, создание чувства сопричастности с аудиторией в решении наболевших проблем: **Знаете, в чем главная проблема и у нас, и у вас, как мне кажется?** Это то, что досталось нам в наследие от плановой экономики, – слишком большая бюрократия (интервью президента России В. В. Путина индийскому телеканалу «Дурдаршан» и информационному агентству Пи-ти-ай, 8 января 2007 года). *Могут ли участники международного общения чувствовать себя за международным правом как за каменной стеной? Или мы будем продвигать в практику международных отношений односторонние решения, не основанные на международном праве? <...> Но давайте посмотрим, что сейчас происходит на Ближнем Востоке и в Палестине?* (интервью президента В. В. Путина межарабскому спутниковому телеканалу «Аль-Джазира», 10 февраля 2007 года). **Мы сейчас о чем говорим, о чем мы сейчас думаем? Где находится дно кризиса – это первый вопрос. Достигли мы его или нет? Второй вопрос: как мы будем выходить из кризиса?** (интервью президента России Д. А. Медведева американскому телеканалу Си-эн-би-си, 3 июня, 2009 года);

• описание конкретного (или возможного) плана действий на будущее, часто в форме рассуждения-размышления вслух: Но нужно смотреть на то, что будет дальше. Скажем, американское правительство национализирует «Дженерал моторс». Что делать дальше? Держать этот пакет в собственности государства? Но это вроде бы не отвечает представлениям о рыночной экономике, которые сложились в Америке в XX веке. Или все-таки продавать? Если продавать, то кому? Кто возьмет это? (интервью президента России Д. А. Медведева американскому телеканалу Си-эн-би-си, 3 июня, 2009 года). *Теракты, о которых вы говорите, спасибо вам за слова соболезнования, это действительно проявление*

ние предельно циничного, ужасающе кощунственного отношения к главной ценности – к человеческой жизни. Последовательность. **Здесь нужно что делать?** Здесь нужно двигаться вперед (интервью президента России Д. А. Медведева норвежской газете «Афтенпостен», 24 апреля 2010 года);

• создание эмоционального контакта с аудиторией (когда интервьюируемый берет на себя функции интервьюера): *Вы знаете, Акрам, я бы так прокомментировал ваш вопрос. Она была, ООН, вот такой организацией, которая решала все острые вопросы международной жизни? Она была раньше такой? Если она была раньше такой, скажите, пожалуйста, почему вы до сих пор не решили палестинскую проблему? И где те многочисленные резолюции, которые принимались по израильско-палестинскому урегулированию и повисли в воздухе?* (интервью президента России В. В. Путина телеканалу «Аль-Джазира», 18 октября 2003 года). *Давайте тогда я все-таки попробую обострить ваш вопрос. Вы, Анатолий Арсеньевич, об этом меня почему спрашиваете? Вы считаете, что существует дефицит взаимопонимания между руководителями наших стран: между президентами, между правительствами, и это сказывается на судьбе Союзного государства? Потому что иначе я не очень понимаю, в чем суть вопроса* (интервью президента России Д. А. Медведева белорусским СМИ, 23 ноября 2009 года). ДЖ. СТЕФАНОПОЛУС: *Скажите, пожалуйста, Америка очень хочет знать вас лично. Мне было интересно читать вашу биографию, узнать какие-то подробности о вас. Вы выросли в Советской России без религии, и в возрасте 23 лет вы пришли в церковь, чтобы покреститься. Зачем?* Д. МЕДВЕДЕВ: *Я почувствовал, что мне это надо, я почувствовал желание это сделать. А зачем люди в церковь приходят? Они приходят, если они чувствуют в этом потребность, если это не экскурсия, конечно. Вот и я почувствовал в 23 года, что мне нужно это сделать. Я считаю, что это хорошо для меня, потому что после этого жизнь моя стала несколько иной. О таких вещах не принято говорить вслух, потому что религиозное чувство должно быть где-то внутри. Тот, кто выставляет его напоказ, тот поступает не очень честно. Это такой пиар самого себя. Мне кажется, это важно для любого человека. **А вы так не считаете?*** (интервью президента России Д. А. Медведева американскому телеканалу «Эй-би-си

нюс», 12 апреля 2010 года). О. ПАНЮТА: Дмитрий Анатольевич, хотелось бы немного о договоренностях, о которых вы говорили, в частности, о харьковских договоренностях, которые были подписаны вами и президентом Януковичем. В Украине не утихают споры по поводу подписанных документов, подписанных соглашений. Интересно, как россияне отнеслись к подписанным документам? Д. МЕДВЕДЕВ: Я думаю, более спокойно, чем те, кто живет у вас в стране. Я смотрел социологию, подавляющее большинство граждан Российской Федерации эти соглашения поддерживает. <...> **А у вас как к этому отнеслись?** (интервью президента России Д. А. Медведева украинским СМИ, 16 мая 2010 года). Вы знаете, что в тюрьмах тех стран, которые обвиняют Россию, сколько там гибнет людей, в тюрьмах? Очень большое количество! Вот Соединенные Штаты инициировали «список Магнитского». Вы знаете, что в России нет смертной казни? Вам это известно? А в США есть. <...> **А вы могли бы перевести название группы на русский язык? Вы ведь уже не один год живете в России** (интервью президента России В. В. Путина телеканалу Russia Today 6 сентября 2012 года);

- **уточнение деталей (переспрос): Вы ко мне это адресуете или к другим представителям российского истеблишмента?** Потому что я-то как раз говорю так, как называется ваша страна в ООН. Наверное, есть и какие-то отдельные случаи. <...> **Вы имеете в виду модернизацию политических институтов или чего-то другого?** (интервью президента России Д. А. Медведева белорусским СМИ, 23 ноября 2009 года). М. ЧМИЛЬ: Но в то же время представители российской оппозиции уже заявили о том, что Россия слишком дорогой ценой заплатила за продолжение базирования Черноморского флота в Севастополе. Д. МЕДВЕДЕВ: **Это наша оппозиция заявила?** М. ЧМИЛЬ: Да, Борис Немцов, выступая... (интервью президента России Д. А. Медведева украинским СМИ, 16 мая 2010 года). **Вы имеете в виду тех, кто говорит об этом на постсоветском пространстве, либо тех, кто говорит об этом из дальнего зарубежья?** (интервью председателя правительства Российской Федерации В. В. Путина, 17 октября 2011 года).

Иногда это могут быть переспросы, представляющие эмоциональную реакцию на слова интервьюера [Скробнев, 1985]: Л. РАКОВСКАЯ: Но что бы вы пожелали российским журналистам,

которые вот так пишут о Беларуси? <...> **Что бы я пожелал журналистам из Беларуси или российским журналистам?** <...>

А. СКУРКО: *По вашему мнению, чем обусловлена такая ситуация?* Д. А. МЕДВЕДЕВ: **Чем обусловлена?** (интервью президента России Д. А. Медведева белорусским СМИ, 23 ноября 2009 года). Разновидностью переспроса является недоуменный вопрос, семантика которого близка «собственному значению вопроса, запросу информации, поскольку выражает озадаченность, незнание, сомнение, то есть значения, которые подразумевает под собой вопрос» [Воробьева, 2010: 15]. В политическом интервью межкультурного уровня недоумение может интерпретироваться как несогласие интервьюируемого с позицией интервьюера, возмущение, за которым следует разъяснение своей точки зрения с превалированием отрицательной реакции коммуниканта на стимулирующую реплику собеседника: Ф. ДРАГОСЕЙ: *Господин президент, во многих странах говорится, что Сильвио Берлускони выступает защитником России в международных делах. Вы считаете, что наш председатель Совета министров может называться адвокатом России? Думаете ли вы, что он сможет сыграть роль связующего звена между Россией и Соединенными Штатами?* Д. МЕДВЕДЕВ: **Что значит «адвокатом России»?** *Россию пока никто не судит, и поэтому мы никаких адвокатов не нанимали* (интервью президента России Д. А. Медведева итальянскому телеканалу «РАИ» и газете «Коррьере дела Сера», 5 июля 2009 года);

- актуализация негативно-оценочной интенции вопроса интервьюируемого, спровоцированного стимулирующей репликой интервьюера: ДЖ. СТЕФАНОПОЛУС: <...> *Насколько вы устали от вопроса, кто отвечает за реальное положение дел в России – вы или Путин?* Д. МЕДВЕДЕВ: *Немножко устал, надоело, честно говоря, это. Вы хотите, чтобы я еще раз ответил на этот вопрос? Или вам и так все ясно?* (интервью президента России Д. А. Медведева американскому телеканалу «Эй-би-си ньюс», 12 апреля 2010 года);

- усиление прагматического потенциала высказывания за счет создания оценочного эмоционального фона и привлечения внимания к предмету обсуждения. Такие фрагменты интервью предполагают чередование повествовательных и вопросительных предложений, когда говорящий не ставит своей целью получить дополнительную информацию, а выразить собственные чувства к предмету

обсуждения: *Украина – отдельная тема. Мне кажется, что у нашего ближайшего соседа сегодня есть отличный шанс ответить себе на один простой вопрос: **каким образом обеспечить свою безопасность?** Если они считают, что этот способ обеспечения безопасности состоит в присоединении к НАТО, то пусть делают так, чтобы украинское население проголосовало на референдуме за вступление Украины в НАТО. А то ведь какая-то кулуарная работа ведется, документы какие-то подписываются, а украинский народ за это пока не высказывался. **Где же демократия?*** (интервью президента России Д. А. Медведева итальянскому телеканалу РАИ, 2 сентября 2008 года). *Я считаю, что Вторая мировая война – это не менее серьезная катастрофа XX века, а если говорить о последствиях, более страшная трагедия. А революция 17-го года в нашей стране сопровождалась гражданской войной, когда родственники воевали друг с другом, близкие люди стреляли друг в друга. **Разве это не катастрофа?*** (интервью президента России Д. А. Медведева немецкому журналу «Шпигель», 7 ноября, 2009 года). *Как я могу призывать не участвовать в каком-то объединении, если сами государства считают для себя это выгодным?* (интервью президента России Д. А. Медведева белорусским СМИ, 23 ноября 2009 года);

• предвосхищение возможного вопроса интервьюера: ДЖ. СТЕФАНОПОЛУС: *Иран не хочет менять свои взгляды сейчас.* Д. МЕДВЕДЕВ: *Во всяком случае все наши попытки пока подтолкнуть его к этому не привели к успеху. А это печально, тем более что шансов было немало. У нас свои отношения с Ираном, достаточно близкие. <...> **Вопрос в том, что дальше? Способны ли санкции, которые сейчас предлагаются, мотивировать Иран к правильному поведению?*** ДЖ. СТЕФАНОПОЛУС: *Да, это как раз то, что я хотел спросить у вас. Большое число конгрессменов провели большое количество санкций, и они не сработали. И большинство говорит, что сейчас пора бороться с торговлей энергетическими носителями. Почему это плохая мысль?* (интервью президента России Д. А. Медведева американскому телеканалу «Эй-би-си ньюс», 12 апреля 2010 года);

• выражение просьбы-согласия на развертывание беседы в выгодном для обеих сторон диалога русле с использованием дискурсивного слова *ладно*. Е. В. Ковальчук причисляет омокомплекс

ладно к классу дискурсивных слов по семантическим и функциональным характеристикам, к которым автор относит отсутствие самостоятельного значения, полифункциональность, зависимость от типа коммуникативной ситуации, способность сливаться с семантикой контекста, выражать иллокутивные установки говорящего. Одной из прагматических ситуаций функционирования дискурсивного слова *ладно* Е. В. Ковальчук называет обстоятельства смены темы, что подтверждается анализом нашего речевого материала [Ковальчук 2003]: *У меня есть предложение дать высказаться женщинам очень коротко и расстаться на этом. Ладно?* (интервью президента России Д. А. Медведева белорусским СМИ, 23 ноября 2009 года).

2) Ирония

В политическом интервью межкультурного уровня широко используется ирония как текстовая категория при ее реализации лексическими средствами. На наш взгляд, ирония как деструктивная разновидность юмора функционирует в рамках конфликтного дискурса, однако в лингвистике был предложен такой термин, как иронический дискурс [Балашов 2006: 13], под которым автор понимает девиантный вариант нейтрального дискурса (по аналогии с понятием «юмористический дискурс», введенным В. И. Карасиком [Карасик 2002, а: 304]).

Анализ языкового материала показывает, что ирония является средством, широко применяемым в последнее время российскими политиками в интервью с представителями зарубежных СМИ. В некоторых случаях использование иронии является реакцией на провоцирование со стороны журналиста, который в своем стремлении оказать соответствующее эмоциональное воздействие на целевую аудиторию интервью выводит разговор с интервьюируемым в конфликтную плоскость. Так, например, ведущий американского телеканала Си-эн-эн Лари Кинг в своем интервью с В. В. Путиным задает председателю Российского правительства такой вопрос: *«Что касается заявления министра обороны США Роберта Гейтса о том, что российская демократия исчезла, и что Правительство управляется службами безопасности. Каков ваш ответ американскому министру обороны на такое его заявление?»* В. В. Путин не стал отвечать на подобный вопрос с использованием конфликтных стратегий и тактик (защиты, провоцирования и т. п.), а попытался

перевести разговор в кооперативную плоскость с использованием иронии: *«Я знаком с господином Гейтсом, встречался с ним несколько раз. Мне кажется, что это очень приятный человек и неплохой специалист. Но, как известно, господин Гейтс был одним из руководителей Центрального разведуправления Соединенных Штатов Америки, а сегодня он является министром обороны. Если это самый лучший в США эксперт по демократии, то я вас поздравляю»*. Здесь мы наблюдаем два случая проявления иронии. Во-первых, иронический прагматический потенциал содержится уже в самой характеристике господина Гейтса *как самого лучшего в США эксперта по демократии*, что, естественно, не соответствует действительности. Во-вторых, ирония основана на взаимодействии словарного и контекстуального значения слова *поздравляю*, которое своим первым значением имеет «приветствовать по случаю чего-либо приятного, радостного», а в данном контексте имеет значение «отсутствие поздравлений по случаю подобного стечения обстоятельств».

3) Использование грубой и жаргонной лексики

Было бы логично предположить, что лексические проявления речевой агрессии связаны с употреблением грубых и жаргонных слов, неосознанном (иногда вполне осознанном) предпочтении лексики нелитературного ряда. Так, в интервью президента России В. В. Путина телеканалу Russia Today (6 сентября 2012 года) на вопрос журналиста о положении дел в Сирии и прогнозе собеседника относительно дальнейшего развития ситуации в регионе интервьюируемый напомнил интервьюеру о международной конференции по Сирии, которая состоялась в швейцарском городе 1 июля того же года: *«Мы в Женеве предложили собраться нашим партнерам по переговорному процессу. Все действительно собрались и выработали там дорожную карту того, что и как надо было бы делать для того, чтобы в Сирии наступило спокойствие и ситуация вышла бы на конструктивный путь развития. Практически все с нами согласилось, мы ознакомили с этими результатами и сирийское правительство, но потом повстанцы, по сути, не захотели признавать этих решений, и многие наши партнеры по переговорному процессу также по-тихому съехали с этой позиции»*. В данном случае словосочетание *съехать с позиции* является аллюзией на жаргонное выражение *съехать с базара*, что означает *уйти от*

разговора. Семантико-прагматический потенциал использования некодифицированного элемента, хотя и в измененном виде, заключается в эмоциональном воздействии на адресата и целевую аудиторию, стремлении превратить массово-информационный дискурс в форум для всего населения. На последнее обстоятельство указывает В. И. Карасик, говоря о таком явлении, как примитивизация понятий, когда сужается диапазон стилевых регистров, а массово-информационный дискурс смыкается с другими видами дискурса и превращается в форум для всего населения [Карасик 2010: 182]. Мы полагаем, что жаргонные слова являются не только средством воздействия на аудиторию, но служат цели актуализации эмоционального состояния интервьюируемого.

5. Жанровый корпус

Обратимся к коммуникативному поведению интервьюера и интервьюируемого на материале жанра *Разговор с президентом*, который лишь недавно стал реальностью политической коммуникации и является пока не изученным лингвистически. В гл. 1 мы уже указывали на те особенности новой дискурсивной практики современной российской политической реальности, которая объединяет беседы из цикла *Разговор с президентом* и позволяет выявить некоторые типологические признаки нового жанра:

- каждый разговор был посвящен конкретным темам;
- в ходе обсуждения тех или иных вопросов во время каждой встречи наблюдается преимущество по сравнению с предыдущим разговором;
- бóльшая по сравнению с обычным интервью откровенность во время беседы.

Дадим более подробную характеристику каждой из выделенных особенностей. Как уже было отмечено выше, во время каждой встречи президент РФ ответил на ряд конкретных вопросов, посвященных одной теме. Разговор с ведущим программы «Вести недели» Евгением Ревенко был посвящен мерам по преодолению финансового кризиса; во время первой беседы с руководителем дирекции информационных программ «Первого канала» Кириллом Клейменовым президент ответил на вопросы о борьбе с коррупцией, образовании, проблемах занятости, роста цен на лекарства, а также о подготовке к предстоящему саммиту «Группы двадцати» в Лондоне; вопросы главного редактора информационной службы

НТВ Татьяны Митковой касались развития жилищного строительства в России, а также обеспечения занятости населения; ведущий программы «Вести в субботу» Сергей Брилев задал Д. А. Медведеву вопросы, касающиеся развития системы здравоохранения в России; вторая встреча с Кириллом Клейменовым была посвящена теме сельскохозяйственного производства и жизни на селе; разговор Д. А. Медведева с ведущим «Итоговой программы НТВ» Кириллом Поздняковым касался отношений России с США, Грузией, Украиной, итогов саммита «Группы восьми» в Аквиле, поездок в Африку и Латинскую Америку; во время второго разговора с Евгением Ревенко президент поделился своим видением состояния и перспектив отечественного образования, результатов проведения единого госэкзамена в 2009 году, последствий аварии на Саяно-Шушенской ГЭС; наконец, во время третьей встречи с Кириллом Клейменовым были затронуты вопросы состояния отечественной экономики в период мирового финансового кризиса, результаты действий правительства по преодолению его последствий, задачи, которые сейчас стоят перед страной.

Следует обратить внимание и на тот факт, что именно тематика бесед из цикла *Разговор с президентом (Разговор с Дмитрием Медведевым)* может стать основанием рассмотрения данного жанра в межкультурном политическом пространстве. Несмотря на тот факт, что *Разговор с Дмитрием Медведевым* – это прежде всего разговор с председателем правительства Российской Федерации и касается он внутренних проблем нашей страны, но Россия не существует изолированно от других стран. Отсюда неизбежным является обращение к вопросам сотрудничества с другими государствами и их лидерами. Так, во время последней встречи в рамках цикла *Разговор с Дмитрием Медведевым* (10 декабря 2014 года) был затронут вопрос о взаимоотношениях российского премьер-министра с президентом США Бараком Обамой: В. ТАКМЕНЕВ: *Дмитрий Анатольевич, по поводу «ссоримся – миримся». Я давно на самом деле очень хотел вас спросить... Не так давно в Мьянме, если я не ошибаюсь, вы встречались с Бараком Обамой, с которым у вас...* Д. МЕДВЕДЕВ: *Я не встречался с ним, мы с ним в коридоре болтали.* В. ТАКМЕНЕВ: *Но болтали – это главное. С ним у вас вроде бы еще со времен вашего президентства сохранились отношения – не знаю, теплые ли, но по крайней мере сохранились. Вот что он*

вам говорил? И, не знаю, может быть, вы ему наконец-то сказали типа: «Барак, старик, пора бы угомониться. Мы не враги – друзья»... Д. МЕДВЕДЕВ: Я вот так и сказал. В. ТАКМЕНЕВ: А он? Д. МЕДВЕДЕВ: Знаете, у нас отношения с президентом Соединенных Штатов Америки действительно неплохие исторически. Мы с ним, я считаю, много достаточно полезных вещей в какой-то момент сделали или во всяком случае пытались сделать. Но ведь вопрос не в наших личных отношениях – они и сейчас нормальные, хорошие даже, – вопрос в адекватности и предсказуемости партнера. В этом плане, к сожалению, нынешняя американская администрация ведет себя неадекватно и непредсказуемо, при всем моем неплохом отношении к моим коллегам, партнерам и к тому же самому президенту Соединенных Штатов. Поэтому, если говорить о предсказуемости, всегда важно понимать, что сделает твой партнер, что сделает руководитель государства, правительства. А что делают американцы? Они вводят в отношении нашей страны санкции, они пытаются сколотить специальный фронт против России. Это же не дружественные действия, это очевидно абсолютно. Поэтому, как принято говорить, мячик на их стороне. Как только они захотят вернуться на нормальный путь отношений, выбрать другую дорогу, мы к этому готовы абсолютно, кто бы ни возглавлял администрацию Соединенных Штатов Америки – не важно, как фамилия президента, для нас важна сама суть отношений, а не персоналии.

Возможно, *Разговор с Дмитрием Медведевым* как разновидность политического интервью трансформируется в сторону расширения числа приглашенных журналистов, в том числе и аккредитованных зарубежными СМИ.

Следующая особенность, на которую нам хотелось бы обратить внимание, – это преемственность дискурсивного пространства, под которой мы понимаем не изолированный разговор в каждом конкретном случае, а беседу с учетом вопросов, обсуждаемых с главой государства в предыдущий раз (даже если беседу вел другой журналист). Приведем конкретные примеры. Во время своей первой встречи с Д. А. Медведевым руководитель дирекции информационных программ «Первого канала» Кирилл Клейменов возвращается к вопросам, обсуждаемым во время первой из встреч этого цикла (журналист Евгений Ревенко): *В рамках этого нового формата*

общения в прошлый раз вы много говорили о ситуации в стране в целом в контексте кризиса. Главный редактор информационной службы НТВ Татьяна Миткова вспоминает две предыдущие беседы с руководителем государства: *Дмитрий Анатольевич, это третья ваша беседа с журналистом в подобном формате.* Ведущий программы «Вести в субботу» Сергей Брилев говорит уже о регулярности подобных разговоров: *В этом формате здесь, в Кремле, это уже четвертая такая встреча, есть какие-то традиции.* Наконец, подводя итоги года в беседе с Д. А. Медведевым, руководитель Первого канала Константин Эрнст делает небольшой экскурс в историю и завершает (на тот момент) цикл *Разговор с Дмитрием Медведевым: На протяжении этого года вы неоднократно встречались с нашими коллегами, журналистами ведущих телеканалов, обсуждая актуальные проблемы экономики и политики.*

Наконец, для бесед из цикла *Разговор с Дмитрием Медведевым* характерна большая по сравнению с обычным интервью откровенность во время общения. На наш взгляд, подобная характеристика объясняется сохранением асимметричного распределения коммуникативных ролей. Структура интервью в анализируемом цикле бесед складывается из высказываний, выполняющих не функции провоцирования собеседника, а функции развертывания разговора в кооперативном направлении. По нашему мнению, отсутствие конфликтогенного потенциала в ходе общения в цикле *Разговор с Дмитрием Медведевым* позволяет нам отнести интервью подобного рода к сфере функционирования кооперативного дискурса. Следствием отсутствия провокативного намерения со стороны журналиста является уже упоминавшаяся откровенность собеседника в беседах подобного рода. Стремление быть честным с интервьюером и целевой аудиторией выражается через лексемы со значением «честный, открытый, откровенный»: *Я могу вам сказать откровенно: я пока не очень доволен даже теми результатами, которые есть, потому что мы пока не создали ту рамку, которая могла бы быть основой для развития финансовой системы на годы вперед* (беседа с ведущим программы «Вести недели» Евгением Ревенко). *Знаете, скажу вам откровенно: мне очень понравилась эта встреча* (беседа с руководителем дирекции информационных программ «Первого канала» Кириллом Клейменовым). *И вы знаете, я вам скажу предельно откровенно, кризис ударил по очень многим нашим*

прежним разработкам, по той работе, которая велась в самых разных направлениях (беседа с главным редактором информационной службы НТВ Татьяной Митковой). В «Разговоре с Дмитрием Медведевым. Интервью пяти телеканалам» (7 декабря 2012 года) интервьюируемый использует обращение к журналистам по имени как риторический прием, направленный на интимизацию общения: *Ирада, знаете, с деньгами в бюджете все абсолютно в порядке* (обращение к Ираде Зейналовой, журналисту Первого канала. – Н. К.) <...> *Теперь возвращаюсь, Ирада, к тому, что вы сказали <...> Марианна, а можно я вам вопрос задам, потому что вы известный журналист?* (обращение к Марианне Максимовской, представляющей «Рен ТВ». – Н. К.) <...> *Миша, послушайте, в нашем законодательстве термины «агент» и «агентство» являются абсолютно употребительными, и это не шпион* (обращение к Михаилу Зыгарю, представляющему телеканал «Дождь». – Н. К.) <...> *Алексей, я не скрою, тоже обратил внимание на то, что произошло* (обращение к Алексею Пивоварову, представляющему «НТВ». – Н. К.) <...> *Алексей, знаете, я думаю, что все-таки тоже в этом плане перебирать не надо, ему же никаких обвинений не предъявлено... <...> Сергей, ну я немножко постарше вас* (обращение к Сергею Брилеву, представляющему телеканал «Россия». – Н. К.) <...> *Марианна, два совсем коротких комментария.* Кроме того, при обсуждении вопросов из жизни страны журналисты вывели разговор в личную плоскость, что позволило собеседнику не только высказать свое мнение по обсуждаемым вопросам, но и проявить искреннюю заинтересованность в положении дел у конкретного журналиста и дать несколько полезных советов. Так, например, при обсуждении закона о табаке Ирада Зейналова позиционировала себя как «жертву» курения, на что Д. А. Медведев отреагировал не как председатель правительства РФ, а как друг и советчик: И. ЗЕЙНАЛОВА: *Извините, что я вас перебила, но я хотела бы сказать еще об одной дурной привычке, еще одной инициативе, которая вас напрямую не касается, но которая, к сожалению, касается меня и еще половины населения страны, – закон о табаке. К сожалению, я жертва этой привычки...* Д. МЕДВЕДЕВ: *Когда собираетесь отказываться?* И. ЗЕЙНАЛОВА: *Когда примете закон, причем я поддерживаю эту инициативу, поскольку знаю, что нужно ограничивать курение в публичных местах, ограничивать жестко, как это делали в Ев-*

ропе, по-европейски жестко. <...> Что делать в этой ситуации? Это явно не последняя и не первая уловка, на которую табачное лобби идет. Тем не менее полстраны курит. У меня сын растет, и я бы не хотела, чтобы он тоже начал курить. Д. МЕДВЕДЕВ: **Первый совет: вы все-таки с этим делом завершайте**, потому что всегда дети смотрят на родителей, это совершенно очевидная вещь.

В целом стоит отметить, что президентское интервью пяти телеканалам в 2012 году можно отнести именно к жанру политического разговора. В нем принимали участие более двух человек со стороны прессы (справедливости ради стоит сказать, что это было характерно и для других бесед из этого цикла), участие собеседников в диалоге было равноправным, то есть состоялась беседа в прямом значении этого термина. При этом беседа напоминала естественный и спонтанный диалог, о чем свидетельствует, например, перебивание собеседника: М. МАКСИМОВСКАЯ: *Дмитрий Анатольевич, так вот тут и поражает апелляция к власти и вообще реакция власти на ход этой истории, потому что ощущение...* Д. МЕДВЕДЕВ: *Почему? А куда нужно апеллировать?* М. МАКСИМОВСКАЯ: *Вообще к закону. Есть ощущение, что власть...* Д. МЕДВЕДЕВ: *Так власть исполняет закон.* М. МАКСИМОВСКАЯ: *Понимаете, есть ощущение, что власть в этой ситуации...* Конечно, радикализация общественного мнения по линии верующий-неверующий... И. ЗЕЙНАЛОВА: *Произошло разделение на чувства верующих и чувства неверующих.* М. МАКСИМОВСКАЯ: *Поэтому такое ощущение, если коротко, что власть встала однозначно на сторону консервативного большинства. Тот же закон о защите чувств верующих, который отложили, но не отменили вовсе, который, как многие эксперты считают, нарушает Конституцию, если уж говорить о законе.* М. М. Лукина отмечает, что умение «правильно перебивать» собеседника является таким же вкладом в беседу, как новые идеи, возвращение к сказанному, аргументация [Лукина 2005: 57]. Во время интервью пяти телеканалам журналистам удалось найти ту «золотую середину», когда желание перебить собеседника не напоминало бестактность, а лишь свидетельствовало о неподдельной заинтересованности интервьюеров в обсуждаемых проблемах: Д. МЕДВЕДЕВ: *<...> Представьте себе, если бы американская НПО получила бы деньги из российского федерального бюджета. Я*

думаю, скандал был бы на всю Америку! Поэтому речь идет только о дополнительном контроле за такого рода операциями, потому что все-таки внутренняя политика – это суверенное дело конкретного государства. М. ЗЫГАРЬ: **Простите, я вас перебую.** Именно по этому вопросу: одно дело – контроль, другое дело – такой оскорбительный лейбл, который вешают на лоб людям, которые еще вчера считались приличными, достойными членами гражданского общества.

Асимметричное распределение коммуникативных ролей отражается и в грамматических особенностях анализируемых текстов. В случае нарушения асимметрии вопросы используются не только интервьюером, но и интервьюируемым. Анализ языкового материала позволяет нам выделить несколько функций таких вопросов. 1) Оценка проделанной работы, стремление привлечь внимание аудитории к успехам и неудачам в делах: *Нужно действовать спокойно, поступательно. И я не отказываюсь от того, что я сказал, напротив: вот все, что мы говорили и делали, в этом направлении движется, и движение будет продолжаться – именно в этом направлении.* **Что я имею в виду?** Во-первых, выборы-то еще не состоялись. Выборы в Госдуму у нас будут, напоминаю, 4 декабря текущего года. Мы должны были сформировать список «Единой России», и я тогда говорил, что через инструменты Общероссийского народного фронта мы постараемся привлечь в список «Единой России» новых людей со свежими идеями, способных эти идеи реализовывать. **Что получилось?** Из 600 фамилий в этом списке более половины – это люди, которые никогда раньше не принимали участия в общенациональных выборах. То есть мы обновили этот список более чем на 50 процентов (Интервью председателя правительства Российской Федерации В. В. Путина). 2) Акцент на наиболее важных моментах, создание чувства единения с аудиторией в попытке найти выход из создавшегося положения: **А во Франции после Второй мировой войны?** Там президентский срок был семь лет без ограничения по количеству раз избрания. И вот только совсем недавно внесли изменения в Конституцию – до пяти лет и два срока подряд. Они сделали в принципе, как у нас. **О чем это говорит?** О том, что, когда страна находится в сложных, тяжелых условиях, находится на выходе из кризиса, становится на ноги, вот эти элементы стабильности, в том числе и в политической

сфере, крайне важны. И мы тоже, мы пережили, по сути, развал государства: Советский Союз распался. **А что такое Советский Союз? Это Россия и есть, только называлась по-другому** (Интервью председателя правительства Российской Федерации В. В. Путина). 3) Достижение контакта с аудиторией, когда интервьюируемый выступает в роли интервьюера: *Сейчас ситуация изменилась, но радио «Свобода» – это средство массовой информации, которое так или иначе выражает мнение иностранного, в данном случае американского, государства. Вот вы там работали, а теперь возглавляете (и когда начали возглавлять? – достаточно давно же) общенациональный канал российского телевидения. Разве это не признак либерализма?* (Интервью председателя правительства Российской Федерации В. В. Путина) 4) Уточнение деталей для более точного ответа на поставленный вопрос: *Вы имеете в виду тех, кто говорит об этом на постсоветском пространстве, либо тех, кто говорит об этом из дальнего зарубежья?* (Интервью председателя правительства Российской Федерации В. В. Путина).

Выделенные функции вопросов позволяют элиминировать конфликтный потенциал в жанре *Разговор с президентом (Разговор с Дмитрием Медведевым)*, а также способствуют осуществлению речевого воздействия на целевую аудиторию.

Функционирование бесед из цикла *Разговор с президентом* (или их разновидностей – *Интервью телеканалам «Первый», «Россия» и «НТВ», Разговор с Дмитрием Медведевым. Интервью пяти телеканалам*) происходит в рамках кооперативного дискурса. Это объясняется в том числе отсутствием столкновения национальных картин мира собеседников, так как и интервьюер, и интервьюируемый принадлежат к одной лингвокультуре. Беседы из цикла *Разговор с Дмитрием Медведевым* не являются ареной развертывания коммуникативного конфликта, так как они лишены языковых и культурных помех в общении. Стремление к кооперации особенно ярко проявляется в информационном диалоге типа *Разговор с президентом* (или его разновидности *Разговор с Дмитрием Медведевым*). Подобные беседы являются особым видом информационного диалога с присущими этому жанру особенностями. Это: обмен репликами между коммуникантами; трансформация информационного и эмоционального состояния адресата; функционирование в качестве эффективного механизма воздействия на массовое сознание.

Можно сделать вывод о том, что наиболее конфликтогенными компонентами дискурсивных моделей на материале политического интервью являются речевые средства и тактики в том случае, когда нарушается асимметричное распределение коммуникативных ролей партнеров в интервью. Наибольшим кооперативным потенциалом обладает жанровый корпус политического интервью, в частности такой его разновидности, как *Разговор с президентом*.

4.2. Пресс-конференция: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса

Пресс-конференция является, как мы считаем, вторым по продуктивности (после интервью) диалогическим жанром. Понятие *диалогичность* вполне применимо к анализируемому жанру, так как под ней многие ученые [Бахтин 1979, Кожина 1998, Колокольцева 2000] понимают учет адресантом фактора адресата (реального или гипотетического), его смысловой позиции. При этом отмечается, что данная коммуникативная ориентация обозначается при помощи определенных языковых средств. Целью настоящего параграфа является описание тех элементов моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса, которые релевантны для пресс-конференции как разновидности диалога и самостоятельного жанра политической коммуникации. При этом следует отметить, что в данном случае пресс-конференция рассматривается как телевизионный жанр, так как она транслируется по телевизору, а не проходит в рамках интернет-пространства.

1. Функции

Пресс-конференция как диалогический жанр межкультурного политического пространства реализует те же функции, что и многие другие диалогические и монологические жанры политической коммуникации. К таким функциям прежде всего относятся: информативная, аналитическая, воздействующая, интерактивная, оценочная. Однако необходимо отметить, что номенклатура функций пресс-конференции как жанра в последнее время стала пополняться новыми, не свойственными ранее функциональными возможностями. Так, во время последней большой пресс-конференции В. В. Путина (18 декабря 2014 года) мы стали свидетелями реализации еще одной функции данного жанрового образования, а именно прогно-

стической. Прогностическая функция в рамках пресс-конференции реализуется не только через индивидуально-авторское видение будущих событий. Она основана прежде всего на содержательно-фактуальной информации: Безусловно, если ситуация будет неблагоприятно развиваться, то нам придется вносить какие-то коррективы в наши планы. Безусловно, придется что-то сокращать. Но так же безусловно, и я хочу это подчеркнуть, как говорят специалисты, «отскок в плюс», последующий рост и выход из сегодняшней ситуации неизбежен как минимум по двум причинам. Во-первых, рост мировой экономики будет сохраняться, темпы снижаются, но рост точно будет сохраняться. Экономика будет расти. И наша экономика выйдет из сегодняшней ситуации (Пресс-конференция В. В. Путина, 18 декабря 2014 года).

Следует отметить, что прогностическая функция в рамках пресс-конференции варьируется от информирования о предстоящем развитии (в частности, России) до воздействия на целевую аудиторию (участников пресс-конференции и всего мирового сообщества). Так, В. В. Путин дал не только прогноз относительно будущего российской национальной валюты, но и выразил собственные чувства и эмоции в отношении возможного сценария развития событий: На чем основан мой оптимизм? На том, что экономика неизбежно будет приспосабливаться к жизни и работе в условиях низких цен на энергоносители. Это просто по факту будет происходить. Как быстро произойдет это приспособление, если цены сохранятся такими, какие они есть сегодня, либо будут снижаться даже ниже 60, 40, я не знаю, сколько угодно. На самом деле для нас – сколько угодно, просто будет происходить структуризация самой экономики. Как быстро это будет происходить? Трудно сказать. Но то, что это будет, это неизбежно! Вот я хочу это подчеркнуть. Это по факту жизни произойдет (Пресс-конференция В. В. Путина, 18 декабря 2014 года).

Прогностическая функция выражается и в темпоральной маркированности высказываний: Сколько на это потребуется времени? При самом неблагоприятном стечении обстоятельств, я думаю, что года два (Пресс-конференция В. В. Путина, 18 декабря 2014 года).

Дихотомия «Восток-Запад» в данном случае проявляется в тематике обсуждаемых проблем и в стремлении урегулировать некоторую конфликтность в отношении западных стран к России и ее позиции в решении мировых проблем.

2. Хронотоп

18 мая 2011 года Д. А. Медведев сам вел пресс-конференцию, был ее модератором (пресс-секретарем), сам решал, кому из журналистов предоставить слово для вопроса. В конце пресс-конференции Д. А. Медведев ответил на пять вопросов, которые поступили ему письменно (по Интернету). Таким образом, данная пресс-конференция совместила в себе два канала передачи информации – акустический и визуальный. О. А. Шевченко характеризует интервью как двухэтапное дискурсное образование [Шевченко 2006]. По нашему мнению, данный термин применим и к жанру пресс-конференции, когда используются два канала передачи информации между автором вопроса и респондентом. В пресс-конференции 2012 года В. В. Путин использовал две формы интеракции с аудиторией: глава государства начал со свежей статистики как по экономическим, так и по социальным вопросам. После этого президент заявил, что завершает «свой монолог», и предложил присутствующим в зале мероприятия журналистам перейти к вопросам. В целом во время пресс-конференции В. В. Путину задали вопросы как представители региональных и федеральных СМИ, так и их коллеги из-за рубежа – Грузии, Украины, Китая, США и Польши. При этом поводы для беспокойства у журналистов, представляющих столицу и регионы России, разные. Если первых интересуют общенациональные вопросы, например запретительные меры в отношении американских граждан, которые хотят усыновить российских детей-сирот, то последние спрашивают о росте тарифов на коммунальные услуги. Так, вопрос из Польши касался авиакатастрофы президентского самолета Ту-154 польских ВВС под Смоленском 10 апреля 2010 года (впоследствии польская сторона обвиняла Россию в некоторых ошибках при расследовании катастрофы. – Н. К.): ВОПРОС: Телекомпания «Тэфален» из Польши. Вопрос, который, по мнению многих поляков и польских властей, осложняет очень сильно в этот момент отношения Польши и России, – это расследование смоленской катастрофы, причин катастрофы, а точнее – момент: обломки самолета, они все время лежат на аэродроме в Смоленске. Поляки считают, по эмоциональным соображениям это очень важно для нас: понятно, там сгинула элита Польши, – мы бы хотели, чтобы эти обломки как можно скорее вернулись в Польшу. Следственный комитет отвечает, что это доказательство, которое должно сохранить-

ся в России до конца расследования. Поляки говорят: Мы готовы сохранять, сторожить эти обломки, но в Польше, и в любой момент открыть доступ для российских исследователей до них. Существует ли такая возможность? Может быть, вы повлияете на Следственный комитет, чтобы все-таки они решили этот вопрос, как быстро передать эти обломки?

3. Речевые средства

1) Использование грубых и жаргонных слов, конфликтогенных речевых формул, паремиологических единиц.

Пресс-конференция является особым типом информационного диалога, специфичность которому добавляет стремление сделать политический дискурс доступным и понятным большинству социальных кругов населения. В тексте пресс-конференции используются такие речевые формулы, которые добавляют определенную конфликтогенность процессу общения: *Вы правильно сказали, эта процедура не должна быть бессмысленной, она не должна быть обременительной, она не должна быть просто дурацкой, которая всех ставит в очень неудобное положение.* <...> *...Я получаю информацию непосредственно от людей, через Сеть, через блоги, через Твиттер, через любые другие ресурсы. И, как вы знаете, там режут правду-матку* (Пресс-конференция Д. А. Медведева, 18 мая 2011 года). Разговорность в рамках пресс-конференции влияет на общую тональность и риторику выступления, которые иногда могут носить деструктивный характер.

Конфликтный диалог в анализируемом материале реализуется при помощи большого арсенала речевых средств, одним из которых является лексика с агрессивным прагматическим потенциалом. Идиостиль В. В. Путина известен вкраплением разговорно-просторечных и жаргонных слов. Находим этому подтверждение и в тексте пресс-конференции от 19 декабря 2013 года:

Н. ИВАНОВА: *Редакция газеты «Голос читателя», Всеволожск Ленинградской области, Наталья Иванова.* <...> *И мой вопрос. Глава нашего города, очень хороший, Гармаш Сергей Алексеевич очень внимательно слушал ваше Послание Федеральному Собранию, он просил объяснить. Вы сказали, что районная власть выхолощена. Он просил объяснить, что вы имели в виду. Что это значит?*

В. ПУТИН: *Я уже говорил: это значит, что у них забрали из сферы их компетенции здравоохранение, забрали образование, не-*

которые другие вопросы, за которые они раньше отвечали. Вот что имеется в виду.

Н. ИВАНОВА: *А осталась одна земля, да?*

В. ПУТИН: *Там не одна земля, есть и другие вопросы, но очень важные сферы изъяты на региональный уровень.*

Н. ИВАНОВА: *Значит, районный глава должен руководить одной землей. А наш криминальный район Всеволожский – земли там уже нет: все продано. И даже на военном полигоне в Сертолово Министерства обороны при Сердюкове еще два больших садоводства построено, а вокруг них едут танки на учения. Даже вот так продали. И у нас, например, я не знаю, какой землей будет руководить районный глава, которого, кстати, во вторник «закрыли»...*

В. ПУТИН: *Что значит «закрыли»?*

Н. ИВАНОВА: *Но не за землю.*

В. ПУТИН: *Что значит «закрыли»? **Мы с вами на феню перешли, что ли?** Что, арестовали его?* (Пресс-конференция В. В. Путина, 19 декабря 2013 года).

Как известно, *феня* – это слово из воровского жаргона, а семантико-прагматический потенциал использования некодифицированного элемента в данном случае (хотя и в измененном виде) заключается в эмоциональном воздействии на адресата и целевую аудиторию, стремлении придать массово-информационному дискурсу характер форума, установить обратную связь. Данной цели также отвечают «афоризмы фольклорного происхождения» [Алефиренко, Семенов, 2010: 91], или паремии. Как указывает А. А. Константинова [Константинова 2010: 7], «паремии вызывают к элементарным представлениям, чувствам, желаниям людей, из которых вырастают более сложные мировоззрения, отношения (социальные установки) и планы». Таким образом, паремиологические единицы представляют собой эффективный механизм речевого воздействия на массовую аудиторию. Паремии в анализируемом тексте используются интервьюируемым для описания тех нравственных проблем, которые стоят перед современным российским обществом: *В кодексе строителя коммунизма все есть, только изложено примитивным языком и сокращено до безобразия. Этот кодекс уже **почил в бозе**, его не существует. Новое поколение граждан России, молодые люди вообще не знают, что это такое. А ему на смену могут прийти только те самые традиционные ценности, о которых вы ска-*

зали. Без этих ценностей общество деградирует. Безусловно, мы должны к ним вернуться, понять их ценность и на базе этих ценностей двигаться вперед (Пресс-конференция В. В. Путина, 19 декабря 2013 года).

2) Вопросительные конструкции.

Характерной особенностью текста пресс-конференции является то, что вопросы используются не только интервьюером, но и интервьюируемым. Языковой материал позволяет нам выделить несколько функций таких вопросов:

- оценка проделанной работы, стремление привлечь внимание аудитории к успехам и неудачам в делах: **Добились ли мы чего-то сверхъестественного? Нет, не добились.** (Пресс-конференция Д. А. Медведева, 18 мая 2011 года);

- акцент на наиболее важных моментах, создание чувства сопричастности с аудиторией в решении наболевших проблем, продвижение рассуждения вперед: *Тем не менее правительство имеет и все полномочия, и все инструкции от меня для того, чтобы этим вопросом заниматься и стараться все-таки сбивать цены на нефтепродукты, на бензин. Как? Понятно как: к сожалению, ничего другого, кроме ограничительных мер я предложить не могу, и правительство этим правом воспользовалось. <...> Если я буду баллотироваться в президенты, я, конечно, хотел бы опираться на определенные политические силы, по-другому невозможно. Это политические партии. Какие? Вы знаете, у нас политических партий не так много. <...> На кого опираться? Ну, если я буду этим заниматься, я надеюсь опираться в том числе и на тех, кто меня выдвигал, это первое. <...> Может ли президент в нашей стране стать членом партии? Я уже сказал об этом недавно* (Пресс-конференция Д. А. Медведева, 18 мая 2011 года);

- создание эмоционального контакта с аудиторией через беседу с интервьюером, когда интервьюируемый берет на себя функции первого: *Еще раз дадим высказаться нашим каналам. Вот я вижу Антона Верницкого с Первого канала, чтобы не было обид у Первого канала. Пожалуйста, Антон. Смотрел сегодня кусочек записанный в Интернете, вашего интервью с каким-то гражданином, который рассказывал интересные истории про бен Ладена. Правда это? Нет? <...> Е. ГРАЧЕВА: Екатерина Грачева, Russia Today. Дмитрий Анатольевич, Россия поддержала резолюцию № 1973 в*

отношении Ливии. То, что мы видим сейчас, очевидно: страны коалиции, альянс НАТО выходят своими действиями в этой стране за рамки данной резолюции. Если вопрос об аналогичной резолюции в отношении Сирии будет поднят, каковы будут действия России? И второй вопрос, поскольку такая традиция уже была заведена... Д. МЕДВЕДЕВ: *Кем была заведена?* <...> Д. МЕДВЕДЕВ: <...> У вас восклицательный знак нарисован. *Это что означает?* Т. ТАРАСОВА: *Вопрос.* Д. МЕДВЕДЕВ: *Вопрос?* *Вопрос – это же другой знак.* Т. ТАРАСОВА: *Может быть.* Д. МЕДВЕДЕВ: *То есть вы в этом не уверены?* (Пресс-конференция Д. А. Медведева, 18 мая 2011 года);

• уточнение деталей для более корректного ответа на вопрос интервьюера: В. МЕЛЬНИЧЕНКО: *Председатель сельскохозяйственного предприятия, корреспондент газеты «Территория народной власти».* Д. МЕДВЕДЕВ: *Так вы председатель или журналист?* В. МЕЛЬНИЧЕНКО: *И журналист, и председатель.* <...> Е. СИМКИН: *Здравствуйте, Дмитрий Анатольевич. Евгений Симкин, телекомпания «Телесеть Мордовии», 10-й канал. У нас регион спортивный – вопрос про спорт: вы верите в победу российской олимпийской сборной в следующем году?* Д. МЕДВЕДЕВ: *В следующем году?* (Пресс-конференция Д. А. Медведева, 18 мая 2011 года).

3) Использование личных местоимений

В тексте пресс-конференции часто используются личные местоимения в парадигме «мы-инклюзивное»: *Модернизация – это не просто поступательное развитие, закрепление тех успехов, которые мы сделали (а они были за последние десять лет); это все-таки качественное изменение ситуации.* <...> *Добились ли мы чего-то сверхъестественного?* <...> *Поэтому мы должны понимать, что наши усилия по регулированию не всегда приносят успех.* <...> *Мы же все за политическую конкуренцию, мы все не хотим, чтобы у нас была одна партия, которая за всех все решает.* <...> *Все мы живем в одной стране* (Пресс-конференция Д. А. Медведева, 18 мая 2011 года). На наш взгляд, прагматический потенциал подобного рода грамматических особенностей текста заключается в вовлечении целевой аудитории в круг обсуждаемых проблем, в создании чувства приобщенности, единения и значимости всех и каждого как гражданина страны, что приводит к трансформации эмоционального состояния адресата.

Однако во время пресс-конференции часто используется личное местоимение «я», что подчеркивает важность личности руководителя государства в решении тех или иных вопросов, указывает на причастность и личную заинтересованность в судьбе страны и каждого отдельного человека, предлагая отчет о проделанной работе: *Это, как мне представляется, разумное в настоящий момент решение, которое позволит эту процедуру превратить в достаточно формальную.* <...> *Единственное, в чем я вижу действительно, может быть, свою прямую заслугу: я уверен, что после моего визита в садоводческое товарищество «Гвоздика» газ там появился.* <...> *Я все-таки надеюсь, что остаюсь в этом смысле вполне здравомыслящим человеком, который видит жизнь не сквозь розовые очки, а знает ее вполне, что называется, в земных категориях. Я действительно много езжу. Я, наверное, первый руководитель Российского государства, который посетит все территории, все субъекты Федерации в нашей стране* (Пресс-конференция Д. А. Медведева, 18 мая 2011 года).

4) Ирония и юмор

В тексте пресс-конференции широко используются ирония и юмор как эффективный инструмент воздействия на аудиторию и разрядки обстановки во время такого большого, практически не ограниченного во времени мероприятия. Выше (4.1) мы уже говорили о разграничении юмора и иронии в политическом интервью межкультурного уровня. Считаем, что данное разграничение (по шкале «конфликтность – кооперативность») будет верно и для текстового пространства пресс-конференции. Несмотря на то что В. Б. Кашкин и К. М. Шилихина в своих исследованиях [Кашкин 2009, 2011] оперируют термином *ирония* при анализе политического диалога, мы считаем необходимым использовать понятие *юмор* как механизм предотвращения возникновения деструктивного начала во время беседы и эксплицитного выражения шуточного отношения к событиям. Так, например, журналист, представляющий телеканал Life News во время пресс-конференции В. В. Путина в 2012 году процитировал анекдот о президенте России:

ВОПРОС: Здравствуйте! Владимир Владимирович, про вас на самом деле столько анекдотов ходит – наверное, помощники рассказывали?

В. ПУТИН: *Нет, они боятся рассказывать. (Смех.)*

ВОПРОС: *Последний касается конца света – например: «Путин столько всего обещает, что точно знает, когда он наступит». Или, например: «Президент специально назначил пресс-конференцию за день до конца света, потому что хочет подвести итоги развития всего человечества».*

В. ПУТИН: *Секундочку. Во-первых, я знаю, когда наступит конец света. (Пресс-конференция В. В. Путина, 20 декабря 2012 года).*

Как видно из фрагмента пресс-конференции, собеседник, обладая чувством юмора, смог по достоинству оценить существующее мнение о своей деятельности, перевел разговор в такую плоскость, которая характеризуется «низкой степенью агрессивности», чем, по утверждению М. Р. Желтухиной и обладает юмор [Желтухина 2000]. Справедливости ради необходимо отметить, что во время пресс-конференции 2012 года В. В. Путин часто использовал иронию как средство создания и поддержания контакта с аудиторией, построения диалога по принципу дружеской беседы. Так, например, при ответе на вопрос Александра Гамова объектом иронии стал сам интервьюер через апелляцию к прецедентному имени:

ВОПРОС: *Александр Гамов. Радио, телевидение и газета «Комсомольская правда».*

В. ПУТИН: *И радио, и телевидение, и газета.*

А. ГАМОВ: *Да, мы империя.*

В. ПУТИН: *Как Мердок все равно (Руперт Мердок – австралийский и американский предприниматель, медиамагнат, владелец СМИ. – Н. К.).*

А. ГАМОВ: *Почти что: он позади.*

В. ПУТИН: *Повнимательнее. (Смех.) (Пресс-конференция В. В. Путина, 20 декабря 2012 года).*

В приведенном фрагменте мы наблюдаем относительно новое явление, о котором пишет К. М. Шилихина, – использование косвенного способа коммуникации в потоке «от аудитории к политику» [Шилихина 2011: 179]. Правильная интерпретация журналистом прецедентного имени, умелое использование в ответной реплике оценочного компонента высказывания позволили редуцировать агрессивный потенциал высказывания и привлечь внимание именно к вопросу.

Как мы уже отмечали выше, для идиостиля В. В. Путина характерны выражения, «содержащие в своей семантической структуре мотивную составляющую» [Седых 2012: 40]. Находим этому подтверждение и в тексте пресс-конференции от 20 декабря 2012 года, когда номинации, используемые президентом, содержат одновременно и экспрессивный, и иронический потенциал:

В. ПУТИН: *Давайте «б соток».*

Д. ПЕСКОВ: *«б соток».*

ВОПРОС: *Большое спасибо, Владимир Владимирович. Андрей Туманов, теперь уже внештатный корреспондент газеты «Ваши б соток».*

В. ПУТИН: *Почему внештатный?*

А. ТУМАНОВ: *Теперь я работаю в Государственной Думе.*

В. ПУТИН: *Карьерюга такой. (Смех.)* (Пресс-конференция В. В. Путина, 19 декабря 2013 года).

4. Метафорика

В тексте пресс-конференции Д. А. Медведева от 18 мая 2011 года широко представлены различные метафорические модели, исследование которых имеет огромное значение для анализа политической коммуникации. Данная пресс-конференция показательна тем, что в ней часто используется метафорическая модель театра (представления) и игры для описания политической жизни и ее отличий от сценической постановки с хорошо продуманным сценарием и набором соответствующих эффектов. При ответе на вопрос об участии или неучастии в президентских выборах 2012 года Д. А. Медведев сказал следующее: *«Ну, наконец-то вы задали этот вопрос. (Смех.) Я надеялся, что он первый будет, но он прозвучал всего лишь четвертым. <...> Понимаете, **политическая жизнь – это не только шоу и даже совсем не шоу**, это довольно сложная работа (я имею в виду, политическую деятельность), довольно сложная работа, которая, на мой взгляд, как и на взгляд большого количества других людей, занимающихся практической политикой, подчиняется **определенным технологиям**, которые надо соблюдать. <...> Поэтому что бы я ни слышал на эту тему о том, что в одной стране уже сделаны заявления, в другой стране сделаны заявления, а в нашей стране молчание на эту тему, еще раз подчеркиваю: **все это должно подчиняться определенному, вполне разумному сценарию**. Но это не значит, что это может продол-*

жаться бесконечно. Конечно, у избирательного жанра есть свои законы, и этим законам буду следовать и я». Посредством этой метафоры оратор стремится донести до аудитории мысль о том, что политика настолько серьезное дело, что здесь важно четкое планирование и обдумывание действий на несколько ходов вперед, а с этой целью необходим скорректированный и скоординированный план действий для предотвращения сбоев в деятельности страны, президента и правительства.

Для описания действий последнего в тексте пресс-конференции вводится метафорическая модель организма: «...**Правительство работает как слаженный организм, и поэтому выдерживать из него отдельные звенья просто не очень правильно**». На серьезность происходящего в стране указывает и тот факт, что президент снимает с себя обязанности того, кто по мановению волшебной палочки может решить все проблемы: за каждым решением и его выполнением стоит долгая, кропотливая работа: **«Нет, я, конечно, не волшебник, хотя я стараюсь принимать решения, которых от меня ждут люди. И в этом смысле это обязанность любого руководителя»**. Как уже было сказано выше, деятельность политиков в анализируемом материале описывается с помощью метафорической модели игры, однако президент дистанцируется от представления своей работы как игры по правилам или без: **«Давайте еще раз порассуждаем о политической ситуации. Я, отвечая на вопрос нашей коллеги из «Независимой газеты», сказал, что любые политические решения должны быть, на мой взгляд, четко просчитаны. Это же не игрушки. В наших руках действительно судьбы огромного количества людей. Это не могут быть фантики или какие-то вещи, которые мы принимаем просто для того, чтобы слегка потешить собственные амбиции. И решения о том, баллотироваться или нет, должны основываться на этом»**.

Страна, как любой организм, иногда дает сбой, подвержена разного рода болезням и недугам, но всегда найдется врач или лекарство, действие которых будет благотворно для дальнейшего функционирования человека и целого государства. В ходе данной пресс-конференции Д. А. Медведев позиционировал свои действия (в частности, поездки по разным регионам России) как меры по предотвращению возникновения негативных явлений: **«Я действительно много езжу. Я, наверно, первый руководитель Российского**

государства, который посетит все территории, все субъекты Федерации в нашей стране. Это помогает разбираться в проблемах. *Это, если хотите, такая прививка».*

Страна, как и человек, не может жить вне окружающей среды, испытывать на себе влияние природы и изменять мир вокруг себя. Не случайным является использование метафорической модели природы в тексте пресс-конференции для описания политической обстановки и тандема Медведев – Путин. На вопрос В. Кондратьева об отношениях с коллегой и политическим партнером В. В. Путиным Д. А. Медведев дал следующий ответ: *«Что бы там иногда ни говорили на эту тему, но у нас очень близкие подходы к ключевым вопросам развития страны. Но это не значит, что мы совпадаем с ним во всем, так не должно быть. Это было бы очень скучно, да и просто неправильно. Каждый человек имеет право на собственные ощущения и на собственные подходы. Но в стратегии мы близки, иначе бы мы просто не смогли работать. А если бы мы не смогли работать, то вот это политическое партнерство бы распалось, и сегодня у нас был бы другой политический ландшафт».*

Метафора как когнитивный прием воздействия на целевую аудиторию не так часто используется в дискурсе пресс-конференций В. В. Путина. Идиостиль президента России характеризуется созданием афористических высказываний, семантический и формальный статус некоторых из которых уже проверен временем.

5. Стратегии и тактики (деструктивная и конструктивная интенции)

Пресс-конференции руководителей нашего государства в последнее время – это чаще всего откровенный разговор о насущных проблемах развития мирового сообщества в целом и Российского государства в частности. Несмотря на известную долю откровенности и доверительности в разговоре во время пресс-конференции, регламент предполагает соблюдение определенных законов журналистской этики. В случае нарушения последнего коммуникативное пространство жанра пресс-конференции развивается в сторону деструктивной и конфликтной интеракции.

Так, некоторые вопросы журналистов могут вызывать у политика раздражение и негодование, и тогда интервьюируемый использует речевые средства с просторечной и неодобрительной семантикой. Такова, например, была реакция на вопрос Инны Сальниковой,

представляющей омское издание «Коммерческие вести», о прямых губернаторских выборах во время пресс-конференции В. В. Путина 20 декабря 2012 года:

ВОПРОС: *Инна Сальникова, «Коммерческие вести». Владимир Владимирович, не могли бы вы озвучить свое отношение к прямым губернаторским выборам? <...> Скажите, почему Москва так боится этих выборов и почему настолько не доверяет своему населению, мы ведь выбираем президента?*

В. ПУТИН: *Послушайте меня. Как вас зовут?*

И. САЛЬНИКОВА: *Инна Сальникова.*

В. ПУТИН: *Инна, послушайте меня внимательно, и прошу вас больше к этому вопросу не возвращаться. Но только внимательно выслушайте то, что я скажу. Мы талдычим уже, вокруг этого вопроса пляшем много-много лет, ну выслушайте хоть один раз и услышьте меня: мы – за, и я лично – за прямые выборы губернаторов (Пресс-конференция В. В. Путина, 20 декабря 2012 года).*

Как видно из приведенного фрагмента, В. В. Путина использует тактику обращения по имени для установления доверительных отношений с целевой аудиторией и более глубокого понимания журналистами излагаемой им мысли. Однако если прием обращения к собеседнику по имени является уместным со стороны представителя власти, то при использовании его интервьюером (позволим себе назвать в данном случае представителей прессы именно так) это следует трактовать как нарушение журналистской этики. Во время пресс-конференции от 20 декабря 2012 года находим подтверждение сказанному:

В. ПУТИН: *Как вас зовут?*

М. СОЛОВЬЕНКО: *Мария меня зовут.*

В. ПУТИН: *Маша, садись, пожалуйста. Сейчас я отвечу.*

М. СОЛОВЬЕНКО: *Спасибо, Вова.*

Д. ПЕСКОВ: *Маша, будьте любезны, микрофон, пожалуйста.*

М. СОЛОВЬЕНКО: *Еще маленький вопрос.*

Д. ПЕСКОВ: *Нет, давайте уважать коллег.*

В. ПУТИН: *Она уже не отдаст, нет (Пресс-конференция В. В. Путина, 20 декабря 2012 года).*

Нарушение журналистской этики, девальвация самой ценности столь важного и серьезного мероприятия, как пресс-конференция, происходит тогда, когда преобладание эмоционального компонен-

та над рациональным в профессиональном поведении журналиста принимает гипертрофированные формы. Так, во время пресс-конференции В. В. Путина от 19 декабря 2013 года мы стали свидетелями случая, о котором пресс-секретарь премьер-министра России Наталья Тимакова отозвалась как о «полной потере профессии».

Е. МИЛЬЧАНОВСКА: *Спасибо. И еще такой вопрос. К сожалению, газетам и журналам, хотя это коммерческие организации в основном, очень трудно найти деньги на корпоративы. (Смех в зале.)*

В. ПУТИН: *Сколько надо?*

Е. МИЛЬЧАНОВСКА: *Владимир Владимирович, приходите к нам просто на юбилей. «Собеседнику» в следующем году 30 лет. Это, кстати, я с вами на обложке здесь. Помните нашу майскую встречу?*

В. ПУТИН: *Конечно.*

Е. МИЛЬЧАНОВСКА: *У меня после нее наладилась личная жизнь, вышла замуж наконец-то.*

В. ПУТИН: *Давайте поподробнее, объясните всем, что происходит.*

Е. МИЛЬЧАНОВСКА: *Но не за вас, за своего мужа, не поймите неправильно. Я вас люблю платонически. Владимир Владимирович, раз уж вы так сами заговорили, приглашаю вас на корпоратив «Собеседника» 6 марта в «Президент-отеле» – так случайно выбрали.*

В. ПУТИН: *Спасибо большое. (Пресс-конференция В. В. Путина, 19 декабря 2013 года).*

Во время пресс-конференции от 19 декабря 2013 года не вполне профессиональное поведение журналиста с преобладанием эмоционального компонента над рациональным вызывало недовольство уже самого президента России, который был вынужден не только брать на себя функции интервьюера, но и становиться модератором пресс-конференции.

М. СОЛОВЬЕНКО: *И последний. Нет, вы ответьте, а тот последний, короткий, можете не отвечать, но он очень серьезный будет.*

В. ПУТИН: *Кто руководит пресс-конференцией, вы или я?*

М. СОЛОВЬЕНКО: *А как хотите – главное, чтобы польза была.*

В. ПУТИН: *Я хочу, чтобы вы закончили свой вопрос.*

М. СОЛОВЬЕНКО: *Хорошо, я больше вас перебивать не буду.*

Последний вопрос, вы можете на него не отвечать, но от этого вопроса зависит судьба России, это правда. Вот сейчас всякие исследования: пять – семь лет нашей стране осталось. Очень больно это слушать. Знаете, о чем речь.

В. ПУТИН: Нет.

М. СОЛОВЬЕНКО: Нет? Такие общественные мнения, институты, в Интернете, что стране пять – семь лет – мы развалимся к чертовой матери. <...> Так вот, Владимир Владимирович, для вас этот вопрос будет очень тяжелый. Прошу на него не отвечать, это правда. Подождите. Следующий год – год Лошади, мой год. У вас будет год, чтобы принять стратегическое решение, не смейтесь. <...> Если вы боитесь, а вы не боитесь, вас тогда каждый даже самый маленький Мальчиш-Кибальчиш защитит за это, и тогда у нас проблем не будет: и на ПЭТ нам хватит, и на пенсии хватит – без всяких «прокладок» вот этих олигархических. Это трудно. Можете не отвечать. Но я вас очень прошу – думаю, вся страна тогда вас полюбит и скажет: «Будьте вы пожизненным, Владимир Владимирович». Спасибо. (Пресс-конференция В. В. Путина, 19 декабря 2013 года). В приведенном фрагменте неэтичность поведения журналиста выражается в неумелом использовании своего права задать вопрос президенту России, нарушении регламента проведения мероприятия, апелляции не столько к фактам, сколько к эмоциональной составляющей вопроса.

Таким образом, в тексте пресс-конференции как жанре политической коммуникации в тесной связи находятся рациональный и эмоциональный компоненты речевого поведения, репрезентированные в конструктивной и деструктивной интенциях соответственно. Однако важным является то, чтобы эмоциональное воздействие на адресата не превалировало над знаниями, убеждениями, этическими императивами, мировоззренческими ценностями собеседников. На необходимость разумного сочетания двух выделенных компонентов указывает и президент России В. В. Путин: *Поэтому давайте мы все-таки перенесем обсуждение этой темы из эмоциональной сферы, из эмоционально-политической на юридическую площадку* (Пресс-конференция В. В. Путина, 19 декабря 2013 года).

4.3. Политический комментарий как гибридный жанр межкультурного политического пространства: реализация моделей конфликтного кооперативного типов дискурса

Как уже указывалось в гл. 1, комментарий как жанр представляет собой контаминацию двух форм коммуникации – монологической и диалогической. При анализе реализации моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса исходной предпосылкой является утверждение о том, что любой комментарий, являясь монологическим по своей природе, может инициировать ответную реакцию автора комментируемого материала, героев комментируемого материала, целевой аудитории. Прагматическая направленность текстов комментария зависит от того, кто является его автором / группой авторов, стоящих за текстом.

1. Политики и представители властных структур

Комментарии, входящие в эту группу, обладают наименьшим агрессивным прагматическим потенциалом за исключением тех случаев, когда принадлежат оппонентам с противоположными взглядами. Примерами комментариев с наименьшей агрессией являются материалы, размещенные на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации. Так, 12 января 2015 года был размещен комментарий в связи с двойным терактом в ливанском городе Триполи: *10 января в года Триполи на севере Ливана произошел двойной теракт. Террористы-смертники осуществили подрыв кафе в районе Джебаль Мохсин, где компактно проживают представители алавитской общины страны. В результате преступной акции, ответственность за которую взяла на себя связанная с «Аль-Каидой» группировка «Джабхат Ан-Нусра», погибло девять человек, около сорока получили ранения. Выражаем глубокие соболезнования правительству и народу Ливана, семьям погибших. Желаем скорейшего выздоровления пострадавшим. Организаторы теракта в Триполи должны быть выявлены и понести заслуженное наказание. Решительно осуждаем продолжающиеся попытки экстремистских сил дестабилизировать ситуацию в Ливане, в том числе путем актов насилия и разжигания межконфессиональной розни. Вновь подтверждаем свою поддержку суверенитета, единства, территориальной целостности и стабильно-*

сти Ливана, а также готовность оказать содействие ливанскому правительству в противостоянии международному терроризму [электронный ресурс: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/]. В приведенном материале наличествуют все признаки официально-делового стиля: клише (*решиительно осуждаем, вновь подтверждаем, выражаем глубокие соболезнования*), синтаксическая организация предложений, отсутствие эмоционально-экспрессивных речевых средств.

Однако подобные характеристики отсутствуют в комментариях, функционирующих в рамках конфликтного дискурса. Так, в ответ на упоминавшуюся статью В. В. Путина «Россия призывает к осторожности» (12 сентября 2013 года) последовали комментарии противоположной стороны, в частности, экс-кандидат в президенты США Джон Маккейн назвал статью президента России «оскорблением интеллекта всех американцев». Реакция подобного рода последовала и от спикера палаты представителей Конгресса США, конгрессмена-республиканца от штата Огайо Джона Бейнера (John Boehner). Политик заявил, что чувствует себя оскорбленным. Политики в выражении своего отношения к мнению оппонента не пренебрегают использованием дисфемизмов, которые в гиперболизированной форме передают образ денотата / референта [Беляева 2009]. Так, сенатор-демократ от штата Нью-Джерси Боб Менендес (Robert Menendez) в интервью CNN сказал, что его «едва не вырвало».

Межкультурный политический комментарий может быть не только односторонним, но и обоюдным, когда реакция одной стороны комментируется той, действия которой инициировали первоначальный комментарий. Так, в случае со статьей В. В. Путина последовал комментарий пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова: «Мы затрудняемся с пониманием, почему США по-прежнему настаивают на своей исключительности. Демократическое существование подразумевает конкуренцию, но иногда складывается впечатление, что США от конкуренции отвыкли. Путин в международных делах никогда не читает морали другим. Тем не менее наши американские друзья за последнее десятилетие изрядно привыкли покровительственно хлопать всех по плечу, что зачастую и формировало отношение к США в мире. Настолько высоки ставки, настолько призрачная забрезжила надежда, что лучше воздержаться от комментариев по поводу модальности

возможных предложений» [электронный ресурс: <http://news.mail.ru/politics/14755992/>]

Поводом для межкультурного политического комментария может стать и интервью соответствующего уровня. 24 июля 2013 года премьер-министр России Д. А. Медведев ответил на вопросы корреспондента англоязычного новостного канала Russia Today Оксаны Бойко о событиях августа 2008 года и последствиях грузино-югоосетинского конфликта. Во время этого интервью представитель нашей страны дал оценку бывшему президенту Грузии Михаилу Саакашвили (*Вы знаете, я невысокого мнения о военных и дипломатических талантах Саакашвили*), еще раз подтвердил позицию России во время событий 2008 года (*Это не война между Грузией и Россией. Это грузино-осетинский конфликт, в который нам пришлось вмешаться для того, чтобы понудить Грузию перестать истреблять, по сути, людей, которых они рассматривали как своих граждан и которые одновременно были в значительной мере гражданами России.*), обрисовал отношение мирового сообщества к обсуждаемым событиям (*Я как-то даже вспоминал, как во время моего посещения Белого дома в качестве руководителя администрации президента первое, что мне сказал мой последующий коллега, Джордж Буш-младший... Он сказал, вот, Миша Саакашвили – хороший парень... Просто запомнил на всю жизнь. Первая фраза, которую я от него услышал. Поэтому какая уж тут непредвзятость...).* Такое развернутое интервью, с таким количеством провокационных вопросов (и не меньшим числом достаточно смелых ответов и высказываний со стороны интервьюируемого) не могло не вызвать ответной реакции со стороны грузинского правительства. Представитель премьер-министра Грузии Зураб Абашидзе заявил, что в 2008 году Грузия стала «жертвой агрессии» [электронный ресурс: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1113706&cid=9>]. Грузинский политик отметил, что «самые тяжелые последствия августовских событий для Грузии заключаются в том, что Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии». Однако, по его словам, «в Тбилиси готовы признать, что допустили драматические ошибки».

2. Политические консультанты, политологи, эксперты в области политики

Комментарии, принадлежащие экспертам в области политики, значительно расширяют жанровое пространство анализируемых

текстов за счет такой составляющей комментария, как прогнозирование возможного развития событий. Если комментарии политиков – это преимущественно констатация фактов и (или) эмоциональная оценка действительности, то комментарии, принадлежащие экспертам, могут реализовывать прогностическую функцию высказываний. Так, как прогностический мы можем идентифицировать комментарий Олега Горбунова «Неизбежная экономия» [электронный ресурс: <http://www.politcom.ru/18434.html>]. Маркер прогностичности содержится уже в самом заголовке комментария (*неизбежный* – тот, который неминуемо вытекает из сложившихся обстоятельств). Заголовок контекстуально поддерживается текстом комментария, где дается прогноз возможного развития событий: *Но альтернативы новому старому правительству Арсения Яценюка нет <...> Ни коллеги по коалиции, ни оппозиция не готовы взять на себя ответственность за стремительное падение экономики, которое, вероятно, будет продолжаться на протяжении всего 2015 года, также может затронуть и следующий 2016 год. <...> Изменения могут произойти только в случае выхода на первый план маргинальных деятелей, как это было в марте во время откола Крыма, Донецка и Луганска.*

3. Рядовые граждане

Комментарии, принадлежащие рядовым гражданам, в последнее время стали настолько популярны в интернет-пространстве, что на некоторых сайтах такие высказывания группируются под заголовком *Мнения читателей*, в рубрике *Мнения* наряду с комментариями редакции, авторов и экспертов. Справедливости ради необходимо отметить, что иногда «рядовыми гражданами» могут выступать и специалисты в области политики, но в рамках дискурсивного поля определенного интернет-издания они остаются читателями – теми, «чье мнение может не совпадать с позицией редакции». В такой роли, например, выступает Михаил Коростиков, политолог, аналитик «Лаборатории Крыштановской» в своих размышлениях о попытках России сблизиться с азиатским миром. В свою очередь материал «Приоткрытое окно в Азию» [электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/comments/2014/10/09_e_6255265.shtml] вызвал оживленные комментарии со стороны читателей. Несмотря на тот факт, что авторы комментариев дистанцированы друг от друга во времени и пространстве, между ними возникает диалог, иногда приобретающий конфликтный характер:

* Надо попробовать сблизиться с Африкой, там богатые земли, большие возможности... Нет, правда, Азия России не по карману и не по уму, там все сложно...

* Попробуйте, Сережа... У вас наверняка соседи-афороамериканцы имеются... Вот и сблизжайтесь... Это же Нью-Йорк...

В полемику могут вступать и сами авторы комментируемых материалов:

** **Зря, вы, Тео, меня все цитируете...***

да еще и перевираете... Я написал всего-навсего, что при Потемкине, скорее всего, никаких потемкинских деревень не строили... А вы на пустом месте целую концепцию наваяли... Обиделись, наверное... Ну, извините.

В интернет-комментариях широко используются косвенные (а иногда и прямые) негативные номинации:

** Гражданин «Вопиющий», мне **дебилов** и в реальной жизни хватает. Поэтому, пока ты со своими «мухами» не договоришься не трогать чьи-то «котлеты», пожалуйста, не надо ко мне приставать.*

Авторы комментариев прибегают и к такому способу разрядки отрицательного фона обсуждения, как ирония:

* Вы на него не обижайтесь: он не со зла. Это такой юмор. Да, своеобразный! Да, непривычный! Но за ним кроется добрая, отзывчивая душа и большая человеческая теплота. Разве Вы до сих пор не почувствовали :-)?

В целом необходимо отметить, что, несмотря на общую тенденцию к жаргонизации и даже криминализации языка (особенно в интернет-пространстве), общий прагматический потенциал проанализированных нами комментариев, принадлежащих рядовым гражданам, можно оценить как вполне нейтральный, не лишенный некоторого агрессивного настроя, несмотря на то что:

- комментарии к любому материалу, опубликованному на том или ином сайте, проходят модерацию и проверку содержания на предмет оскорблений, угроз и нецензурной лексики;

- авторами комментариев являются люди, имеющие обширные фоновые знания историко-культурного характера, которые воспроизводятся и проецируются в текстах комментариев;

- материалами для анализа послужили комментарии, размещенные на сайтах общественно-политических изданий, а не экс-

тремистских, националистических или иного маргинального толка сообществ.

Таким образом, комментарий как разновидность публицистического варианта данного жанра, но значительно модифицированный в современных дискурсивных условиях, реализует модели конфликтного и кооперативного типов дискурса в редуцированном и нежестком виде. Вариативное наполнение компонентов моделей определяется индивидуально-личностным компонентом и динамичностью развития жанра комментария. Фактором, обуславливающим возможное становление и упорядочивание элементов моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса, является взаимодействие комментария с другими, более «зрелыми» жанрами, а именно со статьей и интервью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная политическая коммуникация характеризуется постоянным контактом языков, культур, взглядов, аксиологических установок и приоритетов. Пространством, в рамках которого в данном случае функционируют политическая деятельность и речь соответствующего типа, является межкультурное политическое пространство. Категорией, определяющей осмысление межкультурных и лингвокультурологических различий, является дихотомия «Восток-Запад».

Именно в межкультурном политическом пространстве под влиянием различий между восточным и западным типами культур происходит реализация конструктивных или деструктивных интенций акторов политической коммуникации. Одновременно с этим лингвокультурологические условия и обстоятельства общения являются основанием для модификации традиционных журналистских жанров в связи с изменением целевой аудитории речевого произведения, созданного в рамках политического дискурса; расширением жанровых рамок существующих форм за счет трансформации прагматической цели создания текста; сочетанием в рамках новых дискурсивных практик элементов массовой и межличностной коммуникации; интеграцией компонентов межкультурной, межличностной и групповой коммуникации.

Исследование языка и речи в связи с экстралингвистическими условиями постулируется в качестве основополагающего принципа коммуникативно-прагматического подхода, являющегося приоритетным в изучении конфликтного и кооперативного типов дискурса. В таком случае дискурс любой направленности (конструктивной или деструктивной) рассматривается как процесс и результат (текст) в условиях межличностной и межкультурной интеракции в рамках широкого социального контекста. Конфликтный дискурс представляет деструктивную деятельность участников общения с актуализацией их культурного национального опыта, а кооперативный дискурс – это речевое взаимодействие коммуникантов, характеризующееся позитивной направленностью.

Процесс общения – это прежде всего процесс порождения, восприятия и интерпретации различных текстов. Сказанное в полной

мере актуально при анализе текстов монологического и диалогического характера, функционирующих в рамках как конфликтного, так и кооперативного дискурса. Моделирование последних является надежным инструментом изучения конфликтного или кооперативного прагматического потенциала жанров межкультурного политического пространства. Модели представляют собой комплексные образования, включающие аксиологическую, жанрово-стилистическую и лингвопрагматическую составляющие.

Реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса позволяет сделать вывод о том, что в диалогических и монологических жанрах политической коммуникации наблюдаются как изоморфные, так и специфические компоненты, репрезентирующие интенцию создания текста.

Что касается корпуса монологических текстов, то для новостных жанров доминирующими компонентами являются: функции и ценности, жанрово-стилистический блок, стратегии и тактики. Основными функциями новостных жанров являются: информирование, воздействие с элементами манипуляции, интеракция, оценка. Основными тактиками новостных материалов при функционировании в межкультурном политическом пространстве являются: тактика обвинения; тактика призыва; тактика угрозы; тактика предупреждения и требования; тактика оскорбления; тактика предложения, совета и просьбы; тактика извинения. Прагматическое наполнение релевантных для новостей компонентов моделей дает основание квалифицировать новостные жанры как функционирующие в рамках конфликтного дискурса с некоторыми элементами кооперации.

Разновидностью интервью-монолога являются интернет-конференции политиков (выступающих в роли интервьюируемых). Под интернет-конференциями понимаются мгновенные ответы на вопросы адресатов, поступившие заранее и (или) в режиме реального времени с последующей письменной фиксацией на сайте руководителя государства. Релевантными для этого жанра являются следующие элементы моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса: функции и речевые средства, участники, стратегии и тактики. Последний элемент определяет конструктивный (со стороны политика – гостя студии и журналистов – представителей восточных СМИ) или деструктивный (со стороны представителей западных СМИ) характер текста.

Несмотря на сильное личностное начало в текстах авторских статей и индивидуальный способ трактовки обсуждаемой действительности, авторские статьи относятся, скорее, к сфере функционирования кооперативного дискурса в случае, если они не предполагают обратной связи с адресатом. Конфликтное коммуникативное поведение возникает при комментировании авторских статей представителями стороны с противоположными политическими взглядами. Одним из важнейших параметров, согласно которым авторские статьи можно отнести к конфликтному или кооперативному типу дискурса, являются их пространственно-временные характеристики, то есть место и время публикации. Хронотоп, в свою очередь, определяет тематику статей, которая легко выводится из заголовка, являющегося средством актуализации основной идеи и содержания текста. Заголовок может стать инструментом общения с целевой аудиторией, приглашения ее к размышлению, равно как и другие речевые средства: вопросительные конструкции, употребление личных местоимений, приемы интимизации общения.

К жанру интервью-монолога, реализуемого в межкультурном политическом пространстве, целесообразно отнести также беседы политиков, опубликованные в печатном виде (книга). Эти беседы совмещают в себе элементы монолога и диалога. Преимущественное совпадение аксиологических приоритетов авторов текстов с установками собеседника и (или) журналиста позволяет нам характеризовать этот текст как функционирующий в рамках кооперативного дискурса. В случае трансцендентности взглядов и идей авторов текста убеждениям и ценностям целевой аудитории происходит смещение жанровой интенции в сторону конфликтного дискурса.

В рамках межкультурного политического прогноза можно выделить субжанры: статью-прогноз и интервью-прогноз. К основным функциям межкультурного прогноза относятся: собственно прогностическая, оценочная, превентивная. Прогнозы не репрезентируют факты, а определяют тенденции и перспективы развития того или иного явления. Применительно к межкультурному политическому прогнозу вполне правомерно говорить о бытовании жанра в рамках конфликтного дискурса. Прогноз может являться и средством провокации (только время может определить его достоверность). Наибольшим конфликтогенным потенциалом обладают, в сравнении с прогнозами организаций, индивидуально-авторские прогнозы, так

как они не только представляют оценку причин сложившейся ситуации и (или) рассматривают положение дел в будущем, но и отражают личное отношение автора к описываемым и прогнозируемым событиям.

В свою очередь диалогические жанры межкультурного политического пространства отличаются следующими характеристиками. Политическое интервью межкультурного уровня, являясь разновидностью интервью как традиционного жанра журналистики, реализует следующие функции: информирования, воздействия, взаимодействия, интерпретации. При этом реализация этих функций сопряжена с нарушением традиционной структуры интервью, в котором коммуникативные роли собеседников жестко распределены. В политическом интервью межкультурного уровня происходит нарушение коммуникативных ролей, что способствует конфликтному характеру коммуникации. Соотнесение политического интервью межкультурного уровня с конфликтным или кооперативным типом дискурса определяет и деятельность переводчика: от корректного/некорректного перевода зависит точное/неточное восприятие информации, полученной от собеседника, а соответственно, и ее адекватная интерпретация. Конфликтный дискурс в политическом интервью межкультурного уровня реализуется через конфронтационную стратегию, а кооперативный – через стратегию с противоположным прагматическим потенциалом. Речевыми средствами в политическом интервью становятся: вопросительные конструкции, ирония, употребление грубой и жаргонной лексики, если тексты функционируют в межкультурном политическом пространстве. Если речевые средства, функционирующие в межкультурном политическом интервью, способны реализовывать агрессивный прагматический потенциал, то жанровая разновидность политического интервью, функционирующая в монокультурном пространстве, лишена показателей конфликтности, так как и интервьюер, и интервьюируемый принадлежат к одной лингвокультуре.

Вторым по продуктивности диалогическим жанром является пресс-конференция, для которой релевантными компонентами моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса являются: функции, хронотоп, речевые средства. К последним относятся: использование грубых и жаргонных слов, вопросительные конструкции, употребление личных местоимений, ирония и юмор.

Считаем важным также выделение метафорических моделей в тексте пресс-конференции, так как этот жанр бытует прежде всего в устной коммуникации, которая отличается большей образностью высказываний, нежели коммуникация письменная. Большие пресс-конференции российских политиков сочетают рациональные и эмоциональные компоненты интеракции со значительным преобладанием последних со стороны как интервьюера, так (и чаще всего) интервьюируемого. Такое сочетание рациональной и эмоциональной составляющей в тексте пресс-конференции детерминирует в конечном счете преобладание конфликтогенного потенциала в рамках данного жанра.

В жанре межкультурного политического комментария реализуется наименьшее число компонентов моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса, что объясняется индивидуально-личностным компонентом, динамичностью развития анализируемого жанра и его несформированностью к настоящему времени. Сейчас можно лишь с уверенностью выделить следующие виды комментариев: принадлежащие политикам и представителям властных структур; принадлежащие политическим консультантам, политологам, экспертам в области политики; принадлежащие рядовым гражданам. Комментарии официальных лиц демонстрируют тенденцию в кооперативной интеракции, а эксперты в области политики и рядовые граждане часто используют речевые средства с конфликтным прагматическим потенциалом.

Развитие жанрового корпуса межкультурного политического пространства в направлении конфликтного или кооперативного дискурса зависит от следующих причин и обстоятельств:

1. В настоящее время тексты, функционирующие в межкультурном политическом пространстве, тяготеют, скорее всего, к конфликтному дискурсу (см., напр., публикации об Украине, террористических актах во Франции и др.).

2. Проанализированные нами жанры (новости, интервью-монолог, авторские статьи, книга, межкультурный политический прогноз, интервью, пресс-конференция, политический комментарий) являются сочетанием двух форм интеракции – межличностного общения и массовой коммуникации. С преобладанием межличностного компонента возрастает и вероятность развития конфликтогенных тенденций в жанровом корпусе межкультурного политическо-

го пространства, так как индивидуально-личностные особенности коммуникантов и международные события в целом не могут не влиять на производство, восприятие и интерпретацию информации.

3. Межличностное общение, в свою очередь, характеризуется непосредственной обратной связью между коммуникантами. Такая характеристика вполне присуща трем из проанализированных нами жанров: интервью, пресс-конференции, политическому комментарию. Непосредственная обратная связь позволяет, с одной стороны, элиминировать негативный прагматический потенциал высказываний, но способна и провоцировать конфликтное коммуникативное поведение. Вероятно, что диалогичность (интегративное свойство традиционно диалогических жанров) текстов будет распространяться и на другие жанры (например, Послание президента) и способствовать развитию жанрового корпуса межкультурного политического пространства в конфликтном направлении.

4. Критерием разграничения конфликтного и кооперативного типов дискурса является отклонение от нормы. Под коммуникативной нормой понимается: следование установленным в рамках того или иного жанра стандартам, использование соответствующих речевых стратегий и тактик, реализация этического компонента общения. Коммуникативные задачи в исследуемых нами жанрах связаны с выбором лингвистических средств для эффективного воздействия на адресата и целевую аудиторию. Однако результативное осуществление этой задачи обусловлено следованием не только (и не столько) языковым, сколько коммуникативным нормам. Так как в последнее время коммуникативная норма русского языка не имеет четко установленных границ и подвергается неизбежному расшатыванию, то справедливо говорить о дальнейшем развитии конфликтного конфликтного потенциала под влиянием собственно языковых и дискурсивных факторов.

5. Однако, несмотря на такой не вполне радужный прогноз, кооперативность также присуща жанрам, функционирующим в межкультурном политическом пространстве, и она будет усиливаться, в частности, в межкультурном политическом интервью, когда интервьюерами выступают представители восточных средств массовой информации. В этом отношении восточные журналисты могут стать примером соответствующего речевого поведения, отношения к собеседнику, демонстрации толерантного отношения к инако-

мыслию и противоположным взглядам. При этом разнообразные стили журналистского поведения не могут не приветствоваться в современном обществе, потому что именно наличие многообразного спектра аксиологических приоритетов и установок всегда есть источник перемен и развития.

Межличностный компонент, столь ярко проявляющийся в жанре комментария, является одним из критериев выявления дальнейших перспектив развития конфликтного или кооперативного типов дискурса. Наряду с изменениями международной ситуации трансформируется и система жанров меж- и монокультурной политической коммуникации, призванной отражать эти изменения. Не вызывает сомнения тот факт, что не всегда изменения носят позитивный и конструктивный характер. В случае если будущее жанрового корпуса политической коммуникации будет тождественно его прошлому (когда все жанры были четко структурированы и ригидны), мы смогли бы говорить о преобладании кооперативного начала. Но поскольку возврат к прошлому невозможен, то агрессивные и деструктивные элементы в межкультурном политическом пространстве, на наш взгляд, будут превалировать.

Не вызывает сомнения тот факт, что система *язык – речь – текст – дискурс* очень чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе. Социальная действительность дает лингвисту неисчерпаемый источник для пополнения научного багажа выводами, отражающими динамику исторических, в том числе межкультурных, процессов. Время неумолимо движется вперед, а это значит, что на авансцену эпохи выходят новые виды речевой деятельности политиков. Политические акторы часто вступают в противоречие и (или) конфликт, который также является двигателем поступательного развития общества. Однако идеалом в политической сфере является толерантное взаимодействие, при общении монокультур и представителей двух разных культур. В любом случае деструктивные и конструктивные формы политической коммуникации нуждаются в тщательном изучении, особенно в условиях современной политической и экономической нестабильности мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агрессия в языке и речи : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. – М. : РГГУ, 2004. – 288 с.

Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. / сост. М. А. Василик – СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. – 362 с.

Акмеологический словарь / Под общ. ред. А. А. Деркача. – М. : Изд-во РАГС, 2004. – 161 с.

Алефиренко, Н. Ф. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. Филология. – № 6 (85). – 2010. – С. 168–190.

Алышева, Ю. С. Речевой портрет современного политического лидера : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Алышева Юлия Сергеевна. – Волгоград, 2013. – 21 с.

Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 272 с.

Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 375 с.

Анисимова, А. Т. Лингвистические проекции конфликта (дескриптивный аспект) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Анисимова Анна Тихоновна. – Краснодар, 2008. – 212 с.

Анцупов, А. Я. Конфликтология в схемах и комментариях / А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский. – СПб. : Питер, 2005. – 228 с.

Анцупов, А. Я. Конфликтология: междисциплинарный подход, обзор диссертационных исследований / А. Я. Анцупов, С. Л. Прошанов. – М. : Доля Советов, 1997. – 240 с.

Анцупов, А. Я. Конфликтология / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – М. : ЮНИТИ, 1999. – 551 с.

Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 305 с.

Аронсон, О. В. Конфликты и сообщества (о политической функции в высказывании) / О. В. Аронсон // Язык и этнический конфликт. – М. : Гендальф, 2001. – С.15–34.

Аронсон, Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы / Э. Аронсон // Современная зарубежная социальная психология : тексты. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 111–126.

Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева / под ред. И. Б. Ханиной. – М. : Наука ; СМЫСЛ, 1999. – 350 с.

Артемьева, Ю. В. Акты референции в телевизионном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Артемьева. – Тверь, 2000. – 16 с.

Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Наука, 1985. – С. 3–42.

Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

Асмолов, А. Г. О смыслах понятия «толерантность» / А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова // Век толерантности : науч.-публицист. вестн. – 2001. – № 1–2. – С. 8–19.

Асмолов, А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности. Психология образования: проблемы и перспективы / А. Г. Асмолов // Материалы Первой международной научно-практической конференции. Москва, 16–18 дек. 2004 г. – М. : Смысл, 2004. – С. 6–10.

Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Асмус Нина Геннадьевна. – Челябинск, 2005. – 265 с.

Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 438 с.

Бабосов, Е. М. Конфликтология / Е. М. Бабосов. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 464 с.

Багиров, Э. Г. Основы телевизионной журналистики / Э. Г. Багиров, Р. А. Борецкий, А. Я. Юровский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 239 с.

Багдасарян, Т. О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») / Т. О. Багдасарян // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж». – Вып. 3. – 2002. – С. 241–245.

Базжина, Т. В. Агрессия как маркер слабости позиции / Т. В. Базжина // Агрессия в языке и речи. – М. : РГГУ, 2004. – С. 243–254.

Базылев, В. Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса / В. Н. Базылев // Политический дискурс в России-2: материалы рабочего совещания. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – С. 6–8.

Базылев, В. Н. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации / В. Н. Базылев // Юрислингвистика-2. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 140–149.

Базылев, В. Н. Политический дискурс в России / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2005. – Вып. 15. – С. 5–32.

Базылев, В. Н. Языковые императивы «политической корректности» / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : Изд. УрГПУ. – 2007. – Вып. 3 (230). – С. 8–10.

Базылев, В. Н. Политика и лингвистика: «В слове русском Бог» В.Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2014. – Вып. 1 (47). – С. 25–39.

Байбурин, А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения / А. К. Байбурин // Этнические стереотипы поведения. – Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1985. – С. 7–21.

Байдаров, Е. У. Проблемы дихотомии «Запад-Восток», «Восток-Запад» в глобалистике [электронный ресурс] / Е. У. Байдаров // Режим доступа: <http://credonew.ru>

Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – М. : АСТ-Пресс, 2001. – 670 с.

Балашов, С. Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Балашов Сергей Николаевич. – Екатеринбург, 2006. – 210 с.

Балли, Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М. : УРСС, 2003. – 230 с.

Баранов, А. Н. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / авт.-сост. А. Н. Баранов и др. – М. : Галерея, 2002. – 335 с.

Баранов, А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.

Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. – М. : Флинта, Наука, 2009. – 591 с.

Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. Вып. 7, 2004. – С. 257–263.

Батаршев, А. В. Базовые психологические свойства и профессиональное самоопределение личности: практическое руководство по психологической диагностике / А. В. Батаршев. – СПб.: Речь, 2005. – 208 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.

Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – С. 250–269.

Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1986. – 541 с.

Бахтин, М. М. Собрание сочинений / Бахтин М. М. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – 732 с.

Бейтсон, Г. Разум и природа / Г. Бейтсон. – М. : URSS, 2007. – 244 с.

Белл, Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы / Р. Т. Белл. – М. : Международные отношения, 1980. – 318 с.

Белозерцев, А. В. Особенности реализации личностно-ориентированной коммуникации в новых информационных технологиях (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Белозерцев Алексей Владимирович. – Тюмень, 2008. – 250 с.

Белоус, Н. А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве / Н. А. Белоус. – М. : Ин-т языкознания РАН ; УлГУ, 2007. – 247 с.

Белоусов, К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности / К. И. Белоусов // Вестник Оренб. гос. ун-та. – № 1 (117). – 2010. – С. 94–97.

Бельчиков, Ю. А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации / Ю. А. Бельчиков // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 66–74.

Беляева, И. В. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов / И. В. Беляева, Э. Г. Куликова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 22 (160). – С. 15–20.

Бердяев, Н. А. Судьба России: книга статей / Н. А. Бердяев. – М. : Эксмо, 2007. – 638 с.

Березин Ф. М. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. – М. : Наука, 1990. – 135 с.

Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК ; Нева, М. : ОЛМА-Пресс. – 2001. – 510 с.

Бернард, Л. Ислам: что пошло не так? [электронный ресурс] / Л. Бернард // Россия в глобальной политике. – № 1. – янв. – март 2003 // Режим доступа <http://www.globalaffairs.ru>

Бехтерев, В. М. Избранные работы по социальной психологии / В. М. Бехтерев. – М. : Наука: ИФ «Наука-философия, право, социология и психология», 1994. – 398 с.

Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 131-169.

Богданов, В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 88 с.

Богданов, В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб. : СПбГУ, 1993. – 68 с.

Богданов, Е. Н. Психология личности в конфликте : учеб. пособие. 2-е изд. / Е. Н. Богданов, В. Г. Зазыкин – СПб. : Питер, 2004. – 224 с.

Богданов, Н. Г. Справочник журналиста / Н. Г. Богданов, Б. А. Вяземский. – Л. : Лениздат, 1971. – 687 с.

Богомолова, Н. Н. Социальная психология печати, радио и телевидения / Н. Н. Богомолова. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 125 с.

Богомолова, Л. И. Диалог как историко-педагогический феномен / Л. И. Богомолов. – Владимир : Владим. гос. пед. ун-т, 2005. – 299 с.

Болохонцева, Н. М. Скрытый коммуникативный дискомфорт как явление диалога : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Болохонцева Наталья Михайловна. – Орел, 2011. – 175 с.

Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. – 159 с.

Борисова, И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 21–48.

Борботько, В. Г. Общая теория дискурса: принципы формирования и смыслопорождения : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Борботько Владимир Григорьевич. – Краснодар, 1998. – 250 с.

Бринев, К. И. Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно лингвистическом аспектах / К. И. Бринев // Юрислингвистика – 6: инвективное и манипулятивное функционирование языка: Изд-во Алт. ун-та. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 156–167.

Бринев, К. И. О презумпциях лингвистической экспертизы: конфликтные высказывания на шкале сведение / мнение. / К. И. Бринев // Юрислингвистика – 7: язык как феномен правовой коммуникации. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 138–154.

Бринев, К. И. Реклама в парадигме инвективности / К. И. Бринев // Юрислингвистика – 8: русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та 2007. – С. 402–405.

Бринев, К. И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции / К. И. Бринев // Юрислингвистика – 9: истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 232–249.

Бринев, К. И. Юридическая лингвистика и лингвистическая семантика (на материале категорий «сведение» и «мнение», «оценка», «факт») / К. И. Бринев // Юрислингвистика – 9: истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 194–211.

Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев. – Барнаул : Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009. – 252 с.

Бринев, К. И. Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики / К. И. Бринев // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 176–186.

Бродский, М. Ю. Политический дискурс и перевод / М. Ю. Бродский // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 103–111.

Брылина, И. В. Конфликтология в социальной работе / И. В. Брылина. – Томск : Томский политех. ин-т, 2009. – 120 с.

Бугрова, С. Е. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бугрова Светлана Евгеньевна. – Ниж. Новгород, 2013. – 24 с.

Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М.: Флинта, 2012. – 352 с.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... доктора. филол. наук: 10.02.20 / Будаев Эдуард Владимирович. – Екатеринбург, 2010. – 48 с.

Булгакова, Н. Е. Словесные ярлыки как фактор языкового насилия (лингвоэкологический аспект) / Н. Е. Булгакова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. Вып. 2. – Красноярск-Ачинск, 1997. – С.35–45.

Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // Известия АН СССР. Серия литература и язык. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 333–342.

Булыгина, Е. Ю. Проявление языковой агрессии в СМИ / Булыгина Е. Ю., Стексова Т. И. // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 149–157.

Бутакова, Л. О. «Надо ли руководителю платить налоги?» / Л. О. Бутакова // Юрислингвистика – 8: русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 47-58.

Бутакова, Л. О. В тексте «Рисале-и-Нур» нет оскорблений / Л. О. Бутакова // Юрислингвистика – 9: истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 284–295.

Бухарев, Н. Е. Структурное развитие заголовков / Н. Е. Бухарев. – М. : ТОО Гендальф, 2008. – 197 с.

Быкова, О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О. Н. Быкова

// Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). – Красноярск, 1999. – С.91–103.

Бэкон, Ф. Собрание сочинений в двух томах. / Ф. Бэкон. – Т. 1. – М. : Мысль, 1971. – 590 с.

Бэкон, Ф. Собрание сочинений в двух томах. / Ф. Бэкон. – Т. 2. – М. : Мысль, 1972. – 582 с.

Бэрн, Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб. : Питер пресс, 1997. – 330 с.

Валитова, Р. Р. Толерантность: порок или добродетель? / Р. Р. Валитова // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1996. – № 1. – С. 33–37.

Василик, М. А. Основы теории коммуникации / М. А. Василик. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.

Василик, М. А. Политология / М. А. Василик. – М. : Гардарики, 2006. – 588 с.

Васильева, С. Л. Особенности жанра комментария в русском и английском газетно-публицистическом дискурсе: сопоставительный аспект / С. Л. Васильева // Молодой ученый. – 2013. – №2. – С. 207–210.

Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.

Василюк, Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций / Ф. Е. Василюк // Психологический журнал. – 1995. – Т.16. – № 3. – С.94–97.

Вацлавик, П. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон. – СПб.: Речь, 2000. – 298 с.

Вдовиченко, Л. В. «Порядок» и «беспорядок» как ценность и антиценность в политическом дискурсе России и США / Л. В. Вдовиченко // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 3 (33). – С. 57–61.

Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

Вернадский, В. И. Труды по философии естествознания / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2000. – 503 с.

Вежбицкая, А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны / А. Вежбицкая // ВЯ. – 1993. – № 4. – С. 107–125.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские Словари, 1997. –а. – 416 с.

Вежбицкая, А. Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж». – Вып. 1. – 1997. –б. – С. 112–132.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 776 с.

Верещагин, Е. М. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1037 с.

Вечкина, О. В. Коммуникативные неудачи в повседневном речевом общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Вечкина Ольга Владимировна. – Саратов, 2010. – 22 с.

Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Рус. яз., 2001. – 717 с.

Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. Изд. 3-е. / Т. Г. Винокур. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.

Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М. : АСТ ; Астрель, 2010. – 347 с.

Владимирова, Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т. Е. Владимирова. – М. : КомКнига, 2007. – 304 с.

Власова, Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX в.) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Власова Елена Вячеславовна. – Саратов, 2005. – 210 с.

Водак, Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» / Р. Водак // Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград : Перемена, 1997. – С.24–33.

Вознесенская, Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вознесенская Юлия Владимировна. – СПб., 2010. – 185 с.

Волкова, О. С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «бытовой конфликт» : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Волкова Ольга Сергеевна. – Волгоград, 2009. – 188 с.

Волкова, Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Волкова Яна Александровна. – Волгоград, 2014. – 47 с.

Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М. Н. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С.9-31.

Воробьева, Е. Н. Недоуменный вопрос и его текстовая роль : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Воробьева Елена Николаевна. – М., 2010. – 22 с.

Воронцов, Ю. А. Информационные системы в административном управлении предприятиями связи / Ю. А. Воронцов. – М. : Радио и связь, 2005. – 511 с.

Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т. А. Воронцова. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.

Ворошилов, В. В. Журналистика : учебник. 2-е изд. / В. В. Ворошилов. – СПб : Изд-во Михайлова В.А., 2000. – 172 с.

Вохрышева, Е. В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Вохрышева Евгения Валерьевна. – СПб, 2001. – 473 с.

Выготский, Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 498 с.

Выготский, Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А.Л. Лурия. – М. : Педагогика-Пресс. – 1993. – 221 с.

Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи / М. В. Гаврилова. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 294 с.

Гаврилова, М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Гаврилова Марина Владимировна. – СПб, 2005. – 468 с.

Газизов, Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Газизов Рафаэль Аркадьевич. – Уфа, 2011. – 395 с.

Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1981. – 315с.

Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – М. : Сов. писатель, 1988. – 445 с.

Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. Т. 1. – М. : Мысль, 1970. – 501 с.

Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. Т. 2. – М. : Мысль, 1971. – 248 с.

Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. Т. 3. – М. : Мысль, 1972. – 371 с.

Гераклит, Эфесский. Фрагменты / Эфесский Гераклит. – М. : Мусагет, 1910. – 88 с.

Глебова, Н. С. Арабский Восток: искусство делать выбор [электронный ресурс] / Н. С. Глебова // Режим доступа: <http://www.iimes.ru>

Голанова, Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью / Е. И. Голанова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 427–452.

Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – I: проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С.11–58.

Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 9–45.

Голев, Н. Д. Еще раз о глубине лингвистической экспертизы текстов, вовлеченных в юридическую сферу (на материале судебного разбирательства) / Н. Д. Голев, В. А. Пищальникова // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 222–230.

Голев, Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы (на примере текстов права) // Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 3: проблемы юрислингвистической экспертизы: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 15–30.

Голев, Н. Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики / Н. Д. Голев // Право і лінгвістика: Матеріалі Міжнародної науково-практичної конференції. – Частина 1., Сімферополь – Ялта, 2003. – С.33–41.

Голев, Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 41–59.

Голев, Н. Д. Обсценная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора) / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 6: инвективное и манипулятивное функционирование языка: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 41–59.

Голев, Н. Д. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и прав / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Юрислингвистика – 7: язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 168–185.

Голев, Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 8: русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 68–76.

Голев, Н. Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 9: истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 137–156.

Голев, Н. Д. Язык как собственность (к основаниям лингвомаркетологической концепции языка) / Н. Д. Голев, О. Е. Яковлева // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 75–83.

Гончар, Н. Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гончар Наталья Георгиевна. – Тюмень, 2009. – 21 с.

Горбаневский, М. В. Не говори шершавым языком: о нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ / М. В. Горбаневский, Ю. Н. Караулов, В. М. Шаклеин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2010. – 299 с.

Горбачева, Е. Н. Обозначение и выражение лингвокультурного концепта «спор» в русском и британском политическом дискурсе / Е. Н. Горбачева // Вестн. Астрахан. гос. тех. ун-та. – 2006. – № 5. – С. 192–197.

Гордон, Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 276–302.

Гордякова, О. В. Влияние агрессивности личности на оценку наружной рекламы с различными формально-динамическими характеристиками : дис. ... канд. психол. наук: 19.00. 05 / Гордякова Ольга Владимировна. – М., 2003. – 188 с.

Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 1997. – 224 с.

Городецкий, Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 64–78.

Грабельников, А. А. Работа журналиста в прессе / А. А. Грабельников. – М.: РИП-холдинг, 2004. – 274 с.

Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217–237.

Грачев, Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Г. В. Грачев. – М. : РАГС, 1998. – 125 с.

Граудина, Л. К. Культура русской речи : учеб. для вузов / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА М., 1999. – 560 с.

Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2008. – 351 с.

Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – СПб. : Питер, 2000. – 464 с.

Грошев, И. В. Психофизиологические различия мужчин и женщин / И. В. Грошев. – М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж : МОДЭК, – 2005. – 462 с.

Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учеб. для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попов, А. П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.

Грушевская, Т. М. Политический дискурс в аспекте газетного текста / Т. М. Грушевская. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 116 с.

Гурьева, З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (на материале текстов на русском и английском языках) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Гурьева Зинаида Ивановна. – Краснодар, 2003. – 446 с.

Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 286 с.

Давыдова, Т. А. Роль упрека в межличностном общении [электронный ресурс] / Т. А. Давыдова // Режим доступа: www.lingvomaster.ru

Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. / Н. Я. Данилевский. – М. : Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.

Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.

Дасько, А. А. Агрессия: штрихи к языковой картине мира / А. А. Дасько // Агрессия в языке и речи. – М. : РГГУ, 2004. – С. 194–204.

Дацюк, Г. И. Психолого-педагогические особенности применения информационных и коммуникационных технологий в учреждениях общего среднего образования : дис. ... канд. пед. наук: 19.00. 13 / Дацюк Галина Гордякова Ивановна. – М., 2001. – 235 с.

Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Наука, 1989. – 186 с.

Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.

Дементьев, В. В. «Расширяющая» и «сужающая» тенденции в определении речевого жанра / В. В. Дементьев // Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры. – Омск : Омский гос. ун-т, 2009. – С. 17–29.

Дементьев, В. В. Жанры новых сфер общения / В. В. Дементьев // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики. – Омск : Омский государственный университет, 2011. – С. 19–36.

Дементьева, М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе / М. К. Дементьева // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып. 4 (30). – С. 82–92.

Дементьева, М. К. Языковая личность политика / М. К. Дементьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – № 2. – 2011. – С. 72–78.

Демченко, Е. В. Семантико-синтаксические средства выражения категории вежливости в английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.20 / Демченко Екатерина Владимировна. – Ростов н/Д, 2007. – 168 с.

Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.

Демьянков, В. З. Событийность в языке средств массовой информации / В. З. Демьянков // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной научной конференции, Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 года. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С.59–60.

Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН. – 2002. – № 3. – С.32–43.

Деркач, А. А. Личностно-профессиональная компетентность государственных служащих: акмеологический подход / А. А. Деркач. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – 295 с.

Десяева, Н. Д. Стилистика современного русского языка / Н. Д. Десяева. – М.: Академия, 2008. – 271 с.

Дмитриев, А. В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология, ч. 1) / А. В. Дмитриев, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев. – М.: ИНИОН РАН., 1993. – 212 с.

Джамалян, Д. В. Проявление агрессии в этнических стереотипах : дис. ... канд. психол. наук: 19.00. 01 / Джамалян Давид Вруйрович. – М., 2005. – 190 с.

Дзюба, Д.Б. Типология некодифицированных явлений телевизионной речи : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дзюба Диана Борисовна. – М., 2004. – 140 с.

Дмитриев, А. В. Введение в общую теорию конфликтов / А. В. Дмитриев, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев. – М. : ИНИОН, 1993. – 211 с.

Дмитриенко, Г. В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дмитриенко Глеб Владимирович. – Пятигорск, 2007. – 166 с.

Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2008. – 264 с.

Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – М. : КРАСАНД, 2010. – 288 с.

Долинин, К. А. К проблеме речевых жанров / К. А. Долинин // Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции. – Вып. 4. Общее языкознание. – СПб., 1997. – С. 13–24.

Долинин, К. А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина / К. А. Долинин // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб., 1998. – С. 35–47.

Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж». – Вып. 2. – 1999. – С. 7–13.

Донец, П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02. 19 / Донец Павел Николаевич. – Харьков, 2004. – 367 с.

Дорожкин, Ю. Н. Основы теории коммуникации / Ю. Н. Дорожкин, Ю. Б. Козлова, Е. Г. Костылева, А. А. Махов. – Уфа, 2003. – 56 с.

Доценко, Е. Л. Психология манипуляции / Е. Л. Доценко. – М. : ТОО «ЧеРо», 1997. – 342 с.

Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1984. – 268 с.

Дридзе, Т. М. Диалог как механизм организации социокультурного пространства-времени / Т. М. Дридзе // Культурный диалог города во времени и пространстве исторического развития. – М. : РАН, Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры», 1996. – а – С.15–23.

Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность, 1996. – №3. – б – С.145–152.

Дридзе, Т. М. Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе // Социокультурное пространство диалога. – М. : Наука, 1999. – С. 58–77.

Дубровская, Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.

Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. – 276 с.

Дымарский, М. Я. Принцип толерантности и некоторые виды коммуникативных неудач / М. Я. Дымарский // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации : коллект. моногр. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. – С. 74–86.

Евдокимов, В. А. Монолог, диалог и полилог в политической коммуникации / В. А. Евдокимов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – № 2 (8). – 2011. – С. 6–12.

Егидес, А. П. Психологическая коррекция конфликтного общения / А. П. Егидес. // Психологический журнал. – 1984. – № 5. – С. 52–53.

Егидес, А. П. Как располагать к себе людей? / А. П. Егидес – М. : Московский гос. открытый пед. ун-т, 1996. – 228 с.

Егидес, А. П. Лабиринты общения / А. П. Егидес – М. : Филинь, 1999. – 383 с.

Егидес, А. П. Психология конфликтов в деловом общении (концепции и технологии) : дис. ... доктора. психол. наук: 19.00.05 / Егидес Аркадий Петрович. – М., 2004. – 395 с.

Егорова, Е. В. Жанровая характеристика диалоговой политической коммуникации (на примере немецкого языка) / Е. В. Егорова // XIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М. : МАКС Пресс, 2012. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

Ерасов, Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. / Б. С. Ерасов. – М. : Аспект пресс, 1999. – 555 с.

Ермакова, О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 30–64.

Ермолаева, Е. Н. Концепт conflict и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ермолаева Елена Николаевна. – Кемерово, 2005. – 212 с.

Ершов, А. А. Личность и коллектив (межличностные конфликты в коллективе, их разрешение) / А. А. Ершов. – Л. : Изд-во Знание, 1976. – 40 с.

Ефремов, В. А. Речевая агрессия и способы ее преодоления / В. А. Ефремов // Академический вестник. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. – № 1(20). – 2013. – С. 19–24.

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – В 2-х томах. – М. : Русский язык, 2000.

Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе: на материале немецкого и русского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Желтухина Марина Ростиславовна. – Волгоград, 2000. – 250 с.

Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М.Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУЛКБ, 2003. – 656 с.

Жельвис, В. И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации / В. И. Жельвис // Этнические стереотипы поведения. – Ленинград : Изд-во «Наука», 1985. – С.296–322.

Жельвис, В. И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика / В. И. Жельвис // Этнопсихоллингвистика. – М. : Наука, 1988. – С. 98–108.

Жельвис, В. И. Психоллингвистическая интерпретация инвективного воздействия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Жельвис Владимир Ильич. – М., 1992. – 51 с.

Жуков, А. С. О соотношении понятий «лид» и «хэдлиан» в новостных материалах традиционных и интернет-СМИ / А. С. Жуков // Молодой ученый. – 2013. – №4. – С. 669–671.

Жучков, Д. О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа : дис. ... кандид. филол. наук: 10.02.04 / Жучков Дмитрий Олегович. – Воронеж, 2010. – 181 с.

Зыкин, В. Г. Психолого-акмеологические условия деятельности специалистов в особых условиях : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / Зыкин Владимир Георгиевич. – М., 1994. – 416 с.

Зайцев, А. В. Лингвополитология vs. политическая лингвистика: возможен ли диалог? / А. В. Зайцев // *Litera*. – 2012. – № 1. – С. 25–81.

Закоян, Л. М. Выражение агрессии в современном русском и английском языках (на материале американского национального варианта английского языка) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Закоян Лилит Мясниковна. – М., 2010. – 300 с.

Залевская, А. А. Психоллингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.

Залобовская, Е. В. Преодоление коммуникативных барьеров в условиях совместной деятельности : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Залобовская Елена Владимировна. – Москва, 1984. – 193 с.

Зарецкая, Е. Н. Теория речевой коммуникации (риторический подход) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Зарецкая Елена Наумовна. – М., 1999. – 494 с.

Захарова, Е. П. Коммуникативные категории и нормы / Е. П. Захарова // Хорошая речь. – Саратов : Изд-во Саратов. Ун-та, 2001. – С.163–179.

Землянова, Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций / Л. М. Землянова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 301 с.

Зверинцев, А. Б. Коммуникационный менеджмент / А. Б. Зверинцев. – СПб. : Союз, 1997. – 286 с.

Зелинский, С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание: средства массовой коммуникации, информации и про-

паганды как проводник манипулятивных методик воздействия на подосознание и моделирование поступков индивида и масс / С. А. Зелинский. – СПб. : Скифия, 2008. – 403 с.

Землянова, Л. М. Гуманитарная миссия современной глобализирующейся коммуникативистики / Л. М. Землянова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 270 с.

Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.

Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. – М. : Ин-т рус. яз., 1993. – С. 90–136.

Зиммель, Георг. Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования / Георг Зиммель // Избранное. Том 2. Созерцание жизни – М.: Юрист, 1996. – С.301–465.

Зимняя, И. А. Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М. : Московский психолого-социальный институт, Воронеж : НПО МОДЭК, 2001. – 432 с.

Злагодухин, А. И. Конфликт как способ межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Злагодухин Алексей Иванович. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2007. – 21 с.

Змиевская, Н. А. Восприятие авторской интенции / Н. А. Змиевская // Прагматика и стилистика. – М., 1985. – Вып. 25. – С.44–55.

Зубкова, Я. В. Ценности академического дискурса / Я. В. Зубкова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж : ВГУ, 2009. – Вып. 7. – С. 135–141.

Иванова, И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванова Ирина Викторовна. – Астрахань, 2009. – 214 с.

Иванова, Д. В. Речевые способы преодоления конфликта (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Иванова Дарья Валерьевна. – Саратов, 2010. – 182 с.

Ивин, А.А. Основы теории аргументации : учебник / А. А. Ивин. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.

Ильенко, С. Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии / С. Г. Ильенко // Аспекты речевой конфликтологии. – СПб., 1996. – С.3–12.

Инговатова, А. Г. Запад-Восток: к феноменологии диалога (поиск методологических оснований) / А. Г. Инговатова // Ползуновский альманах. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. тех. ун-та им. И. И. Ползунова. – 1999. – № 1. – С. 151–155.

Иньиго-Мора, И. Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование / И. Иньиго-Мора // Политическая лингвистика. – 2008 – Выпуск (1) 24. – С. 33-38.

Ирхин, Ю. В. Политология / Ю. В. Ирхин, В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. – М. : Юрист, 2002. – 511 с.

Ислам и Запад [электронный ресурс] / Режим доступа http://www.info-islam.ru/publ/intervju/islam_i_zapad/4-1-0-1409html

Иссерс, О. С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) / О. С. Иссерс // Юрислингвистика -I. – Барнаул : Изд. Алт. Ун-та, 1999. – С. 106–122.

Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.

Иссерс, О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия / О. С. Иссерс // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – С. 37–61.

Иссерс, О. С. Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.

Казыдуб, Н. Н. Бесконфликтный дискурс: концепты, стратегии, сценарии / Н. Н. Казыдуб // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – № 3. – 2012. – С. 94–99.

Каган, М. С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа / М. С. Каган. – М. : Политиздат, 1974. – 328 с.

Каган, М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М. С. Каган. – М : Политиздат, 1998. – 319 с.

Карабань, Н. А. Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Карабань Наталья Александровна. – Волгоград, 2006. – 233 с.

Каразия, Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Каразия Наталья Александровна. – М., 2004. – 214 с.

Кара-Мурза, Е. С. Речевое преступление как проявление конфликтности политической коммуникации / Е. С. Кара-Мурза // Современная политическая коммуникация. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 21-24 сентября 2009 г. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. , 2009. – С. 88–91.

Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты / Е. С. Кара-Мурза // Цикл статей / Журналистика и культура русской речи. Научно-практический журнал. – М. – 2011. – № 2. – с. 64–79; № 3. – с. 54–73; № 4. – с. 64–83.

Кара-Мурза, Е. С. Лингвистические показатели речевых преступлений в политике / Е. С. Кара-Мурза // *Язык СМИ и политика*. – М. : Издательство МГУ, 2012. – С. 797–855.

Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // *Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики*. – Волгоград : Перемена, 1999. – а. – С. 3–18.

Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // *Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики*. – Волгоград: Перемена, 1999. – б. – С. 5–19.

Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – а. – 333 с.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – б. – 477 с.

Карасик, В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В. И. Карасик // *Массовая культура на рубеже XX–XXI вв.: Человек и его дискурс*. – М. : Азбукновник, 2003. – С. 24–45.

Карасик, В. И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы / В. И. Карасик // *Дискурс, текст, когниция: коллективная монография*. – Ниж. Тагил : НТГСПА, 2010. – С. 164–183.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : КомКнига, 2006. – 264 с.

Кармин, А. С. Конфликтология / А. С. Кармин. – СПб. : Лань, 1999. – 442 с.

Карчевски, Р. Прагмакоммуникативные характеристики выражения языковых средств угрозы в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Карчевски Роман. – Минск, 2005. – 17 с.

Карякин, А. В. Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Карякин Александр Вячеславович. – Волгоград, 2010. – 163 с.

Кашапов, М. М. Психология конфликтной компетентности / М. М. Кашапов, М. В. Башкин. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2010. – 128 с.

Кашкин, В. Б. Ирония в политическом интервью / В. Б. Кашкин, К. М. Шилихина // *Современная политическая коммуникация: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 21–24 сентября 2009*. – Екатеринбург : Изд. УРГПУ. – 2009. – С. 98–101.

Кашкин, В. Б. Диалогический принцип в исследовании иронии / В. Б. Кашкин, К. М. Шилихина // *Мир лингвистики и коммуникации: элек-*

тронный научный журнал. – Тверь : Твер. гос. сельскохозяйств. акад. – 2011. – С. 72–81.

Кибрик, А. А. О некоторых видах знания в модели естественного диалога / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С.61–68.

Ким, М. Н. Основы творческой деятельности журналиста : учеб. пособие для вузов / М. Н. Ким. – СПб. : Питер, 2011. – 400 с.

Клобуков, Е. В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (Морфологические категории в системе языка и дискурса) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Клобуков Евгений Васильевич. – М., 1995. – 74 с.

Клюев, Е. В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / Е. В. Клюев. – М. : РИПОЛ Классик, 2002. – 316 с.

Кобозева, И. М. Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога / И. М. Кобозева // Ученые записки Тартус. гос. ун-та. – 1990. – Вып. 903. – С. 77-90.

Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

Ковальчук, Е. В. Семантика и функции дискурсивного слова *ЛАДНО* в прагматических ситуациях разного типа : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ковальчук Елена Владимировна. – Харьков, 2003. – 211 с.

Кожухарь, Г. С. Проблема толерантности в межличностном общении / Г.С. Кожухарь // Вопросы психологии. – 2006. – № 2. – С. 3–12.

Козер, Льюис. Функции социального конфликта / Льюис Козер. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 205 с.

Козырев, Г. И. Основы социологии и политологии / Г. И. Козырев. – М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2007. – 239 с.

Колесниченко, А. В. Прикладная журналистика / А. В. Колесниченко. – М. : Издательство Моск. ун-та, 2008. – 142 с.

Колокольцева, Т. Н. Роль диалога и диалогичности в современном коммуникативном пространстве (на материале средств массовой информации) / Т. Н. Колокольцева // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. – С. 50–56.

Колокольцева, Т. Н. Новые жанры диалогической коммуникации: теледиалог президента с гражданами России [электронный ресурс] / Т. Н. Колокольцева // Режим доступа www.philol.msu.ru

Колшанский, Г. В. О языковом механизме порождения текста / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1983. – №3. – С.44–51.

Колшанский, Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – М. : URSS, 2005. – 93 с.

Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М. : URSS, 2007. – 173 с.

Комалова, Л. Р. Рефлексивная коммуникация как идеальное завершение конфликта / Л. Р. Комалова // Сборник материалов VII Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление». – М. : Когито-Центр, 2009. – С. 105–108.

Комлев, Н. Г. Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта / Н. Г. Комлев // Тез. VI Всесоюзн. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1978. – С. 154–178.

Конечкая, В. П. Социология коммуникации / В. П. Конечкая. – М. : Международный университет бизнеса и управления. – 1997. – 302 с.

Константинова, А. А. Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы / А. А. Константинова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 331 – С. 7–13.

Копнина, Г. А. Речевое манипулирование / Г. А. Копнина. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 176 с.

Королева, О. П. Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме (на материале британского ареала) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Королева Ольга Петровна. – Нижний Новгород, 2002. – 196 с.

Костомаров, В. Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Язык как творчество. К 70-летию В. П. Григорьевы: Сб. научн. тр. ИРЯ РАН. – М., 1996. – С. 7–12.

Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб : Златоуст, 1999. – 320 с.

Костяев, А.П. Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Костяев Александр Петрович. – Великий Новгород, 2011. – 45 с.

Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе / Т. Котарбинский. – М. : Экономика, 1975. – 249 с.

Кочкин, М. Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кочкин Михаил Юрьевич. – Волгоград, 2003. – 17 с.

Кошкарова, Н. Н. Клевета, оскорбление, диффамация: критерии разграничения и пути преодоления / Н. Н. Кошкарова // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово, 2011. – С. 250–252.

Кошкарова, Н. Н. Новые слова российской политической действительности / Н. Н. Кошкарова // Вестник Челябинского государственного

университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – Выпуск 73. Челябинск, 2013. – № 1 (292). – С. 83–86.

Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008. – 373 с.

Красноперова, Ю. В. Дискурсивные стратегии участников интервью : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Красноперова Юлия Валерьевна. – Иркутск, 2005. – 236 с.

Красных, В. В. К вопросу о лингвокогнитивных аспектах коммуникативного акта / В. В. Красных // Науч. докл. филол. ф-та МГУ. – М., 1998. Вып. 2. – С.93–99.

Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – М. : ИТДГК Гнозис, 2001.

Краткий словарь по социологии / Ред. П. Д. Павленюк. – М. : Инфа-М, 2000. – 270 с.

Крэйхи, Б. Социальная психология агрессии / Б. Крэйхи. – СПб. : Питер, 2003. – 333 с.

Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1991. – 240 с.

Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыты парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.

Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 555 с.

Кудрявцев, А. Г. Сопоставительное изучение языковой толерантности в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Кудрявцев Алексей Геннадьевич. – Челябинск, 2012. – 194 с.

Куликов, А. Ю. Социально-психологические особенности деятельности командира подразделения по предупреждению и разрешению межличностных конфликтов курсантов вузов. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Куликов Александр Юрьевич. – Ярославль, 2000. – 171 с.

Куницына, В. Н. Трудности межличностного общения : автореф. ... дис. д-ра психол. наук: 19.00.05 / Куницына Валентина Николаевна. – СПб., 1991. – 38 с.

Курбатов, В. И. Конфликтология / В. И. Курбатов. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 455 с.

Курлов, А. Б. Основы теории коммуникации / А. Б. Курлов. – Уфа : БГУ, 2002. – 123 с.

Курьянович, А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике / А. В. Курьянович. – Томск : Томский государственный педагогический университет, 2013. – 220 с.

Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кусов Геннадий Владимирович. – Краснодар, 2004. – 245 с.

Кучинский, Г. М. Диалог и мышление / Г. М. Кучинский. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 190 с.

Кънева, Н. К. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кънева Наталия Кънчева. – Тверь, 1999. – 196 с.

Кэмпбелл, Д. Т. Реалистическая теория группового конфликта / Д. Т. Кэмпбелл // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М. : Наука, 1997. – С. 315–335.

Лавринова, Н. И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Лавринова Наталья Игоревна. – Архангельск, 2010. – 201 с.

Лазарева, Э. А. Заголовок в тексте / Э. А. Лазарева. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2004. – 82 с.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.

Лаптева, О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд. 5-е, стереотипное / О. А. Лаптева. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 520 с.

Ларина, Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20/ Ларина Татьяна Викторовна. – М., 2003. – 495 с.

Лебедева, Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) / Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 50–64.

Левашкина, О. Ю. Текст как репрезентант языковой личности в межкультурной коммуникации : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Левашкина Ольга Юрьевна. – Саранск, 2005. – 170 с.

Лекторский, В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.

Леонтович, О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2003. – 399 с.

Леонтьев, А. А. Психоллингвистика / А. А. Леонтьев. – Л. : Наука, 1967. – 118 с.

Леонтьев, А. А. Лингвистическое моделирование речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Наука, 1974.

Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1974. – а. – 219 с.

Леонтьев, А. А. Речевая деятельность / А. А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – М. : Наука, 1974. – б.– С. 21–29.

Леонтьев, А. А. Факторы вариативности речевого высказывания / А. А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности.– М. : Наука, 1974. – в.– С. 29–35.

Леонтьев, А. А. Общение как объект психологического исследования / А. А. Леонтьев // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.

Леонтьев, А. А. Речь в криминалистике и судебной психологии / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, В. И. Батов. – М. : Наука, 1977. – 62 с.

Леонтьев, А. А. Деятельность и общение / А. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1979. – № 1. – С. 121–133.

Леонтьев, А. А. Педагогическое общение / А. А. Леонтьев. – М. : Знание, 1979. – 45 с.

Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.

Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.

Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев – М. : Смысл, 2005. – 288 с.

Леонтьев, А. Н. Общее понятие о деятельности / А. Н. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – М. : Наука, 1974. – С. 5–21.

Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1977. – 304 с

Леонтьев, А. Н. Материалы о сознании / А. Н. Леонтьев // Вестник МГУ. Психология. – 1988. – № 3. – С. 6-25.

Леонтьев, А. Н. Философия психологии / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 285 с.

Литовченко, М. А. Прагматические особенности вербальной атаки в политическом дискурсе (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Литовченко Мария Алексеевна. – Тамбов, 2003. – 193 с.

Ломов, Б. Ф. Общение как проблема общей психологии / Б. Ф. Ломов // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М., 1976.

Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 349 с.

Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц. – М. : Прогресс, 1994. – 269 с.

Лосев, А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев. – М.: УРСС, 2004. – 293 с.

Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – СПб. : Акад. проект, 2002. – 542 с.

Лукина, М. М. Технология интервью: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика» / М. М. Лукина. – М. : АспектПресс, 2005. – 188 с.

Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 335 с.

Луцева, О. А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох (к. XIX – первая четверть XX в.) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Луцева Ольга Александровна. – Таганрог, 1999. – 151 с.

Майданова, Л. М. Агрессивность и речевая агрессия / Л. М. Майданова // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 9–13.

Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб : Питерком, 1999. – 684 с.

Майкова, В. П. СМИ как важный фактор формирования общественного сознания (философский анализ) : дис. ... канд. философских наук: 09.00. 11 / Майкова Валентина Петровна. – М., 2003. – 135 с.

Макара, Ю. Л. Конфликт и его позитивные функции в аргументации (на основании взглядов Л. Козера и Г. Зиммеля) / Ю. Л. Макара // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VII Общероссийской научной конференции, Спб., 20-22июня 2002г. – Спб., 2002. – С. 171-174.

Макаренко, А. С. О взрыве / А. С. Макаренко // Собрание сочинений. – Т. 5. – 1958. – 558 с.

Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Малинова, О. Ю. Тема прошлого в риторике президентов России / О. Ю. Малинова // Pro et Contra. – Май-август, 2011. – С. 106–122.

Малюга, С. Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации / С. Н. Малюга. Изд. 2-е, доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 320 с.

Маркс, Карл. Избранные произведения / Карл Маркс. – Рига : Лиесма, 1979. – Т. 1 – 646 с.

Мартынова, И. А. Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов (на материале современной англоязычной литературы) :

дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Мартынова Ирина Анатольевна. – Самара, 2006. – 174 с.

Мартынова, Ю. А. Лингвопрагматический аспект формирования системы ценностей в политическом дискурсе [электронный ресурс] / Ю. А. Мартынова // Режим доступа <http://pr.tsu.ru>

Маслов, А. А. Восток-Запад: история и конфликты в современном мире : учеб. пособие / А. А. Маслов. – М. : Изд-во РУДН, 2008. – 134 с.

Матвеева, Т. В. Лексическая экспрессивность в языке : учеб. пособие / Т. В. Матвеева. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 82 с.

Медвецкий, А. Особенности подготовки и использования аналитических материалов [электронный ресурс] / А. Медвецкий // Режим доступа <http://www.csef.ru/>

Мелехова, Н. А. Исповедальное телевизионное интервью как речевой жанр масс-медиального дискурса : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мелехова Наталья Анатольевна. – Ярославль, 2010. – 238 с.

Мелих, Ю. Б. Конфликтология: Анализ теоретических подходов : учеб.-методич. пособие / Ю. Б. Мелих. – М. : МАКС Пресс, 2004. – 148 с.

Мертон, Р. Фокусированное интервью / Р. Мертон, М. Фиске, П. Кендалл. – М. : Институт молодежи, 1991. – 85 с.

Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 870 с.

Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – 632 с.

Мириманова, М. С. Конфликтология / М. С. Мириманова. – М. : Academia, 2003. – 318 с.

Миронова, Т. А. Деструкция диалога в современном медиапространстве [электронный ресурс] / Т.А. Миронова // Режим доступа <http://archive.nbuv.gov.ua>

Михайлова, О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания / О. А. Михайлова // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С.15–26.

Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М. : URSS, 2008. – 252 с.

Михальская, А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М. Изд. Центр “Academia”, 1996. – а.– 192 с.

Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово / А. К. Михальская. – М., Просвещение, 1996. – б.– 416 с.

Мишланов, В. А. Языковые и речевые признаки манипулятивных текстов / В. А. Мишланов // Юрислингвистика – 8: русский язык и современ-

ное российское право: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 216–221.

Мишланов, В. А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста / В. А. Мишланов, А. В. Голованова, В. А. Салимовский. – Пермь : Ред.-изд. отдел Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2011. – 367 с.

Мишланов, В. А. К теоретическим основаниям судебной лингвистики [электронный ресурс] / В. А. Мишланов, В. А. Салимовский // Режим доступа <http://siberia-expert.com>

Мкртчян, Т. Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мкртчян Тамара Юрьевна. – Ростов н/Д, 2004. – 181 с.

Московичи, С. Социальная психология / С. Московичи. – М. : Питер, 2007. – 591 с.

Мулькеева, В. О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Мулькеева Валерия Олеговна. – СПб., 2005. – 190 с.

Муравьева, Н. В. Речевые механизмы коммуникативных конфликтов (на материале текстов массовой информации) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Муравьева Наталья Валентиновна. – М., 2002. – 451 с.

Муравьева, Н. В. Речевая агрессия как форма проявления конфликтного сознания журналиста [электронный ресурс] / Н. В. Муравьева // Режим доступа www.tolerance.ru

Мурзин, Л. Н. Лингвистическое моделирование и деривация речевой деятельности / Л. Н. Мурзин // Деривация в речевой деятельности (общие вопросы, текст, семантика). Тез. науч. теор. конф. – Пермь, 1988. – С. 19–21.

Наместникова, И. В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен : дис. ... д-ра философских наук: 09.00.11 / Наместникова Ирина Викторовна. – М., 2003. – 330 с.

Нестерова, О. А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Нестерова Ольга Александровна. – М., 2010. – 41 с.

Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики : учеб. пособие / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.

Новиков, К. Ю. Психология массовой коммуникации: Механизмы. Практика. Ошибки / К. Ю. Новиков. – М. : АспектПресс, 2007. – 123 с.

Одинцов, В. В. Композиционные типы речи / В. В. Одинцов // Функциональные типы речи. – М : Высшая школа, 1982. – 223 с.

Олешков, М. Ю. Педагогический дискурс : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / М. Ю. Олешков. – Ниж. Тагил, Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2012. – 310 с.

Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Олянич Андрей Владимирович. – Волгоград, 2004. – а. – 602 с.

Олянич, А. В. Драматургия политического и военно-политического конфликта в массово-информационном дискурсе (стратегии презентации «своих» и «чужих») / А. В. Олянич // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – б. – С.303-322.

Орлова, Э. А. Взаимодействие в конфликтной ситуации. Некоторые факторы, определяющие ход взаимодействия / Э. А. Орлова, Л. Б. Филонов // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М. : Наука, 1976. – С.319-342.

Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора / М. А. Осадчий. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 316 с.

Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.

Падучева, Е. В. Референциальные аспекты высказывания (семантика и синтаксис местоименных слов) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Падучева Елена Викторовна. – М., 1982. – 422 с.

Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Панин Виталий Витальевич. – Тюмень, 2004. – 19 с.

Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето. – М. : ГУ ВИСЭ, 2007. – 511 с.

Парсонс, Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева / Т. Парсонс. – М. : АспектПресс, 1999. – 270 с.

Паршина, О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О. Н. Паршина. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.

Паулов, С. В. Трансформация системы политической коммуникации в современной России / С. В. Паулов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – Т. 24. – № 55. – С. 237–242.

Певнева, И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Певнева Ирина Владимировна. – Кемерово, 2008. – 206 с.

Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учебное пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М. : Флинта: Наука, 2011. – 160 с.

Петровская, Л. А. О понятийно схеме социально-психологического анализа конфликта / Л. А. Петровская // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – С. 126–143.

Плотникова, О. А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Плотникова Ольга Анатольевна. – Омск, 2007. – 180 с.

Поздняков, А. А. Гендерные и индивидуально-личностные различия поведенческих паттернов в организационных конфликтах : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Поздняков Алексей Алексеевич. – Тамбов, 2006. – 208 с.

Полякова, С. Е. Коммуникативные неудачи в англоязычном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Полякова Светлана Евгеньевна. – СПб., 2009. – 20 с.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средствах массовой информации / Отв. ред. Симонов А. К. – М. : Права человека, 1997. – 128 с.

Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 60 с.

Постовалова, В. И. Этическая оценка другого и самооценка в православной духовной традиции (на материале эпистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова) / В. И. Постовалова // Логический анализ языка: язык этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 406–416.

Потемкин, А. В. Коммуникативные неудачи при идентификации референта : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Потемкин Андрей Анатольевич. – М., 1994. – 160 с.

Поцелуев, С. П. Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества : автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Поцелуев Сергей Петрович. – Ростов н/Д, 2010. – 45 с.

Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, Ваклер, 1999. – 348 с.

Почепцов, Г. Г. Психологические войны / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2002. – 528 с.

Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2006. – 651 с.

Практическая психодиагностика. Методики и тесты. – Самара : ИД «Бахрах», 1998. – 669 с.

Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / И. В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 472 с.

Приходько, А. Н. Статус оценочной модальности в языке / А. Н. Приходько // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сериф «Филология. Социальные коммуникации». – Том 24 (63). – № 3. – 2011. – С. 260–264.

Пронин, Э. А. Социально-политические конфликты современности: теоретические модели и социальная практика : автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Пронин Эдуард Анатольевич. – М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2004. – 51 с.

Просвиркина, И. И. Лингводидактический аспект толерантной речевой коммуникации / И. И. Просвиркина. – Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 247 с.

Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.

Прохоров, Ю. Е. Русское коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М. : Флинта, 2006. – 238 с.

Прохорова, К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности / К. В. Прохорова. – СПб : Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2005. – 80с.

Прошанов, С. Л. Социология конфликта / С. Л. Прошанов. – М. : АП-КиППРО: Fcademia, 2006. – 97 с.

Психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.

Психологический словарь / Ред. В. В. Давыдов, А. В. Запорожец, Б. В. Ломов и др. – М. : Педагогика, 1983. – 448 с.

Психология и этика делового общения / Под ред. В. Н. Лавриненко – М. : ЮНИТИ, 2001. – 326 с.

Раскин, В. В. К теории языковых подсистем / В. В. Раскин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 15 с.

Ратмайр, Ренате. Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении / Ренате Ратмайр. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 456 с.

Растатуева, С. Г. Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Растатуева Светлана Геннадиевна. – Елец, 2008. – 173 с.

Ревзин, И. И. Модели языка / И. И. Ревзин. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 191 с.

Ревзина, О. Г. О соотношении языка и дискурса / О. Г. Ревзина // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. Международная конференция. Тезисы докладов. 22-24 апреля, 1997 г. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Ч. I. – С. 69–71.

Репкова, Татьяна. Новое время: Как создать профессиональную газету в демократическом обществе / Татьяна Репкова. – М. : ООО «Атлантис», 2001. – 468 с.

Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / под ред. Л. М. Майдановой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 117 с.

Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Ред. Е. Ф. Тарасов, Н. А. Безменова, Л. Г. Лузина и др. – М. : Наука, 1990. – 136 с.

Романов, А. А. Коммуникативная интенция говорящего и структура текста / А. А. Романов // Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи: Межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т. иностр. языков, 1983. – С.54–57.

Романов, А. А. Управленческая риторика / А. А. Романов, А. А. Ходырев. – Тверь : ТГСХА, 2002. – 474 с.

Романова, Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность / Т. В. Романова. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.

Романова, Т. В. Человек и время. Язык. Дискурс. Языковая личность / Т. В. Романова. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. – 248 с.

Роттердамский, Эразм. Похвала глупости / Эразм Роттердамский. – М.: Эксмо, 2006. – 638 с.

Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2001. – 702 с.

Рудов, П. А. Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рудов Павел Анатольевич. – Новосибирск, 2005. – 216 с.

Руженцева, Н. Б. Базовые ценности межнационального дискурса в заголовках первой русской газеты в Африке / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (42). – С. 34–39.

Руженцева, Н. Б. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – 292 с.

Румянцева, Т. Г. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке / Т. Г. Румянцева. – Минск : Университетское, 1991. – 150 с.

Русакова, О. Ф. Критический дискурс-анализ / О. Ф. Русакова, Е. В. Ишменев // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург : Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – С. 36–48.

Русакова, О. Ф. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Екатеринбург : УрО РАН, Институт

международных связей, 2008. – 340 с.

Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. Отв. ред. Т. Г. Винокур, Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1993. – 224 с.

Русский язык в его функционировании. Уровни языка. Отв. ред. Д. Н. Шмелев, М. Я. Гловинская. – М. : Наука, 1996. – 271 с.

Ручкина, Е. М. Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте (на материале педагогического дискурса) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ручкина Елена Михайловна. – Калуга, 2009. – 184 с.

Ряпосова, А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)» : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ряпосова Анна Борисовна. – Екатеринбург, 2002. – 202 с.

Савельева, Л. В. Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении / Л. В. Савельева. – Петрозаводск: КГПУ, 1997. – 143 с.

Савенкова, Л. Д. Русские паремии как функционирующая система : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Савенкова Людмила Борисовна. – Ростов н/Д, 2002. – 484 с.

Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М. : Высшая школа, 2005. – 310 с.

Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохин. – М. : Альфа-М; ИНФРА-М., 2006. – 288 с.

Саид, Эдвард. Ориентализм. Западные концепции / Эдвард Саид. – СПб. : Русский мир, 2006. – 636 с.

Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении / В. А. Салимовский. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 2002. – 236 с.

Самкова, В. А. Социально-философский аспект дискурса как феномен коммуникативно-знаковой системы / В. А. Самкова // Вестник ВЭГУ. – № 3 (59). – 2012. – С. 110–116.

Саунина, Е. В. Способы речевого воздействия Д. А. Медведева (на материале статьи «Россия, вперед!» и Послания Федеральному собранию) / Е. В. Саунина // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. – Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. – С. 10–13.

Сафронов, В. А. Конфликтное функционирование языка как объект лингвистической конфликтологии: Магистерская диссертация / Сафронов Василий Александрович. – Барнаул, 2006. – 62 с.

Светоносова, Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: Дис. канд. филол. наук:

10.02.20 / Светоносова Татьяна Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 174 с.

Сгонникова, Е. М. Проблемы образования, науки и культуры / Е. М. Сгонникова // Известия Уральского государственного университета. – Выпуск 24. – № 80. – 2008. – С. 70–75.

Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистические аспекты / К. Ф. Седов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 179 с.

Седов, К. Ф. Жанр и коммуникативная компетентность / К. Ф. Седов // Хорошая речь. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2001. – С.109–131.

Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

Седов, К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [электронный ресурс] / К.Ф. Седов [http:// Режим доступа](http://www.dialog-21.ru)

Седых, А. П. Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В. В. Путина и А. Меркель / А. П. Седых // Политическая лингвистика. – 2012. – Выпуск (2) 40– С. 39–45.

Семененко, П. П. Аспекты лингвистической теории монолога / П. П. Семененко. – М. : Моск. гос. лингвист. ун-т, 1996. – 323 с.

Синельникова, Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса / Л. Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1 (31). – С. 34–38.

Сиротинина, О. Б. Тексты, текстониды, дискурсы в зоне разговорной речи / О. Б. Сиротинина // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1994. – С. 105–124.

Сиротинина, О. Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып. 8. – С. 5–13.

Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 16–28.

Сковородников, А. П. Вопросы экологии русского языка : учеб. пособие / А. П. Сковородников. – Красноярск, 1993.

Сковородников, А. П. Языковое насилие в современной российской прессе / А. П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. – Вып. 2. – Красноярск-Ачинск : Изд-во Краснояр. ун-та. – 1997. – С. 10–15.

Сковородников, А. П. О необходимости разграничения понятий «ри-

торический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика – Лингвистика. – Вып. 5. – Смоленск. – 2004. – С. 5–11.

Сковородников, А. П. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 479 с.

Скребнев, Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.

Скрябина, О. Б. Педагогические условия формирования коммуникативной толерантности у старшеклассников : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.06 / Скрябина Ольга Борисовна. – Кострома, 2000. – 22 с.

Славгородская, Л. В. Научный диалог / Л. В. Славгородская. – Л.: Наука, 1986. – 166 с.

Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с.

Словарь основных психолого-педагогических понятий. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1998. – 45 с.

Смирнова, М. Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Смирнова Марина Николаевна. – М., 2003. – 165 с.

Соболева, С. М. Перспективы лингвистической прагматики [электронный ресурс] / С.М. Соболева // Режим доступа <http://www.vladivostok.com>

Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 592 с.

Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 864с.

Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.

Солганик, Г. Я. Стилистика газетных жанров / Г. Я. Солганик. – М. изд-во МГУ, 1981. – 229 с.

Сорокин, Ю. А. Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации / Ю. А. Сорокин // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 187–195.

Соловьева, Н. В. Толерантность в речевой коммуникации / Н. В. Соловьева. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2012. – 153 с.

Спенсер, Герберт. Опыты научные, политические и философские /

Герберт Спенсер. – Минск: Совр. литератор, 1998. – 1407 с.

Стексова, Т. И. Угроза как речевой жанр / Т. И. Стексова // Функциональный аспект значимых единиц русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. – Новокузнецк : Новокузнецкий гос. пед. ин-т, 1992. – С. 6–11.

Стексова, Т. И. Речевая агрессия в Интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т. И. Стексова // Политическая лингвистика. – 2013. – Вып. 3 (45). – С. 77–81.

Степанов, В. Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / В.Н. Степанов. – СПб, 2004. – 380 с.

Степанов, Ю. С. В поисках прагматики / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Серия литература и язык. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325–332.

Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М. : Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 123–145.

Степанова, М. А. Диалогичность коммуникации в жанре интервью в современной немецкой прессе (на материале журнала “Der Spiegel”) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Степанова Мария Алексеевна. – М., 2006. – 259 с.

Степко, М. Л. Речевые средства выражения инвективных смыслов в жанре комментария публицистического дискурса (на материале современного английского языка). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Степко Мирослава Львовна. – Майкоп, 2008. – 195 с.

Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 252 с.

Стернин, И. А. Практическая риторика / И. А. Стернин. – М. : Академия, 2003. – 272 с.

Стрельникова, М. А. Национальные особенности речевого жанра телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Стрельникова Марина Анатольевна. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 18 с.

Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Наука, 1989. – 246 с.

Сурова, Е. А. Полоролевая характеристика комплиментной интеракции : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сурова Елена Александровна. – Ульяновск, 2007. – 148 с.

Сусов, И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И.П. Сусов // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1988. – С. 7-13.

Сусов, И. П. Личность как субъект языкового общения / И. П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. трудов. – Калинин: Изд-во Калининского университета, 1989. – С. 9–16.

Сухих, С. А. Речевые интеракции и стратегии / С. А. Сухих // Языковое общение и его единицы. – Калинин, 1986. – С.71–77.

Сухих, С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Сухих Станислав Алексеевич. – Краснодар, 1998. – 257 с.

Сухих, С. А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С. А. Сухих, В. В. Зеленская. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1998. – 159 с.

Сухих, С.А. Личность в коммуникативном процессе / С.А. Сухих. – Краснодар: ЮИМ, 2004. – 156 с.

Тагильцева, Ю. Р. Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России / Ю. Р. Тагильцева // Политическая лингвистика. – 2010. – № 4 (342). – С. 171–175.

Тарасов, Е. Ф. Социолингвистические проблемы речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов // Основы теории речевой деятельности. – М. : Наука, 1974. – С. 255–273.

Тарасов, Е. Ф. К построению теории речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – М. : Наука, 1979. – С. 5–147.

Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С.7–22.

Тарасов, Е. Ф. Проблемы теории речевого общения / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2 (12). – С. 20–26.

Ташева, А. И. Исследование семантического поля понятия «конфликт» как один из способов диагностики уровня развития малой группы / А. И. Ташева // Проблемы развития личности и коллектива. – Ростов н/Д, 1986. – С. 86–91.

Телия, В. Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки / В. Н. Телия // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In memogram Е. М. Вольф. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 31–38.

Теплякова, Е. К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Теплякова Елена Константиновна. – Тамбов, 1998. – 158 с.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово / Slovo, 2000. – 624 с.

Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 352 с.

Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для

студентов вузов / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 350 с.

Тираспольский, Л. Виртуальная мистерия [электронный ресурс] / Л. Тираспольский, В. Новиков Режим доступа <http://www.netslova.ru>

Трахтенберг, А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания / А. Д. Трахтенберг // Полис. – 2006. – № 4. – С. 44–60.

Трескова, С. И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации (Принципы измерения языковой вариативности) / С. И. Трескова. – М. : Наука, 1989. – 152 с.

Третьякова, В. С. Конфликт глазами лингвиста / В. С. Третьякова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 127-140.

Третьякова, В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Третьякова Вера Степановна. – Екатеринбург, 2003. – а.– 301 с.

Третьякова, В. С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Проблемы образования, науки и культуры. – Выпуск 14. – № 27. – 2003. – б. – С. 143–152.

Троянов, В. Н. Научный спор с установкой одного из коммуникантов на конфликт / В. Н. Троянов // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – С.93–98.

Улимбашева, Э. Ю. Категория вежливости в разных лингвокультурных традициях (На материале русского, английского и кабардинского языков): Дис.... канд. филол. наук: 10.02.19 / Улимбашева Эмма Юрьевна. – Нальчик, 2003. – 141 с.

Ускова, О. А. Пространственно-временной континуум метаязыка бизнеса в парадигмах логики и синергетики / О. А. Ускова // Синергия культуры: Труды Всероссийской конференции. – Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т, 2001. – С. 179–190.

Устинова, Е. В. Цитата как вербальный инструмент манипуляции в англоязычном политическом дискурсе США : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Устинова Елена Викторовна. – Волгоград, 2011. – 21 с.

Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1216 с.

Федоров, Б. И. Прогностическая функция философии образования [электронный ресурс] / Б. И. Федоров Режим доступа <http://ecsocman.hse.ru>

Федорова, А. Л. Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Федорова Анна Леонидовна. – Уфа, 2004. – 187 с.

Федорова, Л. Л. Прямое выражение агрессии в речевом общении / Л. Л. Федорова // Агрессия в языке и речи. – М.: РГГУ, 2004. – С. 219-232.

Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – № 5. – 1997. – С. 102-120.

Фестингер, Л. Введение в теорию диссонанса / Л. Фестингер // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С.97–110.

Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер: Пер. с англ. – СПб. : «Ювента», 1999. – 318 с.

Фещенко, Л. Г. Редактирование газетного текста: Жанровый аспект : учеб. пособие для студентов ф-та журналистики. – СПб. : Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2004. – 77 с.

Фирсова, Н. М. Испанский речевой этикет / Н. М. Фирсова. – М.: Высшая школа, 1991. – 174 с.

Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Фомин Андрей Геннадьевич. – Барнаул, 2004. – 357 с.

Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

Формановская, Н. И. Ритуалы вежливости и толерантность / Н. И. Формановская // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. – С.345–362.

Формановская, Н. И. Вежливость и толерантность как коммуникативные механизмы снижения речевой агрессии / Н. И. Формановская // Агрессия в языке и речи. – М. : РГГУ, 2004. – С.207–218.

Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : «ИКАР», 2007. – 480 с.

Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 605 с.

Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М. : ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. – 568 с.

Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: АСТ, 1999. – 670 с.

Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз) : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Фурманова Валентина Павловна. – М., 1994.– 475 с.

Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас. – 2-е изд., испр. – М. : Издательство «Весь Мир», 2008. – 416 с.

Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 13.00.02, 10.02.19 / Халеева Ирина Ивановна. – М., 1990. – 36 с.

Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, Астрель, 2011. – 571 с.

Харченко, Е. В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных сферах : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Харченко Елена Владимировна. – Москва, 2004. – 470 с.

Хасан, Б. И. Парадоксы конфликтофобии / Б. И. Хасан // Философская и социологическая мысль. – 1990. – № 6. – С. 63–74.

Хохлова, Н. В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хохлова Надежда Владимировна. – Самара, 2004. – 198 с.

Храковский, В. С. О правилах выбора «вежливых» императивных форм (опыт формализации на материале русского языка) / В.С. Храковский // Известия АН СССР. Серия литература и язык. – 1981. – Т. 39. – № 3. – С. 269–279.

Хруненкова, А. В. Интолерантные формы речевого общения в дискурсе современной драматургии : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Хруненкова Анна Валентиновна. – СПб., 2010. – 242 с.

Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Народное образование. – № 2. – 2003. – С. 58–64.

Цветкова, Л. А. Коммуникативная компетентность / Л. А. Цветкова // Психология. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 371–374.

Цой, Л. Н. Практическая конфликтология. Книга первая / Л. Н. Цой. – М. : «Глобус», ООО ИЦП, 2001. – 233 с.

Цурикова, Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Цурикова Любовь Васильевна. – Воронеж, 2002. – 324 с.

Цурикова, Л. В. Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход / Л. В. Цурикова // Вестник Воронежского государственного университета. – 2003. – № 2. – С. 162–182.

Чаадаев, П. Я. Философические письма к даме / П. Я. Чаадаев. – М. : Захарев, 2007. – 157 с.

Чепкина, Э. В. Дискурсивные практики формирования оппозиции «свой – чужой» в районной прессе (на материале газет Пермской области) / Э.В. Чепкина // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С.287–302.

Черепанова, И. Ю. Человек манипулирующий (Суггестия в коммуникации) / И. Ю. Черепанова // Человек говорящий: язык, познание, культу-

ра. – Москва-Тверь : ИЯ РАН, 1995. – С. 115–123.

Черникова, В. Е. / В. Е. Черникова, Е. Н. Молчанова, Л. Е. Климова. Масс-медиа и информационная культура. – Ставрополь : Мир данных, 2007. – 187 с.

Чернышенко, О. В. Политический процесс на Ближнем Востоке в современных средствах массовой информации : дис. ... канд. политических наук: 23.00.04 / Чернышенко Ольга Викторовна. – Пятигорск, 2010. – 234 с.

Чернышова, Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 207–214.

Чернышова, Т. В. Узуально-стилевой комплекс как механизм порождения инвективного высказывания в сфере газетной публицистики / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика – I: проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 143–149.

Чернышова, Т. В. Аномальность как аспект изучения интенционального компонента конфликтного текста, вовлеченного в сферу судебного разбирательства / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика-6: инвективное и манипулятивное функционирование языка: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 273–286.

Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

Чернявская, В. Е. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих» / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыхенко. – М. : ЛЕНАНД, 2014 – 200 с.

Чернявская, Т. В. Гендерные характеристики языковой личности в политике / Т. В. Чернявская // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. – Волгоград : ФГОУ ВПО «Волгоград. акад. гос. службы», 2007. – С. 112-115.

Черняк, В. Д. Конфликтность и толерантность в заглавиях текстов массовой литературы / В. Д. Черняк // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации : коллект. моногр. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. – С. 432–444.

Черняк, В. Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Вестник ТГПУ. Серия Гуманитарные науки (филология). – Выпуск 3 (47). – 2005. – С. 96–100.

Черняк, В. Д. Лексическое воплощение агрессивности как социокульт-

турной доминанты в современной беллетристике / В. Д. Черняк // Язык. Культура. Проблемы обучения : сборник статей, посвященных юбилею доктора филологических наук, профессора Р. М. Теремовой. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2007. – С. 19–21.

Чубай, С. А. Диалогичность современной политической рекламы : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чубай Светлана Анатольевна. – Волгоград, 2007. – 218 с.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский гуманитарный институт, 2003. – а. – 194 с.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – б. – 248 с.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М. : Изд-во «Флинта», «Наука». 2006. – 254с.

Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – а – 292 с.

Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – Вып. 2 (40). – С. 53–59.

Шалацкий, Д. Л. Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе / Д. Л. Шалацкий // Политическая лингвистика. – 2014. – Вып. 1 (47). – С. 206–211.

Шамсутдинова, Е. Ю. Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шамсутдинова Екатерина Юрьевна. – М., 2006. – 261 с.

Шарадга, Таксин. Роль средств массовой информации в укреплении национальной безопасности Хашимитского Королевства Иордания : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Таксин Мохд Анис Хасан Шарадга. – М., 2013. – 195 с.

Шарифуллин, Б. Я. Лингвистическая экология: национальные и региональные проблемы / Б. Я. Шарифуллин // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. – Вып. 1. – Красноярск-Ачинск: Изд-во Красноярского ун-та, 1996. – С.9–11.

Шарифуллин, Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы / Б. Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права:

- Межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 125–137.
- Шарков, Ф. И.** Основы теории коммуникации / Ф. И. Шарков. – М. : Социальные отношения, Перспектива – 2005. – 248 с.
- Шахнарович, А. М.** Языковая личность и языковая способность / А. М. Шахнарович // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: Сб. ст. – М. : Ин-т. рус. яз. РАН, 1995. – С. 213–223.
- Шебураков, И. Б.** Формирование толерантности государственного служащего к негативным психологическим воздействиям профессиональной среды : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Шебураков Илья Борисович. – М., 2002. – 158 с.
- Шевченко, О. А.** Когнитивная модель дискурса интервью (на материале современной англоязычной прессы) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шевченко Оксана Александровна. – Тольятти, 2006. – 210 с.
- Шейгал, Е. И.** Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 413 с.
- Шейгал, Е. И.** Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 368 с.
- Шейгал, Е. И.** Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. 2 (22). – С. 86-93.
- Шейгал, Е. И.** Власть как концепт и категория дискурса [электронный ресурс] / Е. И. Шейгал // Режим доступа <http://www.gumer.info>
- Шейнов, В. П.** Конфликты в нашей жизни и их разрешение / В. П. Шейнов. – Минск : Амалфея, 1996. – 288 с.
- Шестопал, Е. Б.** Политическая психология / Е. Б. Шестопал. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 341 с.
- Шилихина, К. М.** Ирония в политическом диалоге / К. М. Шилихина // Политическая лингвистика. – 2011 – Выпуск (4) 38. – С. 177-182.
- Широкова, Е. Н.** Темпоральный код языка и его эмотивный субкод / Е. Н. Широкова. – Н. Новгород : Нижегородский государственный педагогический университет, 2010. – 189 с.
- Ширяев, Е. Н.** Культура речи как особая теоретическая дисциплина / Е. Н. Ширяев // Культура речи и эффективность общения. – М. : Наука, 1996. – с. 7–40.
- Шляхтина, Е. В.** Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шляхтина Елена Васильевна. – Ярославль, 2009. – 213 с.
- Шмелева, Т. В.** Модус и средства его выражения в высказывании / Т. В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – С. 168–202.
- Шмелева, Т. В.** Кодекс речевого поведения / Т. В. Шмелева // Культура речи: Сборник статей и материалов. – Великий Новгород : РУРО, 1998.

– С. 49–56.

Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // *Жанры речи: сб. науч. статей.* – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88–97.

Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М., Л. : Наука, 1966. – 304 с.

Штракс, Г. М. Социальное противоречие / Г. М. Штракс. – М. : Мысль, 1977. – 158 с.

Шубина, Н. Л. Об адаптивных процессах в современной спонтанной речи / Н. Л. Шубина // *Аспекты речевой конфликтологии.* – СПб., 1996. – С. 13–24.

Щеглова, Л. В. Культура и этнос / Л. В. Щеглова, Н. Б. Шипулина, Н. Р. Суродина. – Волгоград : Перемена, 2002. – 152 с.

Щербинина, Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина. – М. : Флинта, 2004. – 221 с.

Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. – М. : КомКнига, 2006. – 360 с.

Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю. В. Щербинина. – М. : Форум, 2012. – 397 с.

Щипицина, Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина. – М. : КРАСАНД, 2010. – 296 с.

Ыйм, Х. Я. Прагматика речевого общения / Х. Я. Ыйм // *Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту.* – Тарту : Тартуский государственный университет, 1985. – С. 196–207.

Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Ин-т гос-ва и права, 1995. – 316 с.

Юрина, М. В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью (на материале современ- прессы ФРГ) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Юрина Мария Валерьевна. – Самара, 2006. – 187 с.

Ягубкин, В. Интеграция – центральный концепт общественно-политических дискурсов [электронный ресурс] / В. Ягубкин // Режим доступа <http://www.politrus.com>

Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов // *Методологические проблемы социальной психологии.* – М. : Наука, 1975. – С. 89–105.

Яицкая, Т. В. Русский речевой этикет (категория вежливости) и способы его выражения в драматургии А. Н. Островского / Яицкая Татьяна Вячеславовна : дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 1999. – 172 с.

Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // *Структурализм: за и против.* – М., 1975. – С. 193–230.

Яковец, Ю. В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая

проблема XXI века / Ю. В. Яковец. – Доклад к IV Международной Кондратьевской конференции и XV Междисциплинарной дискуссии. – Москва, 16–18 мая 2001 г. – 74 с.

Ясперс, К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

A Concise Glossary of Feminist Theory. Eds. By S. Andermahr, T. Lovell, C. Wolkowitz. – London : Arnold, 1997. – 287 p.

Argyle, M. Social Situations / M. Argyle, A. Furnham, J. Graham. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 453 p.

Bandura, A. Aggression: A Social Learning Analysis / A. Bandura. – New York: Prentice Hall, 1973. – 390 p.

Bandura, A. Adolescent Aggression / A. Bandura, R. H. Walters. – New York : Ronald Press Co., 1959. – 475 p.

Baron, R. A. Human Aggression (Perspectives in Social Psychology) / R. A. Baron, D. R. Richardson. – New York : Plenum, 1994. – 419 p.

Berens, F.-J. Analyse der Sprachverhaltens im Redekonstellationstyp “Interview”. Eine imperische Untersuchung. – München : Max Hueber Verlag, 1975. – 204 S.

Borneman, E. Das Patriarchat. Ursprung und Zukunft unseres Gesellschaftssystems / E. Borneman. – Frankfurt/Main: Fischer Taschen Buch Verlag, 1979. – 693 S.

Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

Buss, D. M. Human Aggression in Evolutionary Psychological Perspective / D. M. Buss, T. D. Shackelford // Clinical Psychological Review. – Vol. 17. – № 6. – 1997. – pp. 605–619.

Coser, L. Conflict: Social Aspects / L. Coser // International Encyclopedia of the Social Sciences. Ed. By D. Sill. Vol 3.: USA, 1968. – P. 232 – 236.

Daly, M. Some Differential Attributes of Lethal Assaults on Small Children by Stepfathers Versus Genetic Fathers / M. Daly, M. Wilson // Ethnology & Sociobiology – 15. – 1994– pp. 207–217.

Diamond, J. Status and Power in Verbal Interaction / J. Diamond. – Amsterdam, 1996. – 328 p.

Deutsch, M. Distributive Justice: A Social-Psychological Perspective / M. Deutsch / American Journal of Psychology. – Vol. 92 – Issue 5 – 1987. – pp. 1262–1264.

Ervin-Trip, S. M. Sociolinguistics / S. M. Ervin-Trip // Advances in the Sociology of Language / ed. by J.A. Fishman. – The Hague: Mouton, 1976. – Vol. 1. – P. 15–91.

Goffman, E. On Face Work / E. Goffman // Interaction Ritual. – New York: Anchor Books, 1967. – P. 5–46.

Griffin, E. A. *A First Look at Communicational Theory* / E. A. Griffin. – Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2009. – 486 p.

Hahn, M. *Overcoming Communication Barriers between People* [электронный ресурс] / M. Hahn. // Режим доступа <http://ezinearticles.com>

Hahn, M. *Ten Commandments of Intercultural Communication* [электронный ресурс] / M. Hahn. // Режим доступа <http://ezinearticles.com>

Harris, Z. *Discourse Analysis* / Z. Harris // *Language*. – 1952. – V. 28. – № 1. – P. 1–30.

Hodulik, P. *Racist Speech on Campus* / P. Hodulik. // *Wayne Law Review*. – 1991. – # 37. – pp. 1433–1449.

Huesmann, R. *Aggressive Behaviour: Current Perspectives* / R. Huesmann. – New York: Plenum Press, 1994. – 305 p.

Hymes, D. *The Ethnography of Speaking* / D. Hymes // *Anthropology and Human Behaviour* / eds. Th. Gladwith, W. Sturtevant. – Washington, DC : Anthropological Society of Washington, 1962. – p. 13–53.

Hymes, D. *Models of the Interaction of Language and Social Life* / D. Hymes // *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / eds. J. J. Gumperz, D. Hymes. – N.Y.: Holt, Reinhart and Winston, 1972. – p. 35–71.

Jespersen, O. *Language: Its Nature, Development and Origin* / O. Jespersen. – London : Allen & Unwin, 1922. – 448 p.

King, P. *The Problem of Tolerance: Government and Opposition* / P. King // *The London School of Economics and Political Science*. – London : Univ. of London, 1971. – p. 172–207.

Leech, G. *Principles of Pragmatics* / G. Leech. – London : Longman, 1983. – 321 p.

Levine, J. *Social Foundations of Cognition* / J. Levine, L. Pesnick, E. Higgins // *Annual Review of Psychology*. – 1993. – № 44. – p. 585–612.

Malamuth, N. *Evolutionary Psychology and Sexual Aggression* / N. Malamuth, M. Heilmann // C. B. Crawford, & D. Krebs (Eds.) *Handbook of Evolutionary Psychology: Ideas, Issues and Applications*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1998. – pp. 515–542.

Mauthner, F. *Beitrage zu einer Kritik der Sprache* / F. Mauthner. – Frankfurt am Mein, Berlin, Wien: Ullstein, 1982. – 718 S.

Mendus, S. *Toleration and the Limits of Liberalism* / S. Mendus. – Basingstoke and London: Macmillan, 1989. – 171 p.

Merton, R. K. *The Focused Interview* / R. K. Merton, M. Fiskie, L. P. Kendall. – New York: The Free Press, 1990. – 200 p.

Morris, C. W. *Foundations of the Theory of Signs* / C. W. Morris. – Chicago: University of Chicago Press, 1938. – 59 p.

Nowak, J. *Constitutional Law* / J. Nowak, R. Rotunda, J. Young. – St. Paul: West Publishing Co., 1986. – 974 p.

Saad, H. The Case for Prohibitions of Racial Epithets in the University Classroom / H. Saad // *Wayne Law Review*. – 1991. – # 37. – pp. 1351–1362.

Schiffrin, D. *Approaches to Discourse* / D. Schiffrin. – Cambridge, Massachusetts : Blackwell Publishers, 1994. – 470 p.

Tedeschi, J. T. *Violence, Aggression, and Coercive Actions* / J. T. Tedeschi, R. B. Felson. – Washington DC : American Psychological Association. – 463 p.

Trudgill, P. *Sociolinguistics. An Introduction to Language and Society*. – Harmondsworth : Penguin, 1984. – 204 p.

Usami, M. *Discourse Politeness Theory and Cross-Cultural Pragmatics* / M. Usami // *Readings in Second Language Pedagogy and Cross-Cultural Acquisition in Japanese Context*. – 2006, vi. – pp.19–41.

Zillmann, D. *Hostility and Aggression* / D. Zillmann. – Hillsdale, NJ. : 1979. – 422 p.

Научное издание

Кошкарова Наталья Николаевна

КОНФЛИКТНЫЙ И КООПЕРАТИВНЫЙ ТИПЫ ДИСКУРСА
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Подписано в печать 14.10.2021.

Формат 60 x 80 $\frac{1}{16}$

Усл. печ. л. 5,3. Уч. изд. л. 3,4.

Тираж 150 экз. Заказ № 601

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
«Два комсомольца»